

Государственный
историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»

Российская ассоциация антиковедов

Античные
Реликвии
Херсонеса:
Открытия,
Находки,
Теории

Материалы международной научной конференции
Севастополь, 10-12 октября 2017 года

Севастополь
2017

**State Historical and Archaeological Museum Preserve of
Tauric Chersonese**

Russian Association for Classical Studies

**Ancient
Relics of
CHersonese:
Openings to
Notions**

**Proceedings of the International Academic Conference
Sevastopol, 10-12 October 2017**

Sevastopol
2017

УДК 94(902 + 904)»652»(063)

*Издается по решению Ученого Совета ФГБУК
«Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»*

**Античные Реликвии Херсонеса: Открытия,
Находки, Теории** / Материалы международной научной
конференции, Севастополь, 10-12 октября 2017 года / Ред. сост.
Д.А.Костромичев. – Саки: ИП Бровко А.А., 2017. – 328 с.

Издание осуществлено при поддержке Российского Фонда
Фундаментальных Исследований. Проект 17-01-14011 «АРХОНТ.
Археологические реликвии Херсонеса: Открытия, Находки,
Теории». Руководитель проекта Л.В. Седикова.

УДК 94(902 + 904)»652»(063)

© Коллектив авторов, 2017

© ФГБУК ГИАМЗ "Херсонес Таврический", 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Азизова Г.Н., Павличенко Н.А., Чернова Н.В., Швиль Л.М.</i> Коллекция эстампажей Русского археологического института в Константинополе и одна из методик реставрации эстампажей.	14
<i>Алексеева Е.М.</i> Некрополь Горгииппии. Комплекс гробниц 1975 г. Интерпретация.	18
<i>Аржанов А.Ю.</i> Рельефы из Херсонеса в собрании Британского музея.	27
<i>Белоусов А.В., Винокуров Н.И., Трейстер М.Ю.</i> Серебряные канфары из слоя пожара 46/47 г. времени боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье.	31
<i>Былкова В.П.</i> Комплекс керамики позднего хронологического периода на Белозерском поселении.	39
<i>Вдовиченко И.И.</i> Скифосы с соевой из раскопок Херсонеса Таврического.	44
<i>Габелко О.Л.</i> «...Κατὸς βασιλεὺς Φαρνάκης ἄγει»: еще раз о датировке и интерпретации IOSPE I ² 402.	47
<i>Гинькут Н.В.</i> Античные памятники Гераклейского полуострова в восприятии путешественников конца XVIII-первой половины XIX вв.	53
<i>Дзnelадзе Н.</i> Аттические расписные вазы из могильника Пичвнари V-IV вв. до н.э. (результаты раскопок в 1998-2015 гг.)	57
<i>Дорошко В.В.</i> О границах Херсонесского государства на Гераклейском полуострове в античную эпоху в свете новых данных	58
<i>Дорошко О.П.</i> Кухонные гончарные ойнохои «эгейского типа» из раскопок Херсонеса Таврического и его округи	63
<i>Дубинина Л.И.</i> Античные монеты Херсонеса в собрании Евпаторийского краеведческого музея	69
<i>Егорова Т.В.</i> К вопросу о датировке S-видных эллинистических канфаров.	73
<i>Завойкина Н.В.</i> К вопросу об амфорах с нефтью из Танаиса	79
<i>Застрожнава Е.Г.</i> Репрессии 1930-х гг. и исследователи античного наследия Крыма.	84
<i>Зедгендзе А.А.</i> Начальные этапы исследования Херсонеса Таврического.	88

<i>Зедгенидзе А.А.</i> Проблема освоения территории Гераклеяского полуострова и структура древнейшей хоры.	91
<i>Зинько В.Н., Зинько А.В.</i> Боспорский город Тиритака в свете новых археологических исследований.	94
<i>Избаиш-Гоцкан Т.А., Шкляев И.Н.</i> Пётр Осипович Карышковский-Икар и традиции антиковедения в Одесском университете.	98
<i>Кашаев С.В.</i> Некрополь Артющенко-2. Исследования 2015-2016 гг.	101
<i>Ковалевская Л.А., Созник В.В.</i> Редкий тип эллинистической винодельни на хоре Херсонеса.	105
<i>Кожокару В., Грумеза Л.</i> Херсонес и его древности в проекте BCOSPE	111
<i>Колосов В.П.</i> Амфорная тара из раскопок Мирмекия сезонов 2008-2015 гг.	114
<i>Копылов В.П., Марченко А.А.</i> Греческие краснофигурные кратеры из Елизаветовского городища.	116
<i>Костромичев Д.А.</i> Коллекция пряжек с овально-трапециевидной рамкой из Херсонеса.	120
<i>Краснодубец Е.М.</i> Оттиски личных печатей не керамических изделий из раскопок в районе античного театра Херсонеса Таврического.	128
<i>Кропотов В.В.</i> Золотая подвеска-лунница из Чернореченского могильника.	136
<i>Кузнецова Е.В.</i> Амфоры из некрополя у пос. Заозерное.	141
<i>Ланцов С.Б.</i> Херсонесские усадьбы вблизи Караджинского городища (начало исследований)	146
<i>Минасян Р.С.</i> Золотой ритон из клада в Панагюриште.	155
<i>Митина В.В.</i> Ещё один эпиграфический источник по истории денежного обращения Ольвии.	159
<i>Молев Е.А.</i> Материалы Херсонеса из раскопок Китея.	164
<i>Монахов С.Ю.</i> Керамический комплекс из землянки в помещении 42а (1989 года) в III квартале Херсонеса.	172
<i>Немцев С.О.</i> «Иллюстративная модель» — добавление к «Методам исследования античной торговли» И.Б. Брашинского	177
<i>Нессель В.А.</i> Могильник рубежа эр в горном Крыму	183

<i>Николаенко Г.М.</i> Херсонесское укрепленное поселение на Маячном полуострове	186
<i>Новиченкова-Лукичева К.В.</i> Раннее римское стекло из Южной Таврики.	194
<i>Новоселова Н.Ю.</i> Новые исследования экспедиции Государственного Эрмитажа в XX квартале Херсонесского городища.	197
<i>Новоселова Н.Ю., Ахмадеева М.М.</i> Комплекс рельефной посуды из эллинистической усадьбы XX квартала Херсонеса Таврического	202
<i>Панченко В.В.</i> К вопросу о времени прекращения монетной чеканки античного Херсонеса	207
<i>Печатнова Л.Г.</i> Как Полибий делал из Набиса тирана	216
<i>Прохорова Т.А.</i> «Дорога к музею...» Создание первой экспозиции античной истории в Херсонесе	219
<i>Рыжова Л.А.</i> Стекланные призматические кувшины с клеймами из раскопок Херсонеса	223
<i>Сапрыкин С.Ю.</i> Рельеф из раскопок херсонесского театра.	226
<i>Свиркина Н.Г.</i> Палеодемография Фанагории в римское время (по антропологическим материалам из Восточного некрополя).	234
<i>Сенаторов С.Н.</i> Бронзовые наконечники стрел из античного Херсонеса. Часть I: (по материалам ГИАМЗ «Херсонес Таврический»).	237
<i>Скуридин О.А.</i> Памятник афинским тираноубийцам Гармодию и Аристоклиту, как символ восстановления полисной справедливости.	245
<i>Снытко И.А.</i> О проблеме реконструкции административно-территориального деления ольвийского полиса в античную эпоху.	249
<i>Соколова О.Ю.</i> Коллекция бронзовых изделий из раскопок Нимфея в собрании Государственного Эрмитажа.	253
<i>Суриков И.Е.</i> Могут ли нумизматические данные повлиять на решение вопроса о времени основания Херсонеса Таврического?	258
<i>Трейстер М.Ю.</i> Раннеэллинистические ювелирные изделия в погребениях кочевников Южного Приуралья	261
<i>Турманидзе М.</i> Бусы-подвески из находок в колхских и греческих могильниках V–IV вв. до н. э. в Пичвнари	266
<i>Туrowsкий Е.Я.</i> Херсонес Таврический во второй четверти III в. до н.э.	269

<i>Тюрин М.И.</i> Круглая постройка эллинистического времени из раскопок усадьбы 320 на Гераклеяском полуострове (предварительная публикация)	276
<i>Ушаков С.В.</i> Северо-восточный район Херсонеса в позднеантичный период.	282
<i>Ушакова К.С.</i> Новые данные о керамическом производстве Херсонеса Таврического в эллинистическую эпоху	287
<i>Федосеев Н.Ф.</i> О характере клеймения керамики	292
<i>Халваши М.</i> Хиосские амфоры из Пичвнари	298
<i>Храпунов И.Н., Стоянова А.А.</i> Украшения в догуннском полихромном стиле из предгорного Крыма.	299
<i>Храпунов Н.И.</i> Античные иллюзии путешественников по Крыму конца XVIII — начала XIX вв.	303
<i>Чурекова Н.Б.</i> Астиномы Херсонеса: амфорное клеймение и полисные prerogatives.	307
<i>Шабанов С.Б.</i> Позднеантичные стеклянные блюда с росписью из Северного Причерноморья.	311
<i>Шаликадзе Т.</i> Полихромное стекло классического периода из юго-западной Грузии	318
<i>Шевченко А.В.</i> Фрагменты фигурного сосуда в виде сатира (к вопросу о связях Херсонеса с Египтом в эпоху эллинизма)	322

Contents

<i>Azizova G. N., Pavlichenko N. A., Chernova N. V., Shvil' L. M.</i> The Collection of Squeezes at the Russian Archaeological Institute in Constantinople and One Method of Squeezes Restoration.	14
<i>Alekseeva E. M.</i> The Cemetery of Gorgippia. The Complex of 1975 Tombs. An Interpretation	18
<i>Arzhanov A. Yu.</i> Reliefs from Chersonese in the British Museum Collection.	27
<i>Belousov A. V., Vinokurov N. I., Treyster M. Yu.</i> Silver Kantharoi from the Conflagration Layer from 46/47 AD, the Time of the Bosporan-Roman War, at Artezian Fortified Settlement in the Crimean Azov Sea Area.	31
<i>Bylkova V. P.</i> A Complex of Ceramic Wares from the Latest Chronological Period at the Bilozirka Settlement	39
<i>Vdovichenko I. I.</i> Owl Skyphoi Excavated in Chersonese in Taurica.	44
<i>Gabelko O. L.</i> “...Κατὼς βασιλεὺς Φαρνάκησ᾽ ἄγει”: The Dating and Interpretation of the IOSPE I ² 402 Reconsidered	47
<i>Ginkut N. V.</i> Ancient Archeological Sites of Heracleian Peninsula in Reception of Travelers in the Late 18 th – First Half of 19 th Centuries.	53
<i>Dzneladze N.</i> Attic Painted Pottery from Pichvnari Cemetery from the Fifth and Fourth Centuries BC (The Results of 1998–2015 Excavations).	57
<i>Doroshko V. V.</i> The Borders of the Chersonesan Polity in the Gerakleiskii Peninsula in the Antique Period in the Light of New Data.	58
<i>Doroshko O. P.</i> Cooking Wheel-Made Oenochoes of the “Aegean Type” Excavated in Chersonese in Taurica and Its Environs	63
<i>Dubinina L. I.</i> Antique Coins of Chersonese in the Collection of the Evpatoria Regional Museum	69

<i>Egorova T. V.</i> The Problem of the Chronology of Hellenistic S-Shaped Kantharoi	73
<i>Zavoykina N. V.</i> The Problem of the Naphta Amphorae from Tanais.	79
<i>Zastrozhnova E. G.</i> The 1930s Repressions and the Researchers of Antique Heritage of the Crimea	84
<i>Zedgenidze A. A.</i> The Early Stages of Research of Chersonese in Taurica	88
<i>Zedgenidze A. A.</i> The Problem of the Reclamation of the Gerakleiskii Peninsula and the Structure of the Most Ancient Chora.	91
<i>Zin'ko V. N., Zin'ko A. V.</i> The Bosporan City of Tyritake in the Light of New Researches	94
<i>Izbash-Gotskan T. A., Shklyayev I. N.</i> Pyetr Osipovich Karyshkovskiy-Ikar and the Traditions of Classical Studies at the Odessa University.	98
<i>Kashaev S. V.</i> The Cemetery of Artiushchenko-2. The 2015–2016 Researches.	101
<i>Kovalevskaya L. A., † Soznik V. V.</i> A Rare Type of Hellenistic Winery at the Chora of Chersonese	105
<i>Cojocarv V., Grumeza L.</i> Chersonese and Its Antiquities in the BCOSPE Project.	111
<i>Kolosov V. P.</i> Transport Amphorae Excavated in Myrmekion in 2008–2015.	114
<i>Kopylov V. P., Marchenko A. A.</i> Greek Red-Figure Kraters from the Elizavetinskaia Fortified Settlement	116
<i>Kostromichyev D. A.</i> A Collection of Raddatz's Type C Buckles from Chersonese.	120
<i>Krasnodubets E. M.</i> Impressions of Personal Seals on Ceramic Wares Excavated in the Ancient Theatre Area of Chersonese in Taurica.	128
<i>Kropotov V. V.</i> A Gold Lunula Pendant from Chernorechenskii Cemetery.	136
<i>Kuznetsova E. V.</i> The Amphorae in the Cemetery near Zaozernoe Village	141

<i>Lantsov S. B.</i> Chersonesan Farmsteads near Karadzhi Fortified Settlement (The Beginning of Research).	146
<i>Minasyan R. S.</i> A Gold Rhyton from the Treasure of Panagyurishte.	155
<i>Mitina V. V.</i> Another Epigraphic Source on the History of Money Circulation in Olbia?.	159
<i>Molev E. A.</i> Chersonese Materials Excavated in Nymphaion.	164
<i>Monakhov S. Yu.</i> The Pottery Complex from the Pit-House in Room 42a (of the year 1989) in Quarter III of Chersonese	172
<i>Nemtsev S. A.</i> The “Illustrative Model” – an Amendment to I. B. Brashinskiy’s <i>Methods of Research of Ancient Trade</i>	177
<i>Nessel’ V. A.</i> A Cemetery from the Turn of Eras in the Mountainous Crimea	183
<i>Nikolaenko G. M.</i> A Fortified Settlement of Chersonese in the Mayachnyy Peninsula.	186
<i>Novichenkova-Lukicheva K. V.</i> Early Roman Glass Wares in Southern Taurica.	194
<i>Novoselova N. Yu.</i> New Researches by the Expedition of the State Hermitage Museum in Quarter XX of Ancient Chersonese.	197
<i>Novoselova N. Yu., Akhmadeeva M. M.</i> A Relief Pottery Complex from a Hellenistic Residential House in Quarter XX of Chersonese in Taurica.	202
<i>Panchenko V. V.</i> Discussing the Date when Ancient Chersonese Stopped Its Mintage.	207
<i>Pechatnova L. G.</i> How Polybius Has Reshaped Nabis to Tyrant.	216
<i>Prokhorova T. A.</i> “The Journey to the Museum. . .” The Development of the First Ancient History Exposition in Chersonese.	219
<i>Ryzhova L. A.</i> Prismatic Glass Jugs with Stamps Excavated in Chersonese.	223

<i>Saprykin S. Yu.</i> A Relief Excavated in the Theatre of Chersonese.	226
<i>Svirkina N. G.</i> The Palaeodemography of Phanagoria in the Roman Period (According to Anthropological Materials of the Eastern Cemetery)	234
<i>Senatorov S. N.</i> Bronze Arrowheads from Ancient Chersonese. Part I (According to the Materials of the Museum Preserve of Tauric Chersonese).	237
<i>Skuridin O. A.</i> The Monument to Athenian Tyrannicides Harmodios and Aristogeiton as a Symbol of Restored Justice in the Polis.	245
<i>Snytko I. A.</i> Discussing the Reconstruction of Territorial Administrative Division of the Polis of Olbia in the Antique Period.	249
<i>Sokolova O. Yu.</i> The Collection of Bronze Wares Excavated at Nymphaion at the State Hermitage Museum	253
<i>Surikov I. E.</i> Could Numismatic Data Influence the Discussion of the Foundation Date of Chersonese in Taurica?	258
<i>Treyster M. Yu.</i> Early Hellenistic Jewellery in Nomadic Graves from the Southern Ural Area.	261
<i>Turmanidze M.</i> The Pendant-Beads Found at Colchian and Greek Cemeteries from the Fifth and Fourth Centuries BC in Pichvnari.	266
<i>Turovskiy E. Ya.</i> Chersonese in Taurica in the Second Quarter of the Third Century BC	269
<i>Tyurin M. I.</i> The Round Building from the Hellenistic Period Excavated at Farmhouse 320 on the Gerakleiskii Peninsula (Preliminary Publication). . . .	276
<i>Ushakov S. V.</i> The North-Eastern Area of Chersonese in the Late Antique Period	282
<i>Ushakova K. S.</i> New evidence on the ceramic production of Tauric Chersonesos in the Hellenistic period	287
<i>Fedoseev N. F.</i> On the Nature of Ceramic Stamping	292

<i>Khalvashi M.</i> Chian Amphorae from Pichvnari Cemeteries	297
<i>Khrapunov I. N., Stoyanova A. A.</i> The Ornaments Featuring Pre-Hunnic Polychrome Style in the Sub-Mountainous Crimea.	299
<i>Khrapunov N. I.</i> Antique Illusions of Those Who Travelled in the Crimea in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries	303
<i>Churekova N. B.</i> The Astynomoi of Chersonese: The Stamping of Amphorae and the Authority of Polis.	307
<i>Shabanov S. B.</i> Late Antique Painted Glass Plates in the Northern Black Sea Area	311
<i>Shalikadze T.</i> Polychrome Glassware of the Classical Period from South-Western Georgia	315
<i>Shevchenko A. V.</i> Fragments of a Figural Vessel Depicting Satyr (To the Question of Chersonese' Relations with Egypt in the Hellenistic Period)	322

Коллекция эстампажей Русского археологического института в Константинополе и одна из методик реставрации эстампажей

Русский археологический институт в Константинополе (РАИК) был открыт в феврале 1895 г. и стал первым находящимся за рубежом русским научным институтом по изучению истории и археологии православного Востока. Устав института определял цель его деятельности следующим образом: «...направлять на месте научные занятия русских ученых древностями и историей Греции, Передней Азии и вообще земель, входивших в состав Византийской империи, преимущественно времен христианства...»¹. Во время археологических экспедиций и экскурсий сотрудники РАИК, наряду с исследованием разнообразных памятников архитектуры и прикладного искусства, постоянно занимались изучением надписей, в первую очередь христианских и византийских, но также и встреченных античных. В отчете за 1899 г. Ф.И. Успенский писал, что «наиболее обильный материал экскурсии по Сирии заключается в надписях, между которыми есть несколько исторических византийской эпохи», а характеризуя материалы из Абобы-Плиски указывал, что среди полученных при ее раскопках материалов «в количественном и качественном отношении на первом месте стоят надписи»².

В отличие от фотографий, которые требовали использования громоздкой дорогостоящей техники, для того чтобы снять эстампаж, требовалась только щетка и бумага (желательно тряпичная). Это был дешевый и технически не слишком сложный способ получения точных копий. Поэтому эстампажи снимались со всех надписей либо после того, как они доставлялись в музей РАИК, либо *in situ*.

После того как осенью 1914 г. произошел разрыв дипломатических отношений между Россией и Турцией, РАИК прекратил свое существование. Большая часть коллекций института оказалась в Оттоманском музее в Стамбуле и была возвращена России только в 1930 г. Собрание

¹ Basargina 1998, 32.

² Uspenskiy 1902, 231, 240.

эстампажей было разобщено: около 70 эстампажей тогда же поступили в Архив АН СССР, где и хранятся по настоящее время (СПбФ АРАН, Ф. 127, Оп. 3), а часть поступила в ЛИФЛИ, и в 1931 г. была передана оттуда в ГАИМК (РА ИИМК РАН, Разряд II, Д. №№ 258–281).

В коллекцию эстампажей СПбФ АРАН входят эстампажи надписей на греческом, латинском и арабском языках, датирующиеся с I в. до н.э. по 1342 г., а так же надписей неизвестного происхождения из музея РАИК и эстампажи икон и элементов архитектурного декора из Малой Азии, Болгарии, Македонии и Сирии. Эта коллекция представляет значительную научную ценность, так как копии делались сразу же после находки памятника, и они фиксируют, таким образом, наилучшую степень его сохранности. Кроме того, для надписей, происходящих с территории современной Сирии, где в настоящее время ведутся военные действия, и где было уничтожено огромное количество античных и исламских древностей, эстампажи РАИК являются факсимильной копией утраченных памятников.

К сожалению, неоднократные перемещения и иногда плохие условия хранения привели к тому, что часть эстампажей (особенно те, что были выполнены на бумаге типа «фильтровальной») в настоящее время требуют реставрации. Однако было неясно, как поведет себя бумага во время реставрационных работ, и можно ли её увлажнять, не изменятся ли размеры и очертания букв.

Как известно, для того, чтобы сделать эстампаж, на поверхность надписи помещают мокрую бумагу и с сильным механическим усилием с помощью щетки «вбивают» ее в камень. Затем, после того, как происходит высушивание под солнцем, готовый эстампаж буквально «скакивает» с памятника.

В среде реставраторов архивных и библиотечных материалов есть понятие «память бумаги». Это явление заключается в том, что если лист бумаги имеет складку, то после водной обработки складка сохраняется и не всегда от неё можно избавиться, даже методом прессования влажной бумаги. Когда же речь идёт об эстампаже, то, после того как мокрая бумага была вбита в поверхность камня со значительным механическим усилием, в эстампажном листе происходят структурные изменения, и образуется своего рода «память», «закреплённая» ярким солнцем.

Можно было предположить, что, так как при увлажнении бумаги в процессе изготовления эстампажа бумага дала усадку, при его вторичном увлажнении размеры бумажного листа не изменятся.

Для проведения лабораторных исследований был взят лист современной эстампажной бумаги европейского производства (478 x 320 мм) и современные эстампажи. В эстампажной бумаге измерялось расстояние между понтюзо (26 мм) и считалось количество вержеров (9 на 10 мм). Затем она промывалась в воде, высушивалась и измерялась (474 x 318,5 мм), то есть в долевом направлении бумага после первой промывки дала усадку 1,5 мм, в поперечном 4 мм. Следовательно, расстояние между понтюзо было 26 мм, а изменилось на 0,15 мм, а количество вержеров (9 на 10 мм) – осталось тем же. После второй промывки размеры бумаги не изменились. Таким образом, данные исследования подтверждают принцип усадки: после первого промывания в воде хлопчатобумажный материал даёт усадку, а при дальнейших промывках материал не изменяется. Измерение букв и размеров эстампажей до и после промывки показало, что никакие параметры не изменились. Данные опытов показывают, что при реставрации эстампажей не исключено применение водных растворов.

В связи с тем, что эстампаж является документом, имеющим рельефное изображение, самый щадящий метод реставрации – это ручная доливка бумажной массой утрат и разрывов на впитывающей поверхности³. Эстампажи, сделанные на бумаге типа «фильтровальной», в процессе своей жизнедеятельности ветшают, теряют рельефность, а после реставрационных мероприятий структура бумаги укрепляется, и рельеф становится более чётким.

Литература / References

- Basargina, E. 1998: [Uspenskiy F.I. The Foundation of the Russian Archaeological Institute of Constantinople]. *Russkij arkheologicheskij institut v Konstantinopole*. Saint-Petersburg.
- Успенский Ф.И. Основание Русского археологического института в Константинополе. В кн.: Басаргина Е. Ю. *Русский археологический институт в Константинополе*. СПб., 1998.
- Sharapova, I. 2007: [Method for restoration of the document integrity using the method of adding paper pulpe on a light table]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Issledovaniya, konservatsiya i restavratsiya rukopisnykh i pechatnykh pamyatnikov Vostoka»*. VGBIL. 17–19 aprelya 2007. Moskow, 257 – 259.

³Sharapova 2007, 257–259.

Шарапова И.С. Методика восстановления целостности документа методом доливки бумажной массой на столе с подсветом. *Международная научно-практическая конференция «Исследования, консервация и реставрация рукописных и печатных памятников Востока»*. ВГБИЛ. 17–19 апреля 2007. М., 257 – 259.

Uspenskiy, F.I. 1902: [Report on the Activities of the Russian Archaeological Institute of Constantinople in 1899]. *Izvestiia Russkogo Arkheologicheskogo Instituta v Konstantinopole* 7, 213–244.

Успенский, Ф.И. Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе за 1899 г. *ИРАИК* 7, 213–244.

Некрополь Горгиппии. Комплекс гробниц 1975 г. Интерпретация

Комплекс гробниц (два склепа и вырубленная в скале могила) открыт в 1975 г. в строительном котловане в центре Анапы на привилегированном участке горгиппийского некрополя вблизи въездных ворот и ведущей к ним основной дороги.

Конструкция расписного склепа с полуциркульным сводом на Боспоре получила распространение с IV в. до н.э., возводилась и в первые века н.э. Склеп-I впущен в скалу до пяты свода и целиком ограблен в древности. При рытье экскаватором отстойника для грунтовых вод обнаружен соседний с расписным склеп-II – впущенная в скалу квадратная гробница (10 м²) без входа со сводчатым потолком, в котором устроен проём в размер саркофага. Захоронение сохранилось как закрытый археологический комплекс. Рядом с дромосом расписного склепа вырублена в скале большая гробница, перекрытая каменной плитой, от погребения в ней уцелели две вещи в жидком грунте заполнения. Оба склепа заливали грунтовые воды, уровень держался на высоте 1,4 м от пола.

Погребальная камера склепа-I (13 м², Н=3,4 м) расписана в технике фрески в смешанном инкрустационно-цветочном стиле. Керченские склепы этого стиля М.И. Ростовцев относил ко 2 половине I и II вв. н.э., для «Стасовского» склепа допускал дату с конца II в.

Декоративность и мастерство росписи вторичны, весь акцент на содержание. Фрески отражают традиционное религиозно-философское мировоззрение общества первых веков н.э., отношение к социальной статусности, посмертной судьбе, вопросам жизни и смерти без выраженного влияния зарождающихся в эпоху представлений о монотеизме.

В росписи склепа выделяется несколько сюжетных линий¹. Ярko представлена солярная символика, получившая распространение на Боспоре с эпохой Митридата Евпатора, который вёл род от персидской династии Ахеменидов. Звезда рассматривается исследователями как династический символ и знак покровителя Митры. Потомки Митридата Фарнак и Динамия поддерживали на Боспоре эту символику. Ей

¹Alekseeva 2016.

созвучны представления варварского окружения с распространением в степях сарматской волны III в. до н.э. На рубеже тысячелетий ориентация Асандра – Аспурга на сарматское воинство способствовала её проникновению на Боспор. Многие артефакты из Горгиппии и курганов знати ираноязычных соседей отмечены солярной символикой.

Другая сюжетная линия, связанная с культом Геракла, занимает фриз на двух стенах. Она распадается на 3 аспекта. Основу одного составляет генеалогическая направленность. Мифологизированное сознание древних обосновывало незыблемость власти сакрализацией своих корней. В античном мире Геракла признавали основателем более 20 полисов и не менее 40 получили названия в его честь, к нему возводила род не одна династия.

В период становления Боспорского государства династия Спартокидов вела свой род от Посейдона, его сына Евмолпа, родоначальника фракийцев, и Геракла. В.Ф. Гайдукевич², основываясь на ономастике имён Спартокидов, обосновывал фракийское происхождение династии. В клеймах ранних образцов боспорской царской черепицы изображены эмблемы божественных родоначальников – трезубец, дельфин, палица Геракла и шкура убитого им льва³. Атрибутами Посейдона отмечены выпуски пантикапейских монет конца III в. до н.э.⁴

В эпоху вхождения Боспора в Понтийскую державу в среде царствующих особ распространились символы восточных богов-покровителей (Митры-Мена: звезда-полумесяц), а знаки долго стоявшей у власти династии Спартокидов исчезают вместе с ней.

После распада державы Митридата его потомки, оставшиеся у власти на Боспоре, вернулись к возрождению престижа древних корней. Сын Аспурга Митридат VIII в противостоянии с Римом акцентирует древнее начало боспорского царского дома чеканом на монетах палицы Геракла с наброшенной шкурой льва, луком в горите и трезубцем, подчёркивая слияние в боспорской династии ахеменидского и фракийского начал. Эмиссии Котиса I носили проримский характер и древних эмблем династии не имели. Они вновь появляются на монетах Рескупорида I (69-92 гг.), продолжаясь во II-III вв., включая Котиса III. Савромат II даже выпустил серию монет с подвигами Геракла⁵. Со II в.

² Gaydukevich 1949, 55.

³ Gaydukevich 1934, 278, рис. 76, в.

⁴ Frolova 1997, I, 42.

⁵ Frolova 1997, II, 43, 51, 58-59, 67.

мифологические предки боспорской династии отмечены эпиграфикой – для Савромата I, Рескупорида I и Рескупорида II⁶.

Эти наблюдения подводят к мысли о том, что клан владельца склепа также вёл своё происхождение от Геракла и, видимо, состоял в родстве с правящей династией. Трудно представить, чтобы со стабильной многовековой традицией сильной центральной власти на Боспоре другой род избрал бы себе того же мифологического предка.

В росписи анапского склепа роль Геракла шире генеалогической легенды. Это хтонический герой, его образ связан с концепцией смерти и представлениями о посмертной судьбе. Неординарность монументальной гробницы с обильной росписью и уцелевшая роскошь инвентаря скального склепа подтверждают высокий социальный статус владельца погребального комплекса. Ему отведено главное место в структуре росписи – на люнете напротив входа, он уподобляет себя прославленному предку. Подобно Гераклу он доблестно прожил земную жизнь и подобно Гераклу заслужил право на апофеоз/бессмертие. Сцена из его земной жизни включена в картину, отражающую в изобразительной форме метафизическую концепцию мира в представлении людей античной эпохи – космологическую модель с трёхчастным членением соответственно представлениям о трёх уровнях/мирах индоевропейской мифологии. Уровни маркируются набором символов. В символике каноничных представлений античной культуры задействовано многообразие мифологических персонажей со сложным сплетением функций. Путь главного героя заслуженно направлен в символический верхний ярус – к кронам деревьев, громадным павлинам и, как мы полагаем, к лику горгоны в широком круге, уничтоженном строительством. От него уцелела змейка, располагавшаяся под подбородком этого символа бессмертия, бесконечности и безвременья. Лик венчал вертикаль, в середине которой изображён главный персонаж на этапе земных дел.

Наконец, третий аспект линии Геракла. Греческая идея трудами достигнуть апофеоза в римскую эпоху сливается с идеей божества-спасителя. Как дань новым представлениям о божестве эта функция «прибавляется» к древним культам (например, Зевс получает эпиклезу Сотер – Спаситель). Спасительную функцию Геракл получил трудами, преодолевая хтонических чудовищ – это его путь к бессмертию. Согласно мифу, совершив назначенные ему дела, Геракл становится бессмертным богом, принятым на Олимпе.

⁶КВН 53, 980, 1048.

Значимость земных дел главного персонажа в росписи склепа распространяется на его семью. Во фризе с Гераклом включён семейный портрет второго поколения. Фриз с Гераклом символично завершается перед дверью склепа двумя апофеотическими сценами – он выводит из Аида стража Кербера, а перед самой дверью срывает яблоки бессмертия, как бы подводя второе поколение семьи к выходу. Такая обрядность созвучна культам умирающих и воскресающих богинь. Эта же идея обыгрывается надгробиями с полуфигурами, низ которых закапывался в землю, а фигуры выглядели выходящими на поверхность.

Знаком превращения в росписи является пояс с масками в изгибах театральных занавесов под фризом с Гераклом. Концепция жизни как игры представлена и на римских саркофагах со множеством персонажей в обрамлении фасада сены римского театра⁷. В Причерноморье на саркофагах размещали гипсовые театральные маски.

Со смыслом росписи склепа согласуются полосы повторяющихся орнаментов, разделяющие фризы, они усиливают акцент на бесконечности.

На выражение главной идеи направлена и «мелкая» символика. Две черепахи, плывущие на уровне корней деревьев на главной люнете, соединяют миры живых и мёртвых. Под люнетой на уровне корней деревьев стоят саркофаги, на уровне стволов – развивается земная жизнь. Черепаха, живущая в воде и на суше – хтонический символ и один из атрибутов Афродиты, связанный с хтонической стороной культа. В святилище Аполлона в Дельфах находилась статуя Могильной (Тихой, Надгробной) Афродиты, перед которой совершались магические действия в честь усопших⁸. В Причерноморье в I-II вв. в детские могилы клали амулеты из египетского фаянса в виде черепашек.

Геральдическая постанковка козликов на люнете над дверью (как и двух павлинов напротив) – дань канону тематики изображений на предметах ритуального свойства. Чаще фигуры стоят по две стороны вертикали – деревья, колонки, тирса, символизируя зеркальность мира живых и мёртвых. В анапском склепе вертикаль мыслится постановкой фигур.

В нижней зоне фрески на люнете над дверью размещены две парные сцены, одна расчищена – две собаки атакуют бегущего пятнистого оленя. В первые века н.э. сцены преследования и терзания не потеряли своей актуальности и, видимо, сохранили в основе древний философский смысл идеи «смерти как залога жизни»⁹. В Горгиппии первых веков н.э.

⁷Akimova 1991, 15.

⁸Rusyaeva 2005, 309.

⁹Raevskiy 1985, 181 сл.

сцены терзания размещали на медальонах погребальных венков и на парадном оружии.

Дату захоронений в комплексе определяет погребальный инвентарь склепа-II, а в нём наиболее поздний хроноиндикатор – одночленная подвязная лучковая фибула с фигурной обмоткой дужки. Время её бытования относится к заключительной части II – первой половине III вв., до так называемого готского передвижения племён.

В общей периодизации развития Горгиппии комплекс погребального инвентаря склепа-II находит место в IV периоде, хронология которого определяется в рамках от рубежа I-II вв. до гибели города между 30-40 гг. III в., то есть полутора столетиями. Продолжительности периода соответствует растянутый хронологический диапазон погребального инвентаря склепа-II. Его объясняют фрески, представляющие сразу два поколения семьи одной династии, правившей не одно столетие.

Инвентарь склепа распределяется по нескольким группам. Вещей, бытовавших до появления указанного типа фибул, больше, чем синхронных ей. Некоторые долгого пользования можно рассматривать как прижизненные для погребённых (например, два бронзовых светильника). Другая категория ранних вещей – семейные реликвии. Среди них – полихромная стеклянная фиала италийского производства в технике Goldbandglass, характерной для первой половины I в. Такие сосуды высоко ценились. Плиний в теме о стекле упомянул, что Нерон, как то было прилично императору, превзошёл всех, купив себе стаканчик за 300 талантов.

Некоторые вещи склепа-II, появившись на несколько столетий раньше фибулы, становились популярными в диапазоне её бытования – например, длинный меч сарматского типа без перекрестия со штырём для рукояти и железные удила с колесовидными псалями¹⁰.

Есть в склепе и группы эксклюзивных вещей, анализ каждой категории – это тема для самостоятельного доклада. Таков набор бронз с цветными эмалями западно-провинциального исполнения (север Франции – юг Британии) – курильница и три стригиля. Таков и набор предметов, оформленных в золото-бирюзовом стиле – пряжка, ременной наконечник и браслет из цельного золота, полусферическая бляха с обтяжкой золотом бронзовой основы и короткий всаднический меч с двумя парами боковых лопастей на парадных ножнах, украшенных орлами, павлином и повторяющейся сценой терзания зайца орлом (сарматский звериный стиль).

¹⁰ Bezuglov 2000, 172; Malashev 2000, 210

Для интерпретации комплекса особое значение имеет золотой литой перстень из скальной гробницы с геммой на италийском николо – реплика Афины Парфенос Фидия. Форма перстня и особенности исполнения геммы относят его ко II в.¹¹ Под вытянутой рукой Афины другим мастером, на Боспоре, вырезан тамгообразный знак, определяемый в пределах Боспора как «царский с трезубцем в нижней части». Из пяти известных таких знаков три имеют подтвержденные эпиграфикой связи с правлением конкретного царя поздней боспорской династии (Евпатора, Савромата II и Рескупорида II). Знак анапского перстня почти идентичен знаку Рескупорида II (211-226 гг.) и отличается от него лишней чёрточкой на одном из верхних отрогов, что не относится к структурным составляющим и, возможно, отражает очень близкое семейное родство. Так называемые царские знаки не являются тамгами в общепринятом смысле. Их можно рассматривать как герб, фиксирующий деяния царя для ираноязычного населения, что подтверждается преобладанием находок знаков с текстами о строительстве в Танаисе, наиболее варварском городе Боспора. Ещё В.С. Драчук¹² выделял в этих знаках нижнюю часть, называя её трезубцем, интерпретируя традиционной (со времён Спартокидов) эмблемой боспорского царского дома. Во II в. с изменением этнического состава Боспора вследствие присоединения новых земель, населённых сарматами, к эмблеме в виде трезубца прибавляется именная тамга и вводится в употребление новая составная царская эмблема. В группе этих знаков трезубец остаётся основой, знаком династии, объединяющим началом центральной власти подобно тому, как в сарматских тамгах нижняя часть знака символизировала знатный клан¹³. Верх царских знаков соответствовал знаку семьи правящего царя (малой семьи), входившей в «клан»=династию. Эти знаки на Боспоре были созданы для внутреннего пользования; на монетах, имевших международное хождение, продолжал чеканиться символ династии – триденс.

Кому мог принадлежать открытый комплекс гробниц? Горгиппия во многие периоды находилась на особом положении в государстве как город с гаванью на плодородных землях и как стратегический пункт вблизи границ. Из её эпиграфики первых веков н.э. мы знаем названия двух главных магистратур общегосударственного ранга: ὀ ἐλί τῆς Γορυπλεύας – наместник города, назначаемый царём¹⁴, и должность ὀ

¹¹ Finogenova 1987, 147, 151-152.

¹² Drachuk 1975, 63.

¹³ Yatsenko 2001, 15 сл.

¹⁴ КБН, 1115, 1119, 1129, 1132, 1134, 1214

πρώτος ἐπὶ τῆς βασιλείας¹⁵, которую А.И. Болтунова¹⁶ определила как главу управляющих царским имуществом. Сейчас исследователи интерпретируют последнюю должность как «управляющий царскими землями». Вариант Анны Ивановны мне представляется более верным, так как царь владел, например, и гаванями – горгиппийская приносила ему личный доход¹⁷. Любой из этих чиновников, как и другой из ещё неизвестных столь же высокого ранга, мог быть захоронен в открытом комплексе. При этом он мог быть членом царской семьи и даже соправителем.

IV период развития Горгиппии делится надвое. Вплоть до последней четверти II в. очевидно процветание города – его последний яркий период расцвета. Затем Боспор входит в затяжные монетный, экономический и политический кризисы. Для начала 220-х гг. эпиграфика зафиксировала разрушения в Фанагории и Патрее. Возможно, синхронно и Горгиппия перенесла пожар, который не затронул градостроительную структуру, но прослежен повсеместно. Непокойную обстановку передаёт военная символика чекана Рескупорида II в 218-219 гг. Чтобы удерживать ситуацию, сменившие Рескупорида II цари в короткие царствования используют давнюю (Горгипп при Левконе I) практику соправительства (Котис III с Савроматом III, а затем и с Рескупоридом III). В 234 г. к власти на Боспоре приходит Ининфимей, он обрывает многовековую традицию царских династических знаков с трезубцем, заменив их личной тамгой. Его к власти мог привести враждебный боспорской династии сармато-аланский клан путём переворота с гибелью противников.

В обрядовой стороне захоронений в открытом комплексе отмечена поспешность. Саркофаги опущены в склеп-I при ещё невысохшей росписи. Один из ликов во фризе с масками целиком смазан и не восстановлен. Очевиден диссонанс между богатейшим набором вещей в скальном склепе и грубостью самого погребального сооружения с несглаженными намного гребнями скалы, саркофаги стоят без подставок, крышка одного на много превосходит размер ящика и предназначалась другому изделию. Три человека в скальном склепе погребены единомоментно. Эти наблюдения предполагают какую-то трагедию, постигшую всю семью, и соответствуют именно последнему этапу IV периода в развитии Горгиппии почти накануне её гибели.

¹⁵ КБН 1120, 1134.

¹⁶ Boltunova 1958, 115-116.

¹⁷ КБН 1134.

Литература / References

- Akimova, L.I. 1991: Transformatsiya grecheskikh mifov v pozdneantichnom iskusstve (tsikl «podvigi Gerakla»). *Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv* 9, 9-38.
- Акимова, Л.И. Трансформация греческих мифов в позднеантичном искусстве (цикл «подвиги Геракла»). *Сообщения Государственного музея изобразительных искусств* 9, 9-38.
- Alekseeva, E.M. 2016: Interpretatsiya kompleksa anapskikh sklepov 1975 g. *Drevnosti Bospora* 20, 34-67.
- Алексеева, Е.М. Интерпретация комплекса анапских склепов 1975 г. *Древности Боспора* 20, 34-67.
- Bezuglov, S.I. 2000: Pozdnesarmatskie mechi (po materialam Podon'ya). In: *Sarmaty i ikh sosedi na Donu. Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona* 1. Rostov-na-Donu, 169-193.
- Безуглов, С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья). В сб.: *Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона* 1. Ростов-на-Дону, 169-193.
- Boltunova, A.I. 1958: Podpis' pod statuey iz Gorgippii. *Sovetskaya Arkheologiya* 28, 110-116.
- Болтунова, А.И. Подпись под статуей из Горгиппии. *СА* 28, 110-116.
- Drachuk, V.S. 1975: *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya. Tamgoobraznye znaki severopontiyskoy periferii antichnogo mira pervykh vekov nashey ery*. Kiev.
- Драчук, В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев.
- Finogenova, S.I. 1987: Gruppya zolotykh perstney iz Gorgippii. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv* 8, 147-153.
- Финогенова, С.И. Группа золотых перстней из Горгиппии. *Сообщения Государственного музея изобразительных искусств* 8, 147-153.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoe delo Bospora* I, II. Moskow.
- Фролова, Н.А. *Монетное дело Боспора* I, II. М.
- Gaydukevich, V.F. 1934: Stroitel'nye keramicheskie materialy Bospora. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury* 104, 211-315.
- Гайдукевич, В.Ф. Строительные керамические материалы Боспора. *Известия Государственной академии истории материальной культуры* 104, 211-315.

- Gaydukevich V.F. 1949: *Bosporskoe tsarstvo*. Moscow, Leningrad.
 Гайдукевич В.Ф. *Боспорское царство*. М.,Л.
- Malashev, V.Yu. 2000: Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni. In: *Sarmaty i ikh sosedi na Donu*. Rostov-na-Donu, 194-232.
 Малашев, В.Ю. Периодизация ремennых гарнитур позднесарматского времени. В сб.: *Сарматы и их соседи на Дону*. Ростов-на-Дону, 194-232.
- Raevskiy, D.S. 1985: *Model' mira skifskoy kul'tury. Problemy mirovozzreniya iranoyazychnykh narodov evraziyskikh stepey I tys. do n.e.* Moscow.
 Раевский, Д.С. *Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тыс. до н.э.* М.
- Rostovtsev, M.I. 1913: *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii*. Sankt-Peterburg.
 Ростовцев, М.И. *Античная декоративная живопись на юге России*. СПб.
- Rusyaeva, A.S. 2005: *Religiya pontiyskikh ellinov v antichnuyu epokhu. Mify. Svyatilishcha. Kul'ty olimpiyskikh bogov i geroev*. Kiev.
 Русяева, А.С. *Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев*. Киев.
- Yatsenko, S.A. 2001: *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya*. Moscow.
 Яценко, С.А. 2001: *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. М.

Рельефы из Херсонеса в собрании Британского музея

В базе данных Британского музея, по онлайн запросу «рельеф, Крым» находится 26 объектов¹. Из них подавляющее большинство, 23 единицы, имеют керченское происхождение, но есть три небольших рельефа, найденные на территории хоры Херсонеса и подаренные музею полковником британской армии Вильямом Манро.

Обстоятельства и место их находки мною подробно рассмотрены в отдельной статье², можно лишь отметить, что место раскопок представляло собой одну из усадеб хоры Херсонеса. Целью данного сообщения является введение в научный оборот отдельных предметов, а именно, каменных вотивных рельефов. Тем более, что в описании Британского музея отсутствуют и датировка, и интерпретация представленных предметов. Рассмотрим эти предметы по отдельности.

Музейный объект № 1856,0430.166 (рис. 1). Представляет собой каменную плитку высотой 15 см и шириной 16,5 см. Музейное описание кратко: «Каменный рельеф, фигура. Нижняя часть утрачена (stone relief of figure; lower part lost)». На основании фотографии можно добавить следующее: грубое изображение мужской фигуры во фронт. Левая рука поднята вверх, в районе кисти руки изображение утрачено. Правая рука опущена вниз, в ней некий предмет. Изображение выполнено достаточно грубо, но черты лица намечены.

Общая композиция изображения восходит, скорее всего, к изображениям Диониса с тирсом и патерой. С учетом грубости изображения, в качестве ближайшей аналогии можно привести изображение Диониса, найденное также на хоре Херсонеса, в одной из усадеб³.

Второй из представленных объектов: музейный № 1856,0430.164 (рис. 2). Материал – камень. Размеры – 18x18 см. В описании – «каменный рельеф, нижняя часть ног мужской фигуры, несущей козленка (stone relief; lower part of legs of male figure carrying kid)». Иконография, подоб-

¹ Электронная база данных Британского музея. [Электронный ресурс]. Режим доступа (дата обращения 04.04.2017): http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/search.aspx?place=39647&object=20740

² Arzhanov 2012, 252-263.

³ Shcheglov 1969, 158-159, рис. 3, 1.

ная описанию, для Херсонесских рельефов неизвестна. Скорее всего, данный рельеф принадлежит также к дионисийскому кругу и содержит изображение Диониса, сопровождаемого Силеном или сатиром. Аналогия положению ног человеческой фигуры на рельефах дионисийского круга – №96 каталога античной скульптуры Херсонеса⁴. Изображение Диониса с менадой и сатиром (или силеном) известны также на терракотовых алтариках Херсонеса⁵.

Третий объект: музейный № 1856,0430.165 (рис. 3). Рельеф, камень. Максимальная высота – 16,5 см. Описание – «каменный рельеф, фигура (stone relief of figure)». На фотографии мы видим изображение, скорее всего, лежащего человека (голова изображена под углом к туловищу) с неясным предметом в руке. Общая композиция изображения напоминает сцены пирующего Геракла, или изображение загробной трапезы. С учетом отсутствия в фигуре присущей Гераклу массивности, а также отсутствия присущих ему же атрибутов (дубинка, шкура), наиболее вероятным представляется изображение загробной трапезы, т.е. возлежащего человека с чашей в руке. Надгробия с изображениями загробной трапезы в Херсонесе широко распространены в римское время⁶.

Датировка представленных предметов по археологическим слоям, с учётом обстоятельств их находки, невозможна. Аналогии и техника изготовления позволяют отнести все представленные предметы к первым векам н.э., что не противоречит и остальному материалу раскопок.

То, что в данной усадьбе было небольшое, скорее всего, домашнее святилище, подтверждает находка там же маленького (высотой 6,35 см) каменного алтарика (музейный номер 1856,0430.119).

Литература / References

Arzhanov, A.Yu. 2012: Raskopki polkovnika Manro na Gerakleyskom poluostrove vo vremya Krymskoy voyny 1854-56 godov. *Drevnosti* 11, 252-263.

Аржанов, А.Ю. Раскопки полковника Манро на Гераклейском полуострове во время Крымской войны 1854-56 годов. *Древности* 11, 252-263.

Ivanova, A.P. 1941: Khersonesskie skul'pturnye nadgrobiya s portretnymi izobrazheniyami. *Sovetskaya Arkheologiya* VII, 107-120.

⁴ Ivanova, Chubova, Kolesnikova 1976. №96.

⁵ Shevchenko 2016, табл. LXXIII; LXXIV

⁶ Ivanova 1941, 112.

- Иванова, А.П. Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями. СА VII, 107-120.
- Ivanova, A.P., Chubova, A.P., Kolesnikova, L.G. 1976: *Antichnaya skul'ptura Khersonesa*. Kiev.
- Иванова, А.П., Чубова, А.П., Колесникова, Л.Г. *Античная скульптура Херсонеса*. Киев.
- Shevchenko, A.V. 2016: Terrakoty antichnogo Khersonesa i ego blizhayshey sel'skoy okrugy. Simferopol'.
- Шевченко, А.В. *Терракоты античного Херсонеса и его ближайшей сельской округи*. Симферополь.
- Shcheglov, A.N. 1969: Frakiyskie posvyatitel'nye rel'efy iz Khersonesa Tavricheskogo. In: *Drevnie frakiytsy v Severnom Prichernomor'e* (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR 150), 135-177.
- Щеглов, А.Н. Фракийские посвященные рельефы из Херсонеса Таврического. В сб.: *Древние фракийцы в Северном Причерноморье* (МИА 150), 135-177.

Рис. 1. Рельеф, музейный номер 1856,0430.166.
Фото с сайта Британского музея.

Рис. 2. Рельеф, музейный номер 1856,0430.164.
Фото с сайта Британского музея.

Рис. 3. Рельеф, музейный номер 1856,0430.165.
Фото с сайта Британского музея.

Серебряные канфары из слоя пожара 46/47 г. времени боспороримской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье*

Городище Артезиан в Крымском Приазовье погибло в сильном пожаре в начале боспороримской войны 44/45–49 гг. н.э.¹ Благодаря нумизматическим материалам слой пожара точно датирован 46/47 гг. Среди статусных находок последних лет интересны и значимы фрагменты сосудов из бронзы и серебра. Находки такой столовой посуды весьма показательны для понимания высокого уровня благосостояния элиты царской крепости. Среди множества других находок в ямах помещения 4, забитых продуктами горения и перегоревшей утвари с верхних этажей крепости, были найдены фрагменты нескольких серебряных канфаров с биконическим туловом (рис. 1, 1).

Эти канфары и ручки от них (рис. 2–3) относятся к одному типу «Высочино»² по месту находки сервиза из четырех таких сосудов в тайнике 2 сарматского погребения кургана № 28 группы Высочино-VII в Нижнем Подонье³, которое датируется третьей четвертью I в. н.э.⁴ Канфары «серии Высочино» имеют биконическое тулово на низком кольцевидном поддоне. Нижняя половина тулова канфара моделирована в виде изогнутых лепестков, верхняя – украшена накладным позолоченными пластинами с тисненым позолоченным орнаментом

* Контекст находки подготовлен Н.И. Винокуровым, анализ формы, декора, распространения и датировки сосудов – М.Ю. Трейстером, анализ надписи – А.В. Белоусовым. Серебряные канфары, найденные экспедицией под руководством Н.И. Винокурова в 2013 г., хранятся в ВКИКМЗ (Керчь).

¹ См., например, Abramzon, Treister, Vinokurov 2012, 207–278; Vinokurov 2014, 98–105.

² Treister 2007, 18–19, карта 2. На картах распространения таких сосудов, опубликованных А. Попа, отсутствуют ручки сосудов из Гурзуфского седла и, по понятным причинам, сосуды из Артезиана. В то же время ошибочно указано как место находки погребение в Косике, в котором такая ручка никогда найдена не была (на основании ошибочного сравнения в статье В.В. Дворниченко и Г.А. Федорова-Давыдова [Dvornichenko, Fedorov-Davydov 1993, 151]; в действительности указанный предмет никакого отношения к канфарам серии Высочино не имеет). Наша публикация 2007 г., в которой рассмотрены канфары типа Высочино и кархезии близкие им (Treister 2007, 18–19, карта 2), также осталась неизвестной исследователю. См. Pora 2004, 498, Abb. 4; 2014, 94, 107, fig. 9

³ Treister 2007, 18; Mordvintseva, Treister 2007, т. 2, 21–22, № А45.1-4, табл. 25.

⁴ Mordvintseva, Treister 2007, т. 2, 21, № А45.

в виде сума и сума reversa или аналогичными чеканными фризами. Сосуды имеют литые ручки, нижняя часть ствола которых, шестигранная в сечении, завершается атташем в виде листа. В центре ручка имеет декоративное оформление в виде шарика с двумя рельефными ободками внизу и одним вверху. Верхняя часть ручки раздвоена, отдельные более тонкие стволы изогнуты и украшены на концах шариками.

Помимо находок в Нижнем Подонье, одна из которых происходит из кургана № 2 некрополя Верблюжка у Тузлуков⁵, известна одна находка такого канфара в Прикубанье (курган № 15 у ст. Тифлисской⁶), а три серебряные ручки, типа принадлежащих канфарам данной серии, происходят из раскопок святилища на Гурзуфском седле⁷ (рис. 1, 2). Вероятнее всего, к этому же типу принадлежал не сохранившийся кубок из саркофага I склепа II/1975 некрополя Горгиппии, известный по описанию и схематическому рисунку⁸. А. Попа первоначально отнес к канфарам рассматриваемой серии и ручки двух фрагментированных серебряных сосудов из Колоколина в Западной Украине (Львовская обл.)⁹, хотя в более поздней публикации не исключал, что это мог быть кархезий, подобно находкам из ольвийского погребения, ограбленного в 1891 г.¹⁰ и из склепа № 735/1999 некрополя Усть-Альминского могильника¹¹, и это второе его предположение, на мой взгляд, соответствует истине, учитывая размеры, пропорции и детали оформления ручек. В кургане «Острый» в Прикубанье¹² также были найдены парные серебряные ручки, типа украшающих кархезии. Усть-альминский кубок – гладкий, сосуды из Ольвии, образующие пару, но отличающиеся размерами и деталями орнаментации, украшены фризами сума reversa и жемчужником, напоминающими орнаментацию канфаров типа «Высочино».

Точный контекст находок ручек в святилище на Гурзуфском седле опубликован лишь недавно: хотя большинство находок принадлежит к периоду расцвету святилища, с конца I в. до н.э. по середину I в. н.э., руч-

⁵ Treister 2007, 18; Mordvintseva, Treister 2007, т. 2, 89, № A280.1.

⁶ Treister 2007, 18; Mordvintseva, Treister 2007, т. 2, 87, № A276.1; Marčenko, Limberis 2008, 349, Nr. 48.1, Taf. 76, 1.

⁷ Treister 2007, 18; Mordvintseva, Treister 2007, т. 2, 26–27, № A66.1; Novichenkova 2015, 90, рис. 176, 1–3; 92.

⁸ Treister p 2007, 18; Mordvintseva, Treister 2007, т. 2, 23, № A51.1.

⁹ Śmiszko 1935, 156, no. 8; 162, no. 8, tabl. XLIII, 1–5; Popa 2004, 493, Abb. 2, 1–5; 496–498; ср. Popa 2014, 92–95, figs. 2; 5

¹⁰ Treister 2007, 18–19; Mordvintseva, Treister 2007, т. 2, 125, № B28.1–2, табл. 54.

¹¹ Treister 2007, 18–19; Mordvintseva, Treister 2007, т. 2, 94, № A301.1, табл. 43.

¹² Treister 2007, 18–19; Mordvintseva, Treister 2007, т. 2, 57, № A166.1, табл. 34.

ка канфара отнесена Н.Г. Новиченковой к вещевому комплексу второй половины I – середины II в. н.э.¹³ Отсутствие находок канфаров рассматриваемого типа в других регионах дает основание рассматривать их как изделия одного из северопричерноморских центров¹⁴, возможно боспорского, что косвенно и подтверждает серия находок таких сосудов на городище Артезиан. Соответственно, трудно согласиться с С. Кюнцль, предполагавшей, что кубки типа «Высочино» были изготовлены в одной из мастерских провинций Вифиния, Каппадокия или Понт¹⁵. Интересно, что, канфары имеют более компактную область распространения – они концентрируются, согласно имеющимся на сегодняшний день материалам, преимущественно в Восточном Крыму и на Нижнем Дону (рис. 1, 2), тогда как кархезии и их фрагменты были найдены и на Западной Украине, и в Ольвии, и в Юго-Западном Крыму, и в Прикубанье.

На донце одного из канфаров в процессе реставрации была расчищена выполненная пуансоном по кругу двустрочная греческая надпись по кругу (рис. 2, 1–2). В формах букв наблюдается смешение курсивных и лапидарных стилей письма. Омикрон встречается в замкнутом и незамкнутом виде. Впрочем, незамкнутые формы, возможно, обязаны своим появлением коррозии. Особо стоит отметить форму ню с практически горизонтальной средней гастой. Во второй строке форма пи очень схожа с этой формой ню. Является ли это написание просто ошибкой исполнителя, или намеренно избранной формой судить сложно за отсутствием других примеров этой литеры в данном памятнике. Однако стоит отметить выступающую за левую вертикаль среднюю гасту. Формы эпсилона и сигмы лунарные, омега курсивная. По письму надпись можно отнести широко к рубежу эр.

Предлагается следующее восстановление и чтение текста:

Δ[ι]ος Καλ[ο]καίρου τοῖς ἐνδ(ε)ία(ι)
ἐν τοῖς Ἀπολλωνίου

Диос, сын Калокайра, (находящимся в) нужде в доме Аполлония.

С точки зрения языка стоит отметить итацизм и пропуск *iota subscriptum* (ἐνδία pro ἐνδεία), а кроме того опущенный предлог ἐν (здесь же). Трудно судить с определенностью, кто имеется в виду. Бук-

¹³ Novichenkova 2015, 120–121, рис. 220, 5.

¹⁴ Treister 2007, 19

¹⁵ Künzl 2000, 71.

важно вторая строка значит «среди тех, кто принадлежит Аполлонию». Что до личных имен, встречающихся в тексте, то имя Δίος (LGPN iv 106) встречается на Боспоре нередко, начиная с V в. до н.э. (CIRB 911, Нимфей; IV в. до н.э.: CIRB 1056, Гермонасса), несколько раз в I в. до н.э. в Пантикапее (CIRB 394, 564; SEG 27 : 436), в первых веках новой эры зафиксировано также в Танаисе (CIRB 1259, 1262, 1277). Имя Καλόκαιρος в Северном Причерноморье не засвидетельствовано, но встречается, к примеру, в Македонии и Фракии (LGPN iv 185), а вот имя Ἀπολλώνιος популярно во всей греческой ойкумене, не исключая, разумеется, и Северный Понт (LGPN iv 37–39).

Текст надписи, из которого следует, что некто Диос, сын Калокайра, жертвует этот серебряный канфар людям, находящимся в нужде, из дома некоего Аполлония, очевидно, свидетельствует о дарственном характере надписи на канфаре.

Литература / References

- Abramzon, M.G., Treister, M., Vinokurov, N.I. 2012: Two Hoards of Coins and Jewelry Items from the Time of the Roman-Bosporan War (45–49 AD) from at Artezian Site. *ACSS* 18.2, 207–278.
- Dvornichenko, V.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1993: Sarmatskoe pogrebenie skeptucha I v. n.e. u s. Kosika Astrakhasnkoj oblasti. *Vestnik drevnei istorii* 3, 141–179.
- Дворниченко, В.В., Федоров-Давыдов, Г.А. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области. *ВДИ* 3, 141–179.
- Künzl, S. 2000: Quellen zur Typologie des römischen Tafelsilbers. *Sborník Národního muzea v Praze, řada A - Historie* 54.1–4, 71–86.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 267–400.
- Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. 2007: *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichenomor'е. II v. do n.e. – II v. n.e.* [Items of toreutics and jewellery art in the North Pontic area. 2nd century BC – 2nd century AD]. Simferopol, Bonn.
- Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Симферополь, Бонн.

- Novichenkova, N.G. 2015: *Gornyy Krym II v. do n.e. – II v. n.e. Po materialam raskopok svyatilishcha Gurzufskoe Sedlo* [Mountaneous Crime 2nd century BC – 2nd century AD. After the finds from the excavations of the sanctuary Gurzuf Pass]. Simferopol.
- Новиченкова, Н.Г. Горный Крым II в. до н.э. – II в. н.э. По материалам раскопок святилища Гурзуфское Седло. Симферополь.
- Popa, A. 2004: Einige Bemerkungen zum frühkaiserzeitlichen Prunkgrab von Kolokolin in der heutigen Ukraine. *Germania* 82.2, 491–508.
- Popa, A. 2014: Despre vasele de argint din hinterlandul provincilor romane Dacia și Moesia Inferior. *Acta Musei Tutovensis* IX–X, 92–107.
- Śmiszko, M. 1935: Stanowisko wczesnorzymskie w Kołokolinie, pow. Rohatyński. *Wiadomości Archeologiczne* 13, 155–164.
- Treister, M.Yu. 2007: Torevtika i yuvelirnoe delo v Severnom Prichenomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e. (ellinisticheskaya traditsiya). In: V.I. Mordvintseva, M.Yu. Treister 2007, 15–194.
- Трейстер М.Ю. Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. (эллинистическая традиция). В сб.: В.И. Мордвинцева, М.Ю. Трейстер 2007, 15–194.
- Vinokurov, N.I. 2014: Raskopki pomeshcheniya 10 (2009, 2011, 2013) ranney tsitadeli gorodishcha Artezian [Excavations of Room 10 (2009, 2011, 2013) of the early citadel of Artezian site]. *Tavrisheskie studii* [Tauric Studies]. *Istoricheskie nauki* [History Sciences] 6. Simferopol, 98–105.
- Винокуров, Н.И. Раскопки помещения 10 (2009, 2011, 2013 гг.) ранней цитадели городища Артезиан. *Таврические студии. Исторические науки* 6. Симферополь, 98–105.

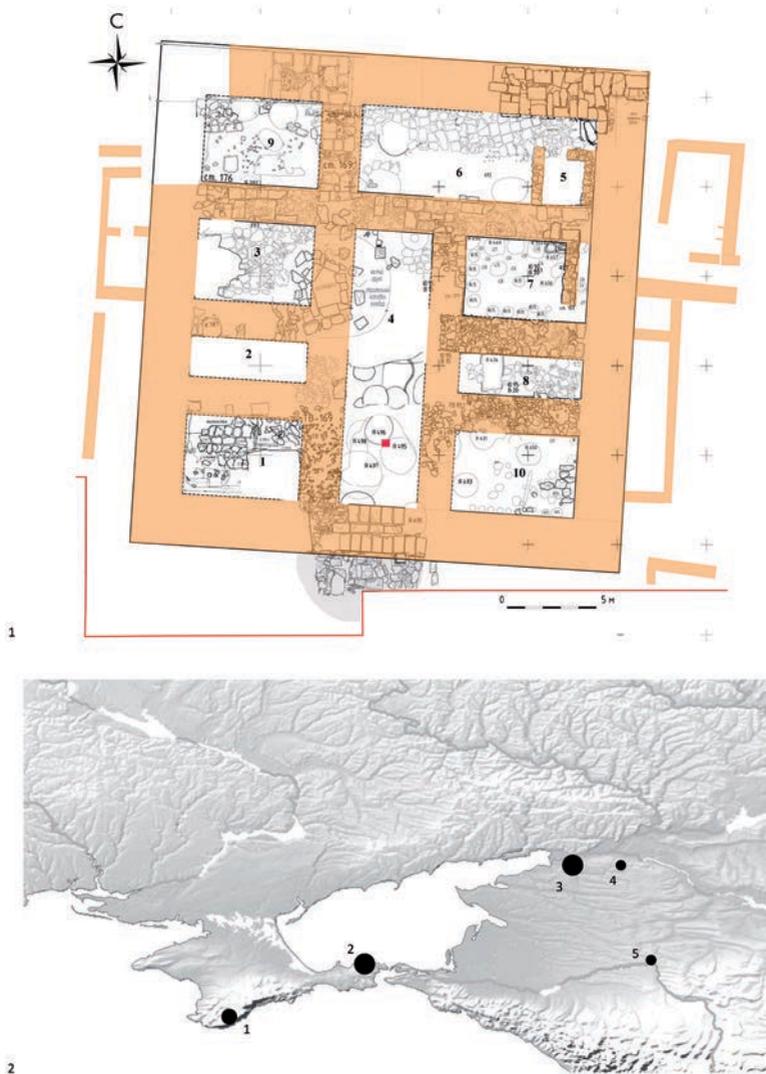

Рис. 1. 1 – план-схема ранней цитадели городища Артезиан (Н.И. Винокуров); квадратом обозначено место находки канфара в помещении 4. 2 – карта находок канфаров типа «Высочино» (М.Ю. Трейстер): 1 – Гурзуфское седло, 2 – Артезиан, 3 – Высочино-VII; 4 – Тузлуки (Верблюжка), 5 – Тифлисская.

Рис. 2. Серебряный канфар с надписью на донце из помещения 4 ранней цитадели городища Артезиан. 1 – фотографии ВКИКМЗ (2014), 2 – прорисовка А.В. Белоусова, 3–6 – фотографии Н.И. Винокурова (2013).

Рис. 3. Ручки серебряных канфаров из помещения 4 ранней цитадели городища Артезиан. Фотографии М.Ю. Трейстера (2014).

Комплекс керамики позднего хронологического периода на Белозерском поселении

Белозерское поселение — одно из немногих сельских поселений на Буго-Днепровском лимане, раскопки которого продолжаются до настоящего времени. Это отдаленное поселение большой хоры Ольвии расположено в устье Днепра на правобережье (окраина современного пос. Днепровский Белозерского р-на Херсонской обл. над протоком Днепра р. Кошевой), в древности оно занимало высокий берег над небольшой речкой Корабелкой. Площадь поселения составляла не менее 2 га, застраивалась от берега и на последнем этапе существования несколько увеличилась в напольной части. Основным раскопом IV открыта площадь более 4 тыс. м². Работы последнего десятилетия позволили, наконец, разобраться в системе застройки и хронологии поселения, поскольку исследовалась менее разрушенная часть. Верхняя часть культурного слоя переотложена плантажной вспашкой почти на всей площади памятника, тем не менее, культурные напластования и строительные остатки четко разделяются и соотносятся с двумя основными строительно-хронологическими периодами. В стратиграфии раскопа прослежены уровни двух основных фаз застройки в рамках IV – первой трети III вв. до н.э. Первый период жизни на поселении завершился в последней четверти IV в. до н.э. нивелировкой всей его площади под новое строительство. Поздний горизонт был выделен по остаткам сырцово-каменных сооружений, с ним связано формирование серозолистого слоя. Если прежде, из-за сильного разрушения культурного слоя, удавалось фиксировать, в основном, объекты на уровне материка, то теперь мы получили материалы завершающего периода жизни. Частично они уже опубликованы, при этом предпочтение отдавалось закрытым комплексам.

В докладе предлагается к рассмотрению еще один комплекс — №148 из раскопок 2009 г. Его нельзя назвать в строгом смысле закрытым, тем не менее, сосуды, его составляющие, использовались в одно время и в одной поздней жилой постройке. Интерес, прежде всего, вызывает амфора (рис. 1, 4). Развал амфоры вместе с развалами двух почти одинаковых больших лепных горшков был найден во внутреннем дворике, т.е. все они служили хозяйственным целям. По-видимому, они стояли рядом и были задеты плугом при плантажной вспашке, один лепной сосуд

оказался просто вдавлен в амфору. Естественно, сохранились не все фрагменты этих сосудов, на них имеются следы огня, т.е. они могли быть повреждены еще в древности. Один лепной горшок может быть восстановлен полностью, а от второго осталась только верхняя часть. У амфоры сбита большая часть горла с венчиком и обе ручки (места их крепления сохранились). Тулово склеилось не полностью, но имеются места соединения верхней и нижней её частей, поэтому все измерения и форму можно установить точно. Форма горла по нижней части не восстанавливается, фиксируется подрез у его основания. Амфора имеет «усть-лабинскую» ножку диаметром 6,3 см. Обращают на себя внимание необычно вытянутые пропорции этой амфоры. Соотношение D (максимальный диаметр тулова — 34,4 см) и H2 (высота нижней части — 51 см) составляет 0,67. Объем — 25,5 л. Амфора изготовлена из плотного однородного керамического теста с небольшим количеством блесток золотистой слюды, ангобирована. Цвет черепка по Манселлу: 5 YELLOW RED 6/6, цвет ангоба — 10 YELLOW RED 7/4. Амфоры с грибовидными венцами, овальными ручками и кубаревидной ножкой усть-лабинского типа предположительно определены как производство Книда третьей четверти IV в. до н.э., самую близкую аналогию представляют амфоры чередникового варианта ID с наиболее вытянутыми пропорциями, датирующиеся 360-330-ми гг.¹, но даже они имеют соответствующее соотношение около 0,8 и больший объем. Если развитие типа идет в сторону большей вытянутости, то наша амфора должна быть отнесена к поздней серии, что соответствует стратиграфической ситуации.

Лепные горшки (рис. 1, 5-6) обладают большими размерами и не имеют следов закопченности, т.е. использовались только для хранения продуктов. Линейные размеры археологически целого экземпляра: высота 32,4 см, диаметр 19,4 см, толщина стенок — 1,1 см. Второй был не меньше, диаметром 20 см. Они изготовлены из теста с примесью шамота, поверхность желтовато-серого цвета. Оба орнаментированы пальцевыми вдавлениями по краю венчика, целый сосуд имеет дополнительную орнаментацию пальцево-ногтевыми вдавлениями еще и по перегибу дна. Фрагменты подобных горшков больших и средних размеров — с орнаментом или без него — составляют абсолютное большинство среди лепной керамики на всем протяжении существования поселения.

Хронологическим индикатором на поселении может служить, наряду с другими материалами, чернолаковая керамика, встречающаяся сис-

¹ Monahov 2003, 102, 104, табл. 72, 4,7.

тематически со времени основания поселения до прекращения на нем жизни. Данный жилой дом не был исключением. Имеет смысл рассмотреть три «целых» сосуда (рыбное блюдо, лекиф, светильник), которые сохранились практически полностью, хотя тоже были раздавлены и обожжены. Рыбное блюдо (рис. 1) имеет диаметр 16 см, высоту 3,2 см. Широкий край венчика отогнут под углом — не строго вертикально; на переходе к венчику имеется желобок в цвете глины. Центральное углубление также выделено желобком, но полностью покрыто лаком. Поддон довольно высокий, внешняя поверхность выпуклого дна оставлена в цвете глины и орнаментирована небрежно выполненными концентрическими кругами (коричнево-оранжевым лаком). Блюдо изготовлено из плотной «аттической» глины и неравномерно покрыто негустым блестящим черным и оранжево-коричневым лаком. Наиболее близкая аналогия (включая размеры и покрытие) представлена среди материалов Афинской агоры с датировкой 310-290 гг. до н.э.²

Вместе с блюдом обнаружен почти целый лекиф со сколотым венчиком (рис. 1, 2). Высота сохранившейся части — 12,2 см, диаметр горла 1,7 см, диаметр тулова 8,6 см, диаметр поддона 5 см, толщина стенки 4 мм. Он изготовлен из серой глины и покрыт жидким блестящим черным лаком, дно и придонная часть оставлены в цвете глины. Лекиф имеет цилиндрическое горло, покатые плечики, плавно переходящие в продолговатое тулово, завершающееся низкой слабоогнутой подставкой. Полная аналогия пока не обнаружена. Прослеживается отдаленное сходство с сероглиняными лекифами типа XVI из ольвийского некрополя³. Общее сходство сосуд имеет также с овоидными чернолаковыми лекифами серой глины из некрополя Истрии, встречающимися в могилах с датировкой после 336 г. до н.э.⁴, но нашу находку характеризуют более удлиненные пропорции.

Светильник (рис. 1, 3) изготовлен из желтовато-серой слоистой глины и покрыт жидким ярким черным лаком. Светильник закрытый толстостенный, с маленьким туловом круглой формы и вытянутым носиком, на изогнутой подставке. Вокруг отверстия имеются концентрические желобки. Следы крепления ручки не видны. Его высота — 3,6 см, диаметр — 5,5 см, общая длина — 8,5 см. Светильник относится к широко распространенному типу 25 A (Global Bodies and Thick Bases) с дати-

² Rotroff 1997, 316, fig. 50, № 715.

³ Kozub 1974, 102-103, рис. 49, 2.

⁴ Alexandrescu 1978, 105, № 687-688.

⁵ Howland 1958, 70, type 25A; Jurina 1996, 98-100, № 10 (полная аналогия).

ровкой второй половиной IV – первой четвертью III вв. до н.э.⁵

Самую позднюю дату имеет рыбное блюдо — рубеж IV-III вв. до н.э. Оно относится к поздним поступлениям импорта на поселение, в то время как остальные сосуды могли продолжать использоваться с более раннего времени.

Литература / References

- Alexandrescu, P. 1978: *La ceramique d'époque archaïque et classique (VIIe-IVe s.)* (Histria. IV). Bucuresti.
- Howland, R.H. 1958: *Greek Lamps and their Survivals* (The Athenian Agora. Vol. IV). Princeton, New Jersey.
- Jurina, P. 1996: Lamps from Pistiros. In: J. Bouzek, M. Domaradzki, Z. H. Archibald (eds.), *Pistiros I: Excavations and Studies*. Prague, 96-103.
- Kozub, Yu.I 1974: *Nekropol' Ol'vii V-IV st. do n.e.* Kyiv.
Козуб, Ю.И. Некрополь Ольвии V-IV ст. до н.э. К.
- Monahov, S.Yu. 2003: *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushchih tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare: Katalog-opredelitel'*. Moscow, Saratov.
Монахов, С.Ю. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель*. М., Саратов.
- Rotroff, S. 1997: *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material* (The Athenian Agora. Vol. XXIX). Princeton, New Jersey, 1997.

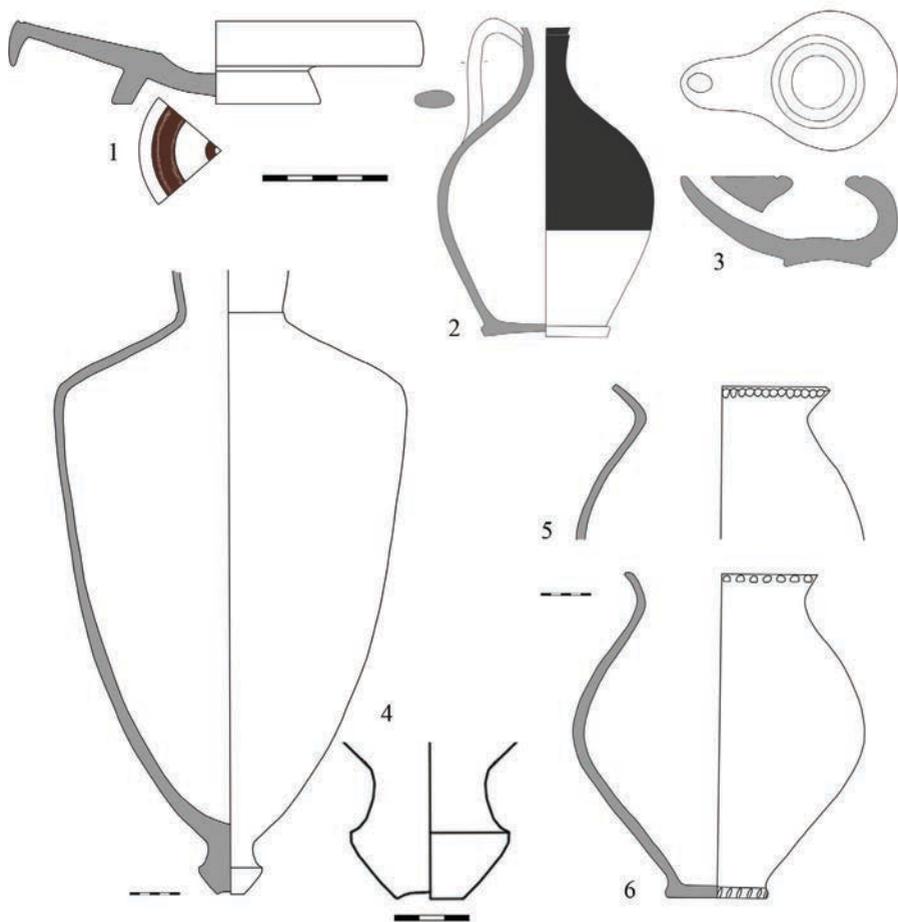

Рис. 1. Керамика Белозерского поселения

Скифосы с совой из раскопок Херсонеса Таврического

Среди аттических ваз, имеющих роспись, связанную по сюжету с культом Афины выделяется группа скифосов с изображением совы и ветвей оливы. В Северном Причерноморье целые и фрагментированные вазы этой группы были найдены при раскопках Пантикапея и других городов Боспора, в Херсонесе, Ольвии, Керкинитиде, на греко-варварских памятниках¹. Две обстоятельных работы, посвященные эти сосудам, написаны Ф. Джонсоном достаточно давно, в 50-е гг. XX в.² Он разработал классификацию этих сосудов, выделил типы изображений, попытался определить руку отдельных мастеров. О.В. Тугушева опубликовала группу скифосов из Северного Причерноморья и, на материалах ГМИИ им. Пушкина и Эрмитажа, уточнила классификацию Ф. Джонсона³.

Расписные скифосы с изображением совы и оливковой ветви использовались в основном как вотивные посвящения божеству и погребальные дары⁴. Они представляют собой послания социума к божеству с просьбой даровать блага – в данном случае процветание и благополучие городской общины и каждого ее гражданина в частности. Думаю, что сакральный смысл изображения на скифосах был ясен не только жителям Афин, но и жителям античных полисов Северного Причерноморья. Возможно, что здесь так же, как в Аттике и в других районах Греции, приносились вотивные дары в храм богини или на ее алтарь. В статье Э.И. Соломоник проанализированы данные, свидетельствующие о существовании культа Афины в Херсонесе. Здесь была воздвигнута статуя богини на берегу моря (Афина Сотейра) и, возможно, существовал ее храм⁵. В городских отложениях Херсонеса обнаружены 10 фрагментов скифосов с изображением совы и оливковой ветви. Изображение совы, теоморфного воплощения богини, найдено в Херсонесе не только на расписных сосудах. В 1895 году на юго-восточной оконечности города у старого блиндажа был обнаружен камень с изображением совы⁶.

¹ Vdovichenko 2008, 108.

² Johnson 1953, 96-105; Johnson 1955, 119-124.

³ Tugusheva 1997, 16-147.

⁴ Hoffmann 1995, 50.

⁵ Solomonik 1984, 7-12.

⁶ Kostsyushko-Valyuzhinich 1897, 100.

В коллекции из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича имеется 3 фрагмента таких сосудов. Самый крупный – фрагмент верхней части сосуда (Инв. № KB-35272/95) датируется третьей четвертью V в. до н.э. и относится к группе III7, два остальных (Инв. № KB-35272/318, № KB-35272/368) представляют собой фрагменты нижней части стенок с изображением оливковой ветви. Фрагменты скифосов с совой из раскопок Р.Х. Лепера (№№ 2788/13, 3761/09) относятся ко II группе этих культовых сосудов⁸, которая датируется серединой V в. до н.э.

В материалах раскопок С.Г. Рыжова найдено 5 фрагментов этих сосудов. Три фрагмента (Инв. № 800/37000, Инв. № 37404, НВФ № 1/37422) относятся к группе II по Ф. Джонсону⁹, группе В по классификации О.В. Тугушевой¹⁰, датирующей второй четвертью – серединой V в. до н.э. Характерная особенность – длинные брови совы, спускающиеся к нижней части головы, почти до шеи, а также листья оливы, изображенные стоящими вертикально. Один из фрагментов (Инв. № 37068, НВФ № 23) относится к группе Б по О.В. Тугушевой¹¹ и группе III по классификации Ф. Джонсона¹², датирующей второй четвертью – около середины V в. до н.э. Характерная особенность – лист оливы, расположенный под углом к ветке.

На четырех фрагментах, которые принадлежат одному сосуду (Инв. № 3/36986), но не соединяются, сохранилась часть изображения оливковой ветви и нижняя часть крыла совы. Оперение крыла показано косыми, частыми штрихами пера. Листья прорисованы небрежно – листочки нижней пары ветки как бы срезаны нижней границей рисунка, верхний листок также срезан диагонально. Все эти особенности роднят рисунок на фрагментах с изображениями на вазах, которые О.В. Тугушева относит к группе Г, например, скифос из Эрмитажа, Б 7341¹³. Сосуды этой группы датируются третьей четвертью V в. до н.э.

Таким образом, в коллекции Херсонесского музея хранятся фрагменты скифосов с совой, датирующиеся второй и третьей четвертью V в. до н.э. Они обнаружены во время раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича, Р.Х. Лепера и С.Г. Рыжова и найдены в северной и северо-

⁷ Johnson 1955, 119-124, pl. 35-38.

⁸ Johnson 1953, 99-100.

⁹ Johnson 1953, 99-100.

¹⁰ Tugusheva 1997, 141, табл. 3.

¹¹ Tugusheva 1997, 140, табл. 2.

¹² Johnson 1955, 119-124, pl. 35, 338.

¹³ Tugusheva 1997, 141-143, табл. 4.

восточной части городища, откуда происходят самые ранние находки. Обнаружение фрагментов этих сосудов является подтверждением существования культа Афины Полиады в Херсонесе Таврическом.

Литература / References

- Hoffmann, H. 1995: Dulce et decorum est pro patria mori: the imagery of heroic immortality on Athenian painted vases. In: S. Goldhill and R. Osborne (eds), *Art and Text in Ancient Greek Culture*. Cambridge, 28–51.
- Johnson, F.R. 1955: A note on Owl Skyphoi. *AJA* 59, 119–124.
- Johnson, F.R. 1953: An owl Skythos. In: *Studies, presented to the David Moore Robinson*. Sant Lois– Missouri, 96–105.
- Kostsyushko-Valyuzhinich, K.K. 1897: Otchet zaveduyuschego raskopkami v Hersonese K.K. Kostsyushko-Valyuzhinicha [Report of the head of excavations in Khersones]. *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1895 god*. Saint-Petersburg, 87–116.
- Косцюшко-Валюжинич, К.К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича. *Отчет Императорской археологической комиссии за 1895 год*. Санкт-Петербург.
- Solomonik, E.I. 1984: O kulte Afini v Hersonese v IV–III vv. do n.e. [About the cult of Athens in Chersonesos in the IV–III centuries BC.]. In: *Antichnaya i srednevekovaya ideologiya* [Ancient and medieval ideology]. Sverdlovsk, 7–12.
- Соломоник, Э.И. О культуре Афины в Херсонесе в IV–III вв. до н.э. В сб.: *Античная и средневековая идеология*. Свердловск, 7–12.
- Tugusheva, O.V. 1997: Atticheskie skifosyi s izobrazheniem sovi [Attic Scythians with the Image of an Owl]. In: *Vvedenie v hram* [Introduction to the Temple]. М., 136–147.
- Тугушева, О.В. Аттические скифосы с изображением совы. В сб.: *Введение в храм*. М., 136–147.
- Vdovichenko, I.I. 2008: *Antichnyie raspisnyie vazyi v Severnom Prichernomor'e* [Antique painted vases in the Northern Black Sea region]. Simferopol.
- Вдовиченко, И.И. *Античные расписные вазы в Северном Причерноморье*. Симферополь.

«...Κατὼς βασιλεὺς Φαρνάκης ἄγει»: еще раз о датировке и интерпретации IOSPE I² 402

Знаменитый договор между Фарнаком I Понтийским и Херсонесом Таврическим (IOSPE I² 402) датирован, помимо 15-го дня месяца Гераклия по принятому в Херсонесе дорийскому календарю (стк. 7), также месяцем Даисием 157 года с добавлением: «как считает царь Фарнак» (сткк. 29-32). Традиционный взгляд на эту датировку, выраженный первоиздателем надписи Р.Х. Лёпером¹ и наиболее популярный в отечественной (хотя и не только)² историографии и по сей день, относит заключение договора к весне 179 г. (все даты – до н.э.), а начало испльзуемой Фарнаком эры (очевидно, понтийской царской)³ – соответственно, на 336 г. В результате к 179 г. ныне прочно привязаны трактовки многих событий из истории полиса и относящихся к ним археологических, нумизматических и эпиграфических свидетельств.

Тем не менее, при непредвзятом подходе такая точка зрения выглядит весьма уязвимой по целому ряду причин. Во-первых, в этом случае начало династической эры Понта оказывается связанным не с реальным основателем царства, Митридатом I Ктистом, а с каким-то иным лицом⁴,

¹ Лоерг 1911, 23-39 и десятки других исследований.

² Например, Heinen 2005.

³ Ее, разумеется, не следует считать показателем того, что данное летосчисление было введено и использовалось исключительно этим монархом. Словоупотребление декрета вызвано, очевидно, уникальным характером двойной датировки документа, представляющего собой межгосударственный договор. Включение в текст надписи, вырезанной и установленной в независимом Херсонесе, стандартных для эллинистических царских надписей датировочных формул («при царе», «в царствование» или просто указания года без пояснений) было бы чревато дипломатическим конфузом, тем более что слово βασιλεύοντος уже употреблено в стк. 8 надписи применительно к полисному магистрату.

⁴ В трактовке Р.Х. Лёпера и его последователей начало эры связано с приходом власти в мисийском городе Киосе Митридата – отца Ктиста (Diod. XVI. 90. 2; но почему не деда, Ариобарзана – ведь годы его правления указаны здесь же?!). С.Ю. Сапрыкин считает, что счет лет велся от воцарения в Персидской державе Дария III, с которым могли связывать свою родословную Митридатиды (Сапрыкин 1996, 29-34) – это, однако, совершенно не подтверждено источниками. Наконец, А. Аврам полагает, будто Фарнак после завоевания Синопы в 183 г. воспринял ее городскую эру, по которой датируются некоторые синопские амфорные клейма (Avram 2016). Такой беспрецедентный для эллинистических монархов шаг кажется едва ли возможным.

чему нет никаких аналогий в истории эллинизма. Во-вторых, упоминаемое в тексте договора условие соблюдать дружбу с римлянами как для херсонеситов, так и для Фарнака (сткк. 2-5, 26-28) плохо согласуется с ситуацией окончания Понтийской войны 182-179 гг.: римская дипломатия, как показывает анализ источников, к ее завершению прямого отношения не имела⁵, и в целом политическое влияние Рима на Понте Эвксинском в это время еще не ощущалось. Наконец, упоминание Херсонеса в числе четырех греческих полисов, включенных в договор, который положил конец данному конфликту (Polyb. XXV. 2. 2-15), позволяет считать херсонеситов стороной, лояльной победителю, Эвмену II Пергамскому, тем более что понтийский царь, потерпевший серьезное поражение, едва ли мог рассматриваться ими на тот момент как выгодный союзник, способный ограждать их от нарастающего натиска скифов.

Исходя из этого⁶, многие западные специалисты склоняются к признанию использования в договоре селевкидской царской эры с началом в 312 г., которая будто бы могла быть заимствована понтийским правящим домом (имевшим матримониальные связи с Селевкидами); надпись тогда будет отнесена к весне 155 г.⁷ Но и эта гипотеза имеет очевидные слабости. Так, восприятие «чужой» системы летосчисления независимым Понтийским царством выглядит исключительно маловероятным (тем более что на его территории, в отличие от других областей Малой Азии⁸, не обнаружено датированных по селевкидской эре эпиграфических памятников). Внушает сомнения и то, что спустя всего лишь несколько месяцев после предполагаемого заключения договора Фарнаком понтийский престол занимал уже его брат Митридат IV, вмешавшийся в войну между Пергамом и Вифинией (Polyb. XXXIII. 12. 1).

Представляется наиболее перспективным для адекватного понимания и верной датировки надписи рассматривать «Фарнаково» лето-

⁵ Sherwin-White 1984, 42: «Заключительное соглашение, по которому Фарнак лишился всех своих завоеваний за исключением Синопы, было достигнуто без какого-либо вмешательства римлян».

⁶ Остаются, как кажется, и некоторые проблемы чисто хронологического свойства, вызванные необходимостью привести во взаимное соответствие даты по аттическому, македонскому и дорийскому календарям. См. детальный разбор их: Heinen 2005, 37-42.

⁷ Впервые проанализирована возможность этого: Rostovtzeff, Ormerod 1932, 217-218; наиболее подробно: Burstein 1980; в дальнейшем Leschhorn 1993, 74-95; Hojте 2003 и многие другие.

⁸ И от Парфянского царства, территории которого ранее принадлежали Селевкидам. В надписях Аршакидов, как известно, порой применялась двойная датировка: по собственной эре и по селевкидской системе (с уточнением $\omega\varsigma$ δὲ πρoτέρων).

счисление в общеэллинистическом контексте. Исходя из сопоставления, прежде всего, с эрой Селевкидов⁹, кажется максимально вероятным, что точкой отсчета в данном случае стало фактическое начало независимого правления Митридата I после его бегства от Антигона Одноглазого и закрепления в пафлагонской твердыне Кимистене в 315 г. (Strabo. XII. 3. 41; Plut. Dem. 4; App. Mithr. 9; ср. Diod. XX. 111. 4)¹⁰ При этом Ктист мог учредить собственную эру «задним числом» - после принятия им царского титула, состоявшегося, очевидно, в 297 г.¹¹ (вслед за «соседом» Зипойтом Вифинским и опять-таки в соответствии с примером Селевка I). Понтийско-херсонесский договор тем самым будет датирован 157 г.

Из данного предположения логически проистекает тот факт, что переход Понтийского царства на эру с началом в 297 г., надежно зафиксированную на монетах Митридата VI Евпатора начиная с 96/95 г.¹², а также в надписях из подчинившихся ему Фанагории¹³ и Ольвии¹⁴, в действительности был осуществлен еще его отцом Митридатом V Эвергетом, как об этом свидетельствует датировка декрета из Абонутейха («В царствование Митридата Эвергета, год 161, месяц Дий»)¹⁵.

⁹ А также вифинской, парфянской и «эрой Сотера» в птолемеевском Египте.

¹⁰ Эта дата, вместо принимавшегося ранее 302 г., убедительно обоснована в работе: Bosworth, Wheatley, 1998.

¹¹ Неоцененное специалистами, но очень важное указание на это – датировка 200-м годом (Σ) тетрадрахм и драхм Ариарата IX Евсевия (сына Митридата Евпатора, посаженного отцом на каппадокийский престол в 100 г. в восьмилетнем возрасте). Известны его монеты, датированные 1, 2 и 4 годами правления (и далее) (Callataj 1997, 200-209, особ. 202, 272); названные же выше выпуски, очевидно, являются своего рода «юбилейными» - приуроченными к 200-летней годовщине принятия царского титула Митридатом Ктистом. Явно не случайно, что последующие монеты Ариарата IX меняют стилистику изображений, ориентируясь уже на собственно понтийские образцы.

¹² Наиболее полная сводка данных: Callataj 1997, 4-51.

¹³ Vinogradov 1991.

¹⁴ Krapivina, Diatroptov 2005.

¹⁵ Loeper 1902. По этой же системе, очевидно, была датирована уникальная тетрадрахма Митридата Эвергета (ГОР – 173, т.е. 124 г. до н.э.), если она вообще существовала (в чем выражает сомнения Ф. де Каллатай: Callataj 2009, 78-79). Что же до синопской черепицы с датировкой ГNP (153) (Fedoseev 2015, 360, 364, рис. 3. 7), то она с равной вероятностью может быть датирована как по эре с началом в 315 г., что даст 162 г. (правление Фарнака), так и по эре с началом в 297 г. (= 144 г., царствование Митридата V): в любом случае, это уже время после подчинения Синопс Понту, когда прежняя использовавшаяся в (еще свободном) полисе эра (см. выше, прим. 4), очевидно, давно была отменена. Показательно, что в независимой Синопе черепица, как и амфоры, клеймилась именами полисных магистратов и никогда не датировалась.

Использование в данной надписи той же хронологической системы, что и в IOSPE I² 402, решительно исключено ввиду невозможности уместить в краткий хронологический интервал (около 4 лет) правление Митридата IV Филопатора Филадельфа, документируемое довольно интенсивным монетным чеканом (в том числе совместно с сестрой-женой Лаодикой)¹⁶ и сделанным им посвящением в храм Юпитера на Капитолии (CIL I2. 730 = CIL VI. 30922a = IG XIV. Add. 986a = IGUR I. 9 = OGIS 375). Для Митридата Эвергета, в течение довольно долгого времени оттесненного от власти братом и сестрой отца¹⁷, подобная мера представляется вполне оправданной и закономерной. В качестве прецедента он мог использовать чуть более раннюю акцию вифинского царя Никомеда II, представившего свое воцарение в 149 г. (после свержения и убийства им собственного отца, Прусия II) как фактически новое основание династии посредством «прокламации» на тетрадрахмах датировок по принятой еще Зипойтом вифинской царской эре с началом в том же 297 г.¹⁸ Начало же правления Митридата V детальный анализ данных Аппиана об участии этого царя в Третьей Пунической войне (Mithr. 10) позволяет отнести не к 149 г., как это обычно считается, а ко времени чуть более раннему, чем весна 147 г.¹⁹ Тем самым правление Митридата IV обретает достаточную продолжительность – до этого года и от смерти Фарнака (в какой-то момент – относительно вскоре? - после 157 г.).

Таким образом, на сегодня представляется актуальным рассмотрение гипотезы о понтийской царской эре с началом в 315 г. *sub specie Chersonesiensis*: проверка на соответствие предлагаемому хронологическому и событийному контексту локальных херсонесских данных по нумизматике, ономастике, амфорному производству и клеймению, а также динамики изменений полисной хоры и интерпретации связанных с ней материалов. Первые шаги в этом направлении вроде бы уже делаются²⁰.

¹⁶ Callataÿ 2009, 74-78.

¹⁷ Можно предложить несколько гипотез – на каком именно основании.

¹⁸ Gabelko 2005, 142-143.

¹⁹ Gabelko 2014, 290-291.

²⁰ Nikolaev 2017.

Литература / References

- Avram, A. 2016: Sur la date du traité entre Pharnaces et Chersonèse Taurique, in: J.-C. Couvenhes (ed.). *La symmachia comme pratique du droit international dans le monde grec. D'Homère à l'époque hellénistique*. DHA-Supplément 16. Besançon, 213-237.
- Bosworth, A.B., Wheatley, P.V. 1998: The Origins of the Pontic House. *Journal of Hellenistic Studies* 118, 155-164.
- Burstein, S.M. 1980: The Aftermath of the Peace of Apameia. Rome and the Pontic War. *American Journal of Ancient History* 5, 1-12.
- Callataÿ, F., de. 1997: *L'Histoire des guerres Mithridatiques vue par les monnaies*. Louvain-la-Neuve.
- Callataÿ, F., de. 2009: The First Royal Coinages of Pontos (from Mithridates III to Mithridates V). In: J.-M. Højte (ed.). *Mithridates VI and the Pontic Kingdom*. Aarhus, 63-94.
- Fedoseev, N.F. 2015: О хронологии синопских керамических клейм. *Antichnyy mir i arkheologiya* 17, 352-364.
Федосеев, Н.Ф. О хронологии синопских керамических клейм. *Античный мир и археология* 17, 352-364.
- Gabelko, O.L. 2005: *Istoriya Vifinskogo tsarstva*. Sankt-Peterburg.
Габелко, О.Л. *История Вифинского царства*. СПб.
- Gabelko, O.L. 2014: Nekotorye problemy monetnogo chekana pontiyskikh tsarey. In: Dzhakson T.N., Akopyan A.V. (red.). *ПОЛУТРОПОС. Sbornik nauchnykh statey pamyati Arkadiya Anatol'evicha Molchanova (1947-2010)*. Moscow, 285-296.
Габелко, О.Л. Некоторые проблемы монетного чекана понтийских царей. В сб.: Джаксон Т.Н., Акопян А.В. (ред.). *ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти Аркадия Анатольевича Молчанова (1947-2010)*. М., 285-296.
- Heinen, H. 2005: Die Anfänge der Beziehungen Roms zum nördlichen Schwarzmeerraum. Die Romfreundschaft der Chersonesiten (IOSPE I² 402). In: A. Coşkun, H. Heinen, M. Tröster (Hrsgg.). *Roms auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat*. Göttingen, 31-54.
- Højte, J.M. 2003: The Date of the Alliance between Chersonesos and Pharnakes (IOSPE I². 402) and Its Implications. In: V. Stolba, L. Hannestad (eds.). *Chronology of the Black Sea Area in the Period c. 400-100 B.C.* Aarhus, 138-152.
- Krapivina, V.V., Diatropov, P.D. 2005: Nadpis' namestnika Mitridata VI

- Евпатора из Ол'вии. *Vestnik drevney istorii* 1, 67–73.
- Крапивина, В.В., Диатроптов, П.Д. Надпись наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии. *ВДИ* 1, 67–73.
- Leschhorn 1993: Leschhorn, W. *Antike Ären. Zeitrechnung, Politik und Geschichte im Schwarzmeerraum und in Kleinasien nördlich des Tauros*. Stuttgart.
- Loeper, R.Kh. 1902: Grecheskaya nadpis' iz Ineboli. *Izvestiya Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole* 8, 1/2, 158–164.
- Лёпер, Р.Х. Греческая надпись из Инеболи. *Известия Русского археологического института в Константинополе* 8, 1/2, 158–164.
- Loeper, R.Kh. 1912: Khersonesskie nadpisi. *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii* 45, 23–70.
- Лёпер, Р.Х. Херсонесские надписи. *ИАК* 45, 23–70.
- Nikolaev, N.I. 2017: Ol'viyskie dekrety v chest' grazhdan Khersonesa v kontekste lokal'nykh khronologiy Ol'вии, Khersonesa i Pontiyskogo tsarstva. *Aristey. Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii* 15, 55–76.
- Николаев, Н.И. Ольвийские декреты в честь граждан Херсонеса в контексте локальных хронологий Ольвии, Херсонеса и Понтийского царства. *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории* 15, 55–76.
- Rostovtzeff, M.I., Ormerod, H.A. 1932: Pontus and its Neighbours: The First Mithridatic War, in *САН*¹ 9, 211–260.
- Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo*. Moskva.
- Сапрыкин, С.Ю. *Понтийское царство*. М.
- Sherwin-White, A.N. 1984: *Roman Foreign Policy in the East. 168 BC to AD I*. London.
- Vinogradov, Yu.G. 1991: Fanagoriyskie naemniki. *Vestnik drevney istorii* 4, 14–33.
- Виноградов, Ю.Г. Фанагорийские наемники. *ВДИ* 4, 14–33.

Античные памятники Гераклейского полуострова в восприятии путешественников конца XVIII- первой половины XIX вв.¹

Прошло более двухсот лет после присоединения Крыма к России, облик полуострова изменился, но до сих пор не утих интерес к начальному этапу жизни полуострова после присоединения к России в конце XVIII- первой половине XIX столетия: каким его видели, какой интерес вызывали его памятники, как их воспринимали и т.д. Сегодня записки вояжеров становятся одними из важнейших источников для реконструкции картины Крыма того времени.

Уже не раз отмечалось обилие вояжеров, посетивших Крым с разными целями – научными, познавательными, «ради любопытства», дипломатическими, разведывательными, миссионерскими и др.

Помимо описания природы и тех преобразований, которые осуществлялись в Крыму, практически все вояжеры отмечали богатство полуострова древними памятниками, выделяя среди них античные объекты. Вдохновленные штудиями древних авторов, многие пытались выступить в роли исследователя, сопоставляя увиденные руинированные остатки с упоминаемыми объектами. Интерес к античности на полуострове подогревался и бессистемными находками, коллекционированием древних монет и памятников².

Практически все приезжающие в юго – западную часть Крыма и на Южный берег, вдохновляясь пейзажами и античными мифологическими сюжетами, пытались найти Священный мыс и храм Партенос³.

В юго-западной части Таврики доминантой восприятия античной цивилизации в Крыму стал древний Херсонес. Древнему городу посвящено множество описаний⁴. Первоначальные научные исследования К.И. Габлица и П.-С. Паласса на долгое время легли в основу восприятия путешественниками этого античного города и его окружи⁵. Приме-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №15-01-00104 «Крымские древности в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в.: историко-археологическое исследование».

² Tunkina, 2002, 383-390.

³ Tunkina, 2002, 534-536; Прохорова 2013, 14.

⁴ Tunkina, 2002, 479-499; Прохорова 2013, 12, Храпунов 2011, 595 — 624.

⁵ Tunkina, 2002, 44-48.

ром популярности этих работ могут стать переводы Ж. Роммом «Описания Крыма» К.И. Габлица⁶. Находясь в Крыму, известные исследователи и сами с удовольствием давали пояснения приезжающим по поводу увиденных ими древностей. В большинстве случаев взгляд путешественников сосредотачивался на более или менее хорошо сохранившихся оборонительных сооружениях. Для осмотра древнего города, находившегося на удалении от строящегося современного им Севастополя, часть путешественников прибывали морем, поэтому сразу же отмечали удобную гавань Херсонеса. Со стороны моря просматривались и остатки склепов античного и раннесредневекового некрополя Херсонеса, однако, они воспринимались не как «город мертвых», а в качестве «пещер», в которых возможно, выполняя оборонительные функции, находились местные жители. Целостной картины существования некрополя вокруг древнего города у путешественников того времени так и не сложилось. Лишь единичные вояжеры, например, Э-Д. Кларк, отмечали «усыпальницы» на восточном берегу современной Карантинной бухты. Хотя в погоне за древними ценностями, тот же Кларк отмечает и начавшееся разграбление могильника. По мнению Н.И. Храпунова, именно он стал первым, кто отметил, а вернее, фактически локализовал, часть античного юго-восточного некрополя, дав при этом описание и погребального обряда. Первые же раскопки херсонесского некрополя осуществились несколько позднее, в 40-е гг. XIX в.

Практически сразу же первые исследователи Херсонеса обратили внимание на остатки памятников древнего города, за пределами оборонительных стен⁷. Первооткрыватель гераклейских древностей К.И. Габлиц сразу отметил разделенные прямыми линиями участки «камни, пущенные по прямой линии», считая все же их улицами и продолжением древнего города, принимая за них – древние дороги между наделами. Составленная под руководством К. Габлица первая карта Гераклейского полуострова с межевой системой, опубликованная позднее Е. Болховитиновым, надолго стала основной для изучения округа Херсонеса. Анализируя этот взгляд известного исследователя на структуру античного полиса Херсонес, мнение К.И. Габлица о продолжении улиц за пределами оборонительных стен, можно считать его чуть ли не первой попыткой восприятия пространственной организации античного Херсонеса, картина которой складывается лишь во второй половине XX - начале XXI вв. (работы С.Ф. Стрежелецкого, Г.М. Николаенко, А.Н. Щеглова, В.М. Зубаря, Л.В. Марченко, А.В. Буйских и др.).

⁶ Petrova, Prokhorova 2011, 80.

⁷ Tunkina, 2002, 501.

Практически одновременно, в конце XVIII в., П.-С. Паллас, отмечая следы старых стен, соотносит их не только с ограждениями, но и с фундаментами старых стен, «деревнями - колониями», остатками башен для спасения от набегов тавро-скифов. Впоследствии П.И. Сумароков также считает размежку улицами для проезда, а территорию Гераклеи сельскохозяйственным предместьем. Иностранные путешественники (Э-Д. Кларк, Ж-Ж Рейи, Г.К.Кастельно, Дж. Уэвстер, Дж. Александер и др.), осматривая окрестности, не вдаваясь в споры, отмечали следы пересекающихся стен, рассеянные камни от прежних строений, «поля, обнесенные камнем», придерживаясь точек зрения К.И. Габлица и П.-С. Палласа. Дипломат, нумизмат, Ж.Ж. Рейи, относительно древностей Гераклейского полуострова практически полностью повторил в своих записках исследования П.-С. Паласса. Спустя некоторое время П.П. Свинын, повторяя вслед за К.И. Габлицем описание остаткам стен близ Херсонеса, подверг критическому замечанию вывод о древних улицах. Прорыв в исследовании остатков Гераклейских древностей был сделан Ф.Д. де Монпере, который точно определил назначение округа города, как сельскохозяйственной зоны, доказал с помощью определенных выводов основное ее назначение – выращивание виноградников, определил назначение размежки – выделил дороги, плантажи, сделал попытку выделения структур усадеб, определив, таким образом, пространственную организацию т.н. «ближней хоры» античного полиса. Именно эти описания и исследовательские «штудии» стали определяющими в развитии исследования херсонесской хоры на последующие сто лет⁸.

Еще одной темой интереса к античным древностям юго-западно-го Крыма, стали поиски т.н. Древнего или Страбонова Херсонеса⁹. Исследователи и путешественники, живо дискуссияруя по данной проблематике, определяли совершенно диаметрально места расположения данного памятника. Однако в большинстве своем, все же склонялись к Маячному полуострову, называя этот участок иногда «Малым Херсонесом» (Э-Д. Кларк). Поиск упоминаемого Страбоном «Старого Херсонеса» ведется и поныне.

Говоря о внимании к истории Крыма, нужно отметить, что археологические древности, в частности античные привлекали свое внимание не менее, чем памятники материковой Греции или Рима. Именно в этот период делались первые попытки осмысления пространственной организации античного Херсонеса, оставшихся древностей этого пери-

⁸ Zubar', 2007; Zedgenidze 2014, 205-213.

⁹ Prokhorova 2013, 124; Zedgenidze 2014, 205-213.

ода – единого восприятия городища, некрополя и хоры. Впоследствии застройка территории юго-западной оконечности полуострова активно уничтожала остатки древнего города, и описания и исследования «первооткрывателей», сегодня зачастую являются одним из важным источником для понимания существования античного полиса Херсонеса.

Литература / References

- Zedgenidze A.A.: 2014 «Uchenye puteshestviya» kontsa XVIII - nachala XIX v. Issledovanie Khersonesa Tavricheskogo. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie 1*. Moscow, 205-213.
Зедгенидзе А.А. «Ученые путешествия» конца XVIII - начала XIX в. Исследование Херсонеса Таврического. В. сб: *Знание. Понимание. Умение 1*. М, 205-213.
- Petrova E.B., Prokhorova T.A.: 2011 *Krymskie puteshestviya: Sharl' Zhil'ber Romm. «Puteshestvie v Krym v 1786 g.»*. Simferopol.
Петрова Э.Б., Прохорова Т.А., *Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 г.»*. Симферополь.
- Prokhorova T.A.: 2013 *Antichnye i srednevekovye pamyatniki yugo-zapadnogo Kryma (Khersones i ego okruga, Balaklava, Inkerman) v zapiskakh puteshestvennikov kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX v.* Avtoriferat diss. na sois. k.i.n. Khar'kov.
Прохорова Т.А. *Античные и средневековые памятники юго-западного Крыма (Херсонес и его округа, Балаклава, Инкерман) в записках путешественников конца XVIII – первой половины XIX в.* Авториферат дисс. на соис. к.и.н. Харьков.
- Tunkina I.V.: 2002. *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh Yuga Rossii (seredina XVIII-seredina XIX v.)*. Saint-Petersberg.
Тункина И.В. *Русская наука о классических древностях Юга России (середина XVIII-середина XIX в.)*, Спб.
- Khrapunov N.I.: 2011. Khersones v opisaniyakh evropeyskikh puteshestvennikov kontsa XVIII - nachala XIX v. *Materialy i issledovaniya po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* 17, 595 – 633
Храпунов Н.И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII - начала XIX в. *МАИЭТ* 17, 595 – 633.
- Zubar' V.M.: 2007. *Khora Khersonesa Tavricheskogo. Istoriya raskopok i nekotorye itogi*. Kiev.
Зубарь В.М. *Хора Херсонеса Таврического. История раскопок и некоторые итоги*. Киев.

Attic Painted Pottery from Pichvnari Cemetery from the Fifth and Fourth Centuries BC (The Results of 1998-2015 Excavations)

Pichvnari cemetery is rich in Attic painted vases. Besides massive goods as lekythoi of different shapes and size, there were found, at different times, the works of Polygnotos, Aischines, the “Niobid,” “Beldam,” “Bowdoin,” “Shuvalov,” and other painters and their workshops. There is continuous chronology of painted vases from the second quarter of the fifth to the first quarter of the fourth century BC. Black and red-figure vessels discovered during archaeological expeditions in 1998–2015 divide into the following three thematic groups: mythological characters and scenes, their allegorical images, and scenes depicting funerary rituals. It should be noted that Attic painted ware, an integral part of the burial ritual and characteristic to the Greek world as evidenced by the subjects of the painting, also occurred in the Colchian cemetery from the same period.

Н. Дзnelадзе
Батумский археологический музей

Аттические расписные вазы из могильника Пичвнари V–IV вв. до н. э. (результаты раскопок в 1998–2015 гг.)

Могильник Пичвнари богат аттическими расписными вазами. Помимо керамической продукции массового производства, которые представлены лекифами различных форм и размеров, в разное время здесь обнаружены изделия мастерских Полигнота, Эскина, Белдама, мастеров «Ниобид», Боудинской и Шуваловской амфор, а также других вазописцев. Существует непрерывная хронология расписных ваз со второй четверти V в. до н. э. по первую четверть IV в. до н. э. Изображения на чернофигурных и краснофигурных вазах, обнаруженных археологическими экспедициями 1998–2015 гг., делятся на три тематические группы: мифологические персонажи и сцены, их аллегорические образы, а также изображение погребальных ритуалов. Следует отметить, что расписная керамика, являющаяся неотъемлемой частью погребального ритуала, свойственного греческому миру, что подтверждается тематикой росписей, выявлена и на колхском могильнике того же периода.

О границах херсонесского государства на Гераклейском полуострове в античную эпоху в свете новых данных¹

Исследования последних десятилетий на перешейке Гераклейского полуострова позволили накопить необходимый багаж данных для создания цельной картины херсонесского пограничья в античное время. Исследователи считали неоспоримым фактом существование здесь системы пограничных укреплений ещё до начала археологических раскопок, опираясь на сообщения путешественников конца XVIII – первой половины XIX вв., а также на материалы разведок Л.Н. Соловьева в середине 1920-х гг., и почти единодушно относили её к римскому времени².

Представления о крайних пунктах херсонесского пограничья эллинистического времени до недавнего времени строились на результатах исследований укрепленных комплексов в Хомутовой балке и на высоте Безымянной³, однако граница херсонесских владений все же выдается дальше в юго-восточном направлении (рис. 1). Здесь важным пунктом было выявленное в 2012 г. О.Я. Савелей поселение на восточном берегу Балаклавской бухты, которое он отождествлял с Сьюболонном. Собранный на месте исследований ранний материал датируется IV–III вв. до н.э.⁴ В 2 км к северу подступы к нему закрывало другое поселение эллинистического времени, его следы прослеживаются при раскопках римского военного лагеря в северной части современной Балаклавы⁵.

Далее в северном направлении обнаружены два укрепленных пункта в центральной части массива Сапун-горы. Речь идет о башне с поселением в урочище Таш-Кулле, раскопанной экспедицией Херсонесского музея под руководством О.Я. Савели в 1987–1988 гг.⁶ и расположенном выше, в 400 м к юго-западу, укреплении на вершине Сапун-горы у памятника НП 7-й бригады морской пехоты. В 1925 г. это укрепление было

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Херсонесское пограничье в Юго-Западной Таврике античного времени» (РФФИ, № 16-31-01082а2).

² Sarnovski, Kovalevskaya 2004, 40-49.

³ Marchenko 1996, 193.

⁴ Savelya 2014, 183.

⁵ Karasiewicz-Szczypiorski 2015, 54.

⁶ Zubar 2009, 321, 322.

открыто севастопольским краеведом Л.Н. Соловьевым, однако вновь локализовать его удалось только в 2014 г.⁷

Поселение аналогичное Таш-Кулле существовало в центральной части массива Караньских высот на высоте 283. Оно было открыто в 1903 г. Д.О. Шпаком и вновь локализовано автором⁸. Вместе с другими, более известными и наиболее укрепленными комплексами херсонесского пограничья на высоте Безымянная и в Хомутовой балке⁹, оно образует тыловой рубеж уже на границе размежёванной территории.

Было бы логичным предполагать продолжение цепи укрепленных усадеб и поселений по естественному рубежу гребня Сапун-горы, однако во всей северо-восточной части Гераклейского полуострова их нет. Возможно, границей освоенной территории так и остались глубокие Сарандинакина и Хомутова балки, на склонах которых разместились крайние восточные усадьбы 250, 295, 296, 334 и 335 (по нумерации И.Т. Кругликовой). На северном окончании этой естественной границы в эллинистическое время функционировало портовое поселение у Южной бухты¹⁰.

К рубежу эр поселения с башнями в урочище Таш-Кулле и на высоте 283 Караньских высот перестают функционировать окончательно, а укрепление на вершине Сапун-горы лишь временно. В целом, многие усадьбы, расположенные в восточной части т.н. ближней хоры, остаются обитаемыми даже на рубеже эр. В римское время в южной половине перешейка Гераклейского полуострова смещения границы не происходит, и уже с появлением римских войск наблюдается укрепление пограничных пунктов. Теперь самым крупным укреплением становится Балаклавский кастелл на месте уже упомянутого эллинистического поселения. Вместе с этим не теряет своей роли укрепленное поселение на высоте Безымянная. Также на высоте Виноградная в первой половине II в. был возведен укрепленный пункт, исследованный автором в 2017 г. с проведением локальных земляных работ.

Такое усиление на южном фланге указывает на необходимость функционирования порта у Балаклавской бухты. В римское время здесь, как минимум, находился рыбопромысловый комплекс с цистерной, пифосами и шкиперским складом¹¹.

⁷ Filippenko, Doroshko, Tyurin 2015, 348-351.

⁸ Doroshko, Doroshko 2016, 147-150.

⁹ Nikolaenko 2001, 124-125, 145-146.

¹⁰ Nikolaenko 2001, 77; Turovskiy 2015, 338, 339.

¹¹ Savelya 2014, 184.

К середине II в. линия пограничных укреплений сдвигается в северо-восточном направлении до восточных склонов Сапун-горы и Киленбалочных высот. Первый из этих памятников был открыт на высоте Казацкая в 1991 г., он является типично римским постом, где открыты остатки башни, окруженной стеной и внутренними постройками. Диаметр стены составлял 25–27 м. Вокруг нее был выкопан глубокий ров¹².

В 3 км к югу, в урочище Кавказ, в ходе археологических работ совместной экспедиции НЗХТ и Варшавского университета под руководством О.Я. Савели и Т. Сарновского в 2004–2006 гг. была открыта квадратная в плане башня и ров вокруг нее, что соответствует планировке памятника на высоте Казацкая с той лишь разницей, что вокруг башни так и не была возведена каменная стена с парапетом¹³.

С севера цепочку выявленных пограничных укреплений римского времени замыкает объект на вершине высоты Суздальская. В силу плохой сохранности памятника нельзя определить его тип, однако многочисленные римские обувные гвозди, элементы ременной гарнитуры и свинцовая пломба с латинским текстом¹⁴ не оставляют сомнений в том, что объект был связан с римской армией.

Суммируя сказанное, отметим, что херсонесское пограничье формировалось с целью своевременного выявления угрозы со стороны многочисленного противника и распыления его сил в случае проникновения вглубь ближней округи Херсонеса. Эта же тенденция будет сохраняться и в римское время с одновременным укреплением периметра границы, вынесенной на восточные склоны Сапун-горы.

Литература / References

- Doroshko, V.V., Doroshko, O.P. 2016: Issledovaniya na vysote 283 Karanskikh vysot k severo-zapadu ot s. Flotskoe g. Sevastopolya v 2014-2015 gg. In: *Bosporskie chteniya XVII. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Issledovateli i issledovaniya*. Kerch, 147-152.
- Дорошко, В.В., Дорошко, О.П. Исследования на высоте 283 Караньских высот к северо-западу от с. Флотское г. Севастополя в 2014-2015 гг. В сб.: *Боспорские чтения XVII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования*. Керчь, 147-152.

¹² Savelya 1997, 91, 92.

¹³ Karasiewicz-Szczygiorski 2012, fig. 6; 2015, 63, fig. 13.

¹⁴ Saprykin, Doroshko 2015.

- Filippenko, A.A., Doroshko, V.V., Tyurin, M.I. 2015: Issledovaniya ukreplennogo kompleksa antichnogo vremeni na vershine Sapun-gory v 2014 g. In: *Bosporskie chteniya XVI. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Geograficheskaya sreda i sotsium*. Kerch, 348-351.
- Филиппенко, А.А., Дорошко, В.В., Тюрин, М.И. Исследования укрепленного комплекса античного времени на вершине Сапун-горы в 2014 г. В сб.: *Боспорские чтения XVI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум*. Керчь, 348-351.
- Karasiewicz-Szczypiorski, R. 2012: Roman military sentry posts in Crimea. New discoveries? *Swiatowit Fasc. A, VII (XLVIII)*, 93-99.
- Karasiewicz-Szczypiorski, R. 2015: The Roman fort in Balaklava and its surroundings. *Swiatowit Fasc. A, XII (LIII)*, 53-79.
- Marchenko, L.V. 1996: Zashchita khory. *Khersonesskiy Sbornik VII*, 193-197.
Марченко, Л.В. Защита хоры. *ХСб VII*, 193-197.
- Nikolaenko, G.M. 2001: *Khora Khersonesa Tavricheskogo. Zemelnyy kadastr IV–III vv. do n.e. Part 2. Sevastopol*.
Николаенко, Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н.э. Ч. 2. Севастополь.
- Saprykin, S.Yu., Doroshko, V.V. 2015: Pechat rimskogo benefitsiariya iz okrestnostey Khersonesa Tavricheskogo. In: Zhuravlev D.V. (ed.) *S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomorie v antichnosti. K 70-letiyu V.P. Tolstikova*. Moscow, 239-246.
Сапрыкин, С.Ю., Дорошко, В.В. Печать римского бенефициария из окрестностей Херсонеса Таврического. В сб.: Журавлев (ред.) *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова*. Москва, 239-246.
- Sarnovski, T., Kovalevskaia, L.A. 2004: O zaschite Khersonesskogo gosudarstva soyuznym rimskim voennym kontingentom. *Rossiyskaya Arkheologiya 2*, 40-50.
Сарновски, Т., Ковалевская, Л.А. О защите Херсонесского государства союзным римским военным контингентом. *РА 2*, 40-50.
- Savelya, O.Ya. 1997: Nekotorye rezultaty rabot Sevastopolskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v okruge Khersonesa v 1990–1995 gg. *Khersonesskiy Sbornik VIII*, 88-95.
Савеля, О.Я. Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990–1995 гг. *ХСб VIII*, 88-95.

- Savelya, O.Ya. 2014: Rezultaty arkhеologicheskikh nablyudeniy na ul. Kalicha v Balaklave v 2012 godu. *Khersonesskiy Sbornik XVIII*, 181-193.
- Савеля, О.Я. 2014: Результаты археологических наблюдений на ул. Калича в Балаклаве в 2012 году *ХСб XVIII*, 181-193.
- Turovskiy, E.Ya. 2015: K voprosu o khersonesskikh gavanyakh na Gerakleyskom poluostrove. *Bosporskie chteniya XVI*, 336-340.
- Туровский, Е.Я. К вопросу о херсонесских гаванях на Гераклеяском полуострове. *Боспорские чтения XVI*, 336-340.
- Zubar, V.M. 2009: Letopis arkhеologicheskikh issledovaniy Khersonesa-Khersona i ego okrug (1914–2005 gg.). T. I-II. *Materialy po arkhеologii, istorii i etnografii Tavrii. Supplementum 6*.
- Зубарь, В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его окружи (1914–2005 гг.). Т. I-II. *МАИЭТ Supplementum, 6*.

Рис. 1. Херсонесское пограничье на Гераклеяском полуострове в античную эпоху.

Кухонные гончарные ойнохои «эгейского типа» из раскопок Херсонеса Таврического и его окружи

В отечественной археологии Северного Причерноморья не принято выделять центры производства кухонной гончарной посуды римского времени, считая ее продукцией местных мастеров¹. Вместе с тем, среди большого разнообразия форм можно выделить те, что с уверенностью являются импортной для Херсонеса продукцией.

В работе речь пойдет об ойнохоях без лакового покрытия, фрагменты которых часто находят в римских слоях города и памятников его окружи, а именно — сосуды с глиной желто-красного или красно-коричневого цвета; поверхность покрыта ангобом в цвет глины или темно-коричневого, иногда – почти черного цвета. Состав примесей разнообразен: или это включения частиц песка, шамота, иногда – белых частиц, или примеси мелких частиц песка и мелких блесток слюды. Эта группа керамики была выделена Дж. Хейсом, который и дал ей название «эгейского типа» по возможному месту ее производства².

Фрагменты подобных ойнохой иногда ошибочно относят к группе столовой посуды, однако наличие копоты на донцах целых форм свидетельствует об их использовании для подогрева и кипячения жидкости.

В Херсонесе подобные ойнохои и их фрагменты были найдены в слоях II – начала III вв.: слой II – начала III вв. из раскопок Г.Д. Белова в 1937 г., слой засыпи ванн терм конца II – начала III вв. (раскопки И.А. Антоновой) (рис. 1, 1), слой засыпи цистерны II – начала III вв. (раскопки М.И. Золотарева). Также целые формы ойнохой, причем со следами копоты, найдены в некрополе Херсонеса: «могила у дороги» (Р.Х. Лепер, 1910 г.), могила XVI (Р.Х. Лепер, 1910 г.), склеп 111 (Р.Х. Лепер, 1910 г.), могила 19 (Р.Х. Лепер, 1913 г.) (рис. 1, 2), склеп 5 (В.М. Зубарь), склеп на ул. Н. Островской (В.М. Зубарь, С.Г. Рыжов, 1974 г.) (рис. 1, 3). Этим же временем датируются фрагменты ойнохой, найденных в округе Херсонеса: на усадьбе «Близнецы»³ (рис. 1, 4-7), на высоте Ка-

¹ Kadeev 1970, 82-116; Zeest 1957.

² Hayes 1983, 105.

³ Sozник 2005, 247, рис. 6, 2; Klenina, Sozник 2004, 66-67, рис. 27, 253-256.

зацкая⁴, высоте Суздальская (раскопки В.В. Дорошко)⁵ и в храме Юпитера Долихена в Балаклаве⁶. Правда, фрагменты кухонных гончарных ойнохой были найдены в слоях объекта на высоте Виноградная, где слой по сопутствующему материалу можно датировать в пределах первой половины – середины II в. (разведки В.В. Дорошко).

Такие сосуды найдены и в других центрах Северного Причерноморья. Так, фрагменты ойнохой найдены в цистерне второй половины II – III вв. Пантикапея⁷ и зольнике конца II – начала III вв.⁸ По материалам Ольвии В.В. Крапивина датировала сосуды периодом II – начала III вв.⁹ В Горгиипии такие сосуды найдены в комплексах II – середины III вв.¹⁰ Почти целая коричневоглиняная ойнохой найдена в подвале Танаиса II – III вв.¹¹

Зона распространения этой формы выходит далеко за пределы Северного Причерноморья: фрагменты найдены в Новах, где по аналогиям датированы первой половиной III в., а по технологии производства — II – III вв.¹², в Дуросторуме с материалом конца II – первой четверти III вв.¹³, на эгейском побережье Словении, в слоях II – III вв.¹⁴, в Истрии с материалом II – III вв.¹⁵, Добрудже (вторая половина II – III вв.)¹⁶, на Афинской Агоре, где датируются серединой III в.¹⁷, в Трое с материалом 69/100 — 200/300 гг. н.э.¹⁸, в Кноссе, где датируются II – III вв.¹⁹, в Эфесе, Дидимах, Милете²⁰ и даже в Марокко, где датируются серединой II — серединой III вв.²¹

⁴ Nessel 2011, с. 120, рис. 5, 11

⁵ Пользуясь случаем, выражаю благодарность В.В. Дорошко за возможность опубликовать материал.

⁶ Klenina 2000, 137, рис. 27, 19.

⁷ Tolstikov, Zhuravlev, Lomtadze 2005, 248, рис. 13, 1.

⁸ Golofast 2013, 220, рис. 12, 7-11.

⁹ Krapivina 1993, 103.

¹⁰ Alekseeva 1997, табл. 213, 20.

¹¹ Arseneva, Naumenko 1994, 76, рис. 22, 4.

¹² Tomas 2003, 158-161, Tabl. VII, 83, 84, 94, 97, 98.

¹³ Muşeteanu, Elefterescu 1992, 236, fig. 4, 81.

¹⁴ Istenič, Schneider 2000, fig. 3, 3; 4, 4.

¹⁵ Suceveanu 2000, pl. 73-74.

¹⁶ Rădulescu 1975, 341-343, pl. VIII, 2-3.

¹⁷ Robinson 1959, 68, pl. 14, K 106.

¹⁸ Kozal 2001, 336, pl. 8, 137.

¹⁹ Hayes 1983, 122, fig. 6, 76, 77; Forster 2009, 131, fig. 4.26, 182-184.

²⁰ Vapur 2011, 167-168.

²¹ Akerraz, Camporeale, Papi 2013, 22, Tav. 8, № 68, 69.

Таким образом, по аналогиям такие кухонные ойнохои можно датировать в пределах середины II – начала III вв., что согласуется с находками в Херсонесе.

Дж. Хейс предположил, что «эгейскую серию» керамики производили на протяжении середины I – II вв. на восточном побережье Малой Азии или Фракии²². В настоящее время можно с уверенностью утверждать, что часть из них производили в малоазийском регионе. Так, Б. Тёккок отнес эти ойнохои к местному производству Трои²³. В 2000 г. на материалах Словении были сделаны выводы, что все группы кухонной гончарной посуды эгейского типа (а это не только ойнохои, но и кастрюли, сковороды с витыми ручками, небольшие горшочки) производились в Фокее²⁴. Эту версию подтверждают находки ойнохой в керамике Фокеи, где они датируются II – III вв.²⁵ Таким образом, можно выделить целую группу кухонной гончарной посуды римского времени фокейского производства²⁶, фрагменты которых часто обнаруживают и при раскопках Херсонеса, хотя не исключено их производство и в других малоазийских мастерских²⁷. Что же касается ойнохой, то они также производились на протяжении II – III вв. во фракийских мастерских Олтении²⁸ и Хотницы²⁹. Возможно, в Херсонес сосуды поступали как из Малой Азии, так и с Нижнего Дуная.

Литература / References

Alekseeva, E.M. 1997: *Antichnyy gorod Gorgippiya*. Moscow.

Алексеева, Е.М. *Античный город Горгиппия*. М.

Akerraz, A., Camporeale, S., Papi, E., 2013: *Sidi Ali Ben Ahmed – Thamusida 3. I materiali*. Roma.

Arseneva, T.M., Naumenko, S.A. 1994: Kompleks nakhodok iz podvala MB II – III vv. n.e. *Vestnik Tanaisa* 1, 61-112.

Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. Комплекс находок из подвала МБ II – III вв. н.э. *Вестник Танаиса* 1, 61-112.

²² Hayes 2009, 13.

²³ Tekkök 1996, 106-107, D41, 42.

²⁴ Istenič, Schneider 2000.

²⁵ Özyigit 1991, 104, Resim 14; Özyigit 1999, 39, Resim 13.

²⁶ Sökeli 2013, 16, fig. 24.

²⁷ Vapur 2011, 167.

²⁸ Popilian 1976, 101.

²⁹ Sultov 1969.

- Forster, G. 2009: *Roman Knossos: the pottery in context: a presentation of ceramic evidence provided by the Knossos 2000 Project (1993-95)*. Birmingham.
- Golofast, L.A. 2013: Prostaya goncharnaya keramika iz raskopok zolnika rimskogo vremeni u podnozhiya gory Mitridat v Kerchi. *Bosporskie issledovaniya* 28, 211-241.
- Голофаст, Л.А. 2013: Простая гончарная керамика из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи. *Боспорские исследования* 28, 211-241.
- Hayes, J.W. 1983: The Villa Dionysos Excavations, Knossos: The Pottery. *The Annual of the British School at Athens* 78, 97-169.
- Hayes, J.W. 2009: Castelporziano. Excavations at the Imperial Vicus 1985-7 and 1996-8. Trenches S and SA. *Pottery finds and lamps*. Oxford, 1-35.
- Istenič, J., Schneider, G. 2000: Aegean cooking ware in the Eastern Adriatic. *Rei Cretariae Romanae fautorum. Acta* 36, 341-348.
- Kadeev, V.I. 1970: *Ocherki istorii ekonomiki Khersonesa v I – IV vekakh*. Kharkov.
- Кадеев, В.И. *Очерки истории экономики Херсонеса в I – IV веках*. Харьков.
- Klenina, E.Yu. 2000: Kukhonnaya keramika. In: *Balaklava. Rimskaya voennaya baza i svyatilishche Yupitera Dolikhena*. Warsaw, 134-140.
- Кленина, Е.Ю. Кухонная керамика. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 134-140.
- Klenina, E.Yu., Soznik, V.V. 2004: *Keramicheskie sosudy II – III v. n.e. iz usadby «Bliznetsy» (Khora Khersonesa Tavricheskogo)*. Poznan.
- Кленина, Е.Ю., Созник, В.В. *Керамические сосуды II – III в. н.э. из усадьбы «Близнецы» (Хора Херсонеса Таврического)*. Познань.
- Krapivina, V.V. 1993: *Olviya. Materialnaya kultura I-IV vv. n. e.* Kiev.
- Крапивина, В.В. *Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н. э.* Киев.
- Kozal, E. 2001: Studies in Roman Ilion: the Lower City. Stratified Domestic Assemblages. *Studia Troica* 11, 309-342.
- Muşeteanu, C., Elefterescu, D. 1992: Contributii privind ceramica romana de la Durostorum (III). *Pontica* 25, 221-239.
- Nessel, V.A. 2011: Stolovaya keramika iz raskopok rimskogo voennogo posta v okruge Khersonesa Tavricheskogo. *Khersonesskiy Sbornik* 16, 117-127.
- Нессель, В.А. Столовая керамика из раскопок римского военного поста в округе Херсонеса Таврического. *ХСб* 16, 117-127.
- Özyigit, Ö. 1991: 1990 Yılı Phokaia Kazı Çalışmaları. *Kazı Sonuçları Toplantısı XIII*. II, 99-122.

- Özyigit, Ö. 1999: 1998 Yılı Phokaia Kazı Çalışmaları. *Kazı Sonuçları Toplantısı* 21. 2, 33-46.
- Popilian, G. 1976: *Ceramica romana din Oltenia*. Craiova.
- Rădulescu, A. 1975: Contribuții la cunoașterea ceramicii de uz comun din Dobrogea. *Pontica* 8, 331-360.
- Robinson, H.S. 1959: Pottery of the Roman Period: Chronology. *The Athenian Agora: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens* V. Princeton.
- Sökeli, H. 2013: *Ceramic workshops in Hellenistic and Roman Anatolia: production characteristics and regional comparisons*. Ankara.
- Sozник, V.V. 2005: Kruglaya bashnya na usadbe «Bliznetsy» na khore Khersonesa Tavricheskogo. *Bosporskie issledovaniya* 8, 238-262.
Созник, В.В. Круглая башня на усадьбе «Близнецы» на хоре Херсонеса Таврического. *Боспорские исследования* 8, 238-262.
- Suceveanu, A. 2000: La céramique romaine des Ier-IIIe siècles ap. J.-C. *Histria* 10. Bucarest.
- Sultov, B. 1969: Novootkrit keramichen tsentr pri s. Khotnitsa ot rimskata i staroblgarska epokha. *Arkheologiya* 11/4, 12-24.
Султов, Б. Новооткрит керамичен център при с. Хотница от римската и старобългарска епоха. *Археология* 11/4, 12-24.
- Tekkök, B. 1996: *The Hellenistic and Roman pottery from Troia: second century B.C. to sixth century A.D.* Columbia.
- Tolstikov, V.P., Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 2005: Tsisterna rimskogo vremeni na Zapadnom plato Pervogo kresla gory Mitridat. *Drevnosti Bospora* 8, 340-376.
Толстикова, В.П., Журавлев, Д.В., Ломтадзе, Г.А. Цистерна римского времени на Западном плато Первого кресла горы Митридат. *Древности Боспора* 8, 340-376.
- Tomas, A. 2003: Jugs from Novae. A Study on Finds from 1960-99. *Novensia* 14, 119-184.
- Vapur, Ö. 2011: Menderes Magnesiası Theatron Kazısı Seramik Buluntuları. *Anatolia* 37, 143-193.
- Zeest, I.B. 1957: Pantikapeyskaya keramika sarmatskogo vremeni (po materialam raskopok Pantikapeya 1945 — 1949 gg.). *Materialy i Issledovaniya po Arkheologii SSSR* 56, 139-159.
Зеест, И.Б. Пантикапейская керамика сарматского времени (по материалам раскопок Пантикапея 1945 — 1949 гг.). *МИА* 56, 139-159.

Рис. 1. Фрагменты ойнохой из раскопок Херсонеса Таврического и его округи:
 1 – т.н. «цитадель» Херсонеса; 2 - могила 19 (раскопки Р.Х. Лепера, 1913 г.);
 3 - склеп на ул. Н. Островской (Раскопки В.М. Зубаря, С.Г. Рыжова, 1974 г.);
 4 – 7 - усадьба «Близнецы» (по: Klenina, Soznik 2004).

Античные монеты Херсонеса в собрании Евпаторийского краеведческого музея

Фонд Евпаторийского краеведческого музея включает коллекцию античных монет Херсонеса, насчитывающую чуть более 300 экземпляров, в основном бронзовых монет различных типов (серебряных монет – 3 экземпляра), относящихся к IV – I вв. до н.э.

Все монеты паспортизованы и поступили в музей в результате проведения археологических раскопок античного города Керкинитиды в 1917 г., 1952 г., 1980 – 1982 гг., городища Беляус в 1980 и 1989 гг., поселения «Чайка» и усадеб, расположенных в его округе, в период с 1959 по 2011 гг., которые входили в состав Херсонесского государства в Северо-Западном Крыму.

Коллекцию херсонесских монет музея дополняют два клада, случайно найденных в окрестностях Евпатории в 1941 и в 1964 гг.

62 бронзовые херсонесские монеты IV-III вв. до н.э. поступили в музей из клада, известного как Кучук-Мойнакский, найденного в 1964 г. в Евпатории во время строительных работ на территории санатория имени Шевченко и опубликованного в 1970 г.

В 1941 г. в округе Евпатории на территории детского санатория ЦК ЖД Центра (ныне угол улиц Франко и Маяковского, территория санатория «Приморье») во время хозяйственных работ случайно был найден клад бронзовых монет. В акте, составленном при передаче монет рабочими, обнаружившими клад, сотрудникам музея, упоминаются найденными 30 покрытых патиной монет, но в собрании музея в настоящее время числятся 13 монет. Все они имеют один тип: «Голова Девы в венке вправо – Палица в венке, надпись ХЕР» и относятся к началу второй четверти IV в. до н.э. (по В.А. Анохину). В описи находок, составленной 14.06.1941 г., вместе с различными фрагментами керамики упоминается придонная часть сосуда с изображением лебедя и утенка с прижатыми крыльями, рядом с которым находились монеты. Этот фрагментированный сосуд с краснофигурной росписью хранится в музее. Место находки было обследовано научным сотрудником Евпаторийского музея П.И. Филонычевым, затем в 1951 г. руководителем Евпаторийского отряда Тавро-Скифской экспедиции ИИМК АН СССР М.А. Наливкиной. Как было установлено, клад находился внутри круглой

башни IV-III вв. до н.э. Ныне каменные блоки сооружения размещены на улице Дувановской напротив входа в краеведческий музей.

Обаклада происходят из сельскохозяйственной округи Керкинитиды.

При археологических раскопках города Керкинитиды в различные годы в музей поступило более 140 монет античного Херсонеса.

В их числе 26 монет из раскопок Керкинитиды, проведенных в 1917 г. заведующим Херсонесским музеем Л.А. Моисеевым. Они относятся к началу IV-II вв. до н.э. Среди них 2 серебряных драхмы тип «Дева в фас – Бодающий бык влево, надпись ХЕР» около 370 г. до н.э. (по А.Н. Зографу). Остальные бронзовые монеты представляют типы:

- «Голова Девы влево – Рыба и палица влево, надпись ХЕР» (1 экз.) 390-380 гг. до н.э. (по В.А. Анохину);

- «Голова быка в фас – Рыба и палица вправо, надпись ХЕР» (1 экз.);

- «Голова Девы в венке вправо – Венок, в нем палица вправо, надпись ХЕР» (1 экз.) второй четверти IV в. до н.э.;

- «Голова льва – Шестилучевая звезда» (1 экз.) середины IV в. до н.э.;

- «Квадрига вправо - Коленопреклоненный воин влево» (7 экз.);

- «Коленопреклоненная Дева вправо – Грифон влево, надпись ХЕР» (9 экз.);

- «Дева поражающая лань влево – Бодающий бык влево» (3 экз.) середины IV-III вв. до н.э.;

- «Орел влево – Стоящий козел влево, надпись ХЕР» (1 экз.) около третьей четверти II в. до н.э.

В 2017 г. исполняется 100 лет локализации античного города Керкинитиды исследователем Керкинитиды в 1916-1918 и 1929 г.г. Лаврентием Алексеевичем Моисеевым. Л.А. Моисеев в 1916 г. одним из первых обратил внимание городских властей г. Евпатории на необходимость проведения археологических исследований на территории города и впервые поднял вопрос о необходимости создания музея в Евпатории.

В 1929 г. совместно с Л.А. Моисеевым в исследовании Керкинитиды приняла участие Мария Арсентьевна Наливкина.

Во время раскопок Керкинитиды под руководством М.А. Наливкиной в 1952 г. согласно описи находок было найдено 12 бронзовых монет Херсонеса IV в. до н.э., которые представляют три типа монет:

- «Голова быка в фас – Рыба и палица вправо, надпись ХЕР» (3 экз.);

- «Квадрига вправо - Обнаженный коленопреклоненный воин влево, надпись ХЕР» (7 экз.);

- «Коленопреклоненная Дева вправо – Грифон влево» (2 экз.) (по В.А. Анохину).

Более ста монет Херсонеса, хранящихся в музее, поступили в результате археологических раскопок Керкинитиды в 1980-1982 гг., проводившихся под руководством В.А. Кутайсова. Они представлены следующими типами:

- «Голова Девы влево - Рыба и палица вправо» (9 экз.);
- «Голова быка в фас – Рыба и палица влево, надпись ХЕР» (14 экз.);
- «Голова Девы в венке вправо – Венок, палица вправо» (9 экз.);
- «Дева - Дельфин» (1 экз.);
- «Кратер - Венок, в нем надпись ХЕР» (1 экз.);
- «Голова льва – Звезда» (22 экз.);
- «Квадрига вправо – Коленопреклоненный воин влево» (37 экз.);
- «Янус – Лев, терзающий быка» (6 экз.);
- «Грифон - Дева» (1 экз.);
- «Бига - Лев» (2 экз.);
- «Коленопреклоненная Дева вправо – Грифон влево» (4 экз.);
- «Голова Девы в венке влево - Коленопреклоненная Дева, стреляющая из лука вправо» (1 экз.);
- «Сидящий орел со сложенными крыльями влево – Стоящий козел влево» (3 экз.) (по В.А. Анохину).

Монеты Херсонеса, обнаруженные при исследовании Керкинитиды, относятся к периоду первой половины IV - II в. до н.э.

Следующая группа античных монет Херсонеса поступила от Крымской археологической экспедиции исторического факультета МГУ в результате археологических раскопок греческого поселения «Чайка», расположенного в семи километрах к западу от Керкинитиды и основанного в период освоения Херсонесом Северо-Западного Крыма, некрополя «Чайки» и сельскохозяйственных усадеб «Чайка-Маяк» и Песчанка, находящихся в окрестностях поселения. С поселения «Чайка» и усадеб с 1959 по 2011 гг. в музей были переданы 75 бронзовых и 1 серебряная монета Херсонеса. Монеты относятся ко второй четверти IV в. – III в. до н.э.

Три бронзовые монеты Херсонеса в собрании музея происходят из греческого городища Беляус в Западном Крыму, обнаруженные в результате раскопок Беляусского городища Донузлавской археологической экспедицией Института археологии РАН в 1980 и 1989 гг. Две из них имеют типы: «Квадрига вправо - Коленопреклоненный воин влево» и «Голова Гермеса в петасе вправо - Рог изобилия», третья монета с надчеканками. Монеты относятся ко 2-ой половине IV-II вв. до н.э.

Рис. 1. Херсонес. Драхма. Серебро. Около 370 г. до н.э. Раскопки Керкинитиды в 1917 году. Лицевая и оборотная стороны.

К вопросу о датировке S-видных эллинистических канфаров

Различные варианты неаттических эллинистических канфаров с S-видным профилем являются частой находкой на памятниках Северо-причерноморского региона как греческих, так и позднескифских¹. Они представляют собой глубокие сосуды с прямым, в большей или меньшей степени отогнутым наружу венчиком с заглаженным краем, S-видной формой тулова и невысоким профилированным кольцевым поддоном или ножкой. Вертикальные ручки чаще всего дополнены ротелями, реже имеют налепы в виде листьев плюща или масок актеров (рис. 1). В литературе за ними не закрепилось единого названия². Однако в последнее время для их обозначения начали использовать термин S-видные канфары или канфары с S-видным профилем³. Действительно, исследователи эллинистической чернолаковой керамики прототипами формы считают аттические эллинистические канфары типа *angular*, выпускавшиеся в Афинах с конца первой четверти до последнего десятилетия III в. до н.э.⁴

Вопросы о месте и дате их производства и бытования поднимались неоднократно⁵. Первый связан с широким распространением таких сосудов за пределами Аттики и Пелопоннеса, преимущественно, в восточных регионах греческой ойкумены (Македония, Фессалия, Малая Азия, Причерноморье). Второй – с находками в слоях и комплексах разного, порой, довольно широкого хронологического диапазона. А также, на наш взгляд с тем, что существует некоторый временной разрыв между сосудами, изготовленными в разных центрах.

Судя по результатам исследований последних лет, такие канфары производили в нескольких античных городах, расположенных в Малой

¹ Parovich-Peshikan 1974, рис. 77, 79; Uzhencev 2006, 211; Domžalski 2007, 174-175, fig. 8; Dashevskaya 2014, 85, 86. Табл. 19, 4-6; 36, 1-2; 85, 1; Zajcev 1998, 58, 59. Рис. 3, 25; Saprykin, Vnukov 2015, 112-113, рис. 6; Rotroff 2002, 104, fig. 5; Bulut 2013, 75 и др.

² Чаще всего используются наименования: кубки, кубковидные канфары или кубки-канфары и скифосы: Parovich-Peshikan 1974, 80; Behr 1988, 113; Meyer-Schlichtmann 1988, 67-68; Zajcev 1998, 58-59; Sökeli 2013, 112; Dashevskaya 2014, 85-86 и др.

³ Rotroff 2002, 100; Lungu 2013, 195.

⁴ Подробнее о форме: Özyğit 1991, 96; Rotroff 2002, 100; Lungu 2013, 194-198; Bulut 2013, 75, 76; Bozkova 2014, 200, 201. Об аттических канфарах типа *angular*: Rotroff 1997, 100-103.

⁵ Rotroff 2002, 100, 101; Saprykin, Vnukov 2015, 112, 113; Zhuravlev 2015, 195, 196; Egorova 2009, 50, 51 и др.

Азии: Пергаме (Пергам-Кестель), Сардах, Фокее и некоторых других, в том числе, возможно, Даскелионе; на территории Македонии и Фессалии; в Причерноморье: Истрии и Мессембрии⁶.

Пергамские сосуды Й. Шефер датирует второй четвертью III – рубежом III – II вв. до н.э.⁷; Д. Бер полагает, что их выпускали более продолжительный промежуток времени – до конца 3 четверти II в. до н.э., с предположительной возможностью продления верхней границы до 2 четверти I в. до н.э. По его мнению, канфары с S-видным профилем проходят в своем развитии 3 фазы, причем самые ранние сосуды (вторая–третья четверть III в. до н.э.) имеют более угловатую профилировку тулова и, таким образом ближе к аттическим прототипам, поздние (с конца III в. до н.э.) – плавный изгиб и вытянутые формы⁸. К. Мейер-Шлихтманн (группа S6) относит сосуды с округлыми формами уже не ранее чем к середине II – 2 четверти I в. до н.э.⁹

О. Озигит, исследуя материалы из гончарных печей (Пергам-Кестель) и опираясь на хорошо датированный сопутствующий материал полагает, что здесь их могли делать не позднее, чем до конца III в. до н.э.¹⁰ Можно предположить, что более поздние варианты изготавливали в других местах или других малоазийских центрах.

В 2002 году, рассматривая керамику West Slope C. Ротрофф, подняла вопрос о пересмотре датировок пергамских канфаров, как крупнейшего после Афин центра, выпускавшего свою продукцию по аналогии с аттическими образцами. По ее мнению, они не должны были хронологически удаляться от прототипов и датироваться существенно позже конца III в. до н.э.¹¹

Находки в Сардах продукции предположительно местного производства свидетельствуют о дате в пределах середины III – 2 половины II вв. до н.э.¹² Их македонские аналоги датируют последними десятилетиями III – серединой II в. до н.э. и они не встречаются в слоях, надежно датирующихся второй половиной II столетия¹³. Эфесские варианты

⁶ Schäfer 1968, 49; Behr 1988, 113; Meyer-Schlichtmann 1988, 67–68; Özyğit 1991, 94; Lungu 2013, 194–198; Rotroff 2002, 98; Rotroff, Oliver 2003, 38; Sökeli 2013, 8; Bulut 2013, 77; Drougou 1991; Drougou, Touratsoglou 1991, 17.

⁷ Schäfer 1968, 58.

⁸ Behr 1988, 113–115.

⁹ Meyer-Schlichtmann 1988, 60, 62.

¹⁰ Özyğit 1991, 94–97; Özyğit 2000, fig. 102.

¹¹ Rotroff 2002, 98.

¹² Rotroff, Oliver 2003, 38–46.

¹³ Drougou 1991; Drougou, Touratsoglou 1991, 17.

относят к рубежу III – II в. до н.э. - 1 половине II в. до н.э.¹⁴ О ранних датах свидетельствуют и комплексы из Ассоса и Западного Причерноморья¹⁵.

Таким образом, можно говорить о том, что канфары с S-видным профилем в центрах их производства датируются в пределах 2 четверти III – середины II в. до н.э. с единичными более поздними экземплярами. Причем пергамские сосуды появляются в среднем на 25-40 лет раньше остальных и существуют, возможно, более длительный промежуток времени.

Если же рассматривать Северопричерноморские комплексы, включающие находки таких канфаров, то можно отметить, что в тех случаях, когда они имеют достаточно узкую дату, за редким исключением¹⁶, это дата – последняя треть или конец II в. до н.э.¹⁷

Пока сложно дать однозначное объяснение этому феномену. Можно лишь выдвинуть ряд предположений. Во-первых, одна из малоазийских мастерских могла продолжать выпускать традиционные формы канфаров для этого региона. Подобное предположение уже высказывалось для некоторых более ранних чернолаковых форм¹⁸. Во-вторых, они могли иметь здесь более длительный период употребления или использоваться вторично.

Литература / References

- Behr, D. 1988: Neue Ergebnisse zur pergamenischen Westabhangkeramik. *Istanbul Mitteilungen* 38, 97–178.
- Bozkova, A. 2014: West Slope Pottery from Mesambria Pontike. In: P. Guldager Bild, M.L. Lawall (eds.) *Pottery, Peoples and Places. Study and interpretation of late Hellenistic pottery* (Black Sea Studies 16). Aarhus, 199-214.
- Bulut, H. 2013: West Slope Ware from Daskyleion. *Istanbul Mitteilungen* 63, 75-127.
- Dashevskaya, O.D. 2014: *Nekropol' Belyausa*. Симферополь.
Дашевская, О.Д. *Некрополь Беляуса*. Симферополь.
- Domžalski, K. 2007: Changes in late Classical and Hellenistic fine pottery

¹⁴ Mitsopoulos-Leon 1991, 44. B.20-25, E.25.

¹⁵ Ellinghaus 1990, 77; Bozkova 2014, 200, 201; Lungu 2013, 196.

¹⁶ Tsirkunova 2008, 381-384.

¹⁷ Zajcev 1998, 58, 59. Рис. 3, 25; Egorova 2009 50, 51; Dashevskaya 2014, 85-86; Zhuravlev 2015, 195, 196; Saprykin, Vnukov 2015, 112-113 и др.

¹⁸ Egorova 2009, 31; Egorova 2014, 188.

- production in the Eastern Mediterranean as reflected by imports in the Pontic area. In: V. Gabrielsen, J. Lund (eds.) *The Black Sea in antiquity. Regional and interregional economic exchanges*. Aarhus, 161-181.
- Drougou, S. 1991: *Hellenistic pottery from Macedonia*. Thessaloniki.
- Drougou, S., Touratsoglou I. 1991: Hellenistische keramik aus Makedonien: chronologische indizien. *Antike Kunst* 34, 13-27.
- Εγγλεζου, Μ. 2005: *Ελληνιστική κεραμική Κρητης*. Αθηνα.
- Egorova, T.V. 2009: *Chernolakovaya keramika IV–II vv. do n.e'. s pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kryma*. Moskow.
- Егорова, Т.В. *Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма*. М.
- Egorova, T.V. 2014: Predvaritel'nyj analiz kompleksa chernolakovoj keramiki VI–II vv. do n.e'. iz raskopok Pantikapeya 1945–1992 gg. In: *Drevnosti Bospora* 18, 174-195.
- Егорова, Т.В. Предварительный анализ комплекса чернолаковой керамики VI–II вв. до н.э. из раскопок Пантикапея 1945–1992 гг. В сб. *Древности Боспора* 18, 174-195.
- Ellinghaus, Ch. 1990: Klassische und hellenistische Glanztonkeramik. *Asia Minor Studien 2. Ausgrabungen in Assos*. Bonn, 67-78.
- Lungu, V. 2013: La céramique de style west slope. *Histria. Les résultats des fouilles XIV*. Bucarest; Paris.
- Meyer-Schlichtmann, C. 1988: *Die pergamenische sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon: Mitte 2. Jh. v. Chr. – Mitte 2. Jh. n. Chr.* (Pergamenische Forschungen 6).
- Mitsopoulos-Leon, V. 1991: Die Basilika am Staatsmarkt in Ephesos Kleinfunde. Keramik hellenistischer und römischer Zeit. *Forschungen in Ephesos IX 2/2*. Wien.
- Özyğit O. 1991: Ceramiques hellenistiques d'après les fouilles de Pergam/Kestel. *BVEpisthmonikh Sunanthsh gia thn Ellhnistikh Keramikh*. Afhna.
- Özyğit O. 2000: The chronology of Pergamene appliqué ware. *EVEpisthmonikh Sunanthsh gia thn Ellhnistikh Keramikh*. Afhna.
- Parovich-Peshikan, M. 1974: *Nekropol' Ol'vii e'llinisticheskogo vremeni*. Kiev. Парович-Пешикан, М. *Некрополь Ольвии эллинистического времени*. Киев.
- Rotroff, S.I. 1991: Attic West Slope Vase Painting. *Hesperia* 60. 1.
- Rotroff, S.I. 1997: Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. *The Athenian Agora XXIX*. Princeton; New Jersey.

- Rotroff, S.I. 2002: West Slope in the East. *Céramiques hellénistiques et romaines, productions et diffusion en Méditerranée orientale (Chypre, Égypte et côte syro-palestinienne)*. Lyon.
- Rotroff, S.I., Oliver, A. 2003: The Hellenistic Pottery from Sardis: the finds through 1994. *Archaeological Exploration of Sardis* Monograph 12. Cambridge, London.
- Saprykin, S.Yu., Vnukov, S.Yu. 2015: Grecheskie nadpisi iz Kara-Tobe (Severo-Zapadnyj Krym). *Vestnik drevnej istorii* 2, 98-119.
Сапрыкин, С.Ю., Внуков, С.Ю. Греческие надписи из Кара-Тобе (Северо-Западный Крым). *ВДИ* 2, 98-119.
- Schäfer, J. 1968: Hellenistische Keramik aus Pergamon. *Pergamenische Forschungen* 2. Berlin.
- Sökeli, H. 2013: *Ceramic workshops in Hellenistic and Roman Anatolia: production characteristics and regional comparisons*. Ankara.
- Tsirkunova, I.V. 2008: Chernolakovyj kanfar iz zapadnogo prigoroda Tanaisa. *Novensia* 18-19, 381-385.
Циркунова, И.В. Чернолаковый канфар из западного пригорода Танаиса. *Novensia* 18-19, 381-385.
- Uzhencev, V.B. 2006: *E'lliny i varvary Prekrasnoj gavani*. Simferopol'.
Уженцев, В.Б. *Эллины и варвары Прекрасной гавани*. Симферополь.
- Zajcev, Yu.P. 1998: Keramika s lakovym pokrytiem iz sloya požara 1 Yuzhnogo dvorca Neapolya Skifskogo. *E'llinisticheskaya i rimskaya keramika v Severnom Prichernomor'e* (Trudy GIM. Tom 102), 52-60.
Зайцев, Ю.П. Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя Скифского. *Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье* (Труды ГИМ. Том 102), 52-60.
- Zhuravlev, D.V. 2015: Pergamskaya e'llinisticheskaya stolovaya posuda v Severnom Prichernomor'e (kratkij obzor). *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. Part 1. Istoriya. № 1. М., Magnitogorsk, 190-216.
Журавлев, Д.В. Пергамская эллинистическая столовая посуда в Северном Причерноморье (краткий обзор). *Проблемы истории, филологии, культуры*. Ч. 1. История. № 1. М., Магнитогорск, 190-216.

Рис. 1. Канфары с S-видным профилем. 1. Аттика (Rotroff 1991, 83. Fig.12, 84). 2. Пергам (Behr 1988, 117. Abb.1, 1). 3. Даскелион (Bulut 2013, 97. Fig.6, 40). 4. Крит (Еγγλεζου 2005, Pin.14, 368).

К вопросу об амфорах с нефтью из Танаиса

В ходе археологических раскопок 1968–1969 гг. в Танаисе был открыт и исследован склад амфор, погибший в ходе пожара в городе около середины III в. н.э.¹ В числе прочих он содержал 99 фрагментов узкогорлых светлоглиняных амфоры с дипинто НАФА. На многих из них наряду с дипинто НАФА сохранились двузначные числа². Анализ темного осадка на донышках и стенках амфор с дипинто НАФА показал, что он принадлежит нефти нафтно-ароматического типа³. По мнению К.В. Кострина, ближайшее залегание нефти этого типа находится в Приозерском (Чонгелемском) месторождении, расположенном в 30 км от Керчи у с. Костырино на южной оконечности Керченского полуострова⁴. Нефть аналогичного типа содержит также амфора 4 в. н.э. из раскопок Тиритаки 1939 г.⁵ В совокупности, эти данные стали весомыми аргументами для разработки гипотезы, что нефть в амфорах из Танаиса боспорского происхождения, доставлялась из округа Пантикапея в Танаис, и дипинти НАФА на них являются локальным вариантом произношения слова *váφθα*, нефть, в котором тхета оказалась редуцированной⁶. Двузначные цифры предположительно обозначали количество нефти в амфорах в полукотилах (1 полукотила = ок. 0,137 л.)⁷. Нефть поставлялась в Танаис для работы городского маяка и, возможно, в качестве топлива для светильников⁸.

Тезис о местном производстве светлоглиняных узкогорлых амфор был опровергнут в 90-е годы XX в.⁹ Можно считать доказанным их происхождение из региона Гераклеи Понтийской¹⁰. Также было высказано аргументированное мнение, что дипинти на узкогорлых амфорах типа D наносились в местах заполнения амфор надлежащим продуктом, по

¹ Shelov 1972, 94–95; 1989, 114–115.

² Shelov 1989, 115, 120, 123.

³ Kostrin 1971, 264–265.

⁴ Kostrin 1971, 264–265; Shelov 1972, 95 – 96.

⁵ Uspenskij 1952, 415–417.

⁶ Shelov 1972, 95–98.

⁷ Shelov 1989, 120.

⁸ Shelov 1972, 99–101.

⁹ Börttger, Shelov 1998, 30.

¹⁰ Vnukov 2006, 16–17, 48–57.

всей вероятности, в Геракле Понтийской¹¹. Цифры, написанные над словом НАФА не могут обозначать объем узкогорлых амфор типа D в полукотилах, поскольку это не соответствует реальному объему этого типа сосудов. Двухзначные числа обозначают, вероятнее всего, номер пифоса, из которого продукт был налит в амфору¹². Под номером пифоса располагаются на узкогорлых амфорах сокращенные имена, но это имена не жителей Танаиса, торговцев, занимавшихся транспортировкой оптовых партий товаров по морю из Гераклеи Понтийской в Пантикапей и другие боспорские города¹³.

Итак, светлоглиняные узкогорлые амфоры типа D с нефтью из Танаиса были иностранного производства, по всей видимости, Гераклеи Понтийской, и двухзначные числа и надпись НАФА на них были нанесены там же, а не на Боспоре. Если следовать стандартному расположению дипинти, то двухзначные числа обозначают номер пифоса, а НАФА – сокращение имени владельца партии товара, который доставлял из Южного Понта на Боспор в амфорах. При этом дипинто НАФА как часть личного имени не стоит одиноко в цепи личных имен на амфорах из Танаиса. Среди амфор первой половины III в., найденных в Танаисе, есть именные маркировки N, NA, НАΦΑΝΩ¹⁴. Сопоставление надписей НАФА и НАΦΑΝΩ наводит на очевидную мысль, что НАФА – это сокращение от имени НАΦΑΝΩ, Нафанω, Нафану, nom. sing. Ναφανος/Ναφανης, Нафан. Имя негреческое и принадлежит, по всей видимости, торговцу, совершавшего поставки в Танаис.

Вопрос о происхождении нефти в амфорах из Танаиса из района Чонгелека вызывает сомнения. Сравнительных проб с нефтяным осадком из других нефтяных месторождений, где получали нефть в античное время, кроме Бакинского, а также расположенными за пределами СССР, не проводилось. Осознавая несоответствие между гипотезой Шелова и южнопонтийским производством узкогорлых амфор типа D, а также современной интерпретацией дипинти на них, С.Ю. Ильяшенко высказал предположение, что партия амфор с дипинти НАФА была вторично использована для транспортировки боспорской нефти из Пантикапея в Танаис. Изначально амфоры предназначалась для доставки, видимо, вина из Гераклеи Понтийской в Пантикапей, где по-

¹¹ Pyashenko 2013, 61–75.

¹² Pyashenko 2013, 70–75.

¹³ Pyashenko 2013, 93–94.

¹⁴ Pyashenko, 164, приложение таб. 10.

сле опорожнения пустые сосуды были перепроданы под заполнение их боспорской нефтью¹⁵. Как будто бы эта версия выглядит логично. Почти ничего не известно о добыче нефти на юге Керченского полуострова в античное время. Объем партии амфор с нефтью из танаисских подвалов в количестве 99 амфор варьируется в пределах от 275 л до 400 л, что указывает на ее масштабный сбор на современном Приозерском месторождении в первой половине 3 в. н.э. и продажу ее для промышленных нужд¹⁶. Однако, до сих пор не найдено античных колодцев для сбора нефти в районе с. Кострино. Первые свидетельства о нефтенакопительных колодцах на Керченском полуострове относятся к концу XVIII в. Так, экспедиция А. Жегунина 1791-1792 гг. по сбору данных о выходах нефти на Керченском полуострове не принесла результатов: выходы нефти на поверхность встречались, в том числе и в округе Феодосии, но в малом количестве. В XVII – XVIII вв. на Керченском полуострове татары добывали нефть из неглубоких колодцев, собирая нефть с поверхности воды шерстью или шерстяными тканями (войлок), и отжимая ее в сосуды¹⁷. Биохимический анализ содержимого густого осадка в амфоре с нефтью IV в.н.э. из Тиритаки показал, что нефть в нее попала, скорее всего, тем же примитивным способом сбора с поверхности воды в колодцах¹⁸. В данном случае речь идет об одной амфоре объемом не более 20 л. После неоднократных исследовательских бурений в 1957 г. Приозерское месторождение было законсервировано из-за низкой перспективности добычи нефти¹⁹. В совокупности приведенные данные ставят под сомнение вывод о происхождении нефти из амфор Танаиса из округи Пантикалея. Эти сомнения еще более усугубляют следующие факты. Приозерское месторождение входит в Индоло-Кубанскую нефтегазовую область в составе Северо-Кавказско-Мангышлакской нефтегазоносной провинции²⁰. Этой провинции принадлежит Фонталовская нефтегазовая область на Таманском полуострове, содержащая также нефти нафтено-ароматического типа. Только в 60-е гг. XX в. были произведены здесь разведывательные бурения и получены образцы нефтей. Однако данные археологии и нарративных источников прямо свидетельствовали о нефтеносных

¹⁵ Il'yashenko 2013, 73.

¹⁶ Shelov 1972, 99–101.

¹⁷ Uspenskij 1952, 417.

¹⁸ Uspenskij 1952, 418–421.

¹⁹ Maksimov 1987, 7–9, tab.1.

²⁰ Maksimov 1987, 7–9, tab.1, с.17, fig. 2, № 7.

источниках на Тамани. В частности, упомянем находку пяти амфор с нефтью причерноморского типа IX–X вв. у ст. Пролетарской (быв. Великокняжеская) на р. Маныч (регион Нижнего Дона) в Ростовской области²¹. Интересно отметить, что сравнительный анализ содержимого амфор с современными нефтями, проводившийся в 1950-х г., показал наибольшее сходство нефти из этих амфор с нефтями Керченского полуострова²².

Итак, в районе Чонгелека нефть известна с давних времен, но сбор нефти был делом малопродуктивным, в частности это подтверждает находка одной единственной амфоры с нефтью в Тиритакке. Сомнителен факт сбора большого объема нефти, поскольку ее выходы на поверхность в р-не Чонгелека были случайными и не богатыми (нефтяные проявления на дневной поверхности). Имеющиеся данные позволяют считать, что местное население на Чонгелеке собирало нефть, но ее хватало для личных нужд, ее количества не было достаточным для заполнения партии амфор с целью их продажи. Предположение, что амфоры из Танаиса были заполнены нефтью с Таманского полуострова, не может быть принято во внимание, поскольку данными о нефтедобыче здесь в античное время не располагаем. В итоге, вопрос о происхождении нефти из амфор, обнаруженных в Танаисе, нуждается корреляции с учетом наших знаний о нефтедобывающих регионах и поставках нефти в античном мире.

Литература / References

- Anfimov, N.V. 1953: [Medieval amphorae with petroleum from Taman' peninsula]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury [Proceeding of the Institute of history of material culture]* 49, 151–154.
- Анфимов, В.Т. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова. *КСИИМК* 49, 151–154.
- Börttger B., Shelov D.B., 1998: [*Dipinti on amphorae from Tanais*]. Pontus Septentrionalis 1. Moscow.
- Бёттгер Б., Шелов, Д.Б. *Дипинти на амфорах из Танаиса*. Pontus Septentrionalis 1. Moscow.
- Pl'yashenko, S.M. 2013: [*Standard dipinti on narrow-necked light-clay amphorae of Tanais and its area in III–IV centuries AD*]. (Bosporan

²¹ Kostrin 1965, 291–293.

²² Anfimov 1953, 153.

- researches XXIX). Simpheropol' - Kerch.
 Ильяшенко, С.М. *Стандартные dipinti на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его округи III–IV вв. н.э.* (Боспорские исследования XXIX). Симферополь-Керчь.
- Kostrin, K.V. 1971: [Investigation of gumming dirt in ancient amphorae found out in the course of archaeological excavations in Tanais]. *Sovetskaya archaeologia (Soviet archaeology)* 1, 264–265.
 Кострин, К.В. Исследование смолистого осадка из древних амфор, найденных при раскопках Танаиса. *СА* 1, 264 – 265.
- Uspenskij, V.A. 1952: [Investigation of an ancient amphora with petroleum found out in Tyritake]. *Materialy Instituta archaeologii AN SSSR (Papers of the Institute of archaeology AS SSSR)* 1, 264 – 265.
 Успенский, В.А. Исследование древней амфоры с нефтью, найденной в Тиритаке. *МИА* 25, 415 – 421.
- Shelov, D.B. 1972: [Petroleum in Tanais]. In: *Novoe v archaeologii. Sbornik statej posvyashchennykh 70-letiyu A.V. Artsychovskogo (The new in archaeology. Collected papers devoting to 70 anniversary of A.V. Artsychovskij)*. Moscow, 94–101.
 Шелов, Д.Б. Нефть в Танаисе. В сб.: *Новое в археологии. Сборник статей посвященных 70-летию А.В. Арциховского*. М., 94 – 101.
- Shelov, D.B. 1989: [Dipinti on amphorae from tanais archaeological complexes]. *Numizmatika i epigrafika (Numismatic and epigraphic)* XV, 97–125.
 Шелов, Д.Б. Дипинти на амфорах из танаисских комплексов. *НЭ* XV, 97–125.
- Vnukov, S.Yu. 2006: [*Black Sea amphorae BC I – II AD. Part II*]. Moscow.
 Внуков С.Ю. 2006. *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э.* Часть II. М.

Репрессии 1930-х гг. и исследователи античного наследия Крыма

Революционные события 1917 г. положили начало коренному преобразованию всех сфер политической, экономической и научной жизни в России¹. Несмотря на последствия Гражданской войны и тяготы военного коммунизма, 1920-е гг. в истории развития отечественной археологии были отмечены возобновлением раскопок и расцветом краеведения. В 1923 г. в Москве был открыт РАНИОН, Институт археологии и естествознания которого возглавил профессор А.С. Башкиров². При Институте был учрежден Коллектив по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов, в который входили аспиранты В.Д. Блаватский, Л.П. Харко, М.М. Кобылина. В Ленинграде, в РАИМКе (с 1924 — ГАИМК, с 1937 — ИИМК АН СССР), проводились все возможные меры для возобновления археологических раскопок на юге России. Совместно с керченскими исследователями, план по научному изучению античного наследия составлялся научным сотрудником ГАИМКа, скифологом Г.И. Боровкой. На территории Крымского полуострова работу по возобновлению археологических и охранных работ проводили научные сотрудники Керченского, Херсонесского и Феодосийского музеев.

Поступательное развитие археологии было остановлено событиями «года Великого перелома». В апреле 1929 г. в печати появился призыв М.И. Покровского, гласивший: «Период мирного сожительства с буржуазией изжит до конца. Пора переходить в наступление на всех научных фронтах»³. 23-29 апреля 1929 г. в Москве на XVI партийной конференции Е.М. Ярославским была представлена программа чистки советских учреждений. Процедура чистки преследовала несколько целей — избавиться от ученых старой школы и, заменив их «марксистской молодежью», вырастить новое поколение исследователей. Все эти меры очень скоро были приведены к исполнению. В этом же году, как «скопище старой профессуры» был закрыт РАНИОН. А.С. Башкирова сняли с занимаемой должности и в 1935 г. он был арестован. В ходе допросов он признался в антисоветских

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-867.2017.6.

² ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.

³ Platonova 2010, 234.

высказываниях, после чего выслан в Казахстан. Лишь после войны он получил возможность вернуться к дальнейшей работе, в чем ему немало помогли В.Д. Блаватский, А.В. Арциховский и Б.Н. Граков⁴.

В апреле 1930 г. в ГАИМКе начала свою работу «рабоче-крестьянская комиссия по чистке»⁵. Комиссией было выявлено большое количество недочетов в работе Академии, основной причиной которых являлось недостаточное количество марксистов-коммунистов в составе учреждения. В итоговом Постановлении Комиссии говорилось, что «отсутствие классовой бдительности позволило сконцентрироваться в учреждении реакционерам, белогвардейцам и помещикам, отсюда полный отрыв от задач по социальному строительству и марксистской методологии»⁶. Наряду с набирающим обороты «Академическим делом», подобное заключение фактически стало приговором для многих сотрудников ГАИМКа. В 1931 г. был арестован Г.И. Боровка. Коллегией ОГПУ он был осужден по обвинению в шпионаже в пользу Германии на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Восемь лет он провел в Ухтлаге (Коми, АССР), но по истечении срока заключения не был освобожден, а продолжал работать геологом при Ухтомском комбинате. В 1941 г. Г.И. Боровка был вторично арестован и расстрелян, как «социально опасный элемент»⁷.

Летом 1931 г. чистке подвергся Херсонесский музей⁸. В основе работы Комиссии лежала проверка директора В.Ф. Смолина на предмет несоответствия работы музея Установке Крымнаркомпроса об историко-археологическом изучении Херсонеса. Согласно этой установке, «в целях всестороннего выяснения роли Херсонеса в истории Крыма на основе методологии диалектического материализма должен быть осуществлен показ развития общественных форм, а также смена, развитие и уничтожение социальных формаций»⁹. В ходе проверки Комиссия заключила, что этим требованиям музей не отвечает, а наоборот «построен по обратному принципу и ничего общего с марксистской диалектикой не имеет»¹⁰. Комиссией были выявлены недочеты по

⁴Formozov 2006, 233.

⁵ НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 4.

⁶ НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1931. Д. 4. Л. 1.

⁷Zuev 1995, 155.

⁸ Интересно отметить, что «Акт Комиссии Севастопольского Городского КК-РК по чистке аппарата Херсонесского государственного музея» находится в деле под названием «Бумаги не составляющие особых дел» за 1931 г. в архиве ИИМК РАН (Ф. 2. Оп. 1-1931. Д. 7).

⁹ НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1931. Д. 7. Л. 119.

всем направлениям работы музея. В области научно-исследовательской деятельности отмечалось отсутствие научных публикаций с 1928 г. В части массовой работы Комиссия отметила отсутствие подготовки квалифицированных экскурсоводов и политико-просветительской работы в целом. Причину подобного положения вещей члены Комиссии усматривали в «халатном отношении В.Ф. Смолина к делу»¹¹. Также крайне негативно о работе директора отзывались и некоторые сотрудники музея. В Постановлении Комиссии по чистке были сделаны следующие выводы: «работу музея отличает бессистемность, неорганизованность и бесплановость; трудовая дисциплина поставлена плохо, соцсоревнование проводится формально»¹². В.Ф. Смолин был снят с работы без права занимать руководящие должности в научных учреждениях, а позднее репрессирован по обвинению в контрреволюционной деятельности. Пост директора Херсонесского музея занял заведующий античным сектором — Г.Д. Белов (1931-1933 гг.). Несмотря на высокую оценку членами Комиссии научной и организационной деятельности К.Э. Гриневича, в 1933 г. он был арестован по обвинению в космополитизме, а затем репрессирован и выслан в Новосибирск. Там он был повторно арестован в 1935 г. и сослан в Карагандинскую область. К работе ученый смог вернуться лишь в 1939 г., получив должность в Томском университете. Оттуда он был уволен в 1948 г. и далее преподавал в Харьковском университете вплоть до своей смерти.

Примерно в эти же годы был арестован и несколько месяцев находился в тюрьме В.Д. Блаватский¹³. Вскоре его отпустили без каких-либо дальнейших последствий. В 1931 и 1932 гг. он проводил раскопки в Хараксе и Ай-Тодоре, в 1933-1935 гг. на территории Камыш-Буруна. Начиная с 1936 г. он руководил раскопками в Фанагории, а после войны, с 1945 г. и вплоть до конца 1950-х гг. был руководителем Боспорской экспедиции по изучению Пантикапея.

В ходе репрессий 1937-1938 гг. были арестованы директор Бахчисарайского музея У.А. Боданинский и заведующий отделом археологии Центрального музея Тавриды Н.Л. Эрнст, проводивший раскопки Неаполя Скифского и составивший «Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921-1930)». У.А. Боданинский был обвинен в националистической деятельности и расстрелян в Симферополе

¹⁰ НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1931. Д. 7. Л. 118.

¹¹ НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1931. Д. 7. Л. 119.

¹² НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1931. Д. 7. Л. 127.

¹³ ОР ГМИИ. Ф.5. Оп. IV. Д.90-Б. Л. 136.

в 1938 г. Н.Л. Эрнст был объявлен немецким шпионом и осужден на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. В 1946 г. он был освобожден, но оставался на поселении в Кемеровской области. В 1949 г. из-за доноса по обвинению его в антисоветской агитации Н.Л. Эрнст был арестован вторично. В 1953 г. его досрочно освободили, но через три года он скоропостижно скончался. Был реабилитирован в 1958 г.¹⁴

Безусловно, это всего лишь некоторые трагические истории на общем фоне драматических для отечественной науки событий 1930-х гг. Такие факторы, как жесткий идеологический контроль над наукой, необходимость следования марксистской методологии, оценка исследователей по социальному происхождению, поиск классовых врагов повлекли за собой определенный кризис в развитии отечественной античной археологии в 1930-х гг.

Литература / References

Chizhova, L.K. 2012: Ernst N.L. — pervyj direktor biblioteki Tavricheskogo universiteta: k 95-letiyu so dnya osnovaniya biblioteki. In: *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* 229, 156-168.

Чижова, Л.К. Эрнст Н.Л. — первый директор библиотеки Таврического университета: к 95-летию со дня основания библиотеки. В сб.: *Культура народов Причерноморья* 229, 156-168.

Formozov, A.A. 2006: *Russkie arkheologi v period totalitarizma*. Moscow.

Формозов, А.А. *Русские археологи в период тоталитаризма*. М.

Platonova, N.I. 2010: *Istoriya arkheologicheskoy mysli v Rossii (vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX veka)*. Saint Petersburg.

Платонова, Н.И. *История археологической мысли в России (вторая половина XIX – первая треть XX века)*. СПб.

Zuev, V.Yu. 1995: *Materialy k biografii G.I. Borovki (1894–1941)*. In: *Sankt-Peterburg i otechestvennaya arkheologiya*. Saint Petersburg, 145-156.

Зуев, В.Ю. *Материалы к биографии Г.И. Боровки (1894–1941)*. В сб.: *Санкт-Петербург и Отечественная археология*. СПб., 145-156.

¹⁴ Chizhova 2012, 164.

Начальные этапы исследования Херсонеса Таврического

Начало изучения Херсонеса связано с именами великих учёных конца XVIII — начала XIX вв.: К.И. Габлиц, митрополит Евгений (Болховитинов), П.С. Паллас, Ф. Дюбуа де Монпере. Их трудами была заложена основа исследования этого памятника, которая сохраняет своё научное значение до сих пор. При этом, на наш взгляд, значение этих трудов недостаточно отражено в историографии Херсонеса. В данном докладе мы постараемся показать основные заслуги первых четырёх крупных исследователей-первопроходцев, а также их значение для позднейших исследований.

Первый период исследований Крыма начинается сразу после присоединения северного побережья Черного моря к России и определяется деятельностью Петербургской Академии наук. Организационная основа исследования древних памятников Крыма была заложена генерал-губернатором Новороссийского края князем Г.А. Потемкиным. В 1783 г. Г.А. Потемкин направил в Крым К.И. Габлица, возложив на него задачу описания области. К.И. Габлиц (1752–1821) — один из представителей передовых научных сил России в то время, учёный-энциклопедист, естествоиспытатель, почетный член Академии наук, вице-губернатор Таврической области. В 1786 г. под его руководством выполняется топографическая съёмка Гераклеяского п-ва и создаются крупномасштабные карты, явившиеся первыми в Европе археолого-топографическими картами высокой степени точности. На карты были нанесены памятники древности, что свидетельствует о высоком уровне внимания к историческому наследию в то время. Создание карт в 1786 г. можно отнести к основным результатам начального периода исследования Херсонеса.

Митрополиту Евгению (Болховитинову), православному церковному деятелю и историку, принадлежит честь сохранения и первой публикации одной из карт 1786 г.: «План развалинам древнего Херсона. Сочинен 1786». Митрополит Евгений (1767–1837) был действительным членом императорской Российской академии, почетным членом всех российских университетов и многочисленных ученых обществ. Карта, опубликованная им, стала основой для всех последующих исследований Гераклеяского п-ва. Работы Габлица и митрополита Евгения, и прежде всего карты 1786 г., являются важным историческим источ-

ником. Впервые были зафиксированы не только город, окруженный оборонительными стенами, но и его округа с геометрическим принципом разделения земли. Единым названием «Херсон» на плане объединялся город и окружающая территория, фиксировалось то, что Херсонес владел всем Гераклейским п-вом. Структура размежевания п-ва, представленная на карте, поставила ряд задач будущих исследований, а именно: принципы размежевания земли в античный период, характеристика площадей размежевания, их хронология, обусловленность размежевания историческими обстоятельствами. Изучение хоры греческих полисов было начато в Херсонесе. К дате, указанной на карте, опубликованной митрополитом Евгением (Болховитиновым), — 1786 год — следует отнести начало исследования Херсонеса.

В истории Российской Академии наук выделяется период академических экспедиций и «ученых путешествий»: вторая половина XVIII — начало XIX вв. С «учеными путешествиями», а именно с работами Петра Симона Палласа (1741–1811) и Фредерика Дюбуа де Монпере (1798–1850) связаны следующие этапы изучения Херсонеса.

В 1766 г. Петербургская Академия наук избрала Палласа своим действительным членом, он был приглашен для работы в Россию. Характеризуя вклад Палласа в изучение Херсонеса, следует отметить, что его заслугой является указание на значимость Гераклейского п-ва в плане сохранности античного культурного ландшафта. Паллас первым интерпретировал назначение линейных кладок, покрывавших полуостров, в качестве оград полей; обратил внимание на башни полуострова, назвав их укреплениями для защиты долин; провел разведки на Маячном полуострове, где находились остатки «древнего Херсонеса», упомянутого Страбоном. В результате были открыты крепостные сооружения на перешейке Маячного полуострова.

Следующий этап изучения Херсонеса связан с именем Ф. Дюбуа де Монпере, выходца из Швейцарии, энциклопедически образованного ученого-путешественника, который посетил Севастополь в начале 30-х годов XIX в. Труд Дюбуа де Монпере — это уже не отдельные наблюдения над античными памятниками, а научная работа, приближающаяся к ее современному пониманию. Дюбуа составил «План Гераклейского полуострова», показал размежевание п-ва, впервые зафиксировав внутреннее межевание участков; назвав их количество, близкое к современным исследованиям; первым употребил термин «надел». Дюбуа де Монпере впервые обособил город от «предместья» (т.е. от хоры), дал типологию усадеб и башен Гераклейского пол-ва. Таким образом, Дюбуа де Монпе-

ре вслед за Палласом закладывал направления исследования аграрной структуры Херсонесского полиса. В последующем столетии раскопки Херсонеса подвели археологов к необходимости изучения полиса в целом — города и хоры.

В заключение следует обратить внимание на историческую особенность начальных этапов изучения Херсонеса: оно осуществлялось в том числе иностранными учеными, которые, приезжая из Европы, строили в России свою академическую карьеру и получали научное признание. На примерах Габлица, Палласа, Дюбуа де Монпере мы видим приток ученых в Россию, и это не заурядные фигуры, а выдающиеся ученые того времени, ставшие таковыми в том числе благодаря работе в России. Их научная реализация осуществлялась благодаря содействию государства: Габлиц работал под покровительством Потемкина, Паллас — Екатерины II и Александра I, Дюбуа де Монпере — Николая I. После присоединения Крыма к России исследование Херсонеса велось на самом высоком как государственном, так и научном уровне. Это является одной из причин того, что труды первопроходцев — Габлица, митрополита Евгения (Болховитинова), Палласа, Дюбуа де Монпере — до настоящего времени сохраняют научное значение.

Проблема освоения территории Гераклейского полуострова и структура древнейшей хоры

Херсонес как город является одним из многих памятников древнего мира, но особый интерес он представляет вместе с хорой — сельскохозяйственной территорией, т.к. его аграрная система до 90-х гг. XX в. являлась наиболее полно сохранившейся в ареале расселения греков. При условии всесторонней изученности и публикации памятников его хоры он может с полным основанием рассматриваться в качестве археологического эталона, модели греческого полиса. Изучение хоры Херсонесского государства имеет особое значение, поскольку овладение землей и ее распределение между переселенцами было важнейшим этапом основания апойкий. Несмотря на существование основополагающих работ по хоре Херсонеса некоторые вопросы, связанные с проблемой освоения территорий требуют постановки, другие — изучения и привлечения новой фактологической базы. В докладе будут рассмотрены некоторые взаимосвязанные проблемы изучения античной хоры Херсонеса: размежевание Гераклейского полуострова и памятники Маячного мыса — «древний Херсонес» Страбона.

В «Географии» Страбона (VII, 4, 2) содержится сообщение о «древнем Херсонесе», подтвержденное археологически, но вызвавшее вопросы, которые составили проблему «древнего Херсонеса». Решен лишь вопрос о его локализации — Маячный полуостров, точнее укрепление на его перешейке. Назначение сооружений на перешейке Маячного полуострова является одним из самых трудных вопросов в изучении античного Херсонеса. Относительно этих сооружений существуют следующие предположения: 1) город; 2) укрепленный урбанистический поселок; 3) первое периферийное τὸ τεῖχος, форпост Херсонеса; 4) военная крепость и поселение; 5) убежище для сельского населения Гераклейского полуострова в случае нападения; 6) «кастер»; 7) укрепление для охраны питомников на полуострове; 8) укрепление для охраны маяка; 9) земельная территория в центральной части укрепления. Исследователями предполагалось первоначальное возведение восточной крепостной стены, защищающей перешеек со стороны Гераклейского полуострова, позже — возведение западной стены, отделившей его от Маячного мыса. Факт противоречивых

предположений свидетельствует о необходимости исследования памятника.

В результате раскопок крепостных стен укрепления и строительного комплекса у западной стены получены данные для вывода об одновременном возведении восточной и западной стен укрепления в конце V в. — начале IV до н.э. Эти данные способствуют решению вопроса о назначении укрепленного пункта на перешейке Маячного полуострова. Результаты исследований свидетельствуют о том, что он мог защищать находящиеся на Маячном мысу надель, в связи с чем не было необходимости возводить там укрепленные усадьбы в отличие от остальной части Гераклеяского полуострова. Но этим не ограничивалась роль укрепления, оно имело стратегическое значение в ходе освоения Гераклеяского полуострова и являлось своего рода заставой полиса для овладения землями полуострова. В результате Херсонесским полисом на Гераклеяском полуострове была создана система сельскохозяйственных наделов. В основу размежевания Гераклеяского полуострова положен геометрический принцип разделения земли на прямоугольные площади; сеть размежевания базировалась на осях дорог — продольных и поперечных. Разделение земли на Маячном мысу осуществлялось во второй четверти — середине IV в. до н.э., размежевание всего Гераклеяского полуострова относится к третьей четверти IV в. до н.э. Необходимо изучение факторов, определивших конфигурацию размежевания Гераклеяского полуострова. Требуется исследование территориальной организации Херсонесского полиса на начальном этапе освоения хоры — конец V — третья четверть IV вв. до н.э. Попытаемся выявить логику этой организации и ее структурообразующие принципы.

В результате новейших исследований становится ясным, что защита сельскохозяйственных наделов на Маячном мысу была не единственной задачей возведения укрепления на перешейке. Создание укрепленного пункта подчинялось логике фортификации хоры: в первую очередь укреплялись пограничные земли, то есть Маячный мыс, а не срединная территория Гераклеяского полуострова. Обосновавшись на западной оконечности Гераклеяского полуострова, херсонеситы закрепили за собой эту границу и, следовательно, всю территорию полуострова, лежащую между Херсонесом и Маячным.

Укрепляя границу, херсонеситы овладевали территорией и осваивали её, проводя поэтапно коммуникации и размежевку. Одной из первых работ было строительство дороги от главных ворот Херсонеса

к воротам в стене «древнего Херсонеса». Эта так называемая «Большая херсонесская дорога» проложена с учётом рельефа по наиболее краткому маршруту между двумя пунктами. Её создание, с нашей точки зрения, можно считать первым этапом межевания. Именно эта дорога является структурообразующим элементом хоры на Гераклейском полуострове (но не на Маячном, где конфигурация размежёвки была, естественно, иной). Её расположение обусловило дальнейшие оси межевания, линии которых пошли параллельно древнейшей дороге. Там, где это было невозможно, план наделов был приспособлен к её направлению. С освоением Маячного полуострова и созданием дороги от укрепленного пункта на его перешейке к Херсонесу была обозначена территория, которой должен владеть полис. Эти работы являлись начальным этапом формирования хоры Херсонеса.

Итак, формирование хоры Херсонеса на Гераклейском полуострове происходило в два этапа. Вначале была освоена западная оконечность — Маячный полуостров, являющийся древнейшей хорой Херсонеса. Ее освоение закрепляло за полисом остальную часть Гераклейского полуострова. На Маячном полуострове, на границе хоры было создано укрепление, своего рода застава полиса. Требуется дальнейшее изучение укрепления и, прежде всего, исследование его пространственной организации.

Боспорский город Тиритака в свете новых археологических исследований

Систематические раскопки боспорского города Тиритака были начаты в 1932 г. С 1935 по 1952 г. их возглавлял В.Ф. Гайдукевич, который датировал основание этого города временем около середины VI в. до н.э. Им же были выявлены и основные этапы его жизни. В последующие годы сотрудники Керченского музея лишь sporadически в 1974 г. и в 1983-1985 гг. проводили на Тиритаке раскопки, результаты которых остались не опубликованы. В 2002 г. Центр археологических исследований Фонда «Деметра» начал многолетнюю программу исследования и сохранения этого античного городища. На больших площадях раскопки проводятся в центральной, северной и западной частях верхнего города.

На основании наших исследований в центральной части верхнего плато боспорского города Тиритака внесены существенные изменения в представления о появлении и становлении этой древнегреческой апойкии. Судя по керамическим материалам вывод колонии в эту часть побережья Боспора Киммерийского состоялся около 570–560 гг. до н.э. На протяжении первого этапа жизни на поселении (вторая треть VI в. до н.э.) колонисты обитали в непритязательных заглубленных постройках. В последней трети VI в. до н.э. начинается второй этап застройки (последняя треть VI – первая четверть V в. до н.э.) – возведение наземных сырцово-каменных построек. Судя по результатам раскопок, постройки колонистов одновременно засыпаются и на их месте возводятся дома. Эти здания возводились вплотную друг к другу и образовывали небольшие кварталы. В планировочном отношении среди них выделяются дома типичной схемы с двух- и трехсторонним расположением крытых помещений вокруг внутреннего двора (рис. 1). Закладываются основные градостроительные оси города, которые будут в дальнейшем сохраняться вплоть до ранневизантийского времени. Площадь города на втором этапе составляла не менее 5 га. Причем особо следует отметить, что часть ранних построек на западной окраине города оказалась за пределами первой крепостной стены, сооружение

которой следует датировать концом VI в. до н.э., а северная граница раннего города пока не определена.

В застройке города на втором этапе выделяется несколько строительных периодов, на протяжении которых происходит два мощных пожара. Эти пожары прослежены как в центральной части города, так и на западной окраине. После первого пожара часть домов на западной окраине разрушается и не восстанавливается, а их каменные цоколи перекрываются спешно возведенной крепостной стеной (рис. 2). Второй пожар был значительно мощнее, и, судя по результатам раскопок в центральной части города, датируется рубежом первой и второй четвертей V в. до н.э. Исследования на западной окраине города дали возможность установить время возведения ранних крепостных сооружений Тиритаки и датировать их последним десятилетием VI в. до н.э. Также удалось открыть позднеархаический сакральный участок, который состоял из нескольких сырцово-каменных построек группирующихся вокруг двора с ямами-ботросами. Здесь найдены терракотовые статуэтки Деметры и Коры, а также чернофигурные аттические и восточно-ионические расписные сосуды.

Благодаря новым археологическим исследованиям, Тиритака предстала как значительный архаический городской центр европейского побережья Боспора Киммерийского, который уже в конце VI века до н.э. был обнесен крепостными стенами.

На северной окраине города на площади более 1 тыс. кв. м ведутся исследования крепостных сооружений (рис. 3). Установлено, что первоначально в конце IV – первой трети III вв. до н.э. здесь по краю балки возводится крепостная стена с башнями и крепостной калиткой, возле которой находилась латрина. В первой половине I в. н.э. эта стена подвергается перестройке и укрепляется с внешней стороны мощным поясом из рустованных блоков. При этом одна из эллинистических башен разбирается. В дальнейшем эта стена функционирует в неизменном виде до VI в. н.э. Судя по выявленным на центральном раскопе материалам жизнь в городе замирает в первой половине VII в. н.э.

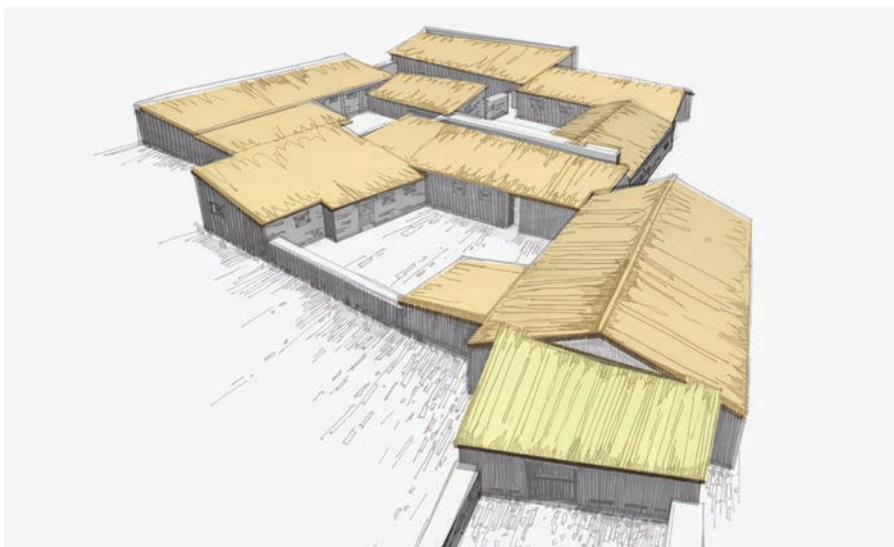

Рис. 1. Общий вид домов центрального квартала с юго-востока.

Рис. 2. Постройка (СК-III) под основанием западной крепостной стены.
Вид с запада.

Рис. 3. Северная крепостная стена. Вид сверху.

Пётр Осипович Карышковский-Икар и традиции антиковедения в Одесском университете

Имя Петра Осиповича Карышковского (1921-1988) хорошо знакомо каждому античнику, да и не только. Выдающийся учёный, специалист широкого профиля, на кафедре истории древнего мира и средних веков Одесского государственного университета он читал все дисциплины. Петра Осиповича с полным правом можно назвать последним энциклопедистом нашего факультета. Он прекрасно знал немецкий язык, свободно читал на нескольких европейских языках и владел древнегреческим и латынью.

ПО (так его ласково называли коллеги и ученики) был прекрасным лектором, зачастую на его лекции в университете приходили студенты других факультетов, а когда он выступал от общества «Знание» в Доме медработника, там собиралась значительная часть одесской интеллигенции разных поколений и с разными профессиональными интересами.

Его научная и преподавательско-просветительская деятельность опиралась на давние традиции профессорско-преподавательского состава Новороссийского Императорского и Одесского государственного университета. Именно в Одессе в 1817 г. был основан Ришельевский лицей, в 1825 г. — Одесский городской музей древностей, в 1839 г. — Одесское общество истории и древностей..., наконец, в 1865 г. — Новороссийский университет. Заглавную роль в культурной жизни Одессы играла античность: официальный, поддерживаемый правительством классицизм смыкался здесь с пробуждавшими живой интерес материальными остатками классической культуры, и все вместе создавало чрезвычайно благоприятную обстановку для историко-археологических занятий.

Историко-филологический факультет был создан сразу же при открытии университета в мае 1865 г. Антиковедческие дисциплины преподавались и изучались на кафедре классических языков, которую при создании возглавил Фёдор Аристович Струве (1816-1885), проработавший здесь пять лет. Струве удачно сочетал преподавательскую практику и научную работу по изучению древней топографии Северного Причерноморья с исследованием эпиграфических памятников. У истоков антиковедения в университете стоял и известный специалист по истории древнего Рима Василий Иванович Модестов (1839-

1907), начинавший свою преподавательскую карьеру ещё в Ришельевском лицее.

Огромную роль в научной жизни факультета сыграл и Владислав Норбертович Юргевич (1818-1898), более известный своими трудами по средневековой истории Крыма. Сферой его интересов в античности стала эпиграфика греческих колоний Северного Причерноморья.

Греческой эпиграфикой занимался и Александр Васильевич Никитский (1859-1921), ученик профессора Ф.Ф. Соколова, изучавший и публиковавший дельфийские, этолийские и западно-локридские надписи. Он также первым начал чтение курса по греческой эпиграфике для студентов, используя материалы, собранные во время его экспедиций по Греции. Специальный курс «Греческая эпиграфика» в 1902/03 учебном году был прочитан для студентов классического отделения приват-доцентом Сергеем Андреевичем Селивановым.

Особым этапом в жизни факультета является деятельность крупнейшего специалиста в области античной истории и археологии Эрнста Романовича фон Штерна (1859-1924). Трудно переоценить как научные заслуги Штерна, так и его преподавательскую работу. Вклад Штерна в развитие отечественного антиковедения не ограничивается его собственными научными разработками, полевыми исследованиями, вводом в научный оборот новых источников. Огромной заслугой является создание научной школы античников. Его лучшими учениками вправе гордиться не только Одесса. М.И. Мандес, Б.В. Фармаковский, Е.Г. Кагаров и М.Ф. Болтенко продолжили антиковедческие штудии и внесли свой вклад и в археологию и в античную историографию. Именно Штерн порекомендовал в 1910 г. Б.В. Варнеке Совету историко-филологического факультета ИНУ вместо себя, так как по семейным обстоятельствам покидал Одессу.

Борис Васильевич Варнеке (1874-1944) — крупнейший специалист по истории театра (и не только античного), автор научных статей по истории искусств и археологии. Варнеке был блестящим знатоком древних языков и в 1910 г. был избран (единогласно) ординарным профессором по кафедре классической филологии Новороссийского университета. В 1920 г. университет был закрыт и Борис Васильевич работал в Одесском Археологическом Институте, Институте Народного образования, а также принимал экзамены по латыни в Мединституте. В 1933 г. университет был восстановлен и Варнеке совмещал преподавание в университете и педагогическом институте. В годы войны Одесский государственный университет был эвакуирован, а в Одессе

оккупантами был открыт Румынский Королевский университет, в котором читал лекции Варнеке и у него учился Карышковский. ПО получил прекрасную филологическую подготовку по древним языкам. В 1945 г. он закончил уже государственный университет (возобновил работу весной 1944 г., после освобождения Одессы), а с 1946 г. стал ассистентом кафедры истории древнего мира и археологии и аспирантом заочной формы обучения. Первоначально научные интересы ПО лежали в сфере средневековой истории, что отражает защищённая им в 1951 г. кандидатская диссертация «Политические взаимосвязи Руси, Болгарии и Византии в 967-971 гг.» В 1953 г. была создана кафедра всеобщей истории, где стал работать ПО. Со временем сфера научных интересов Петра Осиповича стала заметно расширяться и постепенно он переключился на античность и стал блестящим специалистом в области античной нумизматики. Его докторская диссертация «Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. — IV в. н.э.)», защита которой состоялась в 1963 г., стала настольной книгой как для специалистов, так и для любителей нумизматических штудий. В том же году при реорганизации факультета была создана кафедра истории древнего мира и средних веков (существующая поныне), которую возглавил ПО. Он с блеском читал лекции по истории древнего Востока, Греции и Рима, средним векам, нумизматике и ещё целому ряду предметов, преподаваемых на кафедре. ПО является автором около 200 научных публикаций, среди которых, кроме статей, 2 монографии (одна в соавторстве с И.Б. Клейманом), 2 научно-популярные брошюры.

В память о П.О. Карышковском ученики и последователи проводят международную научную конференцию, что ещё раз подчёркивает его весомый вклад в историческую науку. Петра Осиповича без сомнения можно назвать продолжателем лучших традиций отечественного антиковедения в Одесском университете.

Некрополь Артющенко-2. Исследования 2015-2016 гг.

Грунтовый некрополь Артющенко-2 находится в южной части Таманского полуострова (Темрюкский район Краснодарского края). Памятник расположен на крутом, обрывистом берегу Черного моря. В настоящее время он интенсивно разрушается по двум причинам: естественной (природной) — мощная абразия берега и антропогенной — систематическое разорение захоронений грабителями.

За 2003-2016 гг. была исследована площадь около 4750 кв. м., обнаружено 175 погребений, из которых 12 доследовано за грабителями. Такие погребения получили особую нумерацию с литерой «Г».

Наиболее ранние обнаруженные захоронения датируются концом VI в. до н.э. или рубежом VI-V вв. до н.э. Большинство из датированных погребений укладывается в промежуток примерно в сто лет, между началом V и началом IV вв. до н.э., часть комплексов относится к III-II вв. до н.э. Считаем, что некрополь укладывается в эти хронологические рамки V-II вв. до н.э.

Работа посвящена результатам сезонов 2015-2016 гг., проведенных на памятнике Таманским отрядом Боспорской экспедиции ИИМК РАН. Работы в основном были сосредоточены в восточной части памятника. Проводился поиск предполагаемой восточной границы некрополя и раскопки участка примыкающего к границе большого обвала берега, произошедшего в 2008 г.

В ходе двух полевых сезонов была исследована площадь 600 кв. м., при глубине раскопа около 1,8 м. Обнаружено 16 погребений (№№148-163), нумерация новых погребений продолжает нумерацию принятую ранее. Представим наиболее интересные комплексы.

Погребение 148 содержало костяк мужчины 45-50 лет. Вся придонная часть могилы была засыпана слоем из раковин морских моллюсков. Надо отметить, что такой обряд встречен на данном некрополе впервые. Погребальный инвентарь состоял из красноглиняных ойнохой и миски, чернолаковых килика и солонки, керамического пряслица (рис. 1). Относится он ко второй половине V в. до н.э.

Погребение 151 принадлежит женщине 20-25 лет. Инвентарь составляли — белофонная ольпа, керамическое пряслице, несколько гагатовых бусин и фрагмент охристой породы. Белофонные ольпы могут относиться к концу VI – началу V вв. до н.э.

В Погребении 152 обнаружен костяк женщины 20-25 лет. Инвентарь состоял из лепной миски, бронзовой иголки и простого бронзового колечка. Миска очень плохой сохранности, полностью рассыпалась.

Погребение 153 конструктивно отличается от всех остальных — это подбойная могила с закладом из сырцовых кирпичей. Костяк принадлежал мужчине 20-25 лет и был ориентирован головой на восток. Инвентарь состоял из красноглиняных кувшина и приземистого унгентария. Датируется Погребение 153 в пределах III в. до н.э. Ранее несколько подбойных погребений с сырцовым закладом уже встречались на данном некрополе.

Погребение 154 принадлежит воину — мужчине 35-40 лет. Инвентарь составляли красноглиняные ойнохоя и миска, чернолаковая солонка, железные меч и наконечник копья с подтоком и два пряслица — керамическое и свинцовое. Датируется около середины V в. до н.э.

Самыми поздними являются Погребения 155 и 156, они могут датироваться примерно V-VI вв. н.э. Таким образом, захоронения на исследованном участке продолжались на протяжении почти 1000 лет с разной интенсивностью. Хотя пока это единичные случаи столь поздней датировки и окончательные выводы делать пока рано. Конструктивно это — простые грунтовые могилы, костяки в них были ориентированы головой на север.

Погребение 155 оказалось очень тщательно перекопано и полностью ограблено в древности. В заполнении обнаружены останки мужчины 30-40 лет. Из инвентаря сохранились лишь бронзовая пряжка с язычком и железный нож.

В Погребении 156 обнаружен костяк мужчины 40-45 лет. В районе головы располагался лепной горшок с насечками по венчику, на шее золотая гривна. На черепе в месте левого уха сохранилась серебряная позолоченная серьга, вторая рядом с черепом. Также в погребальный инвентарь входил железный нож и две бронзовые пряжки с язычком, возможно застежки для обуви.

Погребение 157 принадлежало женщине 50-55 лет. В погребальный инвентарь входили красноглиняная миска, абаластр из сине-желтого финикийского стекла, чернолаковая солонка, свинцовое и керамическое пряслица. Датировать его можно второй четвертью V в. до н.э.

В Погребении 159 находились останки женщины 25-30 лет. С ней найден сероглиняный кувшин, фрагмент железного перстня и бронзовая монетка.

Погребение 160 принадлежало мужчине 40-45 лет. Инвентарь состоял из красноглиняного кувшина, железного ножа и железного шила. Два последних комплекса можно отнести примерно ко II в. до н.э.

Помимо работ на раскопе было продолжено обследование береговых склонов и осыпей. Они постепенно разрушаются, в результате открываются новые погребения, ранее съехавшие по склону с участками берега. Таким образом было обнаружено 3 погребения разной сохранности, пригодных для исследования и сохранивших, по крайней мере, часть инвентаря.

В одном из них — Погребении 161 находился почти полный костяк ребенка, предположительно девочки 1-2 лет. У нее обнаружен необычный составной перстень — бронзовая основа к которой серебряной оправкой крепилась стеклянная вставка.

Кроме захоронений обнаружены и другие комплексы. Например, в Тризне 21 — находилась практически целая синопская амфора начала III в. до н.э. На ручке имеется клеймо — канфар и надпись. Клеймо оттиснуто слабо, надпись читается плохо, восстановление сделано Н.А. Павличенко:

[ΑΣΤΥΝΟΜ]ΟΥ

[ΕΣΤ]ΙΑΙΟΥ

ΑΓΧΙΑ[ΛΟΥ] канфар ↑

Впервые найдены Тризны 22 и 23 не с амфорами, а с развалами столовой керамики. В них находились красноглиняные солонки, тарелочки, рыбные блюда, горло пелики, лекана с крышкой, небольшая кастрюлька с крышкой и другие сосуды.

Интересным объектом является алтарик, выполненный из нижней части тулова остродонной амфоры без ножки. Он был установлен над безинвентарным Погребением 149. Два конструктивно близких алтарика были найдены при раскопках на поселении Артющенко-2 в 2013 г.

По результатам раскопок некрополя в последние годы можно осторожно предположить, что мы нашли восточную (или юго-восточную) границу некрополя V-II вв. до н.э.

Далее к востоку, возможно, начинается некрополь первых веков н.э. — несколько его погребений мы обнаружили разрушенными на береговом склоне. Продолжается он в восточном направлении, в сторону поселения Артющенко-1 и там стыкуется с некрополем средневековым.

Рис. 1. Некрополь Артющенко-2. Находки из Погребения 148.
 1 - солонка чернолаковая, 2 - килик чернолаковый, 3 - миска, 4 - ойнохоя.

Редкий тип эллинистической винодельни на хоре Херсонеса

Почти с самого основания Херсонеса Таврического и освоения греческими переселенцами соседних обширных земельных пространств виноградарство являлось важнейшей составляющей сельского хозяйства. Для выращивания винограда больше всего соответствовали почвы и климат ближней хоры Херсонеса, расположенной на Гераклеиском полуострове, территория которого была размежёвана более чем на 400 земельных наделов-участков¹.

С самого начала, уже в эллинистический период виноградарство было рассчитано на производство вина, причём не только для собственных нужд, но и на продажу, то есть виноделие носило явно товарный характер². В данный период почти на всех сельских усадьбах существовали помещения с винодельней для обработки полученного урожая винограда. Используя материалы раскопок нескольких таких усадеб в 50-60 гг. прошлого столетия С.Ф. Стржелецкий подробно исследовал развитие виноградарства и виноделия как ведущих отраслей экономики античного Херсонеса³. Следует отметить, что наиболее детально был изучен период III-II вв. н.э., хотя исследователь считал, что виноградарство и виноделие имело ведущее значение в земледелии Херсонеса и в I-IV вв. н.э.⁴ что подтвердили результаты дальнейших исследований на территории древнего города и его хоры⁵.

В настоящей работе рассмотрим итоги раскопок, предоставивших важную информацию, которая касается конструктивных особенностей устройства виноделен эллинистического времени.

В 1989 г. отрядом Гераклеиской экспедиции ХГИАЗ (под руководством В.В. Созник) проводились разведки в Монастырской балке, являющейся юго-восточным отрогом балки Бермана, которая расположена в южной части Гераклеиского полуострова⁶. В результате

¹ Kruglikova 1981, 11; Nikolaenko 2001, 3.

² Shcheglov 1976, 73-75.

³ Strzheletskiy 1959, 121-160; Strzheletskiy 1961, 114-130

⁴ Strzheletskiy 1959, 123-159.

⁵ Andrushchenko 2009; Andrushchenko 2011; Kovalevskaya 2014.

⁶ Архив ГИАМЗ ХТ, дело № 2987, 2988.

осуществлённых работ среди прочих археологических объектов на северо-восточном склоне балки на месте грабительского раскопа было выявлено помещение винодельни, которое, вероятно, принадлежало усадьбе, расположенной выше по склону. Итоги исследований показали, что помещение существовало как минимум два хронологических периода. Наблюдение подтверждается стратиграфией и строительными остатками. Нас заинтересовал первоначальный период, время, когда функционировала винодельня.

В помещении винодельни обнаружены две площадки для давления винограда и участок, где был установлен пифос для сбора виноградного сока.

Первая площадка для давления винограда ногами представляет собой конструкцию прямоугольной формы размерами: 2,95 x 1,30 м. Основание площадки состоит из трёх массивных, тщательно подогнанных друг к другу блоков толщиной - 0,23 м. Край площадки ограничен незначительно выступающим бортом шириной - 0,20 м. Северо-восточная сторона площадки заканчивается сливом, край которого отколот.

На бортах площадки были установлены на ребро прямоугольные хорошо обтесанные плиты, толщиной - 0,15 м, высотой более 1,00 м. Всего найдено 4 плиты. Две из них были обнаружены *in situ*, стоящими на северо-западном борту давящей площадки. Третья плита найдена в стороне от сооружения, четвертая — лежала плашмя на давящей площадке. Вертикально стоящие плиты раскопками открыты только с внутренней стороны площадки.

Вторая площадка для давления винограда прессом расположена к юго-востоку от первой давящей площадки на расстоянии 0,48 м от нее. Площадка очень массивная, сделана из громадной прямоугольной каменной известняковой плиты размерами: 1,90 x 1,30 x 0,40 м. Плита имеет прямоугольную рабочую площадку с закругленными углами и желобом вокруг, который по краю плиты ограничен бортом. Скорее всего, слив находился в юго-восточном борту площадки. Перед площадками на юго-западе был открыт участок вымостки из крупных необработанных камней.

С противоположной стороны, с северо-востока от площадки для ножного давления винограда, непосредственно под ее сливом, была выявлена яма, где, по-видимому, находился пифос, от которого остались только фрагменты. Пифос служил резервуаром для сбора виноградного сока с давящей площадки. Каменное основание винта прессы не обнаружено.

Датирующим материалом для винодельни служит керамика.

В слое, выстилающем известняковые блоки первой площадки, встречаются отдельные фрагменты керамики эллинистического времени: ножка херсонесской амфоры III-II вв. до н.э.⁷, поддон сосуда херсонесского производства, возможно, лутерия, ручка от крышки пифоса. При зачистке второй площадки найдена раздавленная чаша-цецилка на трех ножках, а также обнаружены фрагменты кувшина на кольцевом поддоне и мегарской сероглиняной чаши II в. до н.э.⁸ Серединой IV - III вв. до н.э. датируется чернолаковое блюдо, на дне которого внутри располагается штампованный и резной орнамент в виде пальметок и насечек⁹. Вместе с чернолаковым блюдом в зольнике был найден грубый лепной горшок баночной формы скифского типа IV-III вв. до н.э.

Таким образом, обнаруженная винодельня функционировала предположительно с конца IV до II вв. до н.э., по типу сооружения можно классифицировать её как большую винодельню наиболее усовершенствованного типа (по классификации С.Ф. Стржеleckого – группа 4), в которой на одной давяльне сок выдавливался ногами, а затем вторично на другой давяльне с помощью пресса¹⁰. Винодельня в Монастырской балке конструктивно близка винодельням этого же времени, открытым на сельских усадьбах 26¹¹, 9¹², 172¹³, 39А и 152¹⁴ хоры Херсонеса, хотя существуют некоторые отличия в планировке и, возможно, в устройстве пресса. Особого внимания заслуживает находка в исследуемой нами винодельне каменных вертикальных плит, установленных по бортам первой площадки, которые создавали каменный ящик. Совершенно очевидно, что внутрь этого ящика помещали виноград и давили его ногами.

Найти прямые аналогии на хоре Херсонеса нашей винодельне не удалось. Конструктивно отличаются и винодельни Боспорского царства, имеющие несколько иное устройство. Ближе всего согласно классификации Н.И. Винокурова – композитные винодельни с двумя стандартно расположенными резервуарами типа КИ-2, начало становления

⁷ Zeest 1960, 99, табл. XXI, 40.

⁸ Shelov 1969, 235, табл. VII, 97.

⁹ Sparkes, Talcott 1970, 147, No. 1053, 1059, 1060.

¹⁰ Strzheletskiy 1961, 120-127.

¹¹ Strzheletskiy 1961, 102-109.

¹² Saprykin 2001, 13-14.

¹³ Kovalevskaya 1987, 27.

¹⁴ Nikolaenko 2001, 30-31, 79-80; Zubar' 2007, 84-86, рис. 73-76, рис. 152.

которых приходится на рубеж II-I вв. до н.э., в то время как в более ранний период IV-II вв. до н.э. были распространены композитные винодельни с одним резервуаром типа KI-1¹⁵.

Обнаруженная винодавильная площадка с плитами, образующими каменный ящик для обработки винограда ногами, несомненно вносит некоторые коррективы в устройство винодельни, по крайней мере, в нашем случае. Но нельзя исключить, что и некоторые другие подобные винодавильные площадки также имели по бортам вертикальные каменные плиты, но они не сохранились до наших дней.

Литература / References

- Andrushchenko, N.P. 2011: Pervye vinodel'ni, obnaruzhennye na khore drevnego Khersonesa. *Khersonesskiy sbornik* 16. Sevastopol', 35-40.
Андрущенко, Н.П. Первые винодельни, обнаруженные на хоре древнего Херсонеса. *Херсонесский сборник* 16. Севастополь, 35-40.
- Andrushchenko, N.P. 2009: *Antichnye vinodel'ni na khersonesskom gorodishche*. Kiev.
Андрущенко, Н.П. *Античные винодельни на херсонесском городище*. Киев.
- Vinokurov, N.I. 1999: *Vinodelie antichnogo Bospora*. Moscow.
Винокуров, Н.И. *Виноделие античного Боспора*. М.
- Kovalevskaya, L.A. 1987: Vinodel'cheskiy kompleks v verkhov'yakh Streletskoy balki. *Istoriya i kul'tura Khersonesa i Zapadnogo Kryma v antichnuyu epokhu*. Sevastopol', 27.
Ковалевская, Л.А. Винодельческий комплекс в верховьях Стрелецкой балки. *История и культура Херсонеса и Западного Крыма в античную эпоху*. Севастополь, 27.
- Kovalevskaya, L.A. 2014: Vinodel'nya rimskogo vremeni na khore Khersonesa Tavricheskogo. *Khersonesskiy sbornik* 18. Sevastopol', 51-60.
Ковалевская, Л.А. Винодельня римского времени на хоре Херсонеса Таврического. *Херсонесский сборник* 18. Севастополь, 51-60.
- Kruglikova, I.T. 1981: Zemel'nye nadely khersonesitov na Gerakleyskom

⁷ Vinokurov 1999, 27, 33

- poluostrove. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* 168, 9-16.
Кругликова, И.Т. Земельные наделы херсонеситов на Гераклейском полуострове. *Краткие сообщения института археологии* 168, 9-16.
- Nikolaenko, G.M. 2001: *Khora Khersonesa Tavricheskogo*. Sevastopol'.
Николаенко, Г.М. *Хора Херсонеса Таврического*. Севастополь
- Saprykin, S.J. 1994: Ancient Farms and Land-plots on the Khora of Khersonesos Taurike (Research in the Herakleian peninsula – 1974-1990). Amsterdam.
- Shcheglov, A.N. 1976: *Polis i khora*. Simferopol'.
Щеглов, А.Н. *Полис и хора*. Симферополь.
- Shelov, D.B. 1969: Nakhodki v Tanaise «megarskikh chash». *Antichny drevnosti Podon'ya – Priazov'ya* (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR 154), M., 220-247.
Шелов, Д.Б. Находки в Танаисе «мегарских чаш». *Античные древности Подонья – Приазовья* (Материалы и исследования по археологии СССР 154), М., 220-247.
- Sparkes, B.A., Talcott, L., 1970: *Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, and 4th Centuries B.C.* (The Athenian Agora XII). Princeton.
- Strzheletskiy, S.F. 1959: Vinodelie v Khersonese Tavricheskom antichnoy epokhi. *Khersonesskiy sbornik* 5. Simferopol', 121-160.
Стржелецкий, С.Ф. Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи. *Херсонесский сборник* 5. Симферополь, 121-160.
- Strzheletskiy, S.F. 1961: *Klery Khersonesa Tavricheskogo*. (Khersonesskiy sbornik 6). Sevastopol'.
Стржелецкий, С.Ф. *Клеры Херсонеса Таврического*. (Херсонесский сборник 6). Севастополь.
- Zeest, I.B. 1960: *Keramicheskaya tara Bospora* (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR 83). M.
Зеест, И.Б. *Керамическая тара Боспора* (Материалы и исследования по археологии СССР 83). М.
- Zubar', V.M. 2007: *Khora Khersonesa Tavricheskogo na Gerakleyskom poluostrove*. Kiev.
Зубарь, В.М. *Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове*. Киев.

Рис. 1. Винодельня в Монастырской балке, винодавильные площадки
(вид с северо-востока)

Херсонес и его древности в проекте BCOSPE

В недавно вышедшем иллюстрированном путеводителе по Херсонесу Таврическому, коротко ссылаясь в предисловии на ‘превратности судеб херсонеситов’, Нил Ашерсон замечает: „... the city of Chersonesos somehow survived. By stone defense, by diplomacy, or by luck, it lived on for almost 2,000 years into an epoch when all the other Greek-founded cities of the northern Black Sea had fallen”¹. Целью предлагаемого вниманию доклада является как раз определение того особого места, которое занимал этот южно-крымский полис среди причерноморских античных государств, в сравнении с другими городами региона.

Сама постановка вопроса может показаться устаревшей, если вспомнить хотя бы научно-популярную статью «Столетний юбилей изучения “Русских Помпей», опубликованную в 1926 г. в журнале “Вестник Знания”. Ряд публикаций² был специально посвящен прогрессу знаний от простой фиксации памятников к их археологическому исследованию, на основе результатов которого предпринимались попытки осмысления полученного материала в рамках обобщающих работ по истории и культуре Херсонеса. Исчерпывающий библиографический свод литературы по античному Северному Причерноморью – *Bibliographia classica orae septentrionalis Ponti Euxini*³ – позволяет, однако, заново осмыслить вклад каждого северопричерноморского центра, и Херсонеса в частности, в общую сокровищницу античной культуры, судя по интересу, вызванному в специализированной литературе на русском и иностранных языках с конца XVIII в. по нынешний день.

Речь идет о первом, уже опубликованном томе⁴, где собраны работы по эпиграфике, нумизматике, ономастике и просопографии, а также о втором и третьем томах, работа над которыми существенно продвинулась (в общей сложности уже учтены более 15000 публикаций!). Помимо общепринятого распределения материала по античным центрам (I. Левка [остров Ахилла]; II. Тира, Никоний и местности от устья Дуная до Порта истриан; III. Березань [Борисфен], Ольвия, хора;

¹ Ascherson 2003, IX.

² Например: Tunkina 2002, passim; Zubar` 2005, 2006, 2007; Zubar`, Sorochan 2008

³ Cojocar 2014; ср. Kantor 2015; Jailenko 2016

⁴ BCOSPE I = Cojocar 2014.

IV. Керкинитида, Херсонес, Юго-Западная Таврика; V. Неаполь Скифский; VI. Боспорское царство; VII. Работы общего характера [Generalia]; VIII. Iranica), BCOSPE II (Archaeologica) систематизирует археологическую литературу по трем крупным разделам, разбитым в свою очередь на несколько глав. Первый раздел обобщает отчеты и археологические заметки (A.1), публикации, связанные с анализом и реставрацией археологического материала (A.2), а также работы общего характера (A.3. Varia). Второй раздел посвящен керамическому материалу: простая керамика (B.1 – столовая, кухонная, хозяйственная), парадная керамика (B.2 – расписная, чернолаковая, краснолаковая, фигурная, рельефная, сигиллята), массовый амфорный материал (B.3), светильники (B.4), varia (B.5). В третьем разделе собраны работы по другим материалам: украшения, одежда и туалетные принадлежности (C.1), металлические сосуды (C.2), стеклянные сосуды (C.3), оружие, военное снаряжение и предметы конской сбруи (C.4), орудия (C.5), varia (C.6). Отдельный раздел посвящен публикациям по ремеслу, мастерским, технике производства и торговле.

BCOSPE III (Ars, res sacrae & mythologica) охватывает работы по искусству и религии: гражданская и культовая архитектура (A.1), военная архитектура (A.2), скульптура и рельефы (A.3), живопись и мозаика (A.4), varia (A.5), а также культы и божества (B.1), погребальный обряд (B.2), varia (B.3).

Анализируя место Херсонеса в рамках вышеперечисленных направлений исследования, нас интересуют не столько статистические данные (сами по себе уже небезыңтересные), сколько наиболее примечательные аспекты истории южно-крымского города в сравнении с другими причерноморскими античными государствами и их отражение в русской и зарубежной историографии. Таким образом, мы надеемся, проект BCOSPE будет способствовать росту исследовательского интереса к Херсонесу и его древностям и поможет лучше понять почему “This extraordinary site, hauntingly beautiful and yet still only partly understood and explored, is increasingly being recognized as a treasure in the cultural heritage of the world”⁵.

Литература / References

Ascherson, N. 2003: Foreword. In: *Crimean Chersonesos: City, Chora, Museum, and Environs* / J.C. Carter – R.M. Glenn (eds.). Austin

⁵ Ascherson 2003, X.

(Тех.), IX–X.

- Cojocar, V. 2014: *Bibliographia classica orae septentrionalis Ponti Euxini. I. Epigraphica, numismatica, onomastica & prosopographica*. Cluj-Napoca.
- Jajlenko, V.P. 2016: Recenzija na Cojocar 2014. In: *Drevnosti Bospora* **20**, 526–529.
Яйленко, В.П. 2016: Рецензия на Cojocar 2014. В сб. *Древности Боспора* **20**, 526–529.
- Kantor, G. 2015: Review of Cojocar 2014 // *Bryn Mawr Classical Review* (<http://bmcr.brynmawr.edu/2015/2015-04-41.html>).
- Tunkina, I.V. 2002: *Russkaja nauka o klassicheskih drevnostjakh juga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)*. Sankt-Peterburg.
Тункина, И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). Санкт-Петербург.
- Zubar', V.M. 2005: Istorija izuchenija sel'skochozjajstvennoj okrugy Heronesesa v konce XVIII – seredine/tre'teje četverti XX vv. In: *Bosporskie issledovanija* **10**, 295–360.
Зубарь, В.М. История изучения сельскохозяйственной округи Херсонеса в конце XVIII – середине/третьей четверти XX вв. В сб. *Боспорские Исследования* **10**, 295–360.
- Zubar', V.M. 2006: Izuchenie sel'skochozjajstvennoj okrugy Heronesesa Tavricheskogo na Geraklejskom poluostrove v 70-80-h gg. XX v. In: *Bosporskie issledovanija* **11**, 331–386.
Зубарь, В.М. Изучение сельскохозяйственной округи Херсонеса Таврического на Гераклеиском полуострове в 70-80-х гг. XX в. В сб. *Боспорские Исследования* **11**, 331–386.
- Zubar', V.M. 2007: Arheologicheskoe izuchenie Heronesesa Tavricheskogo i ego okrestnostej mezhdu dvumja mirovymi vojnami (1914 – 1941 gg.). In: *Bosporskie issledovanija* **17**, 199–279
Зубарь, В.М. Археологическое изучение Херсонеса Таврического и его окрестностей между двумя мировыми войнами (1914 – 1941 гг.). В сб. *Боспорские Исследования* **17**, 199–279.
- Zubar', V.M., Sorochan S.B. 2008: Osnovnye jetapy arheologicheskogo izuchenija pamjatnikov na territorii citadeli Heronesesa Tavricheskogo. In: *Bosporskie issledovanija* **19**, 156–248.
Зубарь, В.М., Сорочан С.Б. Основные этапы археологического изучения памятников на территории цитадели Херсонеса Таврического. В сб. *Боспорские Исследования* **19**, 156–248.

Амфорная тара из раскопок Мирмекия сезонов 2008-2015 гг.

С 2008 по 2015 гг. работы на городище Мирмекий были сосредоточены в центральной части памятника, на участке «И». Здесь была доследована насыпь зольника II и изучены нижележащие остатки городской застройки. Общая площадь раскопа составила около 300 кв. м. Мощность вскрытых слоев суммарно превышает 8 м. Общее число находок составляет около 700 тыс. единиц.

В статистическом исследовании не учитывались материалы из смешанных или трудно поддающихся датировке участков раскопа. Общее количество профильных частей амфор, привлеченных к анализу, составило 16 тыс. единиц. При таком значительном объёме материала охватить весь массив данных было бы невозможно без использования современных информационных технологий. Данные полевой документации, сведённые в единую электронную базу, дали возможность проводить анализ индивидуальных находок, а также датирующего и массового материала на основе многоуровневой классификации. Была создана доступная и наглядная схема планиграфической и стратиграфической ситуации на этом участке памятника. Для анализа материала были привлечены современные методы многомерной статистики.

Результатом подобной систематизации материала стало получение целого ряда новых данных. В частности, было прослежено изменение процентного соотношения массового амфорного материала (табл. 1).

Амфоры Лесбоса, центров Северной Эгеиды (т.н. протофасос) и Клазомен, составляют значительную часть от общего числа тары в горизонтах VI-V вв. до н.э. Затем они резко снижаются в относительном числе к IV в. до н.э. В период с IV по II вв. до н.э. амфорная тара этих центров составляет в сумме менее 2 %. Амфоры производства Синопы, Родоса, Херсонеса и Коса, наоборот, последовательно увеличиваются в процентном отношении, при этом больше всего растёт процент синопской тары (от 0,4% до 22,2%). Относительное количество тарных сосудов производства Гераклеи, Фасоса и Менды также растёт, но неравномерно. Наибольший пик приходится на IV в. до н.э., а затем процент амфор из этих центров несколько уменьшается. Процент хиосской амфорной тары, на протяжении исследуемого периода последовательно и постепенно снижается, но продолжает составлять существенную часть

от общего числа. Амфоры остальных центров составляют небольшой процент от всего количества и не демонстрируют каких-либо серьёзных изменений в динамике поступлений.

Таким образом, в результате обработки материалов из раскопок городища Мирмекий 2008-2015 гг. были получены данные, которые дают представление о торговых отношениях Боспора с конца VI по II вв. до н.э.

Центры производства	кон. VI в. до н.э. общ. кол-во	V в. до н.э. общ. кол-во	IV в. до н.э. общ. кол-во	зольник 2 III-II вв. до н.э. общ. кол-во	кон. VI в. до н.э., %	V в. до н.э., %	IV в. до н.э., %	зольник 2 III-II вв. до н.э. %
Гераклея	3	36	1115	1421	0,30	1,78	23,08	17,67
Клазомены	123	142	8	4	12,19	7,03	0,17	0,05
Книд		6	51	113	-	0,30	1,06	1,41
Колхида			10	64	-	-	0,21	0,80
Кос	1	2	40	137	0,10	0,10	0,83	1,70
Круг Фасоса	4	16	17	35	0,40	0,79	0,35	0,44
Лесбос кр. гл.	326	280	21	15	32,31	13,86	0,43	0,19
Лесбос с. гл.	25	34	47	14	2,48	1,68	0,97	0,17
Менда	2	27	269	123	0,20	1,34	5,57	1,53
Милет	18	25	10	4	1,78	1,24	0,21	0,05
Неизв. центры Сев. Эгеиды (прогофасос)	172	241	32	24	17,05	11,93	0,66	0,30
Пепарет		2	84	104	-	0,10	1,74	1,29
Родос		4	10	196	-	0,20	0,21	2,44
Самос		6	10	2	-	0,30	0,21	0,02
Синопа	4	9	237	1783	0,40	0,45	4,91	22,17
Фасос	11	206	701	493	1,09	10,20	14,51	6,13
Херсонес		7	69	128	-	0,35	1,43	1,59
Хиосколп.			26	48	-	-	0,54	0,60
Хиосперех.	2	12	25	6	0,20	0,59	0,52	0,07
Хиоспрямогрл.	3	55	610	494	0,30	2,72	12,63	6,14
Хиоспухлг.	170	467	185	109	16,85	23,12	3,83	1,36
Прочие (суммарно менее 2 %)	9	6	10	31	0,89	0,30	0,21	0,39
Неизвестные центры	136	437	1244	2693	13,48	21,63	25,75	33,49

Табл. 1. Амфорная тара. Мирмекий. Участок «И». Работы 2008-2015 гг.

Греческие краснофигурные кратеры из Елизаветовского городища

Находки в слоях Елизаветовского скифского городища значительного количества фрагментов греческих расписных кратеров требует специального анализа этой категории находок, столь не характерных для варварских поселенческих структур. Кратеры и их фрагменты крайне редко встречаются в материалах раскопок скифских поселений и курганов. Нам представляется, что это объясняется обычаем скифов, предпочитавших пить неразбавленное вино. Именно поэтому кратеры, как сосуды, предназначенные для смешивания вина с водой, не пользовались в Скифии спросом в отличие от сосудов, специально предназначенных для питья вина¹. В связи с этим отметим, что при описании ежегодного праздника у скифов Геродот (IV, 66) указывает, что номархом наполнялся вином именно кратер, «из которого пьют скифы, убившие врагов. А те, кто этого не совершат, не вкушают этого вина, но, презираемые, сидят отдельно. Это у них величайшее бесчестье. А все те из них, кто убили многих мужей, имеют по два килика и пьют из обоих»². Не исключено, что кратеры, обнаруженные в ходе исследований Елизаветовского городища, могли принадлежать номархам, которые находились в столице Восточной области Геродотовой Скифии³.

В 2006 г. на раскопе 36 был обнаружен фрагментированный краснофигурный кратер южноиталийского производства, на аверсе которого была изображена многофигурная композиция, от которой сохранилось изображение двух женских фигур, расположенных справа и слева от мужской фигуры (рис. 1). Лучше сохранилось изображение стоящего обнаженного мужчины с венком на голове и с тирсом в левой руке. На другом фрагменте кратера помещено изображение сидящего обнаженного мужчины, восседающим на плаще из шкуры льва, а рядом с кистью его левой руки изображена палица (рис. 2). Центральной фигурой композиции, помещенной на лицевой стороне кратера, является изображение стоящего Диониса, а центральным персонажем сцены на оборотной стороне является сидящий Геракл. Об этом могут

¹ Копылов 1992, 82-83.

² Геродот цитируется в переводе: Dovatur, Kallistov, Shishova 1982, 123.

³ Копылов, Kovalenko 2015, 59.

свидетельствовать соответствующие атрибуты: тирс в руке стоящего мужчины, а также палица и шкура льва, сопровождающие изображение сидящей мужской фигуры. Использование мастером в росписи дополнительных красок – белой и желтой – и тщательность в изображении богато украшенных драпировок позволяет отнести наш кратер к развитому нарядному стилю апулийской вазописи, а своеобразие композиций ближе всего манере вазописцев мастерской Ликурга. Датируются кратеры этой мастерской серединой IV в. до н.э.⁴

В 2016 г., на площади 7 раскопа 36, были обнаружены фрагменты ещё одного краснофигурного кратера с сохранившимся рисунком. На одном из них имеется изображение крылатой женской фигуры, ведущей вправо колесницу, запряжённую четвёрткой жеребцов, один из которых белый (рис. 3). Фигура облачена в длинный хитон, волосы убраны в пучок и обвиты лентой. На голове женщины изображён венчик. В древнегреческой иконографии только богини Эос и Ника изображались управляющими колесницей – бигой либо квадригой. При этом порой бывает сложно точно идентифицировать богиню, поскольку обе облачены в длинный хитон, волосы забраны в узел и на колесницах они, как правило, лишены своих атрибутов (Ника – венка, сосуда или посоха; Эос — факела). Богиня в колеснице на нашем кратере изображена в венке, что позволяет установить личность возницы. Это богиня Ника. В росписи художник использовал белую и жёлтую краски, что было характерно для южноиталийских мастеров. Отметим, что в 2013 г. на площади 7 был обнаружен фрагмент стенки кратера с сохранившимся рисунком колеса колесницы.

Находки кратеров южноиталийского производства в материалах Елизаветовского скифского городища подтверждают наши выводы о более интенсивных торговых связях населения устьевой области реки с центрами Западного Средиземноморья в IV в. до н.э., чем это представлялось ранее⁵.

Литература / References

- Dovatur, A.I., Kallistov, D.P., Shishova, A.I. (eds.) 1982: *Narody nashey strany v "istorii" Gerodota*. Moscow.
- Доватур, А.И., Каллистов, Д.П., Шишова, А.И. *Народы нашей страны в «истории» Геродота*. М.

⁴ Sidorova, Tugusheva, Zabelina 1985, 22-23, 58 (112, 113, 114).

⁵ Копылов 2006, 72.

- Kopylov, V.P. 1992: Novye dannye o svyazyah naseleniya del'ty Dona v V v. do n.e. In: *Donskie drevnosti 1. Azov*. 1992, 78-87.
Копылов, В.П. Новые данные о связях населения дельты Дона в V в. до н.э. В сб.: *Донские древности 1. Азов*, 78-87.
- Kopylov, V.P., Kovalenko, A.N. 2015: Obraz ust'ya Tanaisa, kak territorial'nogo tsentra Skifii v predstavlenii antichnykh avtorov. In: *Skifiya: Obraz i istoriko-kul'turnoe nasledie. Materialy konferentsii 26-28 oktyabrya 2015 g. Institut Vseobshhey istorii RAN*. Moscow, 55-61.
Копылов, В.П., Коваленко, А.Н. Образ устья Танаиса, как территориального центра Скифии в представлении античных авторов. В сб.: *Скифия: Образ и историко-культурное наследие. Материалы конференции 26-28 октября 2015 г. Институт Всеобщей истории РАН*. М., 55-61.
- Kopylov, V.P. 2006: O proniknovenii puniyskikh tovarov na Nizhniy Don v IV v. do n.e. In: *Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chernogo morya v skifo-antichnoe vremya. Sbornik statey po materialam XI mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Rostov-na-Donu, 70-74.
Копылов, В.П. О проникновении пунийских товаров на Нижний Дон в IV в. до н.э. В сб.: *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. Сборник статей по материалам XI международной научной конференции*. Ростов-на-Дону, 70-74.
- Sidorova, N.A., Tugusheva, O.V., Zabelina, V.S. 1985: *Antichnaya raspisnaya keramika iz sobraniya GMII im. A.S. Pushkina*. Moscow.
Сидорова, Н.А., Тугусева, О.В., Забелина, В.С. *Античная расписная керамика из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина*. М.

Рис. 1. Краснофигурные кратеры из Elizavetovskoye городища
1 – Фрагмент кратера с изображением Диониса; 2 – Фрагмент кратера с изображением Геракла; 3 – Фрагмент кратера с изображением Ники

Коллекция пряжек с овально-трапециевидной рамкой из Херсонеса¹

Из раскопок Херсонеса происходит группа пряжек с вытянутой рамкой, передняя часть которой имеет овальные, а задняя часть трапециевидные или, реже, прямоугольные очертания. Находки подобных пряжек как правило, единичны на археологических памятниках раннеримского времени и, вместе с тем они распространены по очень широкой территории от Рейна до Корейского полуострова. По сути, это интересный феномен евроазиатской материальной культуры начала нашей эры, достойный внимательного рассмотрения. Место херсонесской коллекции в картине распространения этих вещей является узловым. В Херсонесе найдено 18 пряжек этой группы. На сегодняшний день, это самая крупная коллекция, происходящая с одного памятника. При этом, данные находки до сих пор не введены в научный оборот.

Все пряжки происходят из раскопок Херсонеса XIX – начала XX вв. Вероятно, большинство из них обнаружено в результате работ К.К. Косцюшко-Валюжинича. Сведения о местах находок большинства вещей из его раскопок сейчас утрачены. Но, поскольку исследователь работал только в Херсонесе и его ближайшей округе, можно уверенно связывать эти находки с памятником. Только для трех пряжек сохранились данные о контексте их находок. Они происходят из раскопок некрополя под руководством Р.Х. Лепера в районе 5-6 куртин. Материал погребений, найденный вместе с тремя пряжками из раскопок Р.Х. Лепера не выходит за пределы второй половины I в. н.э. Если обратить внимание на тот факт, что ни одной пряжки не было найдено на памятнике после 1914 года, то можно предположить, что в процессе раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича на некрополе был исследован какой-то участок, в котором концентрировались захоронения определенного времени и определенной социальной группы населения, использовавших овально-трапециевидные пряжки.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Фигурные пряжки римского времени из Северного Причерноморья: вопросы происхождения, типологии и датировки», проект №15-01-00174.

Характеризуя в целом херсонесскую коллекцию следует обратить внимание на то, что среди 18 пряжек нет ни одной идентичной. Это должно рассматриваться как показатель отсутствия стандартизации, что говорит об индивидуальном изготовлении каждого предмета. Такой вывод свидетельствует о том, что спрос на эти изделия не был массовым. Следовательно, овально-трапециевидные пряжки нужно рассматривать как изделия индивидуальные, близкие по значению к понятию «престижные» и пользующиеся спросом только у определенной группы населения.

Публикация коллекции позволяет вновь рассмотреть имеющиеся данные о подобных предметах и дает повод обратиться к вопросам об их происхождении, распространении и функциях.

Морфологические детали пряжек с овально-трапециевидной рамкой довольно разнообразны. Важным группообразующим признаком следует считать рамку, четко разделенную на две части. Передняя часть обычно овальных, реже круглых очертаний. Задняя часть чаще трапециевидная, с расширяющимися к торцу концами, иногда прямоугольная. Первым название «овально-трапециевидные» для рассматриваемых изделий предложил П.П. Азбелев². Это название представляется удачным, так как оно наилучшим образом описывает конструкцию пряжек.

Помимо публикаций единичных находок подобных предметов, существует три работы по типологии, учитывающие значительное количество пряжек на определенных территориях, являющихся зонами наибольшей концентрации находок. Две из них рассматривают пряжки Центральной Европы³. Ещё одна охватывает находки из Северного Причерноморья⁴.

Р. Мадыда-Легутко относит интересующие нас пряжки к ступени В1 Центрально-Европейской хронологии. Довольно узкую дату использования всех «дугоконечных» пряжек в Северном Причерноморье, устанавливают А.А. Труфанов и А.Е. Пуздровский. Они считают, что пряжки датируются второй третью или третьей четвертью I в. н.э.⁵

Несмотря на то, что херсонесские пряжки не имеют, в большинстве своем, самостоятельной датировки, трудно представить, что все они принадлежат узкому хронологическому отрезку в 25 – 30 лет. В этом случае было бы сложно объяснить бурный всплеск и быстрое угасание

² Azbelev 2009, 33.

³ Raddatz 1957, 19, 20; Madyda-Legutko 1986, 4-11.

⁴ Trufanov 2004.

⁵ Trufanov 2004, 164-168; Trufanov 2005-2009, 217; Puzdrovskij 2007, 139.

моды на пряжки такой конструкции. 18 пряжек из Херсонеса не будут выглядеть феноменом только третьей четверти I в. н.э., если предположить их более длительное использование в течение второй половины I и начала II вв. н.э.

В Центральной Европе найдено около 60 экземпляров подобных пряжек. Немного уступает по количеству находок регион Северного Причерноморья. С учетом херсонесской коллекции, в Крыму, в междуречье Днепра и Южного Буга, на Нижнем Дону и на Кубани найдено около 50 экземпляров.

В Херсонесе известна только одна пряжка со слабо выделенной передней частью рамки (рис. 1, 1). Такие пряжки датируются первой половиной – серединой I в. н.э.⁶ Это, вероятно, одна из самых ранних пряжек с подвижным язычком, найденных на данном памятнике. Такие пряжки считаются предшественниками овально-трапециевидных.

Все херсонесские овально-трапециевидные пряжки сделаны из трех частей: рамки, оси и язычка. Рамка пряжек литая. Концы рамки в задней части скреплены осью. Часть пряжек снабжена одной парой отверстий, в которых располагалась ось (рис. 1, 2-5, 19). У таких пряжек язычок закреплялся на оси и свободно вращался вокруг неё. Другая часть пряжек имела две пары отверстий в рамке (рис. 1, 6-18). У таких пряжек в задней части располагалась ось. Язычок крепился отдельно во второй паре отверстий.

Взгляды на происхождение овально-трапециевидных пряжек связывают их с территориями Римской империи и Свободной Германии. Начиная с К. Раддаца, эти застежки выводили из германских длинных пряжек. При этом считается, что появление нового типа происходило под влиянием римских образцов. В частности, римская мода отразилась в резком выделении передней части рамки и снабжении её внутренними завитками. К. Раддац считал, что характерные завитки внутри рамки появились как подражание римским пряжкам, но сам тип возник и использовался в германской среде⁷.

Образцом для заимствований, считались пряжки типов А и В по Э. Дешлер-Эрбу, которые хорошо известны в лагерях римской армии со времени Августа⁸. Тем не менее, у самих римлян не было более ранней традиции оформления рамки пряжек внутренними завитками.

⁶ Trufanov 2004, 163, 164, рис. 2.

⁷ Raddatz 1957, 27.

⁸ Deshler-Erb 1999, 40, 41, Taf. 16. 275-292.

Откуда могла появиться эта деталь? Для ответа на этот вопрос нужно рассмотреть подробнее находки овально-трапециевидных пряжек в различных регионах.

Овально-трапециевидные пряжки не были характерны для памятников Римской империи. Известно не более 10 находок с её территории. Единичные экземпляры происходят из Паннонии, Дакии и Норика. Эти пограничные провинции близки к зоне наибольшей концентрации находок в Свободной Германии. Из контекстов находок на территории империи можно заключить, что пряжки не использовались солдатами римской армии. Их находят в погребениях с ярко-выраженными кельтскими или германскими чертами. Это означает, что пряжки возникли не у римлян, а у кельтов и германцев под определенным воздействием римской моды. Поэтому, несправедливо говорить, в отношении находок таких пряжек далеко на востоке только об импульсе провинциально-римской моды.

Очевидно, что мы имеем дело со значительно более сложным процессом если обратиться к материалам из Северного Причерноморья. Нельзя объяснить использование таких пряжек в Северном Причерноморье во второй половине I в. н.э. ни присутствием германцев (об этом нет данных в письменных источниках), ни присутствием римлян, которые появлялись в регионе, но пряжек таких сами не носили.

Обстоятельства использования овально-трапециевидных пряжек в Северном Причерноморье окажутся ещё более запутанными, если вспомнить о том, что такие пряжки находят и в сарматских курганах, и в позднескифских некрополях и в греческих городах. Коллекция пряжек из Херсонеса, как кажется, дает ключ к пониманию особенностей использования этих предметов. Значительное количество пряжек в Херсонесе нельзя объяснить «варваризацией» населения. Известно, что Херсонес был достаточно консервативен (Plin., NH, IV, 85) и этнический состав города в первые века н.э. менялся незначительно. Дополнительным аргументом в пользу того, что пряжки использовались именно греками-херсонеситами является шестистрочная греческая надпись на язычке одной из пряжек (рис. 1, 15)⁹. Сказанное означает, что традиция использования таких пряжек была во второй половине I века также частью античной культуры. Это подтверждают находки подобных пряжек из других греческих городов Северного Причерноморья.

⁹ Kostromichev, Namojlik 2017.

Похоже на то, что источник импульса, распространившего овально-трапециевидные пряжки далеко на восток, находился именно в регионе Северного Причерноморья. Степной пояс, заселенный кочевыми народами, предоставлял для этого удобный путь. Интересно, что Северное Причерноморье и Крым примерно в это же время стали конечной точкой другого, противоположного по направлению импульса. Этот регион стал самым западным и самым поздним местом использования пряжек с зубцом (шпеньком) и с прямоугольным щитком, украшенным фигурами животных¹⁰.

Возможно, на синтез некоторых деталей овально-трапециевидных пряжек, а именно внутренних завитков рамки, повлияло присутствие и использование в регионе поздних пряжек с зубцом. Это были пряжки, отличавшиеся способом фиксации ремня.

Следует согласиться с наблюдением П.П. Азбелева о том, что волюты, завитки и другие формы украшения внутреннего просвета рамки являются для язычковых пряжек нефункциональными. В застегнутом состоянии эти украшения не видны, так как закрываются ремнем. Тем не менее, украшения внутреннего просвета рамки существуют и их наличие П.П. Азбелев объясняет тем, что язычковые пряжки наследуют формы шпеньковых пряжек у которых «ремень не закрывает просвет рамки и его имеет смысл украшать». Т.е. шпеньковые пряжки относительно более ранние, хотя их совместное существование также не исключается¹¹.

На территории Римской империи и приграничных областях варварского мира пряжки с овально-трапециевидной рамкой перестают использовать в начале II в. Самые поздние находки отличаются короткой задней частью. К такому варианту относится одна пряжка из Херсонеса (рис. 1, 19).

Линия находок овально-трапециевидных пряжек тянется в Приуралье, далее на Средний Енисей в Южной Сибири. Самые восточные экземпляры обнаружены в Корее¹². Если в Северном Причерноморье овально-трапециевидные пряжки прекращают использовать уже в начале II века, то на противоположном конце Евразии редкие дальневосточные находки относятся к середине I тысячелетия н.э. Между этими точками – находки позднесарматского времени из Орлата; из Балыктыюля,

¹⁰ Brosseder 2011, fig. 1, fig. 35.

¹¹ Azbelev 2009, 33.

¹² Azbelev 2009, 33.

не ранее II в. н.э.¹³; из могильника Аймырлаг XXXI II в. н.э.¹⁴; из могильника Кокэль – не ранее III в. н.э.¹⁵.

На всей обширной территории использования овально-трапециевидные пряжки не являлись массовыми находками. Это единичные и, по всей видимости, престижные вещи. При таком разнообразии культурно-исторических контекстов находок пряжки данной группы нельзя рассматривать в качестве этнического маркера. Очевидно, что они связаны не с определенным этносом, а с какой-то социальной группой различных народов. На мой взгляд, пряжки можно связать с воинской субкультурой. Это могло бы объяснить и широту распространения, и престижность находок, и тот факт, что пряжки происходят, в подавляющем большинстве случаев, из мужских захоронений.

Из всего сказанного логичным выводом будет предположение о том, что херсонесские пряжки использовались солдатами городских вооруженных сил.

Литература / References

- Azbelev, P.P. 2009: *Tashtykskij pojas. Drevnosti Sibiri i Central'noj Azii 1-2* (13-14). Gorno-Altajsk, 29-49.
- Азбелев, П.П. Таштыкский пояс. *Древности Сибири и Центральной Азии 1-2* (13-14). Горно-Алтайск, 29-49.
- Brosseder, U. 2011: Belt plaques as an indicator of East-West relations in the Eurasian steppe at the turn of Millennia. *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Bonn, 349-424.
- Deschler-Erb, E. 1999: *Ad arma! Römischer Militär des 1. Jahrhunderts n. Chr. in Augusta Raurica*. Basel.
- Kostromichev, D.A., Namojlik, A.S. 2017: Prjzhka s grecheskoj nadpis'ju iz nekropolja Hersonesa Tavricheskogo. *Arheologičeskij sbornik Gosudarstvennogo Jermitazha* 42. In print.
- Костромичев, Д.А., Намојлик, А.С. Пряжка с греческой надписью из некрополя Херсонеса Таврического. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 42. В печати.
- Madyda-Legutko, R. 1986: *Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. Oxford.

¹³ Nikolaev 2000, 73.

¹⁴ Nikolaev 2000, 74, 75.

¹⁵ Nikolaev 2000, 74, 75, 82.

- Nikolaev, N.N. 2000: Pojasnye nabory mogil'nika Kokjel'. In: *Mirovozzrenie, arheologija, ritual, kul'tura*. Sankt-Petersburg, 70-85.
Николаев, Н.Н. Поясные наборы могильника Кокэль. В сб.: *Мировоззрение, археология, ритуал, культура*. СПб., 70-85.
- Puzdrovskij, A.E. 2007: *Krymskaja Skifija II v. do n.je. – III v. n.je. Pogrebal'nye pamjatniki*. Simferopol'.
Пуздровский, А.Е. *Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь.
- Raddatz, K. 1957: *Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck*. Neumünster.
- Trufanov, A.A. 2004: Prjazhki rannih provincial'no-rimskih form v Severnom Prichernomor'e. *Rossijskaja Arheologija* 3, 160-170.
Труфанов, А.А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье. *РА* 3, 160-170.
- Trufanov, A.A. 2005-2009: Hronologija mogil'nikov Predgornogo Kryma I v. do n.je. – III v. n.je. *Stratum plus* 4, 117-328.
Труфанов, А.А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. *Stratum plus* 4, 117-328.

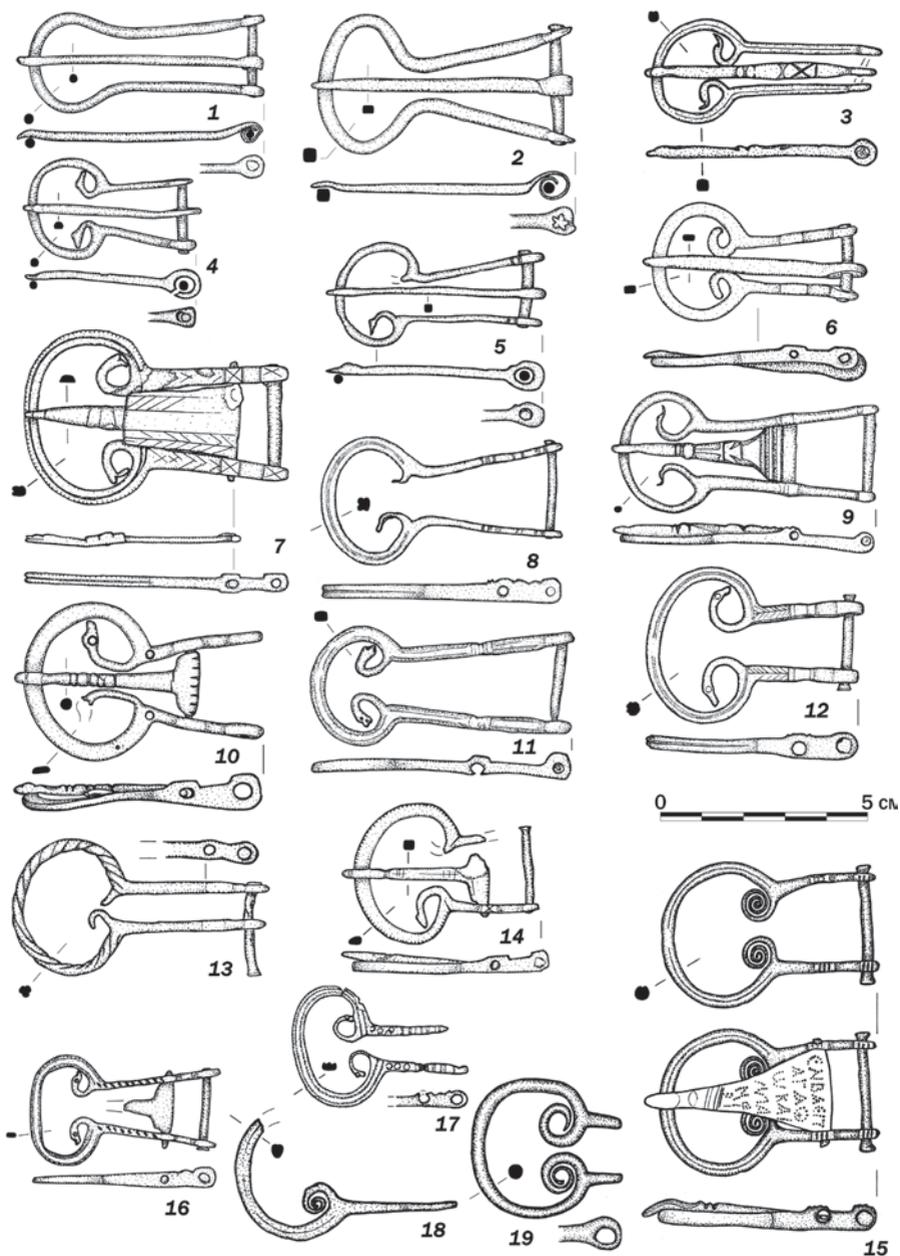

Рис. 1. Пряжки с овально-трапециевидной рамкой из Херсонеса. Бронза.

Оттиски личных печатей и метки на керамических изделиях из раскопок в районе античного театра Херсонеса Таврического

Оттиски личных печатей при раскопках на территории Херсонеса Таврического и его хоры довольно часто встречаются на таких керамических изделиях, как грузила, реже — на ручках кувшинов и амфор. Несмотря на массовый характер подобных находок, до сих пор не было предпринято попытки их систематизации. Из специальных исследований можно отметить работу О.Я. Неверова, описавшего керамические изделия с оттисками личных печатей из Херсонеса в собрании Государственного Эрмитажа¹; некоторые глиняные грузила с граффити были опубликованы Э.И. Соломоник²; в остальном же упоминания о них в публикациях кратки и носят спорадический характер. Задача данной работы состоит, прежде всего, во введении этой группы находок в научный оборот.

Раскопками К.К. Косцюшко-Валюжинича и О.И. Домбровского в Южном районе Херсонеса, на месте античного театра и примыкающих к нему построек, была выявлена группа керамического материала IV в. до н.э. – III в. н.э. с различными отличительными маркировками. Несмотря на то, что часть этих предметов депаспортизована или происходит из слоев засыпи, имеется небольшое количество повторяющихся оттисков на глиняных грузилах, что предварительно позволяет определить их в качестве личных клейм заказчиков³. При этом открытым остается вопрос относительно назначения меток на импортных грузилах⁴, а также клеймения тарных сосудов.

1. Грузило (колл. № 36760/69); выс. 5,2 см. На верхней грани — след пальцевого вдавления 1,5 x 1,2 см с четким оттиском папиллярных линий (рис. 1, 1). Глина 2.5Y 4/15. Лесбос, IV–III вв. до н.э. Найдено при раскопках 1964 г. в слое между стеной флигеля и стеной В, N и H.

2. Грузило (колл. № 36785/159); выс. 4 см. На боковой поверхности — оттиск инталии 1,6 x 1,1 см. Изображение стерто: различаются контуры сидящей фигуры на троне или алтаре, облаченной в длинный

¹ Neverov 2000, 24–45.

² Solomonik 1994, 138–158.

³ Zuykov 1993, 85–86.

хитон, одна рука, в полусогнутом положении покоящаяся на коленях, сжимает некий предмет (рис. 1, 2); Зевс или Афина (?). Глина 10YR 6/3–6/4. Из раскопок 1970 г. на северо-западном участке.

3. Грузило (колл. № 36785/160); выс. 4,3 см. На верхней грани — крест 1,8 x 1,7 см: две пересекающиеся под прямым углом выемки, выполненные острым предметом до обжига (рис. 1, 11). Глина 2.5YR 6/6, ангоб 2.5Y 8/2. Из раскопок 1970 г.

Определение изображений крестов на грузилах как культовых⁶ или иных меток – вопрос назначения их использования и требует дополнительного исследования.

4. Грузило (колл. № 36785/199); выс. 6,1 см. На боковой грани до обжига тонким острием процарапано граффити «Н» (рис. 1, 4). Глина 5YR 6/6. Происходит из завала постройки эллинистического времени под монастырской кухней, единовременного постройке амфиллемы. III–II в. до н.э. Из раскопок 1970 г.

5–7. Грузила с оттисками перстня. Трижды повторяется отпечаток перстня на верхних гранях ткацких грузил из одной партии (колл. №№ 36785/158, 36785/243; инв. № 30817); выс. 4,6–4,8 см. Размер отпечатка 0,8 x 0,7 см. Воспроизведена сцена домашнего прядения: Сидящая женская фигура перед калатосом, в полусогнутой вытянутой вперед руке — веретено. Глина 10YR 7/4. Из находок в остатках античного дома за амфилеммой (рис. 1, 6–7) и раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1897 г. (?) (рис. 1, 8). III в. до н.э.

8–9. Два идентичных грузила (колл. № 36785/297; инв. № 4992); выс. 3,1 см. На верхней плоскости до обжига двумя выемками обозначен крест 1,5 x 1,4 см. На основании — отпечаток инталии в металлической оправе 1,35 x 1 см: виноградная гроздь (рис. 1, 9–10). Глина 2.5YR 6/6. Из раскопок О. И. Домбровского и К. К. Косцюшко-Валюжинича. II–III вв. н.э.

Аналогии изображению находятся среди гемм из раскопок могильника у совхоза «Севастопольский»: колл. №№ 36443/189 (мог. 18), 36562/27 (мог. 39a)⁷.

10. Грузило фрагментированное (колл. 36790); выс. 4,1 см. На верхней грани — частично сохранившийся отпечаток геммы в металлической оправе 1,4 x 1 см: факел (?), (рис. 1, 5). Глина 7.5YR 7/4. III–II вв. до н.э.

⁴ Bolonkina 2014, 71–84.

⁵ Цвет глины определен с помощью каталога Munsell soil color charts.

⁶ Bolonkina 2014, 76–77.

⁷ Shherbakova 1986, 93.

11. Грузило (колл. № 36846/66); выс. 4,3 см. На верхней грани – оттиск инталии 1,2 x 0,8 см: кентавр с тирсом, закинутым на левое плечо, вправо (рис. 1, 3), – по всей видимости, один из вероломных гостей Перифоя. Глина 10YR 7/3, ангоб 10YR 7/2. I–II вв. н.э. Из раскопок на северо-западном участке в 1972 г.

12. Грузило (колл. № 36897/85); выс. 6,4 см. На боковой грани — оттиск инталии 1,3 x 0,8 см: обнаженная женская фигура вправо, изящно присевшая на правое колено; правая рука заведена за бедро и держит край покрывала (?); левая рука вытянута вперед (?); волосы убраны в небольшой узел на затылке (рис. 2, 10); Глина 5YR 6/4. Рубеж IV–III – начало III в. до н.э. Из раскопок 1975 г.

Несмотря на плохую сохранность, в оттиске легко угадывается распространенный в классической глиптике сюжет, изображающий «купальщицу»⁸.

13. Грузило (колл. № 36897/127); выс. 5,9 см. На верхней грани — смазанное изображение креста 1,2 x 1 см, прочерченное стеклой до обжига (рис. 2, 9). Глина 2.5YR 6/4–6/6. Из раскопок 1975 г. Материал контекста — от эллинистического до позднеримского.

14. Грузило фрагментированное (колл. № 36897/199); выс. 6,8 см. На верхней грани — слабый оттиск 0,9 x 0,8 см с изображением гермы (рис. 2, 11); нижняя треть утрачена. Глина 10YR 6/3. Место находки: юго-восточная прирезка 1975 г., при раскопе переотложенного грунта траншеи К.К. Косцюшко-Валюжинича с большим количеством эллинистического материала IV–II вв. до н.э.

15. Грузило (колл. № 36897/201); выс. 5,6 см. На верхней грани — след пальцевого вдавления 1,1 x 0,9 см (рис. 2, 5). Глина 7.5YR 6/6. Из раскопок 1975 г.

16. Грузило фрагментированное (колл. № 36897/202); выс. 6,2 см. На верхней грани — оттиск штампа 1,1 x 1 см в виде 8-лепестковой розетки (рис. 1, 12). Глина 2.5YR 5/6, закал 2.5Y 7/3. Из раскопок 1975 г.

17. Грузило (колл. № 37143/11); выс. 5,2 см. На верхней грани острым предметом выполнены точечные вдавления по сырой глине, образующие узор в виде креста 1,3 x 1,1 см (рис. 2, 1). Глина 2.5YR 5/6. Место находки: северо-восточный отсек «сценического подвала».

18. Грузило (колл. № 37143/21); выс. 5,7 см. На верхней грани — плохо различимый неполный оттиск перстня 0,6 x 0,8 см: Эрот (рис. 2, 2). Глина 7.5YR 7/4. I в. до н. э. – I в. н.э.

⁸ Neverov 2000, 31.

19. Грузило (колл. № 37143/22) в форме сужающегося цилиндра; выс. 4,8 см. На верхней грани – оттиск круглой инталии дм. 1,4 см: голова юноши смотрит в профиль вправо (рис. 1, 13); Глина 5Y 7/2. II–I в. до н.э. Место находки: юго-западный отсек «сценического подвала» (II слой).

Плохая сохранность изображения позволяет лишь предположить, что коротко остриженные волосы юноши были повязаны лентой (Диадумен?) или венком.

20. Грузило (колл. № 37167/20); выс. 5,7 см. На верхней плоскости – оттиск 1,3 x 1 см: сидящая нагая женская фигура влево (рис. 2, 4), левой рукой опирается на скалу, в правой руке, покоящейся на коленях, держит предмет (зеркало?); волосы убраны высоким узел (Афродита?). Глина 5YR 5/6. IV–III вв. до н.э. Из раскопок 1989 г. на участке ниже некрополя, подле оборонительной стены, в засыпи позднего канализационного желоба №1 на участке правого парода.

21. Грузило (колл. № 37194/23); выс. 5,1 см. На верхней грани – оттиск инталии 1,2 x 1,1 см: Эрот, оседлавший Тритона с раздвоенным хвостом влево, в вытянутых перед собой руках держит небольшой сферический предмет (рис. 2, 7); нижняя часть изображения утрачена. Глина 7.5YR 6/4, ангоб 5Y 7/3. Подъемный материал из отвала раскопа 1990 г.

22. Грузило фрагментированное (колл. № 37217/2); выс. 6,7 см. На верхней грани – оттиск геммы 1,2 x 0,8 см: внизу короткой прямой линией обозначена земная поверхность, из которой вверх прорастают два широких растительных побега; левая половина изображения утрачена (рис. 2, 3). Глина 2.5YR 5/6, обжиг 7.5YR 7/6. Из раскопок 1991 г.

Изображение связки стеблей колосьев — довольно популярный в глиптике сюжет, связанный с культами плодородия.

23. Грузило (колл. № 37219/175); выс. 5,7 см. На боковой грани — оттиск металлического перстня со щитком в форме трапеции со скругленными углами 1,1 x 0,8 см: собака вправо (рис. 2, 8). На верхней плоскости — неясный оттиск инталии на круглом кабашоне в металлической оправе диам. 1,1 см. Глина 2.5Y 7/3. I в. до н.э. – I в. н.э. Из раскопок 1979 г.

При раскопках 1989 г. ливневого водостока №3, среди керамического боя середины — последней четверти IV в. до н.э., перекрывающего скалу на 20–30 см, в насыпи грунта с целью планировки участка под проскений эллинистического театра, были обнаружены два фрагмента амфорных ручек с оттисками инталлий. Последние, наряду с повсеместным магистратским клейменем, могли принадлежать торговцам-заказчикам определенных партий тарных сосудов.

24. Амфоры синопской ручки фрагмент (колл. № 37167/178); дл. 8,7 см. Оттиск инталии-скарабеоида 2,2 x 1,5 см: юный Дионис с канфаром в правой руке и тирсом в левой перед виноградной лозой (рис. 2, 10). Глина 2.5Y 8/3; на поверхности – остатки красной краски. IV в. до н.э.

25. Амфоры мендейской ручки фрагмент (колл. №37167/189); дл. 21,7 см. Оттиск инталии 1,7 x 1,2 см: Тесей, обувающий сандалию на левую ногу, сидя на скале/алтаре (рис. 2, 6). Глина 5YR 6/6. IV в. до н.э.

Оттиски личных печатей на массовом керамическом материале служат наилучшим подтверждением повсеместной традиции использования личных печатей⁹ в античный период. Вместе с определением морфологических признаков самого изделия, изучение оттиснутых изображений представляет возможности не только проследить динамику изменения стилистических особенностей в изображении популярных мифологических сюжетов и трансформацию семантики некоторых символов, но и – в перспективе – определить значимость этих предметов для реконструкции социальной истории общества¹⁰.

Литература / References

Bolonkina, E.V. 2014: K voprosu o naznachenii piramidal'nyh gruzil (po materialam kollekcii Kerchenskogo zapovednika). *Nauchnyy sbornik Kerchenskogo zapovednika* IV. Kerch', 71–84.

Болонкина, Е.В. К вопросу о назначении пирамидальных грузил (по материалам коллекции Керченского заповедника). *Научный сборник Керченского заповедника* IV. Керчь, 71–84.

Zedgenidze, A.A. 1976: Issledovanie Severo-Zapadnogo uchastka Antichnogo teatra v Hersonese. *Kratkie soobshheniya Instituta arheologii* 145. Moscow, 28–35.

Зедгенидзе, А.А. Исследование Северо-Западного участка античного театра в Херсонесе. *КСИА* 145. М., 28–35.

Zuykov, Yu.V. 1993: Piramidal'nye podveski-gruzila i klejma na nih. *Kratkie soobshheniya Instituta arheologii* 207. Moscow, 84–90.

Зуйков, Ю.В. Пирамидальные подвески-грузила и клейма на них. *КСИА* 207. М., 84–90.

Maksimova, M.I. 1937: Antichnye pečhati Severnogo Prichernomor'ya. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 251–261.

Максимова, М.И. Античные печати Северного Причерноморья.

⁹Neverov 2000, 25.

¹⁰Maksimova 1937, 251.

ВДИ 1, 251–261.

Neverov, O.Ya. 2000: Ottiski pečatey na keramicheskikh izdeliyah iz Severnogo Prichernomor'ya. In: *Antichnoe Prichernomor'e*. Saint Petersburg, 24–45.

Неверов, О.Я. Оттиски печатей на керамических изделиях из Северного Причерноморья. В сб.: *Античное Причерноморье*. СПб, 24–45.

Solomonik, E.I. 1974: Grecheskie nadpisi iz raskopok teatra v 1964 g. In: *Hersones Tavricheskij: remeslo i kul'tura*. Kiev, 5–13.

Solomonik, E.I. 1994: Khersonesskie glinyanye gruzila s nadpisyami. In: *Severo-Zapadnyu Krym v antichnyu epokhu*. K., 138–158.

Соломоник, Э.И. Херсонесские глиняные грузила с надписями. В сб.: *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. К., 138–158.

Shherbakova, V.S. 1986: Katalog antichnyh pečatey Hersonesa, Archive of State Historical and Archaeological Museum Preserve of Tauric Chersonese. No. 2746/2, 113.

Щербакoва, В.С. Каталог античных печатей Херсонеса. Архив ГИАМЗ ХТ. Дело №2746/2, 113.

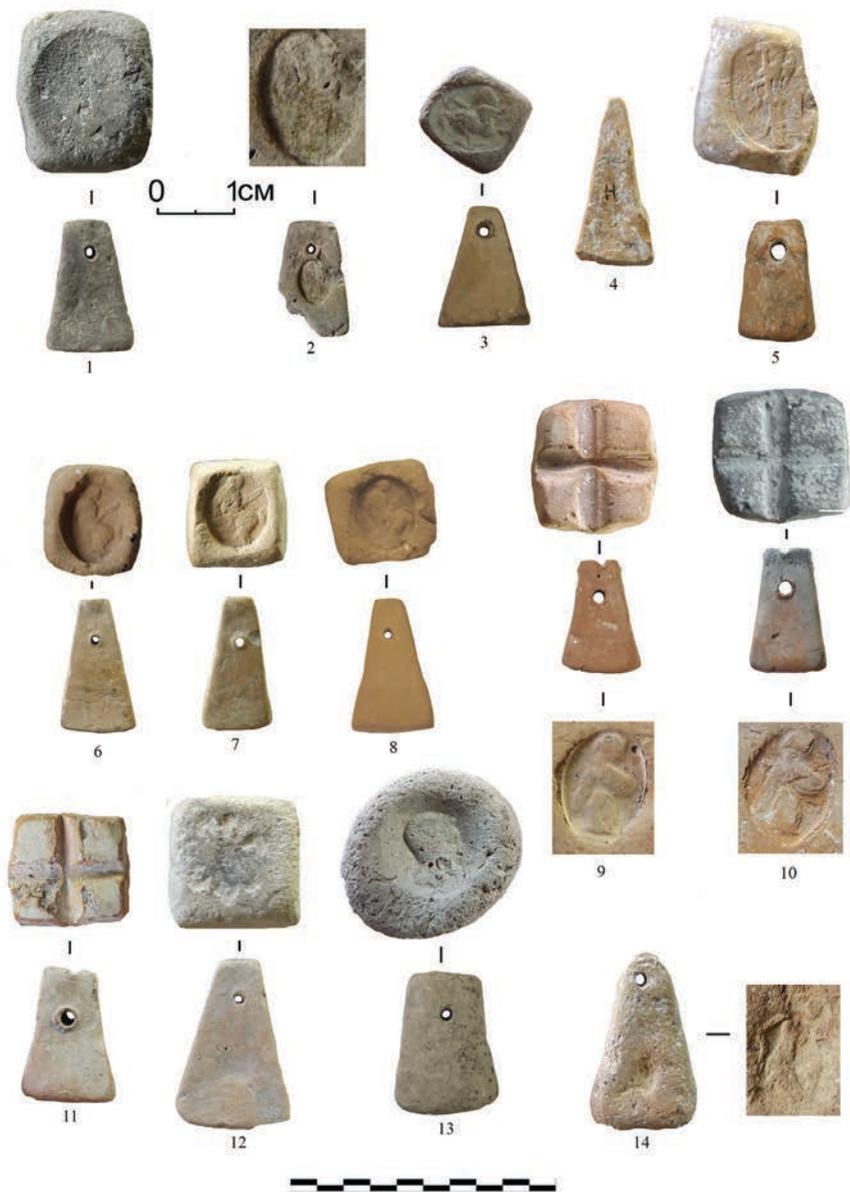

Рис. 1. Глиняные грузила из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича (8, 10) и О.И. Домбровского (1-7, 9, 11-14).

Рис. 2. Грузила (1-5, 7-9, 11) и фрагменты амфорных ручек (6, 10) из раскопок О.И. Домбровского.

Золотая подвеска-лунница из Чернореченского могильника

В 1950 г. Чернореченским отрядом Инкерманской археологической экспедиции Музея пещерных городов и Крымского филиала АН СССР под общим руководством Е.В. Веймарна (руководитель отряда – В.П. Бабенчиков) на левом берегу р. Черная, близ западной окраины с. Хмельницкое, на восточном склоне Второй Федюниной высоты был частично исследован большой грунтовый некрополь позднеримского – раннесредневекового времени, получивший в литературе название «Чернореченский могильник». На нем было открыто 89 погребальных сооружений, в том числе 7 склепов, 38 подбойных могил, 9 простых грунтовых, 2 захоронения лошадей и 33 погребения, совершенных по обряду трупосожжения. Большинство из них сохранились в не потревоженном виде и имели выразительный в хронологическом плане инвентарь. Ряд захоронений содержал драгоценные ювелирные украшения, относящиеся преимущественно к позднеантичному периоду. Лишь несколько образцов датируются предшествующим временем. Среди них – золотая подвеска в форме лунницы из могилы № 87.

Могила № 87 находилась в юго-западном углу центрального раскопа и была ориентирована с СВ на ЮЗ, т.е. поперек склона Второй Федюниной высоты. Сооружение имело подбойную конструкцию: в северо-западной стенке подпрямоугольной в плане входной ямы размером 1,73 × 0,45 м, глубиной 1,2 м был вырублен подбой – погребальная камера размером 1,8 × 0,45 м, высотой до 0,6 м. Пол камеры находился ниже дна входной ямы на 0,05 м, переход между ними оформлен в виде ступеньки. Вход в подбой закрывали вертикально установленные каменные плиты.

В погребальной камере выявлено захоронение женщины в довольно хорошо сохранившейся деревянной колоде. Покойная была уложена вытянуто на спине головой на СВ, руки сложены на тазе. При погребенной обнаружены: за головой, вдоль северо-восточной стенки могилы – краснолаковые двуручный кувшин (столовая амфора) и тарелка с костью животного (рис. 1, 6, 7), а также миниатюрная бронзовая пиксида (рис. 1, 1); в районе шеи – набор разнообразных бус и золотая подвеска в форме лунницы (рис. 1, 2, 8); на правой стороне груди – фрагменты

бронзовой фибулы (рис. 1, 3); близ кисти правой руки – два керамических пряслица (рис. 1, 4, 5); на кисти левой руки – обломки бронзового перстня (не сохранились).

Безусловно, самая яркая находка в данном комплексе – золотая подвеска-лунница (рис. 2). Ее основа – тонкая золотая пластина с отогнутыми наружу краями. Бортик изделия дополнен косичкой из двух перевитых проволочек, такой же жгутик служит окантовкой для центральной вставки округлой формы. Еще две такие же вставки расположены на углах изделия и ограничены напаянными вертикальными бортиками (сами вставки утрачены еще в древности). Симметрично с двух сторон от центра лунницы размещены проволочные узоры в виде парных волют, дополненные несколькими шариками зерни. Углы подвески также украшают две пирамидки зерни, свисающие вниз. Сбоку, с внутренней стороны предмета, припаяна петля для подвешивания, свернутая из широкой гофрированной пластинки. Размеры украшения 2,5 × 2,4 см.

Для датировки данного изделия, как и комплекса в целом, наиболее показательна краснолаковая посуда. Так, двуручный кувшин относится к типу 1 по классификации А.А. Труфанова или к форме 2.4 по типологии Д.В. Журавлева и датируется упомянутыми авторами, соответственно, последней четвертью I – первой половиной II вв. н.э. или II в. н.э. в целом¹. Тарелку из указанного комплекса оба исследователя относят ко II в. н.э.² Более широкий период бытования (в основном II – первая половина III вв. н.э.) имеет смычковая фибула³, сохранившаяся только во фрагментах. Остальные находки сколь либо узких датировок не предусматривают. Сопоставление приведенных определений позволяет отнести рассматриваемый предмет ко II в. н.э., вероятно, к первой половине столетия.

Аналоги описанному изделию не многочисленны. В первую очередь, это три подвески-лунницы из Усть-Альминского некрополя (склепы №№ 54, 120 и 1067), а также экземпляры из Краснозоринского (могила № 25), Заветнинского (могила № 286) и Нейзацкого (могила № 103) могильников. Два образца известны за пределами Предгорного Крыма: один происходит с Южного берега (святилище у пер. Гурзуфское Седло), другой – из Танаиса⁴. Еще два сходных предмета, проис-

¹ Trufanov 2005-2009, 167; Zhuravlev 2010, 71.

² Trufanov 2005-2009, 154 (вариант III-Д-2); Zhuravlev 2010, 46 (форма 4.2).

³ Kropotov 2010, 170.

⁴ Kropotov 2014, 137.

хождение которых достоверно не известно, представлены в коллекции С.Н. Платонова⁵. Другие изделия, хотя иногда и привлекаются в качестве аналогий крымским украшениям, значительно отличаются от них как по технике изготовления, так и по особенностям декора, а потому их сопоставление с описываемым оригиналом представляется не корректным.

Относительно датировки крымских золотых подвесок-лунниц среди исследователей единого мнения нет: В.И. Мордвинцева и М.Ю. Трейстер датируют их I в. н.э.⁶, М.Е. Левада относит ко II в. н.э.⁷, а А.И. Айбабин и И.Н. Храпунов указывают на бытование таких изделий в следующем столетии⁸.

Проведенный недавно хронологический анализ комплексов с такими подвесками указывает на бытование большинства из них в пределах первой половины – середины II в. н.э.⁹ Несомненно к I в. н.э. относится лишь недавно опубликованный образец из склепа 1067 Усть-Альмиского некрополя¹⁰.

Концентрация большинства золотых подвесок-лунниц в Юго-Западном Крыму – в районах непосредственно примыкающих к Херсонесу Таврическому, скорее всего, свидетельствует об их изготовлении в одной из ювелирных мастерских этого античного центра, откуда они и поступали, в числе другой продукции херсонесского производства, к позднескифскому населению Предгорного Крыма.

Литература / References

Aybabin, A.I. 1996: Naselenie Kryma v seredine III – IV vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* 5, 290-303.

Айбабин, А.И. Население Крыма в середине III – IV вв. *МАИЭТ* 5, 290-303.

Khrapunov, I.N. 2007: Dve mogily s pogrebeniyami zhenshchin iz nekropo-lya Neyzats. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* 13, 31-55.

Храпунов, И.Н. Две могилы с погребениями женщин из некрополя Нейзац. *МАИЭТ* 13, 31-55.

⁵ Mordvintseva, Treyster 2007, табл. 75, D7.5-6.

⁶ Mordvintseva, Treyster 2007, 94.

⁷ Levada 2006, 205.

⁸ Aybabin 1996, 292; Khrapunov 2007, 40.

⁹ Kropotov 2014, 140, рис. 2.

¹⁰ Puzdrovskiy, Trufanov 2015, 205-206, рис. 6, 8.

- Kropotov, V.V. 2010: *Fibuly sarmatskoy epokhi*. Kiev.
 Кропотов, В.В. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев.
- Kropotov, V.V. 2014: Datirovka pozdneskifskikh zolotykh podvesok-lunnits iz Predgornogo Kryma. In: *Muzejni chitannya. Materiali naukovoi konferenii «Yuvelirne mistetstvo – poglyad kriz' viki»*. Kiïv, 137-144.
 Кропотов, В.В. Датировка позднескифских золотых подвесок-лунниц из Предгорного Крыма. В сб.: *Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки»*. Київ, 137-144.
- Levada, M.E. 2006: «Drugie germantsy» v Severnom Prichernomor'e pozdnego rimskogo vremeni. *Bosporskie issledovaniya* 11, 194-251.
 Левада, М.Е. «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени. *Боспорские исследования* 11, 194-251.
- Mordvintseva, V.I., Treyster, M.Yu. 2007: *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo dela v Severnom Prichernomor'e II v. do n.e. – II v. n.e.* T.I. Simferopol'-Bonn.
 Мордвинцева, В.И., Трейстер, М.Ю. *Произведения торевтики и ювелирного дела в Северном Причерноморье II в. до н.э. – II в. н.э.* Т.1. Симферополь-Бонн.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2015: Dva sklepa v tsentral'noy chasti Ust'-Al'minskogo nekropolya. *Istoriya i arkhologiya Kryma* 2. Simferopol', 200-231.
 Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. Два склепа в центральной части Усть-Альминского некрополя. *История и археология Крыма* 2. Симферополь, 200-231.
- Trufanov, A.A. 2005-2009: Khronologiya mogil'nikov Predgornogo Kryma I v. do n.e. – III v. n.e. *Stratum plus* 4, 117-328.
 Труфанов, А.А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. *Stratum plus* 4, 117-328.
- Zhuravlev, D.V. 2010: Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I – III vv. n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny). *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii. Supplementum* 9. Simferopol'.
 Журавлев, Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum* 9. Симферополь.

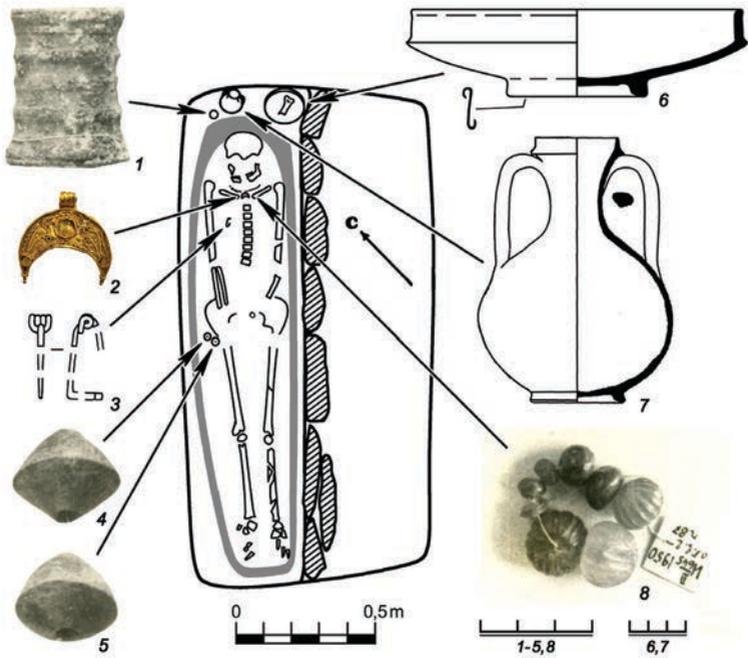

Рис. 1. Могила 87 Чернореченского некрополя. План и находки из погребения.

Рис. 2. Золотая подвеска-лунница

Амфоры из некрополя у пос. Заозерное*

Некрополь располагается в 1,5 км к северо-западу от городища Чайка¹. Его исследования начались еще в 1966 г. А.Н. Карасевым и, с небольшим перерывом, продолжают и сейчас. На сегодняшний день раскопано около 50 курганов, однако, публикаций по результатам работ не так много².

Некрополь отличается использованием разнообразных погребальных обрядов: склепы в бортах каменоломен, каменные ящики и их имитации, простые захоронения в ямах, захоронения в амфорах (чаще всего обложенных камнями), уступчатые склепы и др.³ Практически во всех курганах погребения сопровождалась амфорами. В настоящее время для обработки доступны 28 тарных сосудов разной сохранности, происходящих из раскопок некрополя, и находящихся на хранении в Евпаторийском краеведческом музее. К сожалению, не во всех случаях удалось установить их точное происхождение.

Вместе с тем, обработка амфорной коллекции из раскопок некрополя у п. Заозерное дала интересные результаты. Большую часть выборки составляют амфоры Херсонеса (16 экз.). По одному экземпляру приходится на тару Книда, Коса, Фасоса и Эрифр. Двумя сосудами представлено производство Амастрии, Гераклеи, Икоса и неустановленных средиземноморских центров.

Наиболее ранний экземпляр из выборки относится ко второй четверти – середине IV в.⁴ и представлен верхней частью амфоры неустановленного центра производства – погребение в амфоре № 1, курган № 15 (1978 г.). Сосуд сформован из бежевой очень тонкой, мягкой глины, содержащей массу мелкой слюды. Ранняя датировка подтверждается обнаружением в детском погребении № 1 данного кургана чернолаковых канфара и поильника середины столетия⁵.

* Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-31-10128 «Греческие амфоры VI–II вв. до н.э. из собраний музеев Крыма».

¹ Выражаю искреннюю благодарность руководителям экспедиции – Е.А. Поповой и Т.В. Егоровой за возможность использовать материал.

² Подробнее о имеющихся публикациях, см.: Ророва et al. 2015, 76–112.

³ Ророва 2012, 57.

⁴ Все даты даны до н.э.

⁵ Egorova 2009, 83, 181, рис. 1, 1; 52Б, 801.

Второй четвертью IV в. датируется и амфора Икоса (рис. 1, 3) из погребения в амфоре № 2, расположенного к востоку от склепа № 2 (1985 г.). Примечательно, что у восточной стенки дромоса склепа № 2 (1985 г.) обнаружено погребение, совершенное в херсонесской амфоре конца IV – первой трети III в. Еще одна амфора Икоса из раскопок на территории каменоломен (1969 г.) относится к третьей четверти IV столетия.

Большой интерес представляют сосуды, происходящие из раскопок кургана № 38 (1977 г.). В восточном секторе кургана, на уровне горизонта были обнаружены две амфоры (рис. 1, 1, 2). Одна из них относится к «херсонесскому» варианту тары Книда третьей четверти IV в.⁶ Вторая принадлежит Косу и по известным аналогиям датируется серединой – самым началом третьей четверти IV в.⁷ На ручке последней амфоры стоит монограммное клеймо «АР». В насыпь данного кургана была вкопана гераклейская амфора, горлом вверх, возможно, для совершения возлияний⁸. Сохранилась только нижняя часть сосуда, датирующегося третьей четвертью IV в.

Несколько разновременных сосудов было зафиксировано в кургане № 3 (1968 г.). Центральное погребение помимо гераклейской клейменной амфоры (в фондах музея не обнаружена) содержало чернолаковый скифос середины IV в.⁹ Сохранилась вторая клейменная гераклейская амфора из этого кургана. Клеймо не читается, по морфологии амфора может быть продатирована третьей четвертью IV в. Она была обнаружена под северной частью крепиды. Третий сосуд, херсонесского производства, был обнаружен при зачистке материка в восточной части кургана, за крепидой. По своим морфологическим характеристикам он относится к типу III и датируется концом IV – первой половиной III в.¹⁰ Возможно, столь большая хронологическая разница между сосудами объясняется особенностями сооружения кургана¹¹.

Весьма любопытны сосуды из кургана № 30 (1980 г.), где было зафиксировано четыре погребения в амфорах. Первое – в фасосском сосуде «позднеконической» серии. Имеющееся клеймо не читается, поэтому датировка сосуда достаточно широкая – конец IV – первая половина III в.¹² Второе

⁶ Monahov 2003, табл. 72, 3, 4.

⁷ Monahov 2013, 204, рис. 3, 6.

⁸ Yacenko, Perevodchikova 1978, 7.

⁹ Egorova 2009, 100, рис. 12, 157.

¹⁰ Monahov 1989, табл. XV, 98.

¹¹ Konovalov 1969, 15.

¹² Monahov 2003, 73, табл. 50, 3.

захоронение совершено в амфоре с грибовидным венцом неустановленного центра производства. Третье – в сосуде квидского производства (в фондах не обнаружена). Наконец, четвертая амфора относится к производству Херсонеса и датируется в пределах конца IV – первой трети III в.

В рассматриваемую выборку входят и две неоднократно публиковавшиеся амфоры производства Амастрии. К продукции Эрифр принадлежит амфора из кургана № 206 (1970 г.)¹³. По морфологическим признакам она должна датироваться в широком диапазоне конца IV – первой трети III в. (рис. 1, 4).

Херсонесские сосуды из некрополя у пос. Заозерное также относятся к концу IV – первой половине III в. К их числу принадлежит и амфора из кургана 39, ошибочно отнесенная Е.А. Поповой к более позднему времени¹⁴.

В целом, рассматриваемый амфорный материал из некрополя у пос. Заозерное датируется с середины IV до середины III вв.

Литература / References

- Egorova, T.V. 2009: *Chernolakovaya keramika IV–II vv. do n.e. s pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kryma*. Moscow.
- Егорова, Т.В. *Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма*. М.
- Konovarov, S.A. 1969: *Otchet o raskopkakh kurganov u d. Zaozernoe bliz g. Evpatoriya*.
- Коновалов, С.А. *Отчет о раскопках курганов у д. Заозерное близ г. Евпатория*.
- Monahov, S.Yu. 1989: *Amfory Khersonesa Tavricheskogo IV–II vv. do n.e.* Saratov.
- Монахов, С.Ю. *Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э.* Саратов.
- Monahov, S.Yu. 2003: *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushchih tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare. Katalog-opredelitel'*. Moscow, Saratov.
- Монахов, С.Ю. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической*

¹³ Monahov 2012, табл. VI, 34.

¹⁴ Ророва 2012, 64. Сосуд был опубликован С.Ю. Монаховым и продатирован концом IV – первой третью III в., см.: Monahov 1989, 55, табл. IX, 51.

таре. Каталог-определитель. М.; Саратов.

- Monahov, S.Yu. 2013: Zametki po lokalizatsii keramicheskoy tary. III. Amfory i amfornye kleyma maloaziyskih Erifr. *Vestnik drevney istorii* 3, 28–51.
Монахов, С.Ю. Заметки по локализации керамической тары. III. Амфоры и амфорные клейма малоазийских Эрифр. *ВДИ* 3, 28–51.
- Monahov, S.Yu. 2014: Kosskie i psevdokosskie amfory i kleyma. *Stratum Plus: Archaeology and Cultural Anthropology* 3, 195–222.
Монахов, С.Ю. Косские и псевдокосские амфоры и клейма. *Stratum Plus: Archaeology and Cultural Anthropology* 3, 195–222.
- Popova, E.A. 2012: «Kollektivnye» pogrebeniya nekropolya u p. Zaozernoe v Severo-Zapadnom Krymu. *Rossiyskaja arkhеologiya* 1, 57–68.
Попова, Е.А. «Коллективные» погребения некрополя у п. Заозерное в Северо-Западном Крыму. *РА* 1, 57–68.
- Popova, E.A., Pezhemskiy, D.V., Belovintseva, N.I. 2015: Gorodishche Чайка, nekropol' i kamenolomnya antichnoy epokhi na okraине Evpatorii v Severo-Zapadnom Krymu: itogi i perspektivy issledovaniya. *Istoricheskie issledovaniya* 3, 76–112.
Попова, Е.А., Пежемский, Д.В., Беловинцева, Н.И. Городище Чайка, некрополь и каменоломня античной эпохи на окраине Евпатории в Северо-Западном Крыму: итоги и перспективы исследования. *Исторические исследования* 3, 76–112.
- Yacenko, I.V., Perevodchikova, E.V. 1978: Otchet o raskopkakh nekropolya u derevni Zaozernoe v okrestnostyakh Evpatorii v polevoy sezon 1977 g.
Яценко, И.В., Переводчикова, Е.В. Отчет о раскопках некрополя у деревни Заозерное в окрестностях Евпатории в полевой сезон 1977 г.

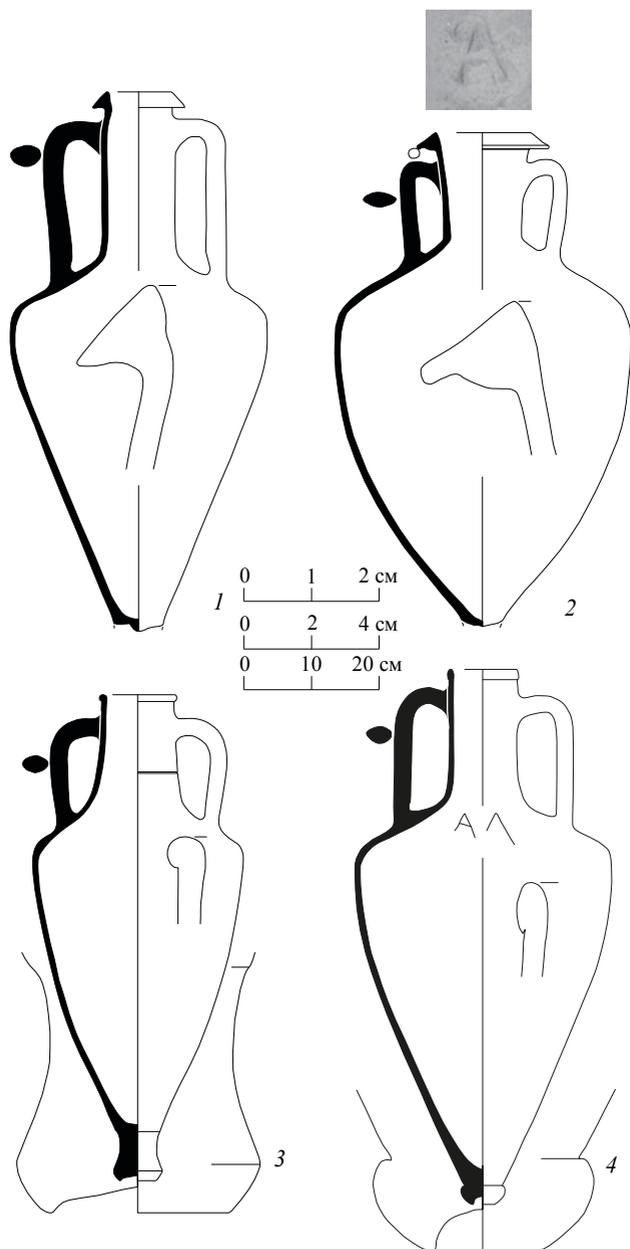

Рис. 1. Амфоры из некрополя у пос. Заозерное: 1 – Книд, кург. № 38 (1977 г.); 2 – Кос, кург. № 38 (1977 г.); 3 – Икос, погребение в амфоре № 2, к вост. от склепа № 2 (1985 г.); 4 – Эрифры, кург. № 206 (1970 г.)

Херсонесские усадьбы вблизи Караджинского городища (начало исследований)

В ходе археологических разведок в Северо-Западном Крыму в 2011 г., наряду с обнаружением и исследованием многочисленных объектов археологического наследия, были проведены небольшие работы на поселении Караджа-2, которое ранее не изучалось (рис. 1).¹ Оно находится в селе Оленевка (бывш. Караджа) Черноморского района РК, на небольшом мысу в восточной части берега Караджинского лимана, в районе домовладений №№ 36, 38 по ул. Ленина, на расстоянии 700 м к юго-востоку (через лиман) от хорошо известного античного «Оленевского» (Караджинского) городища. Его северная часть затоплена озером. Поверхность поселения нарушена перекопами, вероятно, и досыпана в центральной части во время строительства вблизи поселения (к югу от него) в XIX в. ветряной мельницы.

Максимальная высота холма – 3,60 м над уровнем озера. На берегу видны многочисленные стены, уходящие в воду. Некоторые из них сложены из хорошо отесанных блоков. Поселение Караджа-2 в настоящее время, судя по подъемному материалу, датируется последней четвертью IV в. до н.э. – I в. н.э. Сначала (последняя четверть IV – начало II в. до н.э.) оно относилось к Херсонесскому государству. Во II в. до н.э. – I в. н.э. – принадлежало поздним скифам.

Открыто поселение в 1970-е годы известным отечественным археологом и мастером художественной литературы А.Л. Никитиным, ежегодно отдыхавшим на своей даче в Оленевке. В 2004 г. его визуально исследовал н.с. КФ ИА НАНУ С.В. Приднев, тогда же им был вычерчен первый план городища и составлен отчет о проделанных работах². Первооткрывателями этого поселения считали себя в разные годы и другие исследователи (В.А. Кутайсов в 1999 г., В.Ф. Столба, Т.Н. Смекалова, И.Н. Храпунов и др. в 2009 г.)³.

В сентябре 2011 г. для выяснения стратиграфии поселения, уточнения его приблизительных границ и для подготовки государственной учетной документации на участке домовладения по ул. Ленина, д.

¹ Lantsov 2012, 73–75.

² Pridnev 2004, 7, 14, 17, 18, рис. 1, 6-8.

³ Kutajsov 2006, 9; Stolba, Smekalova, Khrapunov, Andersen, Muld 2011, 316.

№ 36 сотрудниками Донузлавской экспедиции КФ ИА НАНУ была произведена шурфовка. Заложено три шурфа (2x2 м) и сделаны зачистки отдельных стен на берегу лимана. Везде обнаружены культурные напластования (II в. до н.э. – I в. н.э.), общей толщиной до 2,50 м, и хорошо сохранившиеся остатки построек позднескифского времени: каменных стен, вымосток, глинобитных полов и 2 хозяйственные ямы.

Видимо, шурфами не была затронута более ранняя, греческая часть поселения. Однако, судя, по тесаным блокам, найденным в прибрежной части памятника, керамическому подъёмному материалу и фрагментам чернолаковой посуды эллинистического времени из позднескифских слоёв, можно с уверенностью говорить о существовании на этом месте (на мысу) более ранней греческой усадьбы или комплекса нескольких усадеб. Следует также отметить находки в верхних слоях поселения керамики салтово-маяцкой культуры (VIII – X вв.) и обломков сосудов позднесредневекового времени.

На памятнике произведена геодезическая съёмка (рис. 2). Поселение занимает весь мыс. В плане оно, судя по рельефу местности, сохранившимся *in situ* древним стенам и выходам культурного слоя, близкой к овалу формы, вытянуто по линии северо-запад – юго-восток, площадью около 0,6 га. Северная часть поселения (сверх указанной) затоплена озером.

Очевидно, данный объект состоит из ранней каменной херсонесской усадьбы IV – первой половины III вв. до н.э., расположенной в северо-восточной прибрежной части мыса. Позднескифское поселение (II в. до н.э. – I в. н.э.) занимает большую площадь и представлено различными постройками, остатки которых обнаружены в шурфах.

У северо-западного края пересыпи Караджинского лимана вблизи Караджинского городища расположен еще один объект археологического наследия античного времени. Его открыл в сентябре 1990 года В.А. Кутайсов. Он в невысоком суглинистом береговом клифе обнаружил участок культурного слоя и дал первое название объекту – «поселение Карамрун»⁴.

В 1999 г. В.А. Кутайсов вторично обследовал этот участок берегового обреза и в его северо-западной части, рядом с пляжем пансионата «Солнечная долина», нашел торец каменной кладки, толщиной 0,35 м, и высотой четырех рядов камней (0,55 м), с примыкающим с севера зольным полом, перекрытым развалом сырцовых стен постройки.

⁴ Kutajsov 2006, 9-10.

Культурный слой был прослежен на протяжении 30-40 м вдоль берегового клифа. Западной кладки, также в обресе берега, был зачищен разрез землянки, которая на 1 м заглублена в материковую глину. Землянка имела ширину 3,6 м, а ее края были обложены двумя рядами отесанных плит, поставленных на ребро. Автор открытия и отчета пришел к выводу, что постройки принадлежали скифскому комплексу, возникшему на месте более ранней греческой усадьбы. Данный объект в публикации 2006 г. года был назван исследователем «Карамрун».⁵ В позднейшей публикации, совместной с Т.Н. Смекаловой, поселение названо «Караджа 2».⁶ Новое название создаёт только путаницу в учете поселений на территории села Оленевка. Лучше оставить прежнее, иначе по-другому придется назвать, и поселение, охарактеризованное в начале заметки (Караджа 3 по В.А. Кутайсову, Т.Н. Смекаловой).

В связи с намечающимся строительством на побережье в пределах с. Оленевки в 2016 г. место, где были зафиксированы ранее античные древности (Карамрун), вновь подверглось археологическому обследованию Донузлавской экспедицией Института археологии Крыма РАН. Эта территория длительное время использовалась в качестве незаконного карьера для добычи песка. На потревоженной многочисленными современными перекопами поверхности попадались фрагменты керамических сосудов эллинистического времени. Проведенные здесь шурфовки на площади свыше 70 м² показали, что несмотря на сильное повреждение поверхностного слоя, ниже под песком на глубине от 0,50 до 1,0 м в под слоем запесоченного коричневого суглинка весьма хорошо сохранились каменные фундаменты античного поселения и относящиеся к нему культурные напластования.

Протяженность обнаруженной сплошной каменной застройки вдоль морского побережья (с северо-запада на юго-восток) составила около 75 м. Удалось фрагментарно раскрыть шесть кладок, одна из которых (№ 2) являлась общей оградой поселения с напольной северо-восточной стороны, остатки нескольких помещений, каменный канализационный желоб, мощенные камнем и глинобитные поверхности и др. Стены, в основном, сложены в регулярной технике на глиняном растворе из пиленных и обколотых камней сарматского известняка. Кладки шириной около 0,7 м, однорядные, двупанцирные, двуллицевые, двух- и трехслойные с забутовкой в середине. На одном из участков

⁵ Kutajsov 2006a, 9.

⁶ Kutajsov, Smekalova 2012, 68, рис. 23, 3.

шурфами открыт сплошной участок античной постройки (рис. 3). Прибрежная юго-западная часть объекта археологии, очевидно, уничтожена в результате абразионного развития берега.

В ходе шурфовок найдены фрагменты херсонесской, синопской и, возможно, гераклейской черепицы, синопских пифосов, амфор Синопы, Гераклеи, Фасоса, Менды, Хиоса (прямогорлые), раннего Херсонеса (или Икоса, по С.Ю. Монахову, Н.Ф. Федосееву⁷), возможно, Эрифры⁸, Колхиды и др. центров, столовой и кухонной посуды. Очень мало найдено фрагментов чернолаковых сосудов, видимо, в связи с небольшим объемом раскопок. Обнаружены также немногочисленные осколки лепной посуды. Странно, но почти не попадалось костей животных.

При зачистке обреза берегового клифа к северу от кладки (№ 3), зафиксированной В.А. Кутайсовым ещё в 1999 г., в слое золистого суглинка над глинобитной поверхностью на глубине 0,8 – 1 м от современной дневной поверхности удалось также обнаружить керамические фрагменты античного времени. Находок позднескифского периода в этот раз не оказалось. Землянка сейчас не видна.

Стратиграфические наблюдения и обработка всех обнаруженных фрагментов керамической посуды позволили выяснить, что объект археологического наследия состоит только из одного строительного горизонта. Поселок точно возник не позднее первой половины IV в. до н.э. Хронологическим индикатором служит найденное клеймо магистрата Кира, относящегося ко 2-ой группе и датирующегося 370 гг. до н.э.⁹ Поселок прекратил существование еще в IV в. до н.э. Следов пожара не обнаружено. Таким образом, обнаружен прибрежный поселок, очевидно, херсонеситов, который пока датируется более ранним временем, чем самые древние находки с Караджинского городища, одного из крупнейших в регионе, и, по мнению некоторых современных специалистов, претендующего на то, чтобы здесь локализовать Калос Лимен, сейчас отождествляемый с городищем в черте современного пгт. Черноморское. Недавно открытый греческий поселок «Карамрун» пока является одним из самых ранних на Тарханкуте, наряду с Панским, Калос Лименом и, возможно, Кульчуком. Площадь объекта археологического наследия предположительно определена в 0,5 га, а охранная зона, площадью 0,745 га, согласно существующей методике определения её границ.

⁷ Monakhov, Fedoseev 2013, 255-266.

⁸ Monakhov 2013, 28-51.

⁹ Fedoseev 2016, №№ 549-552.

¹⁰ Smekalov <http://www.archmap.ru>; Kutajsov, Smekalova 2012, 12, 13, 68. рис. 23.

Другие объекты античной эпохи расположенные вблизи Караджинского городища, отмеченные как на прилагаемой картосхеме (рис. 1), так и на других археологических картах, пока не изучались посредством раскопок¹⁰.

Литература / References

- Fedoseev, N.F. 2016: *Keramicheskie kleyma, Gerakleya Pontiyskaya. Iz sobraniya Vostochno-krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika. Kolleksiya keramicheskikh kleym II. Kerch'*. Федосеев, Н.Ф. *Керамические клейма, Гераклея Понтийская. Из собрания Восточно-крымского историко-культурного музея-заповедника. Коллекция керамических клейм II. Керчь*.
- Kutajsov, V.A. 2006: *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Karadzhiinskogo gorodishcha v s. Olenevka Avtonomnoy respubliki Krym v 2005 g.* Nauchnyy arkhiv Institut arkheologii Kryma RAN. Simferopol'. Кутайсов, В.А. *Отчет об археологических исследованиях Караджинского городища в с. Оленевка Автономной республики Крым в 2005 г.* Научный архив ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». Симферополь.
- Kutajsov, V.A. 2006a: *Karadzhiinskoe gorodishche v severo-zapadnom Krymu. Istoricheskoe nasledie Kryma* 15, 5-15. Кутайсов, В.А. 2006а: *Караджинское городище в северо-западном Крыму. Историческое наследие Крыма* 15, 5-15.
- Kutaysov, V.A., Smekalova T.N. 2012: *Predlozheniya k okhrannomu zonirovaniyu Karadzhiinskogo antichnogo gorodishcha i kurgannogo nekropolya. Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma VIII/1.* Simferopol'. Кутайсов, В.А., Смекалова, Т.Н. *Предложения к охранному зонированию Караджинского античного городища и курганного некрополя. Материалы к археологической карте Крыма VIII/1.* Симферополь.
- Lantsov, S.B. 2012: *O nakhodkakh Donuzlavskoy ekspeditsii. Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni* 2011. Kiev – Lutsk, 73 – 75. Ланцов, С.Б. *О находках Донузлавской экспедиции. Археологічні дослідження в Україні* 2011. Киев – Луцк, 73 – 75.
- Monakhov, S.Yu. 2013: *Monakhov, Zаметki po lokalizatsii keramicheskoy tary. III: amfory i amfornye kleyma maloaziyskikh Erifr. Vestnik*

drevney istorii 3, 28-51.

Монахов, С.Ю. Заметки по локализации керамической тары. III: амфоры и амфорные клейма малоазийских Эрифр. *Вестник древней истории* 3, 28-51.

Monakhov, S.Yu., Fedoseev N.F. 2013: Zametki po lokalizatsii keramicheskoy tary. IV: amfory Ikosa. *Antichnyy mir i arkheologiya* 16, 255-266.

Монахов, С.Ю., Федосеев, Н.Ф. Заметки по локализации керамической тары. IV: амфоры Икоса. *Античный мир и археология* 16, 255-266.

Pridnev, S.V. 2004: *Otchet ob arkheologicheskom issledovanii sela Olenevka Chernomorskogo r-na ARK*. Nauchnyy arkhiv Institut arkheologii Kryma RAN. Simferopol'.

Приднев, С.В. Отчет об археологическом исследовании села Оленевка Черноморского р-на АРК. *Научный архив ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»*. Симферополь.

Smekalov, S.L. *Arkheologicheskaya karta Kryma* [Elektronnyy resurs] <http://www.archmap.ru>.

Смекалов, С.Л. *Археологическая карта Крыма* [Электронный ресурс] <http://www.archmap.ru>.

Stolba, V.F., Smekalova, T.N., Khrapunov, I.N., Andersen, Y., Mul'd, S.A. 2011: *Issledovaniya v Zapadnom Krymu. Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni* 2010. Kiïv-Poltava, 316.

Столба, В.Ф., Смекалова, Т.Н., Храпунов, И.Н., Андерсен, Й., Мульд, С.А. Исследования в Западном Крыму. *Археологічні дослідження в Україні* 2010. Київ-Полтава, 316.

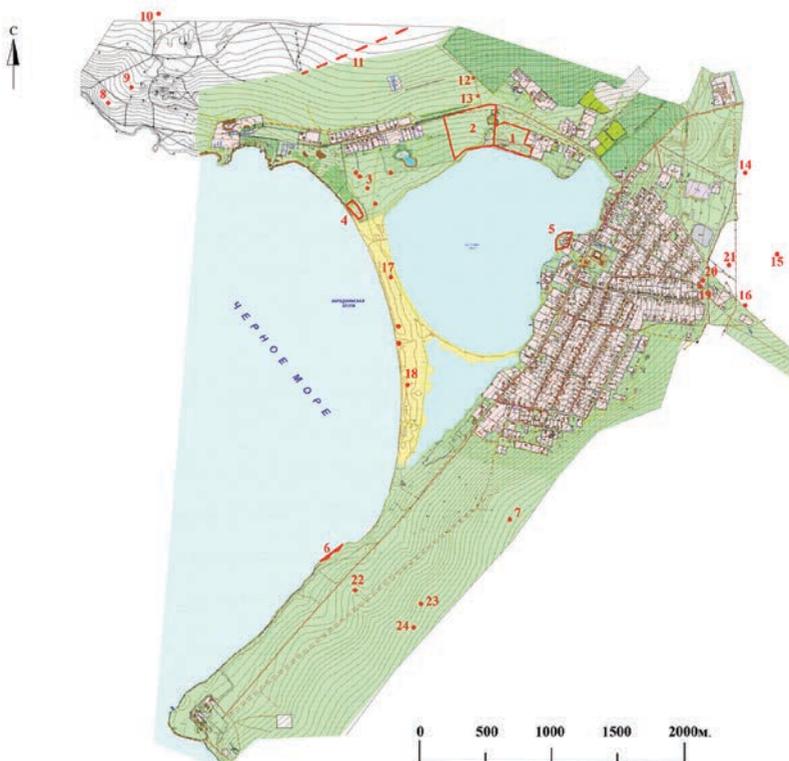

Рис. 1. План села Оленевка Черноморского района Республики Крым с разновременными объектами геологического и антропогенного происхождения (Составлен С.В. Придневым на основе топографического плана села выполненного в 2002 году ООО «Объединение Технохимкомплект», компания «Геоинформационные технологии» г. Симферополь).

1. Городище Караджинское (Оленевское, Тарханкутское).
2. Грунтовый могильник Караджинского городища.
3. Курганная группа.
4. Участок археологического культурного слоя «Поселение «Карамурун».
5. Поселение «Караджа 2».
6. Участок археологического культурного слоя «Ближние скалки».
7. Поселение нового времени.
- 8-10, 13-24. Курганы.
11. Объект «Валик».
- 12-13. Фундамент стены сада XIX в.

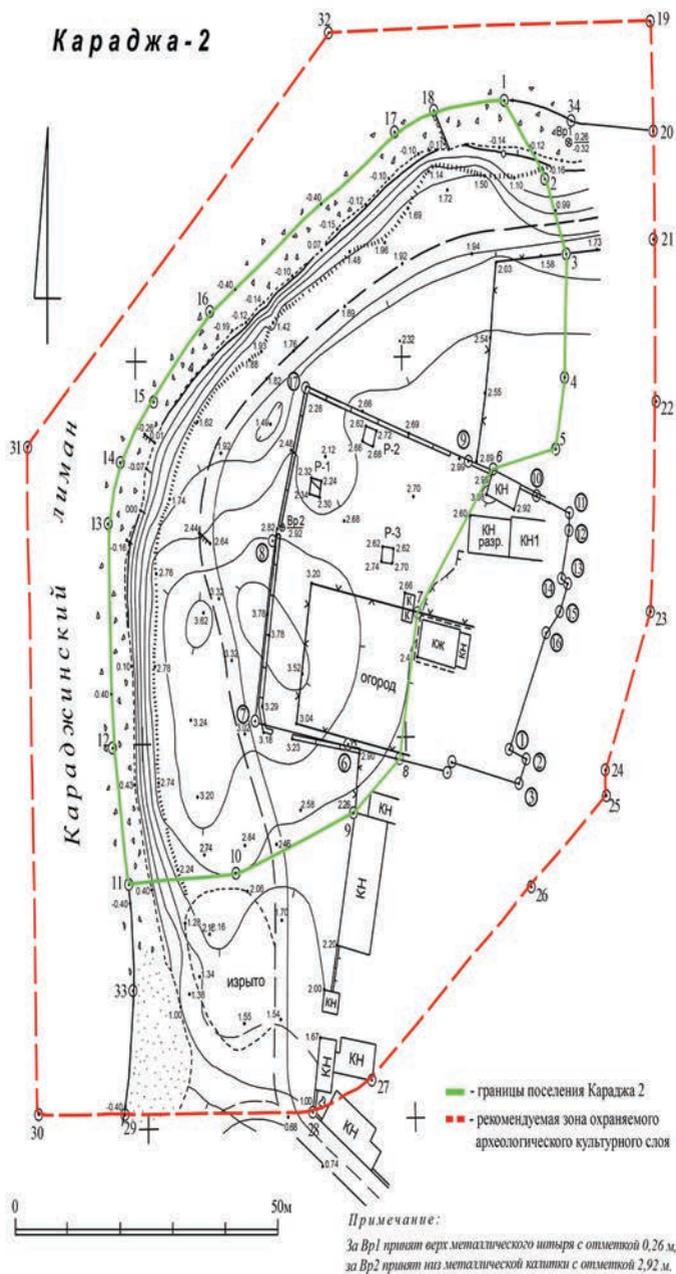

Рис. 2. Геодезическая съемка поселения «Караджа-2» с охранной зоной (выполнена В.В. Семеновым).

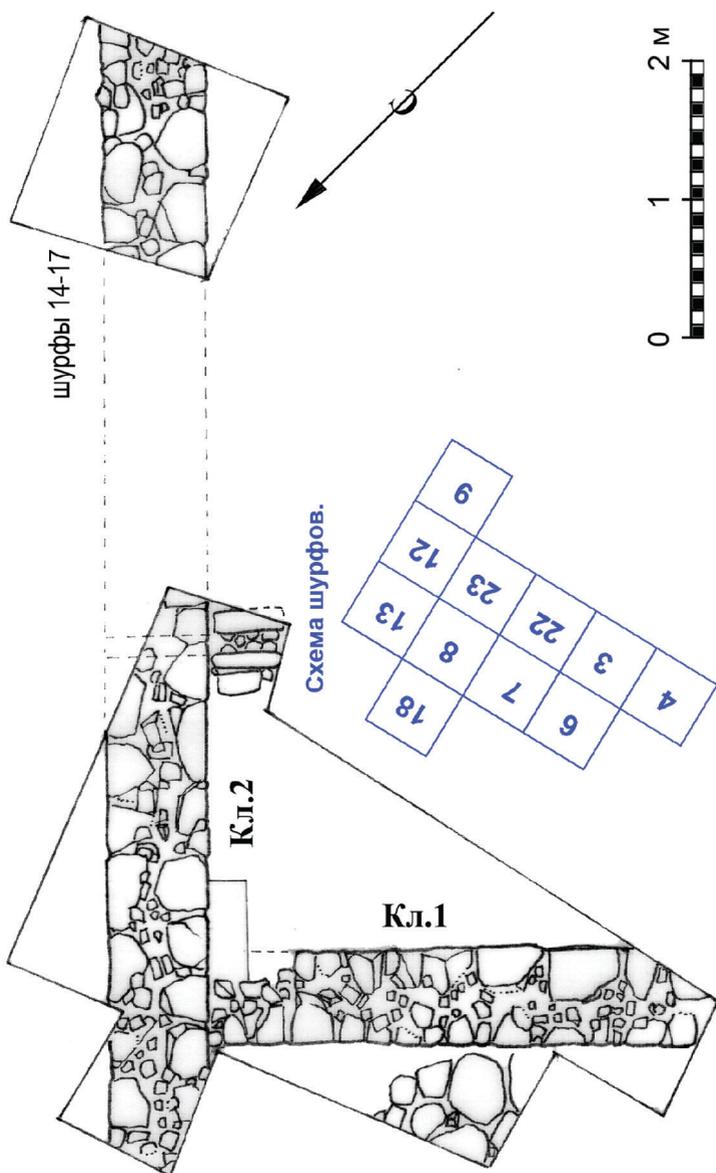

Рис. 3. Поселение Карарун. Шурфовки 2016 г. План с участком кладок №№ 1, 2 и схема совмещенных шурфов.

Золотой ритон из клада в Панагюриште

В 1949 г. в Болгарии, неподалеку от г. Панагюриште, был найден клад золотых сосудов работы греческих ювелиров конца IV в. до н.э.: фиал, амфора-ритон, четыре зооморфных и три антропоморфных ритона в виде голов богинь. За исключением фиала и ритона с протомой козла, остальные предметы сделаны одинаково и стилистически единообразно. Сервиз изготовлен в одной мастерской. Клад неоднократно издавался с подробными описаниями сцен, изображенных на сосудах, и указанием конструктивных особенностей каждого предмета и деталей на них припаянных. Все данные: размеры, вес, инвентарные номера и фотографии предметов, библиография – есть в специальных работах, в которых подробно анализируется каждый предмет¹, поэтому не вижу необходимости дублировать уже неоднократно обнародованные каталожные данные.

Среди указанных работ есть статьи С. Цаневой, в которых рассматривается техника изготовления золотых сосудов. Позволю себе подробно прокомментировать основные положения, высказанные по этому поводу. «Все сосуды клада из Панагюриште (кат. № 65-73), за исключением фиалы, сделаны из заготовок, отлитых из обобщенной формы соответствующего сосуда, то есть их общая композиция была предрешена, а рельефы сверху были дополнительно выбиты изнутри наружу, при этом в некоторых местах слой металла сильно истончился. Все фигуры и декоративные элементы сцен дополнительно обработаны пуансонами». «Внутренняя поверхность сосудов не подвергалась полировке и имеет следы дополнительнойковки». «Фигуры сфинкса и льва в верхней части ритонов были изготовлены из двух половинок...»².

Мною были осмотрены три изделия. Но поскольку все предметы из этого сервиза, за исключением фиалы, изготавливались одним способом, каждый из них может свидетельствовать о том, каким образом производилась основная часть работы – формирование корпуса сосудов и рельефов на них. Высказанные суждения об этом – ошибочные. О других деталях оформления, припаянных к сосудам, речь не идет. О них подробно сказано в указанных работах.

¹ Penkova, Konova, Caneva, 8-63, обр. 49-51; Caneva 2013, 39-41.

² Caneva 2013, 40-41.

Ритон в форме женской головки (рис. 1) имеет узкое горло с отогнутым наружу краем устья, обрамленным припаянным фризом из ов. Цилиндрическая шея фигурки, переходящая в плоское доньшко, украшена рельефным ожерельем с амфоровидными подвесками. Здесь нужно отметить несколько важных деталей. Под бантом, украшавшим прическу, с левой стороны золото разорвано. Металл здесь чрезвычайно тонкий. Сквозь горло просматривается дно амфоры, на котором видны концентрические круги, свидетельствующие о правке его на токарном станке. Токарным способом правилась и горловина. Внутренняя поверхность амфоры сплошь покрыта следами, оставшимися от проковки золота, но они однородные и не имеют отношения к формообразованию полости с внутренней стороны. Эти следы остались от выколачивания заготовки, из которой была сделана амфора. Следы пластичного моделирования скульптурной формы сосуда прослеживаются только на лицевой стороне.

Ввиду отсутствия литейной поверхности на амфоре и признаков, свидетельствующих об изготовлении сосуда ударами изнутри, а также учитывая исключительно малую толщину корпуса, можно утверждать, что этот сосуд никоим образом не мог быть изготовлен из литой заготовки в форме амфоры с последующей коррекцией отливки ударами изнутри. В таком случае пришлось бы прокалывать (вслепую) всю поверхность отливки до толщины тонкого листа. Это не имеет смысла, поскольку фигурная отливка в таком случае не нужна. К тому же таким образом нельзя создать реалистичное изображение человеческого лица в пластичной манере, не говоря уже о рельефных многофигурных композициях на других сосудах, имеющих гораздо более сложную форму.

Амфора сделана иным способом. Из литой полый заготовки выколотили новую цилиндрическую заготовку с округлым дном и очень тонкими стенками. Внутрь вставили деревянную матрицу, вырезанную в форме амфоры. Матрица делалась без тщательной проработки – пряди на локонах прически детализировали отдельно, но ожерелье на матрице должно было быть, ибо изнутри выдавить такой тонкий рельеф было невозможно.

Заготовку обжали на матрице и подправили на токарном станке. Это, конечно, была очень сложная работа. Здесь мастер должен был точно рассчитать площадь заготовки и размеры матрицы, чтобы металла хватило на обжатие основы без излишка. Лишний металл привел бы к образованию складок, испортивших работу. Большой опыт, который имел греческий мастер, несомненно, не впервые делавший подобные

вещи, позволил ему успешно справиться с этой сложной задачей. Он деформировал заготовку не металлическими инструментами, которые оставляют на металле жесткие неисправимые следы – таких следов на амфоре нет. Работа производилась гибкой заготовки деревянными инструментами, возможно, обернутыми мягкой кожей. Жесткие следы металлического чекана остались только при продавливании гнезд в глазницах (рис. 1).

После обтяжки матрицы ее выжгли. Заодно отожили деформированное золото. Для окончательной отделки сосуда нужна была новая опора. Амфору заполнили пластичным материалом, нарисовали палочкой прическу и внесли другие уточнения там, где требовалось. Теперь оставалось удалить (выплавить) заполнение, почистить металл, изготовить ручку и окантовку устья и припаять их к амфоре. О том, как делались эти детали, подробно рассказано в статьях болгарских исследователей³.

Литература / References

Penkova, E., Konova, L., Caneva, S., Kis'ov, K. *Misterii i istini za Panagjurskoto skrovishhe*. Sofija.

Пенкова, Е., Конова, Л., Цанева, С., Кисьов, К. *Мистерии и истины за Панагюрското съкровище*. София.

Caneva, S. 2013: Nabljudenija za tehnologiej izgotovlenija nekotoryh predmetov iz zahoroneniya v Goljama mogila i sosudov iz Panagjurishtenskogo klada. In: *Frakijское золото из Болгарии. Ozhivshie legendy*. Moskow, 39-41

Цанева, С. 2013: Наблюдения за технологией изготовления некоторых предметов из захоронения в Голяма могила и сосудов из Панагюриштенского клада. В кн.: *Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды*. М., 39-41.

³ Caneva 2013, 41.

Рис. 1. Золотой ритон с женской головкой. Конец IV в. до н.э. РАМ. Пловдив. Инв. № 3200.

Ещё один эпиграфический источник по истории денежного обращения Ольвии?

В 2011 г. В.И. Назарчук опубликовал фрагмент греческой надписи (частного письма или хозяйственной заметки) на свинцовой пластинке¹, найденной в Ольвии в 2010 г. на участке Т-3 при раскопках жилого дома эллинистического времени (рис. 1)². На сегодняшний день известно уже более сорока подобных надписей на свинцовых пластинках и остраконах³, в том числе семь из Ольвии и Березани⁴.

Пластинка была обнаружена не при исследовании постройки, а в верхней части завала бута, который образовался в первые века н.э. В.И. Назарчук не исключает, что она могла попасть в завал случайно, из более ранних слоев⁵. Ранее под домом находились жилые помещения, датируемые концом VI-V вв. до н.э., которые были разрушены в результате стихийного бедствия⁶. Основную часть находок в этом завале составляют фрагменты амфор IV-II вв. до н.э. Незначительная группа находок датируется раннеклассическим временем⁷.

Текст письма нанесен острым предметом, размеры сохранившейся части – 8,2×4,1 см. Средняя высота букв 3,5–4 см.⁸

Шрифт данного письма содержит формы букв, которые можно встретить в тексте писем на свинцовых пластинках и остраконах, датируемых концом VI-V вв. до н.э. Особо примечательными являются сигма с широко раскрытыми гастами, ипсилон близкий по форме к латинской букве «V», хи формы, которая является переходной от хи в форме креста к обычной X, и омега округлой формы с ножками без резкого перехвата⁹. Таким образом, с учетом археологического контекста, текст

¹ Nazarchuk 2011, 471–474. В.И. Назарчук приводит фотографию надписи, прорисовку, а также характеристику археологического контекста. Чтение надписи произведено не было.

² Прорисовка выполнена по фото, предоставленном В.И. Назарчуком, за что хотелось бы выразить искреннюю благодарность.

³ Ceccarelli 2013, 335–356.

⁴ Dana 2007, 69.

⁵ Nazarchuk 2002, 196.

⁶ Nazarchuk 2011, 471.

⁷ Kryzhitskiy, Nazarchuk 2011, 211–212.

⁸ Nazarchuk 2011, 472.

⁹ См., например: Vinogradov 1971, 76–77; Dana 2007, 73, 77.

надписи можно отнести приблизительно к первой половине V в. до н.э.

Текст надписи:

[- - - -]νιδ[- - - -]χρημα[- - -]
[- - -]π(?)τούτω[- - -]καὶ το[- - -]
αι τῆς μητρὸς θη[- .]ην πεν[τε- - -]
ἕκτας ἰδὲ μὴ ταῦτα ποιήσ[ηι e.g. - - -]
5εσσι τὸν οἶκον ξυν[- - -]
τα

Ввиду того, что надпись дошла во фрагментарном виде, прочесть можно только отдельные слова.

В первой строке отчетливо читается ΧΡΗΜΑ, которое может означать «товар» или «деньги» (τὸ χρῆμα, LSJ s. v.), во второй строке местоимение οὗτος в dat. sing., в третьей слово μήτηρ с артиклем в gen. sing. и, по всей видимости, исходя из контекста (письмо имеет деловой/торговый характер) в правой части пластинки можно восстановить числительное πέντε. Особый интерес представляет четвертая строка, первые буквы которой ΕΚΤΑΣ представляют асс. plur. от ἕκτη, которое может означать денежную единицу. Далее следует фраза, которая состоит из конструкции ἰδὲ μὴ + глагол в конъюнктиве (в надписи глагол ποιέω)¹⁰ и местоимения οὗτος в асс. plur. neut. В пятой строке читается οἶκος в асс. sing. с артиклем.

Учитывая крайнюю фрагментарность текста, можно дать только условный перевод:

[- - -] деньги (товар?) / ему (этому?) [- - -] и / матери [- - -] пять(?) / гект, смотри (остерегайся?) как бы он (e. g) не сделал этого [- - -] дом [- - -]

По всей видимости, ΕΚΤΑΣ в рассматриваемой надписи — это гекты, то есть фракции кизикина, которые широко использовались как межполисное платежное средство¹¹. О распространении кизикинов в Северном Причерноморье свидетельствуют не только отдельные находки, но и крупные клады¹². В Ольвии же в первой половине V в. до н.э. кизикины являлись не только интерлокальной денежной единицей, но и выполняли функцию разменной монеты на внутреннем рынке¹³.

Более частые находки кизикинов (в том числе их мелких дробных фракций — гект, гемигект, мисгемигект, тетартемориев и гемитетарте-

¹⁰ Xen. Cyr. (III. 1. 27).

¹¹ Zograf 1951, 41.

¹² Butyagin 2004, 17–25; Bulatovich 1970, 73–86.

¹³ Karyshkovskiy 1988, 28.

мориев, заменявших серебро) являются особенностью денежного обращения в Ольвии на раннем этапе¹⁴.

Таким образом, данное письмо, несмотря на плохую сохранность, представляет для нас несомненную ценность. Особо примечательным является факт упоминания денежного номинала, что увеличивает количество эпиграфических памятников, сообщающих о денежном обращении. На данный момент известно три свинцовых письма, в которых упоминаются денежные единицы: письмо Апатурия Леонаксу¹⁵, письмо из Никония¹⁶ и недавно опубликованное письмо из Патрея¹⁷.

Литература / References

- Awianowicz, B. 2011: A New Hellenistic Osotracon from Nikonion. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 178, 237–239.
- Bulatovich, S.A. 1970: Klad kizikiinov iz Orlovki. *Vestnik drevney istorii* 2, 73–86.
Булатович, С.А. Клад кизикинов из Орловки. *ВДИ* 2, 73–86.
- Butyagin, A.M. 2004: *Mirmekiyskiy klad*. St. Petersburg.
Бутягин, А.М. *Мирмекийский клад*. СПб.
- Seccarelli, P. 2013: *Ancient Greek letter writing*. Oxford.
- Dana, M. 2007: Lettres grecques dialectales Nord-Pontiques. *Revue des études anciennes* 109. 67–96.
- Karyshkovskiy, P.O. 1988: *Monety Ol'vii*. Kiev.
Карышковский, П.О. *Монеты Ольвии*. Киев.
- Karyshkovskiy, P.O. 1960: Ob obrashhenii kizikiinov v Ol'vii. *Numizmatika i epigrafika* 2, 4–13.
Карышковский, П.О. Об обращении кизикинов в Ольвии. *Нумизматика и эпиграфика* 2, 4–13.
- Kryzhitskiy, S.D., Nazarchuk, V.I. 2011: Raboty v Ol'vii na uchastke T-3. *Archeologichni doslidzhennya v Ukraini 2010*. Kiev-Poltava, 211–212.
Крыжицкий, С.Д., Назарчук, В.И. Работы в Ольвии на участке Т-3. *Археологічні дослідження в Україні 2010*. Київ-Полтава. 211–212.
- Nazarchuk, V.I. 2011: Novyj fragment nadpisi na svincovoj plastine iz Ol'vii. *Bosporskiy fenomen. Naselenie, yazyki, kontakty*. St. Petersburg, 471–474.

¹⁴ Karyshkovskiy 1960, 9–12.

¹⁵ Dana 2007, 75.

¹⁶ Awianowicz 2011, 237–239.

¹⁷ Zavoykina, Pavlichenko 2016, 243–246.

- Назарчук, В.И. Новый фрагмент надписи на свинцовой пластине из Ольвии. *Боспорский феномен. Население, языки, контакты*. СПб., 471–474.
- Nazarchuk, V.I. 2002: Raskopki 2000–2001 gg. v Ol'vii na uchastke «Т-3». *Archeologichni vidkryttya v Ukraini 2000–2001 rr.*. Kiev, 196–197.
- Назарчук, В.И. Раскопки 2000–2001 гг. в Ольвии на участке «Т-3». *Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр.* 196–197.
- Vinogradov, Y.G. 1971: Drevneyshee grecheskoe pis'mo s ostrova Berezan'. *Vestnik drevney istorii* 4, 74–100.
- Виноградов, Ю.Г. Древнейшее греческое письмо с острова Березань. *ВДИ* 4, 74–100.
- Zavoykina, N.V., Pavlichenko, N.A. 2016: Pis'mo na svintsovoy plastine iz Patreja. In: *Fanagoriya* 4. Moscow, 230–249.
- Завойкина, Н.В., Павличенко, Н.А. Письмо на свинцовой пластине из Патрея. В сб.: *Фанагория* 4. М., 230–249.
- Zograf, A.N. 1951: *Antichnye monety*. Moscow.
- Зорграф, А.Н. *Античные монеты*. М.

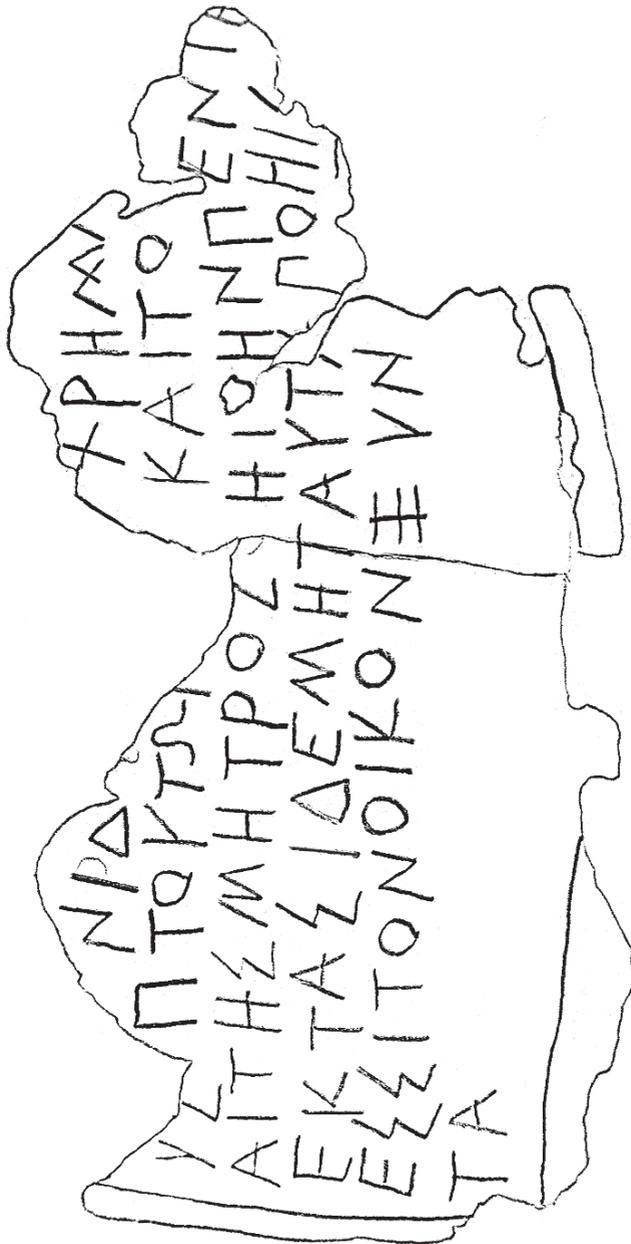

Рис. 1. Прорисовка надписи на свинцовой пластинке.

Материалы Херсонеса из раскопок Китея

Взаимоотношения двух ведущих античных государств Таврики – Боспора и Херсонеса неоднократно рассматривались исследователями минувших лет, в том числе и автором данной публикации¹. Целью нынешней работы является исследование херсонесского материала из наших раскопок боспорского города Китея, что позволит несколько уточнить историю взаимоотношения с Херсонесом отдельных малых городов Боспорского государства. Сразу отметим, что число находок из Херсонеса в Китее в сравнении с другими районами античного мира невелико. Тем не менее, характер самих находок, время их функционирования и возможные пути попадания в Китей позволяют сделать несколько предварительных выводов о характере взаимоотношений Херсонеса с малыми городами Боспора.

Начнем с того, что херсонеситы устанавливают какие-то контакты с Боспором (скорее всего, экономические) уже в первой половине IV в. до н.э. Об этом свидетельствуют находки надгробий херсонеситов в некрополе Пантикапея². В Китее аналогичных памятников нет и это, в какой-то мере, свидетельствует в пользу того, что торговые (и иные) связи Китея с Херсонесом осуществлялись не напрямую, а через столицу Боспора.

О том же свидетельствуют и находки массового материала, каковыми являются амфоры и их фрагменты. В Китее амфоры Херсонеса, судя по клеймам на ручках амфор, появляются в небольшом количестве в последней четверти IV в. до н.э. Общее количество их тогда тоже было невелико. Найдено всего три клейма, датирующихся этим временем (Приложение 1. № 4, 6, 8). Оставшиеся пять клейм датируются 280 г. до н.э. В общем количестве находок клейм херсонесские составляют всего 0,9%, однако в период с 325 по 280 гг. до н.э. число их достигает 5,5%. Такое соотношение, по-видимому, не случайно.

По находкам фрагментов херсонесских амфор именно в первой половине III в. до н.э. поступление в Китей товаров в херсонесских амфорах значительно возрастает и они занимают третье место (14,6%) среди общего количества продукции поступавшей в город в амфорной таре в то время (табл. 1).

¹ Molev 2003, 209-215; Molev 2003a, 234-240.

² Corpus Inscriptionem Regni Bosporani 1965, 173, 195.

Таблица 1.

(В числителе дано количество амфор, в знаменателе – объем продукции)

Центры	III в. до н.э.	Центры	II-I в. до н.э.
Фасос	26/463,9 – 21,6%	Синопа	137/2344,2
Херсонес	23/328,6 – 14,6%	Кос	44/1760
Кос	10/400 – 17,7%	Родос	15/393,9
Синопа	18/315,4 – 14,0%	Колхида	18/288
Колхида	17/307,7 – 13,6%	Херсонес	7/93,1
Родос	5/124,78 – 5,5%	Яблоновские	6/?
Книд	8/315,2 – 13,9%	Тип Елизаветинской	13/?
Итого	107/2255,7		240/4878?

Херсонес, как и занявший второе место по экспорту в Китей в то время Кос, поставлял более дешевую продукцию, что, по-видимому, сыграло в данном случае (кризисный период на Боспоре) решающую роль. По некоторым подсчетам Херсонес в то время достигает вершины своего экономического расцвета и его потенциал в хлебной торговле стал даже соизмерим с возможностями Боспора³. Однако не исключена и определенная роль причин политического характера.

Именно в III в. до н.э. у Херсонеса обостряются взаимоотношения со скифами, которые уже к концу первой трети III в. до н.э. захватывают поселения херсонесской хоры в северо-западном Крыму⁴. Это вынуждало Херсонес искать новых союзников в борьбе с ними и ближайшим из таковых мог стать именно Боспор. О вероятности такого обращения к Боспору свидетельствует херсонесский декрет в честь Сирикса⁵, из которого следует, что дружественные отношения были достигнуты. А поскольку эти дружественные отношения были достигнуты не только с царями⁶, но и с городами, у нас есть все основания думать, что в их число мог входить и Китей.

В позднеэллинистический период начинается новый рост ввоза в Китей продукции в амфорной таре, продолжающийся и в последующий период. Однако при этом сократилось и число типов амфор, и центров. Ведущее место во внешней торговле в Китее в то время принадлежит Синопе и Косу, поставляющим почти 4/5 всей продукции. Продукция Херсонеса теперь поступает в значительно меньших количествах. Некоторое увеличение ее можно предполагать только в позднеантичный период. В IV-VI вв. н.э. наряду с точно определимыми, как херсонесские,

³ Vinogradov, Shcheglov 1990, 332.

⁴ Puzdrovskij 1995, 142; Puzdrovskij 2001, 88.

⁵ IOSPE I 2, 344

⁶ Turovskij 1995, 153.

поступает еще ряд амфор, которые могли производиться и в Херсонесе. Среди них амфоры типа 75 по И.Б. Зеест, часть которых, по ее мнению, могли производить и в Херсонесе⁷. Кроме того, среди амфор IV-VI вв. в Китее преобладают амфоры типа хараксской, какая-то часть которых, по моему мнению, тоже могла производиться в Херсонесе. Правда, размеры этих амфор (высота 60 см, ширина 30 см) значительно уступают размерам амфор типа 96 по И.Б. Зеест, относимых к производству Пантикапея и занимающим второе место в то время среди амфор Китее по численности. Найденные в Китее целые образцы амфор этого типа имеют высоту от 105 до 131 см и ширину от 56 до 70 см и, соответственно, их объем, как минимум в четыре раза выше. Однако такие амфоры использовались для хранения вина или других припасов. Поэтому они свидетельствуют только о развитости местного виноградарства и виноделия.

В пользу этого свидетельствуют и амфоры из склада в помещении «Г» раскопа IV, которое в IV-VI вв. н.э. представляло собой домашнюю винодельню⁸. Найденные здесь целые и раздавленные амфоры типов 99 и 102 (типа хараксской) по И.Б. Зеест и типа 5 по А.Л. Якобсону, были явно предназначены для разлива в них вина собственного производства. А значит, импорт продукции в них извне был в лучшем случае одноразовым актом. В целом все это говорит о резком сокращении внешней торговли города и расширении внутривоспорских торговых связей в последний период истории Боспора.

Соотношение находок херсонесских амфор в Китее и Пантикапее показывает, что только в позднеантичный период город мог иметь непосредственные торговые связи с Херсонесом, минуя столицу государства.

Еще одним источником о взаимоотношениях Китее с Херсонесом являются монеты Херсонеса. Число их в общем количестве находок этого рода в городе и вовсе невелико – всего 3 монеты (1,2% от общего числа находок). Самая ранняя из них (Приложение 3. № 1) датируется по В.А. Анохину 90-80 гг. до н.э. Она могла попасть в город, как и монета Диоскурии того же времени, с воинами понтийского гарнизона, размещенными в Китее⁹. Вторая монета неопределенна из-за плохой сохранности, а третья, последняя – датируется 161-180 гг. н.э. Учитывая сравнительно мирную обстановку на Боспоре в то время, она могла

⁷ Zeest 1969, 113.

⁸ Matukina 2008, 152.

⁹ Molev, Moleva 1996, 76.

попасть в Китей и в результате экономических контактов города с херсонеситами. Такое состояние находок херсонесских монет в Китее подтверждает сделанный нами ранее вывод о том, что Китей был полностью инкорпорирован в систему Боспорского государства и не имел права, или, по крайней мере, возможности широких самостоятельных экономических связей с иными государствами античного мира¹⁰.

Таким образом, в целом экономические контакты Китея и Херсонеса были более или менее значимыми только в III в. до н.э. Во все остальные периоды истории города о них можно только сказать, что они существовали.

Приложение 1

Клейма амфор Херсонеса из Китея¹¹.

1. 1972. I, 6/10. Прямоугольное трехстрочное клеймо на ручке. Тип 1. Около 280 г. до н.э.¹²

**ALEXANDROU
AGORANOMO
UNTOS B...**

2. 1972. II, 2/20. Прямоугольное двухстрочное клеймо. Тип 1. Около 280 г. до н.э.¹³

**DIOS KORIDA
AS TUNOMOU**

3. 1977. Некрополь, случайная находка. Аналогичное клеймо.

**DIO SKORIDA
AS TUNOMOU**

4. 1992. II, 11/поп. П/о 34. Прямоугольное двухстрочное клеймо. 325–315 гг. до н.э.¹⁴

**ANTIBI WNOS
AS TUNOMOU**

5. 1992. IV, B7/15. П/о 68. Прямоугольное двухстрочное клеймо, аналогичное №№ 2, 3. Тип 1. Около 280 г. до н.э.¹⁵

¹⁰ Molev 2014, 51.

¹¹ Определение и датировка клейм даны по работам: Kats 1985 и Kats 2004. Кроме последнего, все остальные клейма опубликованы в монографии: Molev 2010, 313.

¹² Kats 1985, 288.

¹³ Kats 1994, 48, 51, 54.

¹⁴ Kats 1994, 47, 50, 76.

¹⁵ Kats 1994, 76.

**DIOS KOURIDA
AS TUNOMOU**

6. 1993. II, отвал. П/о 76. Прямоугольное двухстрочное клеймо. 325–315 гг. до н.э.¹⁶

**ANTIBI WNOS
AS TUNOMOU**

7. 1995. IV, И5. П/о 25. Прямоугольное двухстрочное клеймо, аналогичное №№ 2,3,5. Тип 1. Около 280 г. до н.э.¹⁷

**DIOSKOURIDA
ASTUNOMOU**

8. Китей 2010. I,27/9. Фрагмент клейма на ручке амфоры Херсонеса с монограммой. П/о 18. К/о 18. Размеры: 6,2 x 6 x 4 см. 315-300 гг. до н.э. Аналогии¹⁸.

Приложение 2

Типы амфор Херсонеса и их количество в Китее по материалам раскопок 1970-2012 гг.¹⁹

№№	Центр	Тип по Зеест	Тип по Монахову	Даты (до н.э.)	Кол-во	Емк. в литр.	Общая емк.
III в. до н.э.							
72.	Херсонес	38а	АХТ, ИБ		1 п. III в.	16	17,5
73.	Херсонес	40	АХТ. ПА		- « -	5	4,37
74.	Херсонес	38б	АХТ, ИБ		- « -	2	13,3
II-I вв. до н.э.							
91.	Херсонес	41	АХТ, ИВ		- « -	7	13,3
II-III вв. н.э.							
115.	Возможно какая-то часть их херсонесского производства.	75а			II-III вв.	10	
116.	- « -	75б			- « -	7	
IV-VI							
133.	Херсонес	101			- « -	2	
134.	Харакс	102б			- « -	25	

¹⁶ Kats 1994, 47, 50, 76.

¹⁷ Kats 1994, 76.

¹⁸ Kats 1994, 76, Ч. III. Таблицы определителя. 1-80, 10; 2А-17,3. 1 хронологическая группа. Подгруппа Б.

¹⁹ В качестве определителей использованы работы: Zeest 1960; Monakhov 1989; Monakhov 2003; Vnukov 2003; Vnukov 2006; Yakobson 1979. Даты в таблице приведены по наиболее современным исследованиям.

Монеты Херсонеса из Китея.

Усилением влияния Понта, а также и ростом товаро-денежных отношений в черноморской державе Митридата Евпатора, куда вошел и Боспор, вероятно, следует объяснять общий рост числа монет в первой половине I в. до н.э. Среди них, кроме традиционных пантикапейских, появляются монеты Синопы, Херсонеса, Фанагории, Диоскурии. Впрочем, последние могли появиться здесь и не только по экономическим причинам, но и быть принесенными воинами Митридата Евпатора, вошедшими в состав гарнизона города.

1. 1991. I, 21/13. Херсонес. Дихалк. Медь. Л.с. Бюст Девы вправо, за спиной лук и колчан; о.с. ХЕР, венки, в нем лань с опущенной головой вправо, внизу монограмма. П/о 92. Диаметр 2 см. Сохранность средняя.

Аналогии²⁰. № 193. 90-80 гг. до н.э.

2. 1970. II, случайная находка. Херсонес (?). Медь. П/о 91. Диаметр 2,5 см. Сохранность плохая.

3. 1977. Некрополь, погребение 7. Херсонес. Тетрассарий. Медь. Л.с. стерта; о.с. Дева в рост прямо, слева лань. П/о 114. Диаметр 1,8 см. Сохранность плохая, в монете дырочка для подвешивания.

Аналогии²¹. 161-180 гг. н.э.

Литература / References

Anokhin, V.A. 1977: *Monetnoe delo Khersonesa*. Kiev

Анохин, В.А. *Монетное дело Херсонеса*. Киев.

Corpus Inscriptionem Regni Bosporani 1965: V.V. Struve (ed.), *Corpus Inscriptionem Regni Bosporani*. Moscow-Leningrad.

Корпус боспорских надписей. В.В. Струве (ред.). *Корпус боспорских надписей*. М.-Л.

Kats, V.I. 1985: Tipologiya i khronologiya khersonesskikh magistratskikh kleym. In: *Prichernomor'e v epokhu ellinizma*. Tbilisi.

Кац, В.И. Типология и хронология херсонесских магистратских клейм. В сб.: *Причерноморье в эпоху эллинизма*. Тбилиси.

Kats, V.I. 1994: *Keramicheskie kleyma Khersonesa Tavricheskogo*. Saratov.

Кац, В.И. *Керамические клейма Херсонеса Таврического*. Саратов.

Matukina, A.N. 2008: Pozdneantichnye amphory iz Kiteja. *Bosporskie issledovaniya* 19. Simferopol-Kerch, 151-155.

²⁰ Anokhin 1977, № 193.

²¹ Anokhin 1977, № 267.

- Магукина, А.Н. Позднеантичные амфоры из Китея. *Боспорские исследования* 19. Симферополь-Керчь, 151-155.
- Molev, E.A. 2003. Bosporos and Chersonesos in the 4th – 2nd Centuries B.C. In: P. Guldager Bilde, J.M. Hojte & V.F. Stolba (eds.). *The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A.N. Shcheglov on the occasion of his 70th birthday*. Aarhus, 209-215.
- Molev, E.A. 2003a: К вопросу о херсонесско-боспорских отношениях в IV-II вв. до н.э. In: *Istoriki v poiskah novykh smyslov*. Kazan, 234-240.
Молев, Е.А. К вопросу о херсонесско-боспорских отношениях в IV-II вв. до н.э. В сб.: *Историки в поиске новых смыслов*. Казань, 234-240.
- Molev, E.A. 2010: *Bosporskiy gorod Kitey*. Simferopol'-Kerch'.
Молев, Е.А. *Боспорский город Китей*. Симферополь-Керчь.
- Molev, E.A. 2014: Monety iz raskopok Kiteya 2005-2012 gg. In: V.I. Brujako (ed.). *Zapiski otdela numizmatiki i torevtiki Odesskogo arheologicheskogo museya* II. Odessa, Smil, 50-58.
Молев, Е.А. Монеты из раскопок Китея 2005-2012 гг. В: И. В. Бруяко (ред.). *Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея* II. Одесса, Смил, 50-58.
- Molev, E.A., Moleva, N.V. 1996. Denezhnoe obrashchenie v Kitee. In: M.G. Abramson (ed.). *Problemy istorii, philologii i kultury*. Moscow-Magnitogorsk, 75-82.
Молев, Е.А., Молева, Н.В. 1996. Денежное обращение в Китее. В сб.: В.Г. Абрамзон (отв. ред.). *Проблемы истории, филологии и культуры*. Москва-Магнитогорск, 75-82.
- Monakhov, S.Yu. 1989: *Amfory Khersonesa Tavricheskogo IV-II vv. do n.e.* Saratov.
Монахов, С.Ю. *Амфоры Херсонеса Таврического IV-II вв. до н.э.* Саратов.
- Monakhov, S.Yu. 2003: *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya. Katalog-opredelitel'*. Moscow-Saratov.
Монахов, С.Ю. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология. Каталог-определитель*. Москва-Саратов.
- Puzdrovskij, A.E. 1995: O skifho-hersonesskih konfliktah v III-II vv. do n.e. In: *Antichnyje polisy i mestnoe naselenie Prichernomor'ya*. Sevastopol, 142-146.
Пуздровский, А.Е. О скифо-херсонесских конфликтах в III-II вв. до н.э. В сб.: *Античные полисы и местное население Причерноморья*. Севастополь, 142-146.

- Puzdrowskij, A.E. 2001: Politicheskaja istorija Krymskoj Skifii vo II v. do n.e. – III v. n.e. *Vestnik drevney istorii* 3, 86-118.
Пуздровский, А.Е. 2001. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. — III в. н. э. *ВДИ* 3, 86-118.
- Turovskij, E.Я. 1995: K voprosu o vneshnei politike grecheskih gosudarstv Severnogo Prichernomorja v IV-II vv. do n.e. In: *Antichnyje polisy I mestnoe naselenie Prichernomorja*. Sevastopol.
Туровский, Е.Я. К вопросу о внешней политике греческих государств Северного Причерноморья в IV-III вв. до н.э. *Античные полисы и местное население Причерноморья*. Севастополь, 1995.
- Vnukov, S.Iu. 2003: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e.* Part. I. Sankt-Peterburg.
Внуков, С.Ю. *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э.* Ч. I. СПб.
- Vnukov, S.Iu. 2006: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e.* Part. II. Sankt-Peterburg.
Внуков, С.Ю. *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э.* Ч. II.
- Yakobson, A.L. 1979: *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoy Tavriki*. Leningrad.
Якобсон, А.Л. *Керамика и керамическое производство средневековой Таврики*. Л.
- Zeest, I.B. 1960: *Keramicheskaja tara Bospora*. (Materialy i issledovaniya po arkheologii 83). Moscow.
Зеест, И.Б. *Керамическая тара Боспора* (МИА 83). М.

Керамический комплекс из землянки в помещении 42а (1989 года) в III квартале Херсонеса*

В 1989 г. в III квартале северо-восточного района Херсонеса в помещении 42а средневековой бани М.И. Золотаревым была открыта яма, интерпретированная им как остатки вырубленной в скале землянки¹. Реконструированные размеры ее составили 2,2×3,8 м². На глинобитном полу сооружения была зафиксированы раздавленные амфоры, в заполнении конструкции присутствовали фрагменты разнообразных сосудов, в том числе керамические клейма. В 1990 году с любезного разрешения автора раскопок С.Ю. Монахов и В.И. Кац имели возможность поработать с этим материалом, передав чертежи и определения клейм автору. Однако М.И. Золотарев так и не успел опубликовать этот комплекс, частью материал оттуда позднее вошел в книгу по типологии амфор разных центров³, а затем был опубликован частично без материалов керамической эпиграфики⁴. Представляется, что будет целесообразно издать этот комплекс землянки в полном объеме (коллекционная опись 37174).

Итак, оттуда происходит 4 археологически целых амфоры и несколько крупных фрагментов. Полностью удалось собрать амфору Менды (№ 5/37174) «раннего» варианта типа «на рюмкообразной ножке» (табл. 1, 1) последней четверти V в.⁵ К этому же типу относится нижняя часть еще одной мендейской амфоры⁶.

Гераклейская тара представлена фрагментированным сосудом (№ 3/37174) варианта I-1 «пифоидного» типа с очень широким туловом (табл. 1, 2). Аналогичные амфоры известны из Ольвии⁷ и котлована № 325 в Пантикапее, датирующегося последними двумя десятилетиями V в.⁸

* Работа подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-31-10128 «Греческие амфоры VI-II вв. до н.э. из собраний музеев Крыма».

¹ Zolotarev 1996: 37 сл.; Zolotarev 1998: 32.

² Ushakov, Lesnaya, Tyurin 2013: 653.

³ Monakhov 2003: Табл. 62, 86, 100.

⁴ Ushakov, Lesnaya, Tyurin 2013: 653.

⁵ Monakhov 2003: 91, табл. 62, 1.

⁶ Ushakov, Lesnaya, Tyurin 2013: 656, рис. 2, 5.

⁷ Monakhov 2003: 127, табл. 86, 1.

⁸ Monakhov, Kuznetsova, Fedoseev, Churekova 2016: 37, НР.1.

Амфора Синопы без ножки относится к варианту I-A «конического» типа (№ 2/37174) и имеет расширяющееся вниз горло и коническое тулово (табл. 1, 3), характерное для первой четверти IV века⁹. В комплексе присутствовала еще одна нижняя часть синопской амфоры этого же типа¹⁰.

Еще один сосуд без ножки относится к неустановленному центру производства (№ 1/37174). Он имеет высокое цилиндрическое горло, плавно переходящее к плечам, небольшой клювовидный венец, снизу выделенный небольшим желобком. В нижней части овоидного тулова заметны два технологических желобка, немного выше них расположено граффити из 31 вертикальной черты (табл. 1, 4). Глина сосуда темно-коричневая, очень плотная, с редкой мелкой слюдой, на поверхности очень гладкий темно-коричневый ангоб. Аналогии данной амфоре неизвестны.

Помимо целых форм в яме обнаружена большая коллекция керамических клейм Фасоса и Гераклеи Понтийской (табл. 2). Из фасосских клейм встречено два оттиска одного штампа с легендой **Λαβρο(«) Ὑ ΑἰῖσϜ(ιων)**. Фасосский магистрат Лаброс¹¹ датируется концом 390 – началом 380-х гг. (Кац 2007: 414); 2). К тому же времени относится клеймо магистрата Леог(---) с легендой **Λεωγ(---) ὙϞα»σι(·) ¼ Ἰ Αἰσ(ταγορε)**¹². Встречено круглое клеймо «круга Фасоса» с легендой «IE», которое не имеет хронологической привязки.

Многочисленные гераклеийские клейма представлены энглифическими оттисками штампов ранних фабрикантов Аргея, Архелы, Каллия, Кромния, Сотера, Хиона и Тимасандра, а также клеймами эпонимов I и II магистратских групп: Аристокла, Алкеты, Аристана, Этера, ΕΥ(---), Η(---), Молосса, Дейномаха и Стифона (№ 23–49/37174). По современным представлениям их деятельность приходится на интервал 390–370-х годов¹³.

Таким образом, комплекс твердо датируется в пределах первой четверти IV века.

⁹ Monakhov 2003: 146, табл. 100, 1–4.

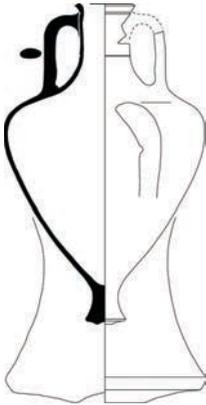
¹⁰ Ushakov, Lesnaya, Tyurin 2013: 656, рис. 2, 4.

¹¹ Avram 1996: tabl. XIV; Garlan 1999: 97, №139, gr. B. (Кац 2007: 414); 2).

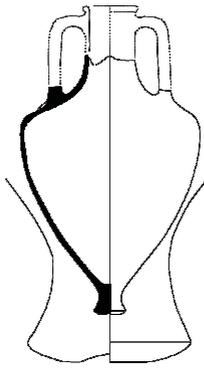
¹² Garlan 1999: № 156; Kats 2007: 414. Прил. II.

¹³ Kats 2007: 429; аналогии см.: Fedoseev 2016: №№ 1063, 1552, 1553, 1557, 2069, 2079, 2203, 2384, 2520, 2527.

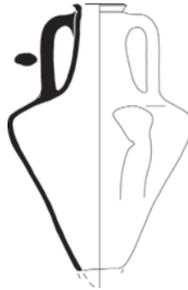
Амфоры из землянки в пом. 42а (1989 г.)

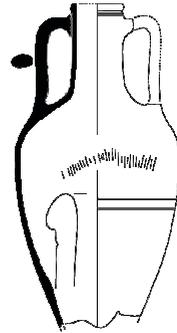
1. Мендейская амфора

2. Гераклейская амфора

3. Синопская амфора

4. Амфора неустановленного центра

Табл. 2

Фасосские и гераклейские клейма из землянки в пом. 42а (1989 г.)

Номера хранения / 37174	Легенда	Аннотация, хронология
Фасос (даты по: Garlan 1999)		
21 a	[Λάβρο(ς) [αἰ]χρ(ίων)	Магистрат Лаброс, группа «В» (Garlan 1999: группа «В», 393–381 гг.).
21 b	[Λάβρο(ς) [αἰ]χρ(ίων)	Магистрат Лаброс (Garlan 1999: группа «В», 393–381 гг.).
20	Λεωγ[---] Θασι(....) Ωρις	Магистрат Леог(---), (Garlan 1999: группа «В», 393–381 гг.).
«Круг Фасоса»		
22	IE	
Гераклея (даты по: Кац 2007)		
23	Ἀργεῖο ←	Фабрикант Аргей, раннефабрикантская группа (РФГ), кон. V – нач. IV в.
24, 25	Ἀρχέλα	Фабрикант Архела, РФГ, кон. V – нач. IV в.
26	Ἀρχ[χ]έλα в листе плюща, бустрофедон ?	Фабрикант Архела, РФГ, кон. V – нач. IV в.
30	Διοῖσ[το]ο ← по трем сторонам	Фабрикант Дионисий, РФГ, кон. V – нач. IV в.
31	Καλλία	Фабрикант Каллий, РФГ, кон. V – нач. IV в.
32	Κρό[μ]ιν[ι]της	Фабрикант Кромний, РФГ, кон. V – нач. IV в.
33	Σωτήρ ←	Фабрикант Сотер, РФГ, кон. V – нач. IV в.
34	Χιονος	Фабрикант Хион, РФГ, кон. V – нач. IV в.
45	Τιμασάνδρου	Фабрикант Тимасандр, РФГ, кон. V – нач. IV в.
39	Ἄριστο[κ]λη[ς] Κόλα	Магистрат Аристокл, I МГ, 390-е гг.
40	Ἄριστοκ[λ]η[ς] Ονα[σο]	Магистрат Аристокл, I МГ, 390-е гг.
29	Ἐυ(---) ↓	Магистрат Ἐυ(---), I МГ, 390-е гг.
37	Θεογένεος Ἡ(---) «гроздь» (или лист?)	Магистрат Η(---), I МГ, 390-е гг.
35	Διονυσίο Ἄρισ(---), ромбовидное	Магистрат Аристон, II Б МГ, 370-е гг.
36	Θεογένεος Ἄιθ(έρος)	Магистрат Этер, II Б МГ, 370-е гг.
48	Δέξ[ι]πος ἐπὶ Αἰθ(έρος)	Магистрат Этер, II В МГ, 370-е гг.
38	Θεογένεος Μολ(---) Μολ вверх ногами	Магистрат Молосс, II А МГ, 380–370-е гг.
41	Ἡρωδόρο Δεινο(μάχου)	Магистрат Дейномах, II В МГ, 370-е гг.
47	Ἄριστ[---] ἔπ' Στυ[---]	Магистрат Стюфон, II В МГ, 370-е гг.
49	[---]ιο ἔπ' Ἄλ[κ]έτα	Магистрат Алкета, II В МГ, 370-е гг.
28	Δικ ←	Уверенно не читается
42	Μα[---] Αρ[---]	Уверенно не читается
43	Ηραι[β]ι[---]	Уверенно не читается
44	Θε[---]οαρ[---]κλ[---]	Уверенно не читается
46	Ἄτατ[---] [---]	Уверенно не читается
27		Не читается

Литература / References

- Avram, A. 1996: *Les timbres amphoriques*. 1. Thasos / Histria (VIII). Bucarest; Paris.
- Fedoseev, N.F. 2016: *Keramicheskie kleyma. Tom 2. Gerakleya Pontiyaskaya*. Kerch'. Федосеев, Н.Ф. *Керамические клейма. Том 2. Гераклея Понтийская*. Керчь.
- Garlan, Y. 1999: *Les timbres amphoriques de Thasos. Vol. I. Timbres Protothasiens et Thasiens anciens*. Paris.
- Kats, V.I. 2007: *Grecheskie keramicheskie kleyma epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya)*. Simferopol'; Kerch'. Кац, В.И. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)*. Симферополь; Керчь.
- Monakhov, S.Yu. 2003: *Grecheskie amfory v Prichernomor'e: tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare*. Moskow; Saratov. Монахов, С.Ю. *Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре*. М.; Саратов.
- Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Fedoseev, N.F., Churekova, N.B. 2016: *Amfory VI-II vv. do n.e. iz sobraniya Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika. Katalog*. Kerch'; Saratov. Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В., Федосеев, Н.Ф., Чурекова, Н.Б. *Амфоры VI-II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог*. Керчь; Саратов.
- Ushakov, S.V., Lesnaya, E.S., Tyurin, M.I. 2013: *Khersonesskie «zemlyanki»: istoriograficheskie mify i arkheologicheskie realii*. In: *Bosporskiy fenomen. Greki i varvary na evraziyskom perekrestke*. Sankt-Peterburg, 651-657. Ушаков, С.В., Лесная, Е.С., Тюрин, М.И. *Херсонесские «землянки»: историографические мифы и археологические реалии*. В сб.: *Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке*. СПб., 651-657.
- Zolotarev, M.I. 1996: *O dvukh etapakh stroitel'stva v severo-vostochnom rayone Khersonesa v IV v. do n.e. Khersonesskiy sbornik* 7, 37-48. Золотарев, М.И. *О двух этапах строительства в северо-восточном районе Херсонеса в IV в. до н.э. Херсонесский сборник* 7, 37-48.
- Zolotarev, M.I. 1998: *Rannie etapy gradostroitel'stva v Khersonese Tavricheskom. Khersonesskiy sbornik* 9, 26-35. Золотарев, М.И. *Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом. Херсонесский сборник* 9, 26-35.

«Иллюстративная модель» — добавление к «Методам исследования античной торговли» И.Б. Брашинского

И.Б. Брашинский предложил алгоритм использования массового амфорного материала как источника для изучения античной торговли¹. Возможности подхода были продемонстрированы на выборках клейм.

Следующий шаг в развитии методики был сделан В.И. Кацем. Он предложил использовать две формулы для расчета абсолютной и относительной плотности распределения объемов товаров, экспортированных в амфорной таре. Формула для расчета абсолютной плотности распределения объемов: $F_i^a = \frac{n_i}{h_i} \times V$

где, F_i^a – абсолютная плотность распределения объемов; n_i – частота интервала i ; h_i – размер интервала i ; V – средний объем.

Формула для расчета относительной плотности распределения объемов:

$$F_i^B = \frac{q_i}{h_i} \times V$$

где, F_i^B – относительная плотность распределения объемов; q_i – частота интервала i ; h_i – размер интервала i ; V – средний объем.

Частота интервала рассчитывается по формуле: $q_i = \frac{n_i}{m_i}$

где, q_i – частота интервала i ; n_i – частота интервала i ; m_i – объем выборки².

В работах Г.А. Ломтадзе, Е.В. Кузнецовой, С.О. Немцева аналогичные расчеты были выполнены на выборках ножек амфор. Конечный продукт этих исследований имеет вид сводных таблиц, структурирующих распределение статистических показателей поступления товаров в амфорной таре. По ним можно проследить хронологические изменения и распределение по центрам. Эти таблицы являются статистическими моделями.

Сравнение между собой статистических моделей, полученных для разных памятников, невозможно, потому что порядок чисел напрямую зависит от объемов анализируемых выборок. Необходим прием, с помощью которого можно привести к общему знаменателю статистичес-

¹Brashinskij 1984.

²Kats 2007, 361.

кие показатели. Таким приемом может служить предлагаемый метод «*иллюстративной модели*». Он заключается в наполнении статистической модели, описывающей распределение объемов, «условными единицами объема», что приводит данные, полученные для различных выборок, к общему числовому знаменателю и делает возможным их сравнение. Применение метода «*иллюстративной модели*» возможно на двух уровнях сложности.

Продемонстрируем применение метода «*иллюстративной модели*» первого уровня сложности. Для этого необходимо взять статистические данные, полученные для двух выборок амфорных ножек с двух разных памятников. Возьмем результаты, полученные Е.В. Кузнецовой³ для поселения Волна-4 (Тамань) и автором статьи для Белозерского поселения (Нижний Днепр)⁴. Объем первой выборки составил 2713 экземпляров, второй – 809. Результаты расчетов показателей абсолютной плотности распределения объемов сведены в таблицах 1 и 2. В процентах указана часть, которая приходится на каждый центр в рамках суммарного объема за период. Используя сумму показателей абсолютной плотности распределения объемов по периодам, определяем отношение суммы объемов разных хронологических периодов. Таким образом, мы выявляем динамику изменения суммарного поступления во времени.

Для Белозерского поселения суммарный объем второго периода по отношению к первому составил 165,7%, а третьего периода ко второму 86,8%. Эти же значения для поселения Волна-4 составили 89,2% и 25,7% соответственно. Таким образом, пик максимальных поступлений для Белозерского поселения приходится на второй период, а для поселения Волна-4 — на первый период с дальнейшим последовательным понижением. Также можно рассчитать показатели объемов поступлений по периодам и сделать сравнение ситуации на двух памятниках. Размер суммарного объема первого периода целесообразно задать равным 1000 условных единиц объема (далее у.е.о.). Тогда распределение суммарных объемов по указанным в таблицах трём периодам составит для Белозерского поселения — 1000 у.е.о. — 1479 у.е.о. — 819 у.е.о., а для поселения Волна-4 — 1000 у.е.о. — 892 у.е.о. — 229 у.е.о. Из приведенных цифр видно, что разница между суммарными объемами третьего и первого периодов для Белозерского поселения составляет менее 200 у.е.о., а для поселения Волна-4 — 770 у.е.о.

³ Kuznecova 2012, 173-179.

⁴ Nemcev 2014, 28-40.

Подобные вычисления можно выполнить для каждого центра — производителя амфорной тары. Результаты сведены в таблицах 3 и 4. В этом случае осуществляется корректировка прежних выводов. Полученные результаты позволяют сопоставлять закономерности распределения объемов поступлений по периодам и производителям, имея числа одного порядка. Если пользуясь показателем абсолютной плотности распределения объемов мы получили данные о том, что для поселения Волна-4 доля Хиоса в третий период составила 11,87%, а для Белозерского 28,11%, то подразумевается, что поступления на Белозерское поселение были в 2,4 раза больше. Пользуясь объемами, пересчитанными в у.е.о., мы получим, что на третьем этапе поступления продукции Хиоса на поселение Волна-4 составляет 27,2 у.е.о., а на Белозерское — 230,3 у.е.о., что дает преобладание в 8,5 раз. Результаты, представленные в таком виде, могут быть использованы как количественные признаки для дальнейшего сравнения между собой памятников с различными объемами выборок.

Вторым уровнем сложности применения метода «*иллюстративной модели*» может быть вариант, когда уже на первом шаге при распределении суммарных объемов по периодам вводится коэффициент емкости рынка. Это возможно только в том случае, когда имеются данные о количестве населения, потребляющего продукты в амфорах. То есть, если известно, что население сравниваемых между собой поселений соотносится как 3 к 1, то суммарный объем первого периода для них составит 3000 у.е.о. и 1000 у.е.о. Тогда на выходе мы получим картину, приближённую к реальному потреблению.

Предполагается, что предлагаемый метод позволит продвинуться по пути исследования античной торговли на основе анализа амфорной тары.

Литература / References

- Brashinskij, I.B. 1984: *Metody issledovanija antichnoj trgovli (na primere Severnogo Prichernomor'ja)*. Leningrad.
- Брашинский, И.Б. *Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья)*. Ленинград.
- Kats, V.I. 2007: Grecheskie keramicheskie klejma jepohi klassiki i jellinizma (opyt kompleksnogo issledovanija). In: *Bosporskie issledovanija* 18. Simferopol'-Kerch'

Кац, В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного исследования). В кн.: *Боспорские исследования* 18. Симферополь-Керчь.

Kuznesova, E.V. 2012: Dinamika trgovykh svyazey poselenija Volna-4 (po dannym keramicheskoy tary). In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* 6(3). 173-179.

Кузнецова, Е.В. Динамика торговых связей поселения Волна-4 (по данным керамической тары). В сб.: *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 6(3). 173-179.

Nemcev, S.O. 2014: Dinamika nakhodzhennja tovariv u keramichnij tari na Bilozers'ke poselennja hori Ol'vii. In: *Arheologija* 1. 28-40.

Немцев, С.О. Динаміка надходження товарів у керамічній тарі на Білозерське поселення хори Ольвії. В сб.: *Археологія* 1. 28-40.

Таблица 1. Поселение Волна-4 показатели плотности распределения основных центров производителей

F ₁ ^a F ₁ ^a F ₁ ^a	1/2 IV		3/4 IV		4/4 IV	
		%		%		%
Хиос	186,9	49,39%	133,4	39,51%	10,3	11,87%
"Самос-Милет"	0,7	0,18%	1,8	0,53%	-	-
Коринф	0,5	0,13%	-	-	-	-
Фасос	51,8	13,69%	50,4	14,93%	4,2	4,84%
Круг Фасоса	0,7	0,18%	0,4	0,12%	0,4	0,46%
Муригиоль	0,6	0,16%	0,2	0,06%	-	-
Менда	33,6	8,88%	28,3	8,38%	-	-
Солоха I	2,4	0,63%	4,7	1,39%	-	-
Геракля	59,2	15,64%	38,8	11,49%	6,1	7,03%
Синоп	21,2	5,60%	34	10,07%	29,5	33,99%
Херсонес	-	-	-	-	1,1	1,27%
Псевдо-Херсонес	10,8	2,85%	20,6	6,10%	-	-
Пепарет	7,1	1,88%	14,1	4,18%	-	-
Кос	-	-	-	-	1,8	2,07%
Книд	2,9	0,77%	9,4	2,78%	28,7	33,06%
Родос	-	-	-	-	1	1,15%
Колхида	-	-	1,5	0,44%	3,7	4,26%
	378,4		337,6	0,8922	86,8	0,2571

Таблица 2. Белозерское поселение показатели плотности распределения основных центров производителей

	1/2 IV		3/4 IV		4/4 IV	
		%		%		%
Хиос	47,32	42,23%	45,78	27,62%	25,8	28,11%
Коринф	0,5	0,45%	-	-	-	-
Фасос+круг Фасоса	7,05	6,29%	2,21	1,33%	0,31	0,34%
Муригиоль	1,76	1,57%	-	-	-	-
Менда	11,57	10,33%	24,14	14,56%	-	-
Солоха I		0,00%		0,00%	-	-
Геракля	11,08	9,89%	13,59	8,20%	4,74	5,16%
Синоп	7,2	6,43%	17,63	10,64%	6,6	7,19%
Херсонес	-	-	-	-	3,09	3,37%
Псевдо-Херсонес	23,76	21,20%	11,88	7,17%	-	-
Пепарет	1,81	1,62%	4,72	2,85%	-	-
Кос	-	-	-	-	16,29	17,75%
Книд	-	-	43,08	25,99%	30,51	33,24%
Эрифры	-	-	1,74	1,05%	3,75	4,09%
Колхида	-	-	1	0,60%	0,7	0,76%
	112,050		165,770	1,479	91,790	0,554

Таблица 3. Поселение Волна-4 показатели распределения у.е.о. основных центров производителей

	1/2 IV		3/4 IV		4/4 IV	
	%	у.е.о.	%	у.е.о.	%	у.е.о.
Хиос	49,39%	493,9	39,51%	352,5	11,87%	27,2
"Самос-Милет"	0,18%	1,8	0,53%	4,8		
Коринф	0,13%	1,3				
Фасос	13,69%	136,9	14,93%	133,2	4,84%	11,1
Круг Фасоса	0,18%	1,8	0,12%	1,1	0,46%	1,1
Муригиоль	0,16%	1,6	0,06%	0,5		
Менда	8,88%	88,8	8,38%	74,8		
Солоха I	0,63%	6,3	1,39%	12,4		
Гераклея	15,64%	156,4	11,49%	102,5	7,03%	16,1
Синопа	5,60%	56,0	10,07%	89,9	33,99%	78,0
Херсонес					1,27%	2,9
Псевдо-Херсонес	2,85%	28,5	6,10%	54,4		
Пепарет	1,88%	18,8	4,18%	37,3		
Кос					2,07%	4,8
Книд	0,77%	7,7	2,78%	24,8	33,06%	75,8
Родос					1,15%	2,6
Колхида			0,44%	4,0	4,26%	9,8
		1000	0,892	892,1	0,257	229,3

Таблица 4. Белозерское поселение показатели распределения у.е.о. основных центров производителей

	1/2 IV		3/4 IV		4/4 IV	
	%	у.е.о.	%	у.е.о.	%	у.е.о.
Хиос	42,23%	422,3	27,62%	408,6	28,11%	230,3
Коринф	0,45%	4,5				
Фасос+круг Фасоса	6,29%	62,9	1,33%	19,7	0,34%	2,8
Муригиоль	1,57%	15,7	0,00%			
Менда	10,33%	103,3	14,56%	215,4		
Солоха I	0,00%		0,00%			
Гераклея	9,89%	98,9	8,20%	121,3	5,16%	42,3
Синопа	6,43%	64,3	10,64%	157,3	7,19%	58,9
Херсонес					3,37%	27,6
Псевдо-Херсонес	21,20%	212,0	7,17%	106,0		
Пепарет	1,62%	16,2	2,85%	42,1		
Кос					17,75%	145,4
Книд			25,99%	384,5	33,24%	272,3
Эрифры			1,05%	15,5	4,09%	33,5
Колхида			0,60%	8,9	0,76%	6,2
		1000		1479,4	0,554	819,1

Могильник рубежа эр в горном Крыму

Благодаря археологическим разведкам последних лет, проводимым экспедицией ГИАМЗ «Херсонес Таврический» в Юго-Западной части Крыма, на административной территории города Севастополя, в горном массиве Внутренней гряды Крымских гор, был обнаружен ранее неизвестный грунтовый могильник, относящийся ко времени последних веков до н.э. — первых веков н.э.¹ Могильник Узеньчик расположен над северной окраиной Байдарской долины, в 3-х км к северо-западу от села Передовое, на восточном фесе кряжа Самны-Баир, в бассейне ручья Узеньчик. Проведенными разведками 2014-2015 гг. было обследовано пространство приблизительно площадью 2000 кв. м, где были заложены 5 разведочных шурфов общей площадью 14 кв. м для выяснения границ и возможной площади могильника. В результате этих работ удалось проследить предполагаемую протяженность и структурные особенности могильника, его обрядность, а также выявить его границы в северном и, возможно, западном и восточном направлениях.

Могильник представляет собой поле погребальных урн, с захоронениями, выполненными по обряду кремации. Процесс сожжения происходил на стороне, это место пока не выявлено. Урны с кремированными останками помещались в грунт, в отдельных случаях захоронения были перекрыты каменными плитками. В качестве погребальных урн использовались керамические сосуды, нередко — со следами ремонта. Среди сосудов-урн преобладали амфоры. Большинство из них — амфоры производства Гераклеи, Синопы и Колхиды, а также амфоры Херсонеса и Родоса. Время изготовления этих сосудов — II-I вв. до н.э. — I-II вв. н.э.² Иногда в качестве урн использовались крупные лепные горшки. Захоронения сопровождал обильный погребальный инвентарь: керамика — рельефные и краснолаковые сосуды, лепные горшки и миски; изделия из металла — предметы вооружения (ножи, дротики), украшения (кольца, серьги, браслеты), предметы личного пользования (зеркало, ременная пряжка и пр.); стеклянные предметы — сосуды, бусы. Большинство из

¹ Savelja 2014, 11-16; Nessel¹ 2015, 4-32.

² Monachov 2003, 188-122, табл. 83 (2, 4); Vnukov 2003, 130-131, рис. 51; Vnukov 2013, 30, рис. 6В.

этих находок имеют следы деформации в результате термического воздействия.

На момент обнаружения и предварительного обследования в Крымских горах не было известно аналогий этому памятнику, пока разведками 2015 г. в соседней, Варнутской долине Юго-Западного Крыма не были зафиксированы следы аналогичного по обряду и хронологии могильника³. Оба памятника характеризуются сходным обрядом погребения умерших, существовали одновременно и расположены довольно близко друг от друга – расстояние между ними около 30 км. Какие-либо памятники познеэллинистического-ранеримского времени ранее не были известны в этом регионе горного Крыма. Факт обнаружения этих двух памятников открывает новую страницу в истории Крыма античного времени, и позволяет предположить, что в горной части Юго-Западного Крыма на рубеже эр обитали представители какой-то общей этнической и культурной группы.

Литература / References

- Monachov, S.Yu. 2003: *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologija. Katalog-opredelitel'*. Moscow-Saratov.
Монахов, С.Ю. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология. Каталог-определитель*. Москва-Саратов.
- Nessel', V.A. 2015: Otchet ob arheologicheskikh razvedkah v okrestnostjah s. Peredovoe, v bassejne ruch'ja Uzen'chik, v Balaklavskom rajone g. Sevastopolja v 2015 godu. *Archiv GIAMZ "Chersones Tavricheskij"*. F. 1. D. 4490, 4-32.
Нессель, В.А. Отчет об археологических разведках в окрестностях с. Передовое, в бассейне ручья Узеньчик, в Балаклавском районе г. Севастополя в 2015 году. *Архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический»*. Ф. 1. Д. 4490, 4-32.
- Savelja, O.Ya. 2014: Otchet ob arheologicheskikh razvedkah v Balaklavskom rajone g. Sevastopolja, v Bajdarskoj doline v 2014 godu. *Archiv GIAMZ "Chersones Tavricheskij"*. F. 1.D. 4329, 11-16.
Савеля, О.Я. Отчет об археологических разведках в Балаклавском районе г. Севастополя, в Байдарской долине в 2014. *Архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический»*. Ф. 1, Д. 4329, 11-16.
- Savelja, O.Ya. 2015: Razvedki u s. Goncharnoe Balaklavskogo rajona, na

³Savelja 2015, 9-22.

sklonah Kilen-balki v vostochnoj chasti Geraklejskogo poluoostrova v Nachimovskom rajone g. Sevastopolja v 2015 godu. *Archiv GIAMZ "Chersones Tavricheskij"*. F. 1, D. 4491, 9-22.

Савеля, О.Я. Разведки у с. Гончарное Балаклавского района, на склонах Килен-балки в восточной части Гераклеийского полуострова в Нахимовском районе г. Севастополя в 2015 г. *Архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический»*. Ф. 1. Д. 4491, 9-22.

Vnukov, S.Yu. 2003: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. Morfologija*. Moscow.

Внуков, С.Ю. *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Морфология*. М.

Vnukov, S.Yu. 2013: *Amfory rimskogo vremena gorodisha Kara-Tobe. Drevnosti Vospora* 17, 21-54.

Внуков С.Ю. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе. *Древности Боспора* 17, 21-54.

Херсонесское укрепленное поселение на Маячном полуострове

На первом этапе существования Херсонеса Таврического главной задачей колонистов было освоение окружающего пространства для создания прочной экономической базы, основа которой — земледелие. Во второй четверти IV в. до н.э. Херсонес Таврический приступил к регулярному межеванию близлежащих земель. Первой была размежевана территория Маячного полуострова – западная оконечность Гераклеяского. Спустя короткое время на наделы было размежевано 10 тыс. га земли Гераклеяского полуострова.

В процессе межевания реализована система защиты хоры как важной части территории государства, которая в первую очередь подвергалась нападению врагов и разграблению. Безопасность региона была обеспечена путем организации укреплений на размежеванной территории, не нарушая ее целостности. Косвенное свидетельство о существовании укреплений на Гераклеяском полуострове можно найти у Страбона, который в одном из пассажей говоря о гавани Ктенунт уточняет, что в 15 стадиях находится «укрепление херсонесцев» (Strabo, VII, 4, 7). В настоящее время можно выделить следующие укрепленные поселения – на перешейке Маячного полуострова на западе; в балке Бермана на юге; в Хомутовой балке на востоке; на Караньских высотах (выс. Безымянная) на юго-востоке. Все укрепления были связаны как с Херсонесом, так и между собой дорогами, проложенными между земельными участками.

Особое место занимает укрепление на Маячном полуострове. В итоге проведенных несколькими поколениями исследователей полевых изысканий стало очевидным, что наиболее ранний период греческого присутствия на Маячном полуострове относится к последней четверти VI – V вв. до н.э. Эту дату дают немногочисленные фрагменты «ионийской» керамики¹. Строительные остатки, а также чётко выраженный культурный слой этого времени в раскопках не обнаружены, поэтому существование на западном берегу Казачьей бухты греческого архаи-

¹ Dem'yanichuk, Nessel' 2011, 68-69.

² Shcheglov 1997, 52-53.

ческого поселения² и архаического поселения на западном берегу Карантинной бухты³ пока остается предположительным.

Начало освоения земель Маячного полуострова по времени совпадает с завершением военного конфликта между Боспором и Феодосией в 80-х годах IV в. до н.э., в результате которого Феодосия потерпела поражение. Херсонес, лишившись надежного поставщика зерна, приступил к реализации грандиозного плана использования Гераклеийского полуострова площадью 12 тыс. га в качестве городской хоры и производства своей товарной культуры – винограда.

На рубеже первой-второй или в самом начале второй четверти IV в. до н.э. Херсонес основал первое укрепленное поселение на перешейке Маячного полуострова. К концу второй четверти IV в. до н.э. вновь возведенное укрепление на гребне перешейка контролировало ситуацию в приморской части западного района хоры, там, где береговое течение меняло направление и сходились пути каботажного и прямого плавания. Очевидно, это обстоятельство и заставило фортификаторов приспособить крепость для круговой обороны: построить на перешейке двойную линию крепостных стен с башнями, обращенными в сторону Гераклеийского полуострова на Восточной стене и Маячного полуострова на Западной стене. С северо-восточной стороны укрепленное поселение оградадала Северная стена, круто спускающаяся от IX башни Западной стены на гребне перешейка к левому берегу Казачьей бухты у ее верховья. Вполне возможно, что существовала стена, замыкавшая укрепление со стороны открытого моря на юго-западе, но ее следы, также как и следы первых башен оборонительных стен могли быть уничтожены морской абразией.

Площадь территории, огражденной оборонительными стенами, составляла 17,5-18 га и была разделена на четыре участка примерно одинаковой площади – 4,4-4,5 га⁴. На территории первых трех участков поселения зафиксированы строительные остатки сооружений, расположенных вдоль оборонительных стен, на четвертом участке фиксируются следы плотной застройки на всей территории.

Четвертый участок – жилая часть укрепленного поселения. На скальных террасах между 8-й куртиной Западной стены и 9-й куртиной Северной стены открыты строительные остатки зданий конца второй четверти IV – первой половины III вв. до н.э. На нижнем пологом участке западного берега Казачьей бухты открыта квартальная застройка

² Shcheglov 1997, 52-53.

³ Vinogradov, Shcheglov 1990, 317.

⁴ Shcheglov 1994, 18.

второй четверти IV-II вв. до н.э. Позднее, в конце II-I вв. до н.э. часть квартальных зданий и улиц были перекрыты зданиями римского времени, на руинах которых вырос комплекс средневековых сооружений, в том числе монастырь. Материал, найденный в раскопках, позволяет определить хронологические рамки существования средневекового комплекса – V-VII-IX-XI-XII вв.

Работу по организации хоры на небольшом, но жизненно важном пространстве Маячного полуострова, учитывающую как предшествующий опыт греческих землемеров и агрономов, работавших на скудных каменистых почвах Греции и Малой Азии, так и местные почвенно-климатические условия, по сути можно назвать созданием модели организации хоры Херсонеса. Во второй четверти IV в. до н.э. плато Маячного полуострова было размежевано на 26-30 земельных участков площадью в среднем 17,6 га. В каждом участке было сгруппировано, как правило, 4 надела площадью 4,4 га (210x210 м). Основной признак выделения границ надела в участке – «толстые» стены-ограды, что заметил еще Н.М. Печенкин⁵. Внутри наделы были разделены на 16 полей или модулей равной площади – 52,5x52,5 м. Практически на всех полях наделов были сооружены каменные стенки виноградного плантажа, что указывает на основное занятие обитателей полуострова.

Строительство укрепленного поселения на перешейке и размежевание плато Маячного полуострова было единовременным процессом. Об этом свидетельствует организация пространства на земельных участках и внутри укрепленного поселения, где стены, разделяющие его площадь на участки, являлись продолжением (или началом) продольных дорог на хоре, а дома, примыкающие к оборонительным стенам, повторяли их пространственную направленность. Нужно отметить, что размеры земельных участков соответствуют размерам площади поселения на перешейке – 17,5 га (сохранившаяся), а размеры наделов, составляющих один земельный участок – внутреннему делению поселения на 4 части площадью 4,4 га в среднем.

В конце IV - начале III вв. до н.э., вероятно, при совершении каких-то земельных сделок это первоначальное демократическое равенство было нарушено. Появились наделы, включавшие как больше, так и меньше 16 модулей. Скорее всего, этот факт является свидетельством продажи или аренды земли, которая могла принадлежать как государству, так и храмам. Известно, что при разделе земли часть государственных

⁵ Strzheletskiy 1961, 31; Shcheglov 1993, 26.

земельных владений отводилась под священные участки, которые могли на определенных условиях сдаваться в аренду⁶. Большую часть храмовых земель Херсонеса, очевидно, составляли виноградники, приносявшие значительный доход. Как правило, эти доходы шли на содержание святилищ, организацию религиозных церемоний, совершение жертвоприношений. Существование святилищ на херсонесской хоре подтверждается надписями и декретами, в которых речь идет о совершении религиозных церемоний за пределами городских стен. На хоре Маячного полуострова сельское святилище, предположительно, находилось на земельном участке № 60 (усадыба 2-П).

Вероятно, в самом конце 2-й четверти-середине IV в. до н.э. херсонесские землемеры размежевали площадь Гераклеяского полуострова по методу, использованному при размежевании Маячного полуострова. Здесь площадь нескольких земельных участков была равна 17,6 га и состояла из 4-х наделов площадью 4,4 га, но основной массив участков имел площадь 24,6 га и состоял из 6-ти наделов площадью 4,4 га; внутри каждый надел содержал 16 стандартных модулей. Почти на всех участках строятся агротехнические сооружения для выращивания винограда.

3-я четверть IV в. до н.э. – время, в течение которого на хоре Маячного полуострова шло успешное возделывание виноградников и выращивание виноградных саженцев в местных почвенно-климатических условиях, очевидно, не только для собственных нужд, но и для обеспечения посадочным материалом вновь размежеванных многочисленных наделов херсонесской хоры на Гераклеяском полуострове и, возможно, в Северо-Западном Крыму, что не исключает использования привозного материала. Может быть, это событие отражено в надписи на постаменте статуи Агасикла⁷, «размежевавшего (или насадившего) виноградник на равнине»⁸. Вслед за высадкой винограда на хоре Гераклеяского полуострова на усадьбах, очевидно, заранее определенных, сооружаются стационарные винодельческие комплексы для изготовления вина на внутренний и внешний рынки.

Создав таким образом основательную экономическую базу, херсонесское территориальное государство в последней четверти IV в. до н.э. достигло наивысшего уровня своего экономического расцвета.

В первой четверти III в. до н.э. благополучие государства было резко прервано в результате социальной смуты, потрясшей Херсонес и отра-

⁶ Yaylenko 1982, 165; 191; Zubar' 1993, 17.

⁷ IOSPE, I², 418.

⁸ Solomonik 1990, 17, №7; ср.: Vinogradov, Shcheglov 1990, 362-366.

жившейся на хоре в череде пожаров и разрушений⁹. Эта участь постигла и Маячный полуостров. Оборонительные сооружения были оставлены. Многие жители вынуждены были покинуть свои дома и, возможно, вернуться в город.

Разрушение экономической базы не могло продолжаться долго. Вскоре многие усадьбы на хоре Гераклейского полуострова и, в первую очередь те, на которых были установлены винодельческие комплексы, не только восстанавливаются, но даже укрупняются в размерах. На Маячном полуострове спустя непродолжительное время после разрушений крепостные стены были восстановлены в качестве защитной ограды возродившегося поселения. На хоре укрупняются в размерах уцелевшие усадьбы. Обитатели отдельных усадеб позаботились о своей безопасности, укрепив жилища противоударными поясами. Во второй половине III в. до н.э. на усадьбе участка № 49 помещение 1 было укреплено противоударным поясом вдоль наружных стен 1 и 8. На усадьбе участка № 66 была укреплена башня.

Во второй половине II в. до н.э. позднескифское государственное образование в Крыму во главе со Скилуrom и Палаком активизировали свое давление на Херсонес и его сельскохозяйственную округу. И снова на Гераклейском полуострове происходят пожары и разрушения, а жители покидают свои усадьбы. На хоре Маячного полуострова осталось лишь несколько одиночных хозяйств, которые, очевидно, продолжали возделывать виноградники.

На укрепленном поселении постройки эллинистического периода жилой части прекращают свое существование, но уже в I в. до н.э. на территории I продольной улицы и прилегающих к ней кварталов ведется строительство новых сооружений. Раскопками открыто здание, в котором найдены керамические материалы I в. до н.э. - I-III вв. н.э. На территории 1-го участка поселения действует храмик, в котором, по предположению А.Н. Щеглова, отправлялись культы фракийских богов. На хоре в римский период жизнь продолжалась на усадьбах участков №№ 66, 69 и, возможно, 72. В это время происходят некоторые перепланировки в системе наделов и дорог. Например, магистральная дорога (продолжение «страбоновой» дороги) шириной 5 м, ведущая на хору от Северных ворот укрепленного поселения, сужается до 3 м (стандартные 10 футов).

В конце IV-V вв. постройки римского периода перекрываются хозяйственными сооружениями раннесредневекового времени: кера-

⁹ Vinogradov, Shcheglov 1990, 371.

мический материал содержит, в основном, фрагменты амфор. Возможно, они являются материальным свидетельством существования на этой территории небольшого средневекового поселка V — первой половины VII вв. В этом контексте кажется очевидным предположение Т.Ю. Яшаевой о месте ссылки папы Мартина в районе Казачьей бухты¹⁰.

В последующее время наступает период запустения, длившийся вплоть до второй половины IX в., когда на островке появляется монастырь. Очевидно, его постройки занимали не только площадь островка, но и прилегающие участки суши. Керамический материал из слоев, перекрывающих сооружения римского и раннесредневекового периодов, относится ко второй половине IX–XI вв.

Таким образом, результаты исследований позволяют сделать следующие выводы. Укрепленное поселение на перешейке и хора на плато Маячного полуострова, представляли единую структуру, созданную Херсонесом на рубеже первой-второй четверти IV в. до н.э. и существовавшую до второй четверти III в. до н.э.¹¹ Отнести это поселение к разряду малых городов, подобных Керкинитиде и Калос-Лимену, не позволяет отсутствие важного признака города – некрополя. Но, его уверенно можно отнести к разряду поселений, приближающихся к малым городам.

По своему устройству и назначению поселение на перешейке Маячного полуострова более всего подобно муниципальной клерухии, члены которой — граждане Херсонеса, совмещавшие занятие земледелием с эпизодической военной службой¹². Здесь могла обосноваться одна из херсонесских гекатостий – военно-хозяйственное подразделение общины, подобно Мегарам и Гераклее¹³, внутреннее устройство которой определялось местными конкретными условиями ее существования¹⁴. В конце первой-начале второй четверти III в. до н.э. эта структура претерпела определенные преобразования, разрушившие ее целостность.

В конце II–I вв. до н.э. на руинах домов в жилой части поселения и одиночных усадеб на хоре появляются постройки римского периода. Впоследствии на отдельных участках поселения эти постройки были перекрыты сооружениями V–XI вв.

¹⁰ Yashaeva 2016, 362.

¹¹ Shcheglov 1993, 10.

¹² Rostovtsev 1916, 7–8; Yaylenko 1982, 145, 153.

¹³ Vinogradov, Shcheglov 1990, 317.

¹⁴ Yaylenko 1982, 215.

Литература / References

- Vinogradov, Yu.G., Shcheglov, A.N. 1990: *Образование территориального Херсонесского государства. Эллинизм: экономика, политика, культура*. Москва, 310-371.
- Виноградов, Ю.Г., Щеглов, А.Н. Образование территориального Херсонесского государства. *Эллинизм: экономика, политика, культура*. Москва, 310-371.
- Dem'yanchuk, S.G., Nessel', V.A. 2011: *Novye dannye o fortifikatsionnykh sooruzheniyakh na peresheyke Mayachnogo poluostrova. Khersonesskiy sbornik* 16, 65-78.
- Демьянчук, С.Г., Нессель, В.А. Новые данные о фортификационных сооружениях на перешейке Маячного полуострова. *Херсонесский сборник* 16, 65-78.
- Zubar', V.M. 1993: *Khersones Tavricheskiy v antichnyuyu epokhu (ekonomika i sotsial'nye otnosheniya)*. Kiev.
- Зубарь, В.М. *Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения)*. Киев.
- Rostovtsev, M.I. 1916: *K istorii Khersonesa v epokhu ranney Rimskoy imperii. Sbornik statey v chest' grafini P.S. Uvarovoy*. Moscow, 5-16.
- Ростовцев, М.И. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи. *Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой*. М., 5-16.
- Solomonik, E.I. 1990: *Kamennaya letopis' Khersonesa*. Simferopol'.
- Соломоник, Э.И. *Каменная летопись Херсонеса*. Симферополь.
- Strzheletskiy, S.F. 1961: *Klery Khersonesa Tavricheskogo. Khersonesskiy sbornik* 6, 1-248.
- Стржелецкий, С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического. *Херсонесский сборник* 6, 1-248.
- Shcheglov, A.N. 1993: *Osnovnye strukturnye elementy antichnoy mezhevoy sistemy na Mayachnom poluostrove (Yugo-Zapadnyy Krym). Istoriya i arkheologiya Yugo-Zapadnogo Kryma*. Simferopol', 10-38.
- Щеглов, А.Н. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым). *История и археология Юго-Западного Крыма*. Симферополь, 10-38.
- Shcheglov, A.N. 1994: *«Staryy» Khersones Strabona. Ukreplenie na peresheyke Mayachnogo poluostrova: topografiya i fortifikatsiya. Problemy istorii i arkheologii Kryma*. Simferopol', 8-42.

- Щеглов, А.Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация. *Проблемы истории и археологии Крыма*. Симферополь, 8-42.
- Shcheglov, A.N. 1997: «Staryy» Khersones Strabona. Ukreplenie na peresheyke Mayachnogo poluostrova: III. Sledy arkhaiskogo poseleniya v vershine Kazach'ey bukhty. *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik* 1. Simferopol', 42-55.
- Щеглов, А.Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: III. Следы архаического поселения в вершине Казачьей бухты. *Бахчисарайский историко-археологический сборник* 1. Симферополь, 42-55.
- Yaylenko, V.P. 1982: *Grecheskaya kolonizatsiya VII-III vv. do n.e.* Moskva.
- Яйленко, В.П. *Греческая колонизация VII-III вв. до н.э.* Москва.
- Yashaeva, T.Yu. 2016: K voprosu o dostovernosti informatsii v krymskikh pis'makh rimskogo papu Martina I. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* 19. Simferopol', 358-367.
- Яшаева, Т.Ю. К вопросу о достоверности информации в крымских письмах римского папы Мартина I. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии* 19. Симферополь, 358-367.

Раннее римское стекло из Южной Таврики

Открытие и исследование святилища у перевала Гурзуфское Седло позволило установить, что Горный Крым (Таврика) с IV в. до н.э. был местом поступления античного импорта, в том числе стеклянных изделий, в частности стеклянной посуды, которая использовалась в обрядах жертвоприношения в святилище со II в. до н.э. Особенно много стекла относится ко второй половине I в. до н.э. – первой половине I в. н.э., когда святилище переживало расцвет. Активный приток импорта в Южную Таврику совпадает с периодом римского политического и военного влияния в регионе. Многие формы и типы раннеримских стеклянных сосудов, распространённых в Италии и других районах Средиземноморья, представлены в святилище в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э.

Десятки сосудов раннеримского времени были разбиты на овальной площадке сакрального центра. Осколки стеклянных изделий найдены вместе с римскими и боспорскими монетами второй половины I в. до н.э. – первой половины I в. н.э., оружием, серебряными и бронзовыми статуэтками и другими предметами.

К редким для Северного Причерноморья находкам относятся фрагменты пяти литых оконных стекол, полихромный амфориск в технике сердечника, девять литых чаш с вертикальными ребрами, 12 литых гладкостенных чаш с гравированными поясками. Упаковое стекло представлено фрагментами четырёх сосудов красного, голубого и молочно-белого цветов.

Культурный слой ритуального комплекса с ямками чрезвычайно насыщен осколками стекла (до 350 находок на один кв. м), главным образом выдувного. Особенно много в святилище изготовленных в этой технике чаш, стаканов и кубков, среди которых выделяются реберчатые чаши (16 экз.), относящиеся к форме Айсингс 17. Среди выдувных сосудов наиболее ранними являются миски и широкие чаши, имеющие венчики и низкие поддоны в виде трубочек, близкие находкам в комплексе Регия на Римском форуме последних десятилетий I в. до н.э.

Стаканы разнообразны по форме, способу оформления венчика и дна. К первой половине I в. н.э. относится канфар из прозрачного синего стекла со слегка отогнутым венчиком (верхний его край зашлифован) и изящной ручкой с выступом, сосуд с росписью эмалевыми

красками, изображающей птиц, сидящих на виноградных лозах. Бальзамариев немного, но они разнообразны.

Мозаичные сосуды представлены двумя экземплярами. Особый интерес представляет один из них: блюдо в ленточной технике с миниатюрными вставками в виде комедийных масок. Не встречается аналогий пластина с прокладкой из золотой фольги, которая относится к изделиям так называемого золотополосного стекла (рис. 1). Более десятка бус из святилища также созданы в полихромной технике с добавлением золотых полос из стекла. Каменя из стекла с изображением Виктории на колеснице была использована в качестве украшения бронзовой фибулы-броши.

Стеклянная посуда, которая использовалась в обрядах жертвоприношений – важный источник в изучении культуры населения Южной Таврики. Создание ритуального комплекса с ямками в святилище у перевала Гурзуфское Седло и поступление в святилище раннего римского стекла совпадает по времени с изобретением техники выдувания и с созданием Римской школы стеклоделия.

Такое разнообразие находок раннего римского стекла не наблюдается на большинстве памятников Северного Причерноморья, за исключением богатых погребений Пантикапея, Кеп, Горгиппии, Золотого кладбища. Распространение стеклянных изделий в Центральной и Западной Европе было связано с римскими завоеваниями. Обнаружение в святилище раннего римского стекла вместе с римским военным снаряжением может служить доказательством участия населения Горного Крыма в военном конфликте на рубеже нашей эры.

Рис. 1. Пластина в технике золотополосного стекла. Святилище у перевала Гурзуфское Седло.

Новые исследования экспедиции Государственного Эрмитажа в XX квартале Херсонесского городища

В 2014 году экспедиция Государственного Эрмитажа возобновила работы в XX квартале Херсонеса Таврического. Археологические исследования в XX квартале проводились Г.Д. Беловым в 1949 году и Ю.П. Калашником в 1982-1991 годах¹, но исследование квартала не было завершено.

В 2014-2016 годах экспедиция Государственного Эрмитажа продолжила исследования остатков дома, который прекратил свое существование в эллинистическое время, в середине II в. до н.э. В настоящий момент вскрыта линия вырубленных в скале подвалов (Подвалы №1-3), идущих параллельно 10 и 11 Поперечным улицам на расстоянии около 8 м от 11 Поперечной улицы (рис. 1). Размеры подвалов небольшие, в среднем 3х2 метра. Восстановить более подробную планировку дома и его площадь пока невозможно. Все подвалы были засыпаны одновременно, вероятно перемещенным грунтом, образовавшимся при разрушении какого-то крупного и богатого комплекса.

Исключительное значение имеет комплекс расписной декоративной штукатурки, обнаруженный в засыпи Подвала №3. Все обломки штукатурки находились в перемещенном состоянии. Всего было собрано 1027 штукатурных обломков. Средний размер обломков составлял 10х7 см, хотя часто встречались и менее крупные фрагменты, размером около 3х4 см. Цветовая гамма обнаруженных фрагментов представлена красным, желтым, голубым, черным, белым цветом и фрагментами штукатурки с полихромной росписью – «мраморировкой».

Отдельно следует отметить наличие фрагментов голубого цвета с краплением желтых капель и фрагменты черного цвета с краплениями красных капель-точек. Красные и желтые штукатурные фрагменты были хорошо залощены, а голубые, черные и белые практически не имели лощения, а, наоборот, имели более пористую поверхность. На многих фрагментах штукатурки красного, желтого, голубого цветов присутствуют следы от разметки стеновых панелей на прямоугольные квадраты.

¹ Belov 1957, 245-246; Kalashnik 1989; Kalashnik 1989a; Kalashnik 1990; Kalashnik 1991.

Значительное количество обломков имеет угол, скошенный под 45 градусов, оформляющий край фрагмента. Кроме большого количества штукатурных обломков были обнаружены тяги со сложным профилем.

В настоящий момент материалов для точной реконструкции росписи недостаточно, по предварительным оценкам, роспись представляет собой цветные ярусы шириной около 20 см, идущие горизонтально².

В Херсонесе находки расписной штукатурки эллинистического времени крайне редки. Единственной музеефицированной находкой являются остатки штукатурки, обнаруженные при раскопках подвала в XXVIII квартале Херсонесского городища³. Поэтому, находки декоративной штукатурки, имеющей узкую датировку и разнообразные элементы для реконструкции крайне важны.

Говоря об интерпретации обнаруженных штукатурных фрагментов следует учесть, что это были, безусловно, перемещенные обломки, находившиеся первоначально в совершенно другом строительном комплексе, который был разрушен, а образовавшимся строительным мусором и был засыпан Подвал №3.

Важное значение для датировки засыпи Подвала №3 имеет комплекс мегарских чаш, произведенных во II в. до н.э. в мастерской Менемаха⁴ и находки клейменных импортных амфор, в том числе находки родосской амфоры с магистратским клеймом Ανδροκικο группы Vb 132-121 гг. до н.э., около 132 года до н.э. по Г. Финкельштейну⁵.

Такое обилие материала с узкой датой, в дальнейшем позволит получить более дробные данные об изменяющей во времени планиграфии данного дома, а также позволит дополнить общие данные, полученные для других городских кварталов⁶.

Литература / References

Baldassarre, I., Pontrandolfo, A., Rouveret, A., Salvadovi, M. 2006: *Pittura romana*. Vilano.

Belov, G.D. 1957: Itogi raskopok Khersonesa za 1946-1950 gg. *Istoriya i arkheologiya drevnego Kryma*. Kiev, 238-248.

² Для сравнения: Baldassarre 2006, 67-70, Rostovtsev 1914, 114-116, Finogenova 1986, 205-209, Zin'ko 2016, Grach 1982, 46-65, Kastanayan 1969, 45-47.

³ Belov 1975, 2-3.

⁴ Laumonier 1977, 20-68.

⁵ Finkiel'sztejn 1995.

⁶ Buyskikh 2008, 128-132.

- Белов, Г.Д. Итоги раскопок Херсонеса за 1946-1950 гг. *История и археология древнего Крыма*. Киев, 238-248.
- Belov, G.D. 1975: *Otchet o raskopkakh v Khersonese v 1974 g.* Arkhiv Otdela antichnogo mira Gosudarstvennogo Ermitazha. Sankt-Peterburg.
- Белов, Г.Д. *Отчет о раскопках в Херсонесе в 1974 г.* Архив Отдела античного мира Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
- Buyskikh, A.V. 2008: *Prostranstvennoe razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnyu epokhu.* Simferopol'.
- Буйских, А.В. *Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху.* Симферополь.
- Finkielsztejn, G. 1995: Chronologie basse des timbres amphoriques rhodiens et évaluation des exportations d'amphores. *Acta Hyperborea* 6, 279-296.
- Finogenova, S.I. 1986: Nastennye rospisi i mozaichnye poly pantikapeyskogo pritaneya. In: *Problemy antichnoy kul'tury*. Moskow, 205-208.
- Финогенова, С.И. Настенные росписи и мозаичные полы пантикапейского пританея. В сб.: *Проблемы античной культуры*. М., 205-208.
- Grach, N.L. 1984: Otkrytie novogo istoricheskogo istochnika v Nimfee (predvaritel'noe soobshchenie). *Vestnik drevney istorii* 1, 81-88.
- Грач, Н.Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее (предварительное сообщение). *ВДИ* 1, 81-88.
- Kalashnik, Yu.P. 1989: Srednevekovyy dom v KhKh kvartale Khersonesa (raskopki 1982-1988 gg.). *Itogi arkheologicheskikh ekspeditsiy*. Leningrad, 165-187.
- Калашник, Ю.П. Средневековый дом в XX квартале Херсонеса (раскопки 1982-1988 гг.). *Итоги археологических экспедиций*. Ленинград, 165-187.
- Kalashnik, Yu.P. 1989a: *Otchet o raskopkakh v Khersonese v 1989 godu.* Arkhiv Otdela antichnogo mira Gosudarstvennogo Ermitazha. Sankt-Peterburg.
- Калашник, Ю.П. *Отчет о раскопках в Херсонесе в 1989 году.* Архив Отдела античного мира Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
- Kalashnik, Yu.P. 1990: *Otchet o raskopkakh v Khersonese v 1990 godu.* Arkhiv Otdela antichnogo mira Gosudarstvennogo Ermitazha. Sankt-Peterburg.
- Калашник, Ю.П. *Отчет о раскопках в Херсонесе в 1990 году.* Архив Отдела античного мира Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.

- Kalashnik, Yu.P. 1991: *Otchet o raskopkakh v Khersonese v 1991 godu*. Arkhiv Otdela antichnogo mira Gosudarstvennogo Ermitazha. Sankt-Peterburg.
- Калашник, Ю.П. *Отчет о раскопках в Херсонесе в 1991 году*. Архив Отдела античного мира Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
- Kastanayan, E.G. 1969: Stennaya rospis' sel'skoy usad'by ellinisticheskogo vremeni bliz Pantikapeya. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* 116, 45-48.
- Кастанаян, Е.Г. Стенная роспись сельской усадьбы эллинистического времени близ Пантикапея. *КСИА* 116, 45-48.
- Laumonier, A. 1977: La céramique hellénistique à reliefs. 1 Ateliers «loniens». *Exploration Archéologique de Délos* 31, Paris.
- Rostovtsev, M.I. 1914: *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na Yuge Rossii*. SPb. Ростовцев, М.И. *Античная декоративная живопись на Юге России*. СПб.
- Zin'ko, E.A. 1998: Ellinisticheskie freski Pantikapeyskogo khrama v antakh. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* 6, 186-193.
- Зинько, Е.А. Эллинистические фрески Пантикапейского храма в антах. *МАИЭТ* 6, 186-193.

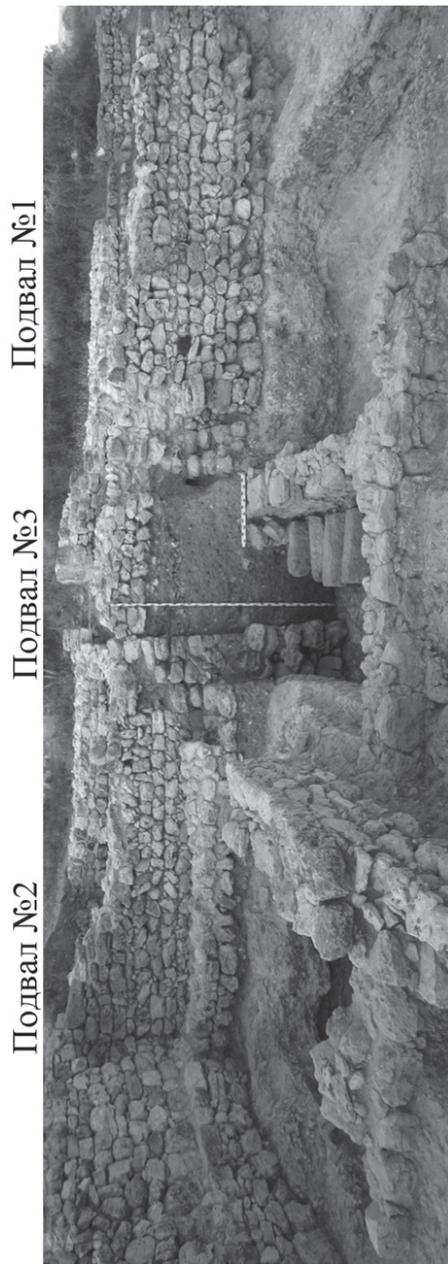

Рис. 1. Херсонес. XX квартал. Подвал 2. Вид с Севера. Исследования 2016 года.

Комплекс рельефной посуды из эллинистической усадьбы XX квартала Херсонеса Таврического

В 2014 году экспедиция Государственного Эрмитажа возобновила работы в XX квартале Херсонеса Таврического.

Археологические исследования в XX квартале проводились Г.Д. Беловым в 1949 году и Ю.П. Калашником в 1982-1991 годах, но исследование квартала не было завершено¹.

В сезоне 2016 года экспедиция Государственного Эрмитажа продолжила исследования в границах XX квартала Херсонесского городища, в квадратах К-Л-М/3-4 – основной целью исследования было изучение остатков усадьбы, которая прекратила свое существование в эллинистическое время, в середине II в. до н.э.

От усадьбы сохранились подвалы, вырубленные в скале, вытянутые по линии северо-восток – юго-запад. Наибольший интерес представляют находки, сделанные в подвале №2. Размеры исследованной части подвала составили 3,2х2,1м, глубина достигает 1,1-1,3м. В данный момент исследование подвала №2 не завершено, чаша подвала продолжается на юго-восток, но к настоящему времени она перекрыта стеной №6 средневековой усадьбы. В следующем сезоне планируется завершить исследование подвала №2 и расширить площадь раскопа до границы с 10 Поперечной улицей.

Подвал №2 был засыпан рыхлым желтым суглинком со значительным включением золы. Здесь был обнаружен богатый комплекс, состоящий как из многочисленных фрагментов керамики, часто относящейся к категории парадной посуды, так и обломков терракотовых статуэток, светильников, керамических грузил и т.д. Отдельно стоит упомянуть комплекс расписной штукатурки². Для датировки засыпи подвала важно указать на находку ручки родосской амфоры с магистратским клеймом Andronikoz группы Vb 132-121 гг. до н.э, около 132 года до н.э. по Г. Финкельштейну³. В целом, весь остальной материал также укладывается в рамки II в. до н.э.

¹ Belov 1957, 245-246; Kalashnik 1989; Kalashnik 1990; Kalashnik 1991.

² Novoselova 2016, 387-393.

³ Finkielsztejn 1995, 279-296.

В настоящей работе мы остановимся на комплексе рельефной посуды, происходящем из засыпи подвала №2. Всего здесь было обнаружено 132 обломка рельефных чаш, из которых порядка двух десятков – достаточно крупные фрагменты, в том числе и 2 археологически целые формы.

Абсолютно все фрагменты принадлежат продукции Восточного Средиземноморья: в коллекции не встречено ни одного образца аттического, пелопонесского, или же боспорского производства. Более того, весь массив находок рельефной керамики из рассматриваемого контекста можно отнести к продукции производственного центра Эфеса, за исключением лишь двух фрагментов чаш, выпущенных, судя по всему, мастерскими пергамского круга и Милета.

Одна из двух чаш, сохранившихся практически полностью, скорее всего, представляет собой произведение мастерской Менемаха: это сосуд, украшенный орнаментальным поясом в виде длинных лепестков, над которым помещен бордюры с овами со стрелкой справа, заключенный между линиями близко расположенных точек; на дне расположена типичная двухслойная 12-лепестковая розетка, вписанная в двойной круг.

Другая археологически целая чаша принадлежит продукции мастерской Монограммиста [ПАР-]: тулово орнаментировано поясом с дельфинами, расположенными между 12-лучевыми звездами, над которым помещен бордюры в виде плетенки влево, ограниченный сверху и снизу линиями; в придонной части находится корзинка из листьев аканфа, чередующихся с остроконечными и ланцетовидными листьями по схеме 4+2+2, в центре которой – типичная двухслойная 12-лепестковая розетка в двойном круге (рис. 1).

К этой же мастерской можно отнести и еще одну чашу прекрасного качества, оттиснутую в высоком рельефе: под бордюром в виде типичных для этой мастерской подпрямоугольных 8-лепестковых розеток, ограниченным рельефными линиями сверху и снизу, помещена виноградная лоза с закрученными боковыми побегами и группами из трех точек; придонная часть украшена чешуйчатым орнаментом, образованным крупными остроконечными листьями с центральной прожилкой (рис. 2).

Характерным для мастерской Монограммиста [ПАР-] является производство небольших рельефных одноручных чашечек, - два подобных образца встречены и среди находок из засыпи подвала №2 (рис. 3).

Рассматриваемая коллекция составляет довольно однородный комплекс близких по деталям, технике исполнения, происхождению,

и, судя по всему, хронологически, произведений. Еще Альфред Ломонье, максимально полно опубликовавший и проанализировавший весь огромный массив находок рельефных чаш, происходящих из раскопок Делоса, подчеркивал, что выделенная им мастерская Менемаха и очень близкая ей хронологически и стилистически мастерская Монограммиста [ПАР-] представляют лучшую часть эфесской производственной традиции⁴. Исходя из вышесказанного, мы можем предположить, что наши находки являются если не одной партией, то, по крайней мере, хронологически очень близкими поставками. Что касается хронологии, то все фрагменты укладываются в диапазон середины – второй половины II в. до н.э.⁵, что хорошо согласуется с датировкой уже упомянутого выше клейма на ручке родосской амфоры Andronikoz с датой 132–121 гг. до н.э.

Как известно, Восточное Средиземноморье в эллинистический период являлось крупнейшим культурным, экономическим и производственным центром и важнейшим торговым контрагентом античных центров Причерноморья. Рельефные чаши, произведенные в керамических мастерских Эфеса во II – I вв. до н.э. ярко отражают этот тезис: эти сосуды были очень широко распространены во всех уголках эллинистического мира, несмотря на значительный уровень развития местного керамического производства. В случае с комплексом находок из засыпи подвала №2, мы можем констатировать не только преобладание, но и полное доминирование ионийской продукции в наборе дорогой парадной посуды во II в. до н.э.

Литература / References

- Belov, G.D. 1957: [Results of the Chersonesos excavations for 1946-1950 g]. In: *Istoriya i arkheologia drevnego Kryma [History and archaeology of ancient Crimea]*, 242-246.
- Белов, Г.Д. Итоги раскопок Херсонеса за 1946-1950 гг. В сб.: *История и археология древнего Крыма*, 245-246.
- Finkielsztejn, G. 1995: Chronologie basse des timbres amphoriques rhodiens at evaluation des exportations d'amphores. In: *Acta Hyperborea* 6, 279-296.
- Kalashnik, Yu.P. 1989: [Medieval building in XX quarter of Chersonesos

⁴ Laumonier 1977, 21-68, 129-213.

⁵ Rogl 2014, 132-133.

- (excavations of 1982-1988)]. In: *Itogi arkheologicheskikh ekspeditsiy [Results of archeological expeditions]*. Leningrad.
- Калашник, Ю.П. Средневековый дом в XX квартале Херсонеса (раскопки 1982-1988 гг.). В сб.: *Итоги археологических экспедиций*. Ленинград.
- Kalashnik, Yu.P. 1989: [*Report on excavations in Chersonessos in 1989*]. Archive of the Antiquity Department, The State Hermitage Museum.
- Калашник, Ю.П. *Отчет о раскопках в Херсонесе в 1989 году*. Архив Отдела Античного мира Государственного Эрмитажа.
- Kalashnik, Yu.P. 1990: [*Report on excavations in Chersonessos in 1990*]. Archive of the Antiquity Department, The State Hermitage Museum.
- Калашник, Ю.П. *Отчет о раскопках в Херсонесе в 1990 году*. Архив Отдела Античного мира Государственного Эрмитажа.
- Kalashnik, Yu.P. 1991: [*Report on excavations in Chersonessos in 1991*]. Archive of the Antiquity Department, The State Hermitage Museum.
- Калашник, Ю.П. *Отчет о раскопках в Херсонесе в 1991 году*. Архив Отдела Античного мира Государственного Эрмитажа.
- Laumonier, A. 1977: *La ceramique hellenistique a reliefs. Ateliers "Ioniens"*. EAD 31. Paris.
- Novoselova, N.Yu. 2016: [Complex of painted plaster from XX quarter of Chersonessos. Preliminary notes]. In: *Elita Bospora I Bosporskaya elitarnaya cultura. Materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola [Bosporan elite and its culture. Materials of the international round table]*, 387-393.
- Новоселова, Н.Ю. Комплекс расписной штукатурки из раскопок XX квартала Херсонесского городища (предварительные замечания) // *Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола*, 387-393.
- Rogl, Ch. 2014: Moldmade relief bowls from Ephesos – The current state of research. In: *Pottery, peoples and Places. Study and Interpretations of Late Hellenistic Pottery*. (BSS 16), 113-139.

Рис. 1. Находки из засыпи подвала №3 XX квартала Херсонеса (Херсонесская экспедиция Государственного Эрмитажа, 2016): рельефные чаши, Эфес, мастерская Монограммиста [ПАР-], середина – вторая половина II в до н.э.

К вопросу о времени прекращения монетной чеканки античного Херсонеса

В научной среде до сих пор не существует единого мнения о времени прекращения монетной чеканки античного Херсонеса. А.Л. Бертье-Делагард и А.В. Орешников относили завершение херсонесской чеканки к середине III в. н.э.¹ А.Н. Зограф в свою очередь высказал предположение о возможном продолжении городской чеканки Херсонеса до времени Диоклетиана (284-305) на том основании, что «херсонесские монеты дают ряды ступеней деградации, далеко превосходящие наблюдаемое в этом направлении в других городах»².

В.А. Анохин в работе «Монетное дело Херсонеса I-III вв. н.э.» пришел к выводам, аналогичным предположениям А.Н. Зографа. Он датировал последний выпуск тетрассариев 285-295 гг.н.э. Лицевая сторона тетрассария: ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ, бюст божества Херсонас вправо, справа внизу лира, точечный ободок по кругу. Обратная сторона: ΧΕΡΣΟΝΗΣΟΥ, Дева в хитоне и короне на голове, стоящая вправо, держит в правой руке копье, в левой – лук, слева/справа от Девы лань (рис. 1). Исследователь обратил внимание на то, что заключительный этап херсонесской чеканки не носит следов естественного затухания³. Впоследствии В.А. Анохин отметил, что заключительный выпуск монет античного Херсонеса был наиболее массовым. Монеты сохраняют типы, свойственные тетрассариям, однако изображение божества Херсонас на некоторых из них имеет большое сходство с портретом Валериана (253-260) на монетах города Тия. Это позволило передатировать выпуск временем правления Галлиена⁴. В обзорной работе В.А. Анохин сохранил датировку последнего выпуска Херсонеса – около 253-268 гг.⁵ Н.А. Фролова и М.Г. Абрамзон в свою очередь привели датировки, предложенные А.Н. Зографом и В.А. Анохиным, и допустили, что тетрассарий продолжал выпускаться во второй половине III в. н.э. вплоть до правления Диоклетиана⁶.

¹ Bertè-Delagard 1906, 57; Oreshnikov 1913, 25-26.

² Zograf 1951, 159.

³ Anokhin 1963, 44-46.

⁴ Anokhin 1977, 88.

⁵ Anokhin 2011, 136.

⁶ Frolova, Abramzon 2014, 45.

Е.Я. Туровский и В.М. Горбатов выдвинули предположение о том, что на лицевой стороне тетрассариев изображен бюст императора. Наиболее примитивными по качеству исполнения штемпелей и, возможно, наиболее поздними среди монет второй элвтерии является часть дупондиев, тип: Дева убивает лань – бык (рис. 2). Нумизматы склоняются к мнению о том, что «время херсонесской чеканки 3 в. вряд ли выходит за 30-е – 40-е гг. III в.»⁷. Историография вопроса и прежде всего многообразие предложенных датировок показывают, что невозможно установить время прекращения чеканки Херсонесом на основании иконографии и других характеристик монет.

Во второй трети III в. происходил аналогичный процесс прекращения функционирования монетных дворов греческих городов Римской империи. В этот период прекратили чеканку практически все города провинций Фракия и Мёзия. В Малой Азии наблюдается аналогичная тенденция – из 130 монетных дворов в период 253-260 гг. остались функционировать только 25, затем их число уменьшилось до 18⁸. Согласно мнению М. Саламона основной причиной прекращения функционирования городских монетных дворов Малой Азии в 250-х – 260-х гг. явились вторжения готов, персов и исавров. Города, расположенные на территориях, которые подверглись их нападениям, прекратили выпуск монет. Там, куда они не дошли, города в основном продолжали монетную чеканку⁹. К аналогичному выводу пришла Н.А. Фролова относительно перерывов в чеканке статеров на Боспоре в 239-242, 258-260 и 268-274 гг.¹⁰

В течение III в. Херсонес, как минимум, дважды пережил масштабные потрясения. В 220-е – 230-е гг. произошла ликвидация римских постов и укреплений в Таврике, вторжение варваров, возможно, сармато-алан, гибель усадеб хоры. При этом нельзя исключить в качестве причины землетрясение¹¹. Самые поздние монеты первой половины III в., найденные на территории ближней хоры Херсонеса, датируются концом первой четверти III в.¹² Экономика Херсонеса, которая во многом базировалась на сельскохозяйственном производстве и на торговых отношениях с варварским населением Таврики, понесла значительный ущерб.

⁷ Turovskiy, Gorbатов 2013, 29-31.

⁸ Frolova 1997, 68-69; Salamon 1970, 149.

⁹ Salamon 1970, 158.

¹⁰ Frolova 1997, 70-71.

¹¹ Doroshko 2016, 17-19; Zubar' 2004, 176; Kovalevskaya 2016, 224-226.

¹² Saprykin 2005, 169.

Однако вряд ли существенно пострадали такие важные отрасли экономики города как рыбный и соляной промыслы. В середине III в. Херсонес продолжал поддерживать торговые отношения с Боспором, о чем свидетельствуют находки на территории города монет Рескупорида IV (242-276)¹³. Также Херсонес поддерживал отношения со своими постоянными торговыми партнерами – городами, расположенными на севере Малой Азии. На территории Херсонеса были обнаружены монеты Гераклеи, Nikeи, Неокесареи, датируемые правлением Гордиана III (238-244) и Требониана Галла (251-253)¹⁴. В течение всей первой половины III века Херсонес продолжал импортировать краснолаковую посуду и начал ввоз аттических светильников¹⁵. В середине III в. в городе возобновляется строительная деятельность: надпись от 245 г. сообщает о возведении башни¹⁶. В Херсонес возвращаются (если они были выведены) римские войска, но теперь масштабы военного присутствия по сравнению с более ранним временем сократились¹⁷.

В 50-х гг. III в. Крым накрыла очередная волна варварских вторжений. На полуострове появились готы, аланы, бораны. Существует мнение, что готы обосновались на Южном берегу и на границе хоры Херсонеса. Одновременно в Горном Крыму и в непосредственной близости от Херсонеса (на реке Черной, близ Балаклавы, в Килен-Балке) поселились аланы¹⁸. Характер захоронений, некоторые элементы погребального обряда и инвентаря подтверждают эти предположения¹⁹. В 250-е – 260-е гг. соседний Боспор превратился в плацдарм для морских походов на провинции Римской империи²⁰. Произошло опустошение городов-партнеров Херсонеса²¹.

Однако сам Херсонес избежал разгрома. В городе находился римский гарнизон²². Вплоть до 60-гг. III в. продолжали существовать налаженные связи города с отдельными торговыми партнерами. Об этом свидетельствует интенсивный ввоз аттических светильников с середины III в. до 267 г., когда нашествие герулов прервало их произ-

¹³ Gilevich 1968, прил. 1, 44-45.

¹⁴ Gilevich 1968, прил. 1, 48-50.

¹⁵ Kadeev, Sorochan 1989, 49-50.

¹⁶ OSPE I², № 439.

¹⁷ Zubar' 2001-2002, 153.

¹⁸ Aybabin 1999, 33-36, рис. 2.

¹⁹ Khrapunov 2016, 123-127.

²⁰ Remennikov 1954; Yarcev, Zubarev, Butovskiy 2015; Panchenko 2016.

²¹ Salamon 1970, 158-159.

²² Kostromichev 2012, 119-122.

водство²³. В Херсонесе были найдены монеты Себастополя-Гераклеополя, Синопы и Никомедии, относящиеся ко времени правления Галлиена (253-268)²⁴. К концу этого периода в результате походов варваров внешнеэкономические связи Херсонеса существенно ослабели.

Оба кризиса могли привести к прекращению монетной чеканки. Для решения, которое из потрясений послужило его причиной, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о составе денежного обращения в городе после прекращения чеканки, когда возникла проблема поиска заменителей местной монеты.

По данным предпринятого А.М. Гилевич анализа нумизматического материала в Херсонесе и его ближайшей округе в течение III в. наблюдался небольшой регулярный приток римской монеты, сравнимый с предыдущими веками. Основной рост количества монет приходится на период правления Диоклетиана (284-305) и его соправителей – 27+20+7 экземпляров, Лициния (307-323) – 70+2, Константина I (306-337) – 236 и далее²⁵. Одновременно в Херсонес начали поступать боспорские монеты. По данным А.М. Гилевич количество обнаруженных в городе монет трех последних царей Боспора, начиная с Фофорса (285-308), достигло 379 штук²⁶. Статеры Фофорса начинают поступать в Херсонес в 286 г. (1 экземпляр), их количество существенно возрастает в 294-295 гг. (4 и 5 экземпляров соответственно)²⁷. Таким образом, в конце III в. после прекращения выпуска собственной монеты херсонесский денежный рынок заполнился боспорской медью, которая начала обращаться наряду с римской²⁸.

В этой связи симптоматично, что монеты непосредственных предшественников Фофорса на боспорском престоле практически не принимали участия в денежном обращении Херсонеса. По данным А.М. Гилевич в Херсонесе было найдено всего 9 монет Рескупорида IV (242-276). При этом объемы эмиссии статеров Рескупорида IV в несколько раз превосходили объемы эмиссии Фофорса²⁹. Почему в присутствии статеров Рескупорида IV на денежном рынке не возникало необходимости? Видимо, херсонеситам в 260-280-е гг. было вполне достаточно местной монеты.

²³ Kadeev, Sorochan 1989, 50.

²⁴ Gilevich 1968, прил. 1, 48-50.

²⁵ Gilevich 1968, прил. 2, 55-56.

²⁶ Gilevich 1968, 12-13.

²⁷ Gilevich 1968, прил. 1, 45.

²⁸ Gilevich 1968, 16.

²⁹ Frolova 1997, 43-51, 84.

Подобный перерыв чеканки медной монеты и проблемы в ее обращении наблюдался в Херсонесе в конце так называемого периода «боспорского влияния» (по В.А. Анохину) – с 96 г. по примерно 140 г. Прекращение выпуска меди поставило город перед необходимостью как-то восполнять потребность в разменной монете. Поэтому в обращение начинают поступать старые, истертые монеты, законность которых как платежного средства удостоверялась надчеканкой с изображением Девы. Такие надчеканки имеются на многих тетрассариях эпохи Флавиев³⁰. В отличие от этой ситуации монеты периода второй элевтерии не достигли такого уровня изношенности и не имеют надчеканок. Следовательно, можно предположить, что разменных монет в обращении было достаточно, а значит и перерыв в обращении только херсонесских монет без участия привозных денежных единиц вряд ли был длительным и составлял не 50-60 лет, а несколько меньший срок.

Таким образом, отсутствие монет Рескупорида IV и состояние городских монет последних выпусков позволяет с известной долей вероятности склониться в пользу того, что полис прекратил свою чеканку в результате «второй волны» кризиса III в., которая произошла во время правления Галлиена. Скорее всего, городской монетный двор прекратил функционирование уже в 60-х гг. III в., на которые пришлось наиболее опустошительные варварские походы на торговых партнеров Херсонеса.

Литература / References

- Anokhin, V.A. 1963: [The coinage of Chersonesos I-III centuries AD]. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and Epigraphy]* IV, 3-88.
Анохин, В.А. Монетное дело Херсонеса I-III вв.н.э. *Нумизматика и эпиграфика* IV, 3-88.
- Anokhin, V.A. 1977: *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. – XII v.n.e.) [The coinage of Chersonesos (IV century BC - XII century AD)]*. Kiev.
Анохин, В.А. *Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в.н.э.)*. Киев.
- Anokhin, V.A. 2011: *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya. Katalog [Ancient coins of the North Black Sea Region. A Catalogue]*. Kiev.
Анохин, В.А.: *Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог*. Киев.
- Aybabin, A.I. 1999: *Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma [Ethnic history of the early Byzantine Crimea]*. Simferopol.

³⁰Anokhin 1977, 68.

- Айбабин, А.И. *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь.
- Berté-Delagard, A.L. 1906: [The value of monograms on coins of Tauric Chersonesos]. *Zapiski Numizmaticheskogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arheologicheskogo Obshchestva* [Notes of the Numismatic Department of the Imperial Russian Archaeological Society] I, 50-80.
- Бертье-Делагард, А.Л. Значение монограмм на монетах Херсонеса Таврического. *Записки Нумизматического Отделения Императорского Русского Археологического Общества* I, 50-80.
- Doroshko, V.V. 2016: [To the history of Chersonesos of Tauric in the first half of the III century]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. T.15, vyp. 1: Istoriya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. Vol. 15, issue 1: History]. Novosibirsk, 16–27.
- Дорошко, В.В. К истории Херсонеса Таврического в первой половине III века. *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. Т. 15, вып. 1: История*. Новосибирск, 16–27.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v.n.e.)* [The Bosporan coinage (the middle of I century BC – middle of IV century AD)]. Vol. II. Moscow.
- Фролова, Н.А. *Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в.н.э.)*. Часть II. М.
- Frolova, N.A., Abramzon, M.G. 2014: *Antichnye monety i svincovye tessery Khersonesa Tavricheskogo v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Katalog* [Ancient coins and lead tessers of Tauric Chersonesos in the collection of State Historical Museum. A Catalogue]. Moscow.
- Фролова, Н.А., Абрамзон, М.Г. 2014: *Античные монеты и свинцовые тессеры Херсонеса Таврического в собрании ГИМ*. Каталог. М.
- Gilevich, A.M. 1968: [Ancient nonresident coins in Chersonesos]. *Numizmatika i sfragistika* [Numismatics and Sphragistics] 3, 3-61.
- Гилевич, А.М. Античные иногородние монеты в Херсонесе. *Нумизматика и сфрагистика* 3, 3-61.
- Kadeev, V.I., Sorochan, S.B. 1989: *Ekonomicheskie svyazi antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya v I v. do n.e. – V v.n.e. (na materialah Khersonesa)* [Economic ties of the ancient cities of the North Black Sea Region in the I century BC – V century AD (On the materials of Chersonesos)]. Harkov.
- Кадеев, В.И., Сорочан, С.Б. *Экономические связи античных*

городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в.н.э. (на материалах Херсонеса). Харьков.

Khrapunov, I.N. 2016: [Population of the Crimean mountains area in the late Roman period]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 118-134.

Храпунов, И.Н. Население Горного Крыма в позднеимперский период. *ВДИ* 1, 118-134.

Kostromichev, D.A. 2012: [The Roman fibulas of Chersonesos]. *Khersonesskiy sbornik [Chersonesos Collection]*. Sebastopol XVII, 47-154.

Костромичев, Д.А. Римские фибулы Херсонеса. *Херсонесский сборник*. Севастополь. XVII, 47-154.

Kovalevskaya, L.A. 2016: [The hora of Tauric Chersonesos in the roman time. Results of researches]. *XVII Bosporskie chteniya [XVII Bosporan readings]*. Kerch, 221-227.

Ковалевская, Л.А. Хора Херсонеса в римское время. Итоги исследований. *XVII Боспорские чтения*. Керчь, 221-227.

Oreshnikov, A.V. 1913: [Coins of Tauric Chersonesos, kings of Bosphorus Kimmerian and Polemon II Pontic]. *Numizmaticheskiy sbornik [Numismatic collection]* II. 1-35.

Орешников, А.В. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского. *Нумизматический сборник* II, 1-35.

Panchenko, V.V. 2016: [Sea campaign of the tribes of the North Black Sea Region in 264 AD on the territory of Asia Minor and the situation on the Bosphorus]. *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura. Vyp. XIX (VI). Seriya A. Antichnost' i Srednevekov'e [Black Sea Region. History, politics, culture. Issue XIX (VI). Series A. Antiquity and the Middle Ages]*. Sebastopol, 61-64.

Панченко, В.В. Морской поход племен Северного Причерноморья 264 г.н.э. на территорию Малой Азии и ситуация на Боспоре. *Причерноморье. История, политика, культура. Вып. XIX (VI). Серия А. Античность и Средневековье*. Севастополь, 61-64.

Remennikov, A.M. 1954: *Bor'ba plemyen Severnogo Prichernomor'ya s Rimom v III veke [Struggle of tribes of the North Black Sea Region against Rome in the III century]*. Moscow.

Ременников, А.М. *Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке*. М.

Salamon, M. 1970: Przyczyny zaniku mennic miejskich w Azji Mniejszej w drugiej polowie III w.n.e. *Wiadomosci numizmatyczne*. Warszawa. XIV, 146-162.

- Saprykin, S.Yu. 2005: *Denezhnoe obrashchenie na khore Khersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epohu* [Money circulation in the hora of Tauric Chersonesos in the ancient era]. Moscow.
- Сапрыкин, С.Ю. Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху. М.
- Turovskiy, E.Ya., Gorbatov, V.M. 2013: *Monety antichnogo i srednevekovogo Khersonesa: katalog-opredelitel'* [Coins of ancient and medieval Chersonesos: a catalogue-determinant]. Simferopol.
- Туровский, Е.Я., Горбатов, В.М. Монеты античного и средневекового Херсонеса: каталог-определиТЕЛЬ. Симферополь.
- Yarcev, S.V., Zubarev, V.G., Butovskiy, A.Yu. 2015: *Greko-varvarskiy Krym v period pozdney antichnosti (III – IV vv. n.e.: ot morskikh pokhodov do bitvy pri Adrianopole)* [Greco-barbarian Crimea in the late antiquity (III-IV centuries AD: from sea campaigns to the Battle of Adrianople)]. Tula.
- Ярцев, С.В., Зубарев, В.Г., Бутовский, А.Ю. Греко-варварский Крым в период поздней античности (III – IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула.
- Zograf, A.N. 1951: [Ancient coins]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR] 16. Moscow.
- Зограф, А.Н. Античные монеты. Материалы и исследования по археологии СССР 16. М.
- Zubar', V.M. 2001-2002: [The Roman military presence in Taurica]. *Stratum plus* [Stratum plus] 4, 8-179.
- Зубарь, В.М. Римское военное присутствие в Таврике. *Стратум плюс* 4, 8-179.
- Zubar', V.M. 2004: [Chersonesos and the Roman military presence in Taurica in the second half of II – third quarter of III centuries AD]. In: *Khersones Tavricheskij v seredine I v. do n.e. – VI v.n.e.* [Tauric Chersoneses in the middle of I century BC – VI century AD]. Harkov, 73-182.
- Зубарь, В.М. Херсонес и римское военное присутствие в Таврике во второй половине II – третьей четверти III вв. В сб.: *Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в.н.э.* Харьков, 73-182.

Рис. 1. Тетрассарий (по 2013, № 327)

Рис. 2. Дупондий (по 2013, № 305)

Как Полибий делал из Набиса тирана

О спартанском царе Набисе (207 – 192) мы знаем одновременно и много и мало. Основная причина наших часто искаженных и неверных представления о Набисе – исключительная тенденциозность всей дошедшей до нас литературной традиции, берущей свое начало от Полибия.

В сохранившихся отрывках историк нигде не называет Набиса царем, а только тираном, именуя его правление «нечестивым и безбожным» (XIII, 6, 5). Хотя из документальных источников известно, что официально Набис носил титул базилеуса (Sylloge³, 584), как и все прежние цари Спарты.

У Полибия Набис представлен как «архетип тирана-демагога». Деятельность Набиса и его присных изображается как череда кровавых преступлений, совершаемых как внутри, так и вне Спарты (XIII, 6–8). А все то, что могло бы представить Набиса в положительном свете, наоборот, минимизируется или вообще опускается.

Полибий с удовольствием останавливается на примерах чудовищной, с его точки зрения, жестокости и мстительности Набиса и его жены, изображая обоих настоящими монстрами. Чего стоит только подробное описание орудия пыток под названием «железная дева», с помощью которого супруги пытали тех, кто не хотел добровольно расстаться со своим имуществом (XIII, 7, 1–11).

В гротескном виде представлено Полибием и стремление Набиса увеличить численность гражданского населения, в том числе и за счет иммиграции. Он с осуждением говорит о том, что Набис открыл доступ в Спарту всякому уголовному сброду. У Полибия Набис – криминальный «авторитет», а его телохранители и наемники – банда международных уголовников, состоящих из «убийц, грабителей, воров и обманщиков» (XIII, 6, 4). Но за инвективой Полибия скрывается очень важная информация – использование Набисом иностранцев в качестве резервуара для пополнения гражданства. Таким образом он предпринял поистине революционные шаги к разрешению очень болезненной для Спарты проблемы – катастрофической нехватки гражданского сословия.

Полибий, обратившись к обычному приему – подгонке и интерпретации фактов в заранее заданном ключе, находит повод осудить Набиса

и за его бесспорные достижения, такие, например, как создание военно-морского и торгового флота (Liv. XXXV, 26, 2). Полибий преподносит деятельность Набиса на море исключительно как разбой и пиратство. Тут, он, конечно, выражает точку зрения ахейцев и римлян, для которых Набис - не талантливый предприниматель и создатель флота, а предводитель шайки пиратов (XIII, 8, 1–2). Ливий вслед за Полибием называет Набиса другом критских корсаров и организатором пиратских стоянок (XXXIV, 32, 18; 36, 3; XXXV, 12, 7). Но тот же Ливий вынужден был признать, что Набис «стал чрезвычайно богат благодаря морю» (XXXIV, 36, 3). Действительно, Набис был первым правителем Спарты, который научился зарабатывать деньги морской торговлей.

Безусловно негативное отношение Полибия к Набису оказало решающее влияние на подход к нему более поздних авторов, особенно Тита Ливия. Уже в своем первом упоминании Набиса Ливий именует его «лакедемонским тираном» (XXIX, 12, 14), что в контексте официального документа является абсолютно невозможным. Значит, Ливий (или до него Полибий) сознательно совершил манипуляцию, заменив в списке сторон, подписавших договор, «царя» на «тирана».

Ливий называет спартанского царя «жесточайшим и свирепейшим» тираном (XXXIV, 32, 3) и демонизирует его точно так же как Полибий. Это клише мы встретим и у других писателей (Плутарх, Павсаний). Их сугубо отрицательные отзывы о спартанском царе, без сомнения, являются результатом смещения акцентов в одну определенную сторону – в сторону нагнетания негативного контента.

Набис в традиции изображается как злобный, жестокий и беспринципный тиран, запятнавший себя чудовищным насилием. Но в какой мере эта картина соответствует действительности? Как нам кажется, она во многом плод фантазии обиженных изгнанников-аристократов, испытывавших к Набису фанатичную ненависть.

В результате любые сведения о реформаторской деятельности Набиса сохранились скорее случайно и в сильно искаженном виде. Их приходится «вылавливать» из потока негативного контента. Так, крайне скудные и двусмысленные сообщения Полибия и Ливия об освобождении илотов Набисом привели к тому, что ученые до сих пор испытывают сильные затруднения при оценке этого явления.

Подводя итоги, отметим, что при изучении феномена Набиса следует учитывать характер дошедших до нас источников. Взгляды Полибия на Набиса определили направление всей последующей традиции, а на него в свою очередь оказали сильное влияние пропагандистские стереотипы,

сложившиеся в среде ахейской элиты и спартанских изгнанников. Набис слишком сильно задел интересы спартанской олигархии, отправив многих из них в изгнание, предварительно полностью обобрав. Социальные реформы Набиса лишили их имущества и родины.

Для ахейской аристократии, стоявшей во главе Ахейского союза, Набис также был опасным врагом: его социальные новации, успешно проведенные в Спарте и Аргосе, будоражили народные массы союзных полисов, а усиление политического влияния спартанского царя в Пелопоннесе делало его опасным соперником. В результате те сведения, которые Полибий получил о Набисе, изначально были в высшей степени тенденциозными. Традиция, воспринятая Полибием, была созвучна его собственному мировосприятию. Полибий сознательно делает ударение на радикальности и опасности для ахейской элиты социальных реформ Набиса.

Поскольку никакого иного предания, кроме враждебного Набису, в древности не существовало, перед исследователями стояла и продолжает стоять сложная задача – «очистить» предание о Набисе от элементов, связанных с враждебной пропагандой, и постараться объективно оценить вклад Набиса в развитие спартанского общества. Его собственная судьба и судьба его реформ по-прежнему остается одной из интереснейших и сложнейшим проблем истории эллинистической Спарты.

«Дорога к музею»... Создание первой экспозиции античной истории в Херсонесе

С 10 по 13 сентября 1927 г. проходила II конференция археологов СССР, приуроченная к столетию раскопок в Херсонесе. Участниками специализированного археологического форума стали 88 делегатов от 57 учреждений из 20 городов СССР, в том числе представители крымских, столичных и севастопольских музеев, научных и образовательных учреждений¹. Помимо участия в торжественных и пленарных заседаниях, гости и участники конференции имели возможность познакомиться с новыми музейными экспозициями античной и византийской истории Херсонеса.

С конца XVIII в. имя древнего города Херсонеса Таврического для ученых всего мира ассоциировалось с «русской святыней», где крестился князь Владимир, и прежде всего с Древней Элладой и ее культурой². Раскопки, начавшиеся на территории «русской Помпеи» в конце XIX в., подтвердили тот факт, что под толщей земли и остатками византийского города скрываются улицы, кварталы, общественные и жилые строения античного времени. Тысячи предметов материальной культуры, погребального и обрядового быта, искусства, иллюстрирующие разные стороны жизни города и бережно собранные археологами, сформировали богатейший музейный фонд, лучшие предметы были включены в основные музейные экспозиции.

Предпосылки для создания музея в Херсонесе возникли еще в 60-е гг. XIX в., когда в ходе строительных работ по возведению собора и зданий монастыря св. Владимира были собраны многочисленные находки. Предметы христианской направленности оставались в музее при монастыре, античные вещи отправлялись в Императорскую Археологическую комиссию, попадали на хранение в Государственный Эрмитаж и Государственный Исторический музей. Однако крупные предметы и массовый материал, относящиеся к античной истории, также оставались в собрании при Херсонесском монастыре.

¹ Derevitskiy 1927, 5.

² Bernov 1896, 140.

Заведующий раскопками Императорской Археологической комиссии в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинич добился создания музея на территории Херсонесского городища в 1892 г. с тем, чтобы все найденные предметы оставались на месте их обнаружения, в Херсонесе. Музей действовал как склад древностей, но являл собой пример «открытого хранения», когда фонды одновременно выполняют экспозиционную функцию. В первом музее-складе предметы группировались по году обнаружения, и лишь со временем, к 1897 г., К.К. Косцюшко-Валюжинич разбил коллекции по характеру находок. Так в его музее появились «отделы»: архитектуры, рыболовецких крючков и грузил, коллекции погребальных урн, светильников («лампочек»), скульптуры, эпиграфических памятников, украшений, амфор и амфорных ручек с клеймами.

Косцюшко-Валюжинич разместил в разных комнатах предметы, относимые им к разным историческим периодам в жизни Херсонеса – так коллекции античной и византийской истории были разделены. Античная экспозиция была размещена в большой комнате склада. К моменту открытия музея в экспозиции уже находились первоклассные памятники античной истории – присяга граждан Херсонеса, постаменты от статуи Агасикла и Аристана, плиты с надписями на греческом и латинском языках, фрагменты скульптур и надгробий. К.К. Косцюшко-Валюжинич производил раскопки в Херсонесе ежегодно, не пропустив ни одного полевого сезона с 1888 по 1907 гг. Экспозиции непрерывно пополнялись, обогащаясь все новыми предметами древней истории. В таком виде античная экспозиция существовала и при следующем заведующем музеем и раскопками Р.Х. Лепере с 1908 до 1914 гг.

После событий Первой мировой войны, революции 1917 г. и гражданской междоусобицы, когда музей был закрыт, возвращение коллекций из эвакуации в прежние условия было недопустимым. Размещение предметов в музее-складе не препятствовало одновременному их экспонированию, однако принципы размещения артефактов и само здание музея не выдерживало никакой критики.

В 1924 г. здания бывшего Херсонесского монастыря были переданы музею. Именно тогда и было решено отвести под музей верхний этаж новой трапезной монастыря и архиерейскую церковь с прилегающими помещениями. Вернувшиеся из эвакуации в 1924 г. музейные экспозиции были построены на новых принципах музейной работы, главным из которых был принцип историзма, выбранный в качестве определяющего директором Херсонесского музея Л.А. Моисеевым. Завершил создание экспозиции и активно пропагандировал ее в печати К.Э. Гриневич.

Приказом № 44 от 11 мая 1925 г. К.Э. Гриневич утвердил принципы развертывания античного отдела Херсонесского музея. Зал бывшей трапезной требовалось разделить на ряд предположительных «экскурсионных узлов»: 1) географический узел (карты); 2) торговля Херсонеса, монеты; 3) местное производство; 4) защита Херсонеса и вопросы его топографии; 5) общественно-политическая жизнь Херсонеса; 6) быт; 7) религиозные обряды; 8) художественная жизнь Херсонеса.

Памятники античного Херсонеса, предназначенные для экспонирования в зале античной истории, были разделены К.Э. Гриневичем на несколько категорий: посуда (керамическая и бронзовая), черепица (солёны и кровельная), кирпич и трубы (водопроводные, желоба, строительный кирпич), терракоты (статуэтки, игрушки), крючки и грузила (круглые, четырехугольные), светильники (с 1 фитилем, без изображений, с рисунками), монеты (местные разных эпох, привозные «иностранные»), барельефы и статуи (мраморные, бронзовые, статуи богов, людей, героев, надгробия), стригили, надписи (декреты, присяга, посвящения, надгробия), стекло (посуда), ручки амфорные (астиномы), археологический «буфет», метательные орудия, браслеты и серьги, перстни, ожерелья, амулеты, геммы и камеи, части зданий архитектурные, погребальные уборы, гробы, кости (черепя и проч.).

Экспозиция была собрана менее чем за месяц – работы велись с 12 мая по 7 июня 1925 г. Приказом № 61 от 6 июня 1925 г. К.Э. Гриневич утвердил дату открытия нового музея – 7 июня 1925 г. Плату за посещение музея было положено взимать при входе в музей в размере 40 копеек с одиночных посетителей, 10 копеек – для одиночных членов профсоюзов и 5 копеек – для посетителей в составе экскурсионных групп. Время работы зала устанавливалось с 11 до 15 часов, в остальное время – за двойную плату. Смотрителем зала был назначен Н.З. Федоров, на которого была возложена ответственность за целостность и сохранность музейного имущества. В музее была заведена книга для записи посетителей и установлен ящик для опускания заметок и впечатлений. Обновленную экспозицию в первый же день увидело девять человек, среди которых была прибывшая из Ленинграда жена Константина Эдуардовича Гриневича Ольга. Уже 11 июня по музею были проведены две экскурсии – для 26 учеников 168-й Ленинградской школы и 14 учеников Хотьковской школы II ступени ОПУ РСФСР (г. Хотьково, Моск. обл.). За месяц работы в музее античной истории побывало 50 организованных экскурсионных групп (около 1100 человек) из Москвы и Московской области, Феодосии, Тулы, Харькова, Ленинграда, Вятки, Ясной Поляны, Екатеринослава, Курска, Симферополя, Бахчисарая и других городов.

Работа, проделанная К.Э. Гриневичем, послужила основой для создания более совершенного по своей структуре и содержанию музея в 1938 г. Впоследствии неоднократно предпринимались попытки воплотить в античной экспозиции новые тематические разработки (В.П. Лисин, С.Ф. Стржелецкий, А.В. Шевченко, А.А. Зедгенидзе). В 2017 г. в жизни музея античной истории Херсонеса, открытого более 90 лет тому назад, начинается новый этап.

Литература / References

- Bernov, M.A. 1896: *Iz Odessy peshkom po Krymu: pis'ma russkogo peshekhoda* [From Odessa to the Crimea by foot: the letters of Russian pedestrian]. Saint-Petersburg.
- Бернов, М.А. *Из Одессы пешком по Крыму: письма русского пешехода*. СПб.
- Derevitskiy, A.N., Grinevich, K.E., Ernst, N.L. (ed.) 1927: *Vtoraya konferentsiya arkheologov v SSSR v Khersonese 10-13 sentyabrya 1927 goda: po sluchayu stoletiya Khersonesskikh raskopok (1827-1927)* [The second conference of archeologists of USSR in Chersonese 10-13th of September 1927: on the occasion on 100th anniversary of excavations in Chersonese (1827-1927)]. Sevastopol.
- Деревицкий, А.Н., Гриневич, К.Э., Эрнст, Н.Л. (ред.) *Вторая конференция археологов в СССР в Херсонесе 10-13 сентября 1927 года: по случаю столетия Херсонесских раскопок (1827-1927)*. Севастополь.

Стекланные призматические кувшины с клеймами из раскопок Херсонеса

В фондах Херсонесского заповедника хранится небольшая коллекция фрагментов стеклянных призматических, четырехугольного профиля, кувшинов разных размеров и способов производства. В литературе их называют кубикосами, бутылками, штофами и пр. Они имеют четырехгранную призматическую форму с гладкими стенками, немного вогнутым дном, одной или двумя ручками, покрытыми густым гребенчатым орнаментом. Часть из них имеют клейма на дне. Одни сосуды выдуты в форму, другие изготовлены способом свободного выдувания.

Выдувание в форму – способ более распространенный, дающий возможность декорировать стенки или сделать отпечаток клейма на дне. Форма чаще всего была разборной: керамической или каменной. Внутри нее располагалось вдавленное изображение клейма или декора. Такие формы могли использоваться многократно. Неразъемная форма чаще всего использовалась только однократно, так как стекло при отжиге плохо сжимается, и форму приходилось разбивать. На дне кувшинов иногда можно видеть следы использования понтии для последующего оформления горла, венчика, ручек сосуда.

При способе свободного выдувания стенки и дно кувшина оформлялись в виде куба или параллелепипеда вручную с помощью различных инструментов.

Клейма, которые встречаются на доньях кувшинов, можно разделить на две группы: эпиграфические и анэпиграфические. Первые представляют собой буквенные сочетания, вторые – геометрические фигуры. Иногда встречаются комбинации букв и геометрических орнаментов.

В херсонесской коллекции нет полностью сохранившихся эпиграфических клейм. Обычно мы видим отдельные буквы или части слова, за исключением одного сосуда, где на дне можно прочесть ΑΛΕΞΑΝ[ΔΡΟΣ] – для последних четырех букв имени не хватило места (рис. 1). Скорее всего, такие клейма означали имена мастера или владельца мастерской.

Что же обозначают анэпиграфические клейма, определить сложнее. Возможно, что выпуклые окружности, вписанные одна в другую, и точки

в центре и по углам дна, количество и расположение которых варьируется, могли быть торговой маркой мастерской.

Можно предположить, что эти клейма, как эпиграфические, так и анаэпиграфические, являются своего рода изобразительной рекламой, фирменным знаком, с помощью которых распространялась информация о том или ином товаре.

Призматические кувшины использовались, как правило, для хранения и транспортировки жидкостей (лекарственных, косметических средств, масел, благовоний и пр.) по всей Римской империи. Их форма была наиболее практичной для упаковки в лари, ящики, корзины, а стекло — материал, который не вступает в химическую реакцию с содержимым. Они встречаются в большом количестве в Северном Причерноморье: при раскопках Пантикапея, Нимфея, Танаиса, Тиры, Ольвии, Херсонеса. На Западном побережье Черного моря: в Томис, Каллатисе, Одессосе, Дионисополисе и др., где они найдены в хронологических контекстах I – II вв. н.э. Разнообразные призматические кувшины с клеймами и без них известны в поселениях и некрополях как восточных, так и западных провинций Римской империи, вплоть до Галлии и Рейнской области, начиная с I в. н.э. и до второй половины III века. Самая поздняя находка из Кёльна датируется IV в. н.э.

Единого мнения по поводу происхождения призматических кувшинов до сих пор нет. Их производство не может принадлежать какому-то одному локальному центру. Его относят как к продукции восточно-средиземноморских мастерских, так и к стеклоделательным центрам западных Римских провинций.

Рис. 1. Клейма на доньях кувшинов из раскопок Херсонеса.

Рельеф из раскопок херсонесского театра

В 1988 г. в Херсонесе был найден известняковый фриз конца IV – второй половины II в. до н.э., опубликованный О.И. Домбровским¹. Исследователь считал, что на нем представлен юноша с мечом, в аттическом или коринфском шлеме, держащий в левой руке щит. Он поражает поверженную наземь женщину и не дает ей возможности подняться, наступив на ее ногу. Она, опираясь на левое колено и руку, обернулась к победителю лицом и полуобнаженной грудью, правой рукой зажимая полученную в бою или поединке рану. Слева от воина виден заплетенный в косу хвост коня и его задняя нога — часть изображения скачущего влево всадника или всадницы. О.И. Домбровский считал это изображением схватки греков с амазонками, а юношу, якобы облаченного в женскую одежду, Ахиллом, убивающим амазонку Пентесилею. Он был убежден, что это реминисценция мифа об Ахилле на острове Скирос, где герой в женском платье укрывался во дворце царя Ликомеда, чтобы избежать участия в Троянской войне. Согласно его определению, этот фриз в херсонесском театре украшал *скене*, посвященную Ахиллу. М.В. Русяева выдвинула идею, что он мог украшать алтарь, храм или погребальный комплекс, так как на нем изображена битва греков с амазонками².

Описание рельефа О.И. Домбровским, к сожалению, не точное, а трактовка сюжета ошибочна. Центральная фигура облачена в короткий хитон, оставляющий открытой правую часть груди. Левая ее половина сокрыта щитом и не исключено, что на левое плечо наброшена часть хитона, скрепленная застежкой. Хитон ниспадает вниз складками, при этом часть ткани, которую набрасывали на плечо, свисает на поясе. На герою львиная шкура, опоясывающая талию и поясицу двумя валиками. Две львиные лапы видны на правом боку героя, а две другие позади фигуры между его расставленными ногами. Часть шкуры накинута на левое плечо и свисает, прикрывая руку со щитом. Фигура явно мужская — скульптор реалистично изобразил мускулистые ноги, мышцы груди и спины, мощные плечи с выступающей рельефной мускулатурой,

¹ Рельеф был похищен в 1990 г. из рабочего кабинета экспедиции во время работ по реставрации театра.

² Russiaeva M. 2005, 497, 498.

нехарактерной для женских фигур, в том числе амазонок. Руки длинные, с отчетливо выделенными мускулами, особенно крупными на поднятой руке. Перед нами не Ахилл, а Геракл в шкуре убитого им немейского льва. Одежда героя не женская, а мужская — дорийский хитон, перепоясанный на талии, прикрывает тело до колен. Греческие герои часто изображались в такой одежде на различных памятниках.

В Херсонесе Геракл почитался как мифический основатель, спаситель и охранитель. На рельефе он бородат и носит курчавые волосы, щит у него боевой, аргосского типа. В поднятой правой руке он держит копье, которым готов поразить поверженную у ног фигуру. Его след виден на рельефе над его головой, на которой нет шлема, а скорее голова немейского льва. На согнутой в локте правой руке висит палица, которая ошибочно трактовалась как хвост коня, заплетенный в косу. Такого изображения хвостов у лошадей всадников не встречается — хвосты у их коней, включая конных амазонок, как правило, опущены вниз или подняты на уровень конского крупа, может быть, чуть выше, но никогда не стоят торчком. К тому же задняя часть коня с ногой и копытом, уходящая в облом с левой стороны рельефа как бы позади фигуры героя-воина, непропорциональна и несоразмерна «хвосту, заплетенному косой». Это показывает, что мы имеем дело с фрагментом большого фриза, на котором сражающийся Геракл защищается щитом и поражает копьем женщину, поверженную у его ног. Вся сцена сопровождается изображениями одного или двух коней.

Сюжет всей сцены — один из наиболее популярных в искусстве древних греков. На римских саркофагах со сценами амазономахии греки, одерживающие верх над амазонками, также заносят над поверженными воительницами руку для их поражения мечом, кинжалом или копьем и наступают на них ногой в знак триумфа³. Из наиболее близких херсонесскому рельефу композиций выделяется метопа храма Зевса в Олимпии, на которой обнаженный Геракл с округлым щитом и палицей в руке, совершив свой девятый подвиг, смотрит на поверженную им и лежащую у его ног царицу амазонок Ипполиту, чтобы овладеть ее поясом⁴. Хорошей аналогией служит также вотивный рельеф из Кизика 277/276 г. до н.э., на котором Геракл убивает палицей галатского воина⁵. Это дает возможность датировать рельеф из Херсонеса временем не ранее середины III в. до н.э.

³ Bandinelli 1970, 301, fig. 277.

⁴ Sokolov 1980, 136; Kalleya 1993, 122.

⁵ Smith 1991, 99-105, no. 118, 121, 122, 133, 134, 211.

Наибольший интерес вызывает фигура женщины у ног Геракла. Она полуобнаженная, в распахнутом на груди хитоне, ниспадающем складками в нижней части фигуры, упала на левой колено и вытянула правую ногу. Правой согнутой рукой она упирается в бок, чтобы снять широкий пояс, который был застегнут на поясице. Ее вытянутая нога, на которую в позе победителя поставил правую ногу Геракл, имеет очертание змеи и увенчана змеиной головой. Еще одна голова змеи выступает из-под хитона слева от фигуры и лежит на ее вытянутой ноге. Третья такая головка выступает из-под хитона справа, чуть дальше остатки другой головы. Головной убор женщины напоминает изогнутое тело змеи, голова которой покоится на правом обнаженном плече. Эти детали указывают на то, что это полудева-полузмея, которую поражает копьем Геракл или угрожает поразить ее им. Поза героя выражает триумф, при этом она снимает с себя пояс, в результате чего ее платье расстегнулось от груди до поясицы.

Женский персонаж — это так называемая «змееногая богиня», популярная в религии и греко-скифском искусстве Северного Причерноморья. Ее изображения известны на золотой пластине из кургана Куль-оба, на пластинах из станицы Усть-Лабинской и из кургана Большая Близница, на конском налобнике из курганов Цимбалка и Толстая Могила, на саркофагах Боспора⁶. Она всегда представлена в образе девы с четырьмя ногами в виде змей, как на рельефе. Это Ехидна — порождение земли, которую иногда считают нимфой Орой с двойными змеями вместо ног⁷. Иногда ее изображают с ростками растений в виде ног, как на Таманском саркофаге 1868 г., на костяной пластине из кургана Гайманова Могила, на блюде из кургана Чертомлык, на известняковой скульптуре I в. н.э. из Пантикапея⁸. Змееногая богиня почиталась и в Херсонесе, о чем свидетельствуют ее изображения на золотой пластине из некрополя, из склепа 1012, на терракотовой пластине из раскопок 1946 г., на разновесе с клеймом, на вставке от перстня и на архитектурном фрагменте с грифоном, на котором ее ноги имеют форму растительного орнамента⁹.

Появление этих изображений навеяно мифами и легендами,

⁶ Artamonov 1961, 66-70; Bessonova 1983, 93.

⁷ Rostovtzeff 1922, 107; Ivanova 1951, 198.

⁸ Bessonova 1983, 96, рис. 21; Bidzil'ja, Polin 2012, 479, рис. 728, кат. № 293; Artamonov 1961, 69, рис. 13; cf. Kieseritzky, Watzinger 1909, 21, Taf. X; Sokolov 1973, 128, 129, № 135.

⁹ Piatysheva 1947, 214; 1971, 102, рис. 2; Artamonov 1961, 69, 70, рис. 14, 16; Bessonova 1983, 95, рис. 20, 2; 22, 3.

популярными в античных государствах Северного Причерноморья. Одну из них передает Геродот, услышавший ее в Ольвии. Она связана с Гераклом и Ехидной — полудевой полузмеей, похитившей у него коней, так как отражает мифы о происхождении скифов и их царей (Herod. IV. 5; 9, 10). Женское божество в этой легенде выступает как богиня, близкая змееногой греческой Ехидне, матери всех скифов, покровительнице земли и растений, подобной скифской богине Апи и греческой Афродите Апатуре¹⁰. Это один из вариантов Верховной Богини, покровительницы животных и растительных сил, подобно греческой Рее и фригийской Кибеле. Причерноморские эллины отождествляли ее с Афродитой, Артемидой, Деметрой, Девой-Парфенос. Змееногая богиня скифов в восприятии греков соответствовала их представлениям о Ехидне и Медузе Горгоне (Hesiod. Theog. 295-299; Apollod. II. 5. 10; III. 7. 5-6; 12.2; ср. Hesiod. Theog. 981). Ехидна жила в пещере в Скифии вместе с Тифоном, сыном Тартара и Геи, у которого вместо ног змеи. Медуза Горгона также считалась дочерью Форкия и Кето (Apollod. II. 4.2), а Кето, как и Форкий, являлись детьми Понта и Геи (Apollod. I. 2.6). От брака с Тифоном Ехидна родила адского пса Цербера, Сциллу, Лернейскую гидру, Химеру, немейского льва — ужасных мифологических существ, большая часть которых связана с подвигами Геракла (Hesiod. Theog. 280-333). Таким образом в греческой мифологии и в ее ольвийском варианте Ехидна, внучка Понта и речного божества, превратилась в дочь реки Борисфен, которая впадала в Понт. Медуза Горгона, также внучка Понта, была связана с богом морей Посейдоном, поэтому образы Ехидны и Медузы Горгоны аллегорически легко ассоциировались друг с другом и в эпоху эллинизма легко соотносились с подвигами популярных героев Персея, Беллерофонта, Геракла.

В греко-римском искусстве существует близкая аналогия херсонесскому рельефу. Это скульптурная группа, в которой бородатый Геракл в повязанной на груди узлом шкуре немейского льва убивает змееногую обнаженную деву, поставив левую ногу на ее ноги в виде двух змей как бы подчеркивая свой триумф над ней. Правой рукой он держит полудеву полузмеею за волосы, что характерно для амазономахии Геракла. Змееногая дева держит его за руку и за ногу, стремясь укрыться от удара¹¹. Эта сцена отображает какой-то популярный среди греков и римлян миф о Геракле, убивающем полузмеею Ехидну, образ которой совпадает с образом амазонки и Медузы. В северопонтийской легенде

¹⁰ Artamonov 1961, 67.

¹¹ Kärchner 1825, Taf. XI, 5.

Геракл сошелся с Ехидной в результате поиска коней, и на херсонесском рельефе сохранились фрагменты конских изображений. В мифе у Геродота фигурирует пояс Геракла, на рельефе же поражаемая героем полудева полузмея снимает с себя пояс и готовится передать его Гераклу. Единственное противоречие между геродотовым рассказом и изображением на рельефе заключается в том, что в первом случае Геракл и Ехидна расстались по-хорошему, тогда как во втором Геракл поражает полудеву полузмею копьем и пояс отдает не сам, а его жертва готовится передать его ему.

Для объяснения этого противоречия обратимся к мифу о подвиге Геракла, который добыл пояс царицы амазонок Ипполиты, жившей в районе Фемискиры. Ипполита обещала отдать пояс, но Гера, приняв облик амазонки, воскликнула, что царицу насильно похищают чужеземцы. Амазонки поскакали на конях к кораблю и когда Геракл увидел их, убил Ипполиту и завладел поясом (Apollod. II. 5. 9). Этот миф стал причиной появления многочисленных изображений амазономахии Геракла в вазописи и скульптуре, с которой рельеф из Херсонеса имеет ряд общих черт: это одеяние, вооружение, поза и одежда героев, фрагменты крупа и ноги коней, поза поверженной женщины и ее жест, указывающий на передачу пояса Гераклу. На этом основании напрашивается вывод, что на рельефе изображена битва Геракла с полудевой полузмейей в образе амазонки, под которой подразумевалась Ипполита, поясом которой он должен был овладеть и передать его царю Эврисфею. Это сцена из какого-то местного северопонтийского (может быть херсонесского) варианта мифа о Геракле, покровителе Херсонеса Таврического, в котором соединились две популярные легенды — о Геракле и Ехидне и о Геракле и амазонке Ипполите. Поэтому в образе амазонки выступила полудева полузмея Ехидна, близкая по функциям Медузе Горгоне. Не случайно, что на рельефе Геракл защищает себя щитом от ее смертоносного взгляда.

В Геракле Понтийской, метрополии Херсонеса, существовало предание, будто отправляясь за поясом Ипполиты, Геракл, мифический ктист гераклеотов, оказал помощь царю мариандинов победить соседние племена, передал часть их земли мариандинскому царю Лику, а тот оказал содействие эллинам основать Гераклею Понтийскую. Гераклеийские мифографы пишут, что Геракл пришел за поясом Ипполиты, который они называют ΖΩΣΤΗΡ, пешком, пройдя через движущиеся скалы Симплегады (Apollod. II. 5. 9; Schol. Apol. Rhod. II. 777; 780, 786, 789). Это свидетельствует о популярности мифа о Геракле

и поясе Ипполиты в Гераклее, откуда он распространился в Херсонес. В таком случае, с учетом сюжета из этого мифа на исследуемом рельефе, можно попытаться дать более точную трактовку термина ΣΑΣΤΗΡ в херсонесской присяге, который обозначал нечто (м.б. пояс Ипполиты?), что гражданам следовало хранить в случае различных бедствий, политических и военных катаклизмов (IOSPE I². 401)¹².

Литература / References

- Artamonov, M.I. 1951: *Antropomorfnye bozhestva v religii skifov* // *Arkheologicheskii sbornik* 2, 57-87.
Артамонов, М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // *Археологический сборник* 2, 57-87.
- Bessonova, S.S. 1983: *Religioznye predstavleniya skifov*. Kiev.
Бессонова, С.С. *Религиозные представления скифов*. Киев.
- Bizil'ja, V.I., Pavlov, S.V. 2012: *Skifskiy tzarskiy kurgan Gaymanova Mogila*. Kiev.
Бидзиля, В.И., Полин, С.В. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Киев.
- Dombrovskiy, O.I. 1997: *Ob odnom iz dekorativnykh rel'efov Kersonesskogo antichnogo teatra* // *Arkheologiya Kryma* 1/97, 35-42.
Домбровский, О.И. Об одном из декоративных рельефов херсонесского античного театра // *Археология Крыма*. 1/97, 35-42.
- Ivanova, A.P. 1951: *Mestnye elementy v dekorativnoy skulpture Vospora* // *Sovetskaya Arkheologiya* XV, 188-203.
Иванова, А.П. Местные элементы в декоративной скульптуре Боспора // *СА* XV, 188-203.
- Piatysheva, N.V. 1947: *Kult greko-tavro-skifskogo bozhestva v Khersonese*

¹² Из различных интерпретаций термина ΣΑΣΤΗΡ в научной литературе ближе всего к истине предположение А.К. Гаврилова: эта форма воспроизводит неканоническое произношение слова ζωστῆρ, что значит «пояс», когда в результате ослабления в анлауте согласной *дзеты* и гипердоризма, который привел к ее замене на *сигму* и появлению *альфы* вместо *омеги*, термин видоизменился. Он обозначал пояс Геракла или пояс Девы, верховной богини Херсонеса (Gavrilov 1998, 61-66). В этой связи представляется важным, что подвиг Геракла, который завладел поясом Ипполиты, послужил причиной считать героя мифическим основателем Гераклеи Понтийской, поскольку именно при посещении им Южного Причерноморья греческие колонисты получили землю для основания города. Не исключено, что пояс Ипполиты вместе с палицей Геракла являлись священными символами гераклеотов, поэтому в их дочерней колонии Херсонесе Таврическом пояс царицы амазонок мог также почитаться как сакральный символ, приносивший счастье гражданам города, и его следовало «сохранять для народа».

- // *Vestnik drevney istorii* 3, 213-219.
- Пятьшева, Н.В. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе // *ВДИ* 3, 213-219.
- Piatysheva, N.V. 1971: Material sklepa 1012 i ego znachenie dlya istorii Khersonesa ellinisticheskogo vremeni // *Istoriya i kul'tura Vostochnoy Evropy po arkhelogicheskim dannym*. Moscow, 89-109.
- Пятьшева, Н.В. Материал склепа № 1012 и его значение для истории Херсонеса эллинистического времени // *История и культура Восточной Европы по археологическим данным*. М., 89-109.
- Rusiyayeva, M.V. 2005: *Kul'tura i pamiatniki izobrazitel'nogo iskusstva // Khersones Tavricheskii v tret'ey chetverti VI – seredine I vv. do n.e. Ocherki istorii i kul'tury*. Kiev, 471-520.
- Русяева, М.В. *Культура и памятники изобразительного искусства // Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н.э. Очерки истории и культуры*. Киев, 471-520.
- Sokolov, G.I. 1973: *Antichnoe Prichernomor'ye. Pamiatniki arkhitektury, skul'ptury, zhivopisi i prikladnogo iskusstva*. Leningrad.
- Соколов, Г.И. *Античное Причерноморье. Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства*. Л.
- Sokolov, G.I. 1980: *Olimpia*. Moscow.
- Соколов, Г.И. *Олимпия*. М.
- Sokolov, G.I. *Iskusstvo Bosporskogo tzarsva*. Moscow.
- Соколов, Г.И. *Искусство Боспорского царства*. М.
- Bandinelli, B.R. 1970: Rome. La fin de l'art antique. Paris.
- Gavrilov, A.K. 1998: Zur Deutung von ΣΑΣΤΗΡΑ im Eid der Chersonesiten // *Hyperboreus* 4 (1), 60-72.
- Kalleya, A. 1993: *Olympia*. Athens.
- Kärchner, K. 1825: *Handzeichnungen. Die Mythologie und Archäologie des Klassischen Altertums*. Ht 1. Karlsruhe.
- Kieseritzky, G., Watzinger, C. 1909: *Griechische Grabreliefs aus Südrussland*. Berlin.
- Rostovtzeff, M.I. 1922: *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford.
- Smith, R.R. 1991: *Hellenistic Sculpture*. London.

Рис. 1. Рельеф из раскопок херсонесского театра

Палеодемография Фанагории в римское время (по антропологическим материалам из Восточного некрополя)

Вопросы о том, насколько было стратифицировано и структурировано общество такого крупного урбанистического центра как Фанагория, остаются актуальными и мало проясненными. В связи с этим, актуальным становится проведение палеодемографического исследования.

Систематический сбор антропологических материалов из Восточного некрополя города осуществляется с 2005 г. в рамках работы Фанагорийской археологической экспедиции ИА РАН. За последнее десятилетие собрано более 310 скелетов разной степени сохранности. Возраст и/или пол установлен у 302 индивидов: 150 принадлежали мужчинам, 63 – женщинам, 73 – детям и подросткам (0-14 лет), для 16 индивидов пол не установлен¹. Мы использовали эти данные для проведения демографических расчетов с помощью программы «ARCHEON»².

Средний возраст смерти в группе составляет 29 лет, без учета детей – 37 лет. Смертность в детском возрасте – 24%. Характерной чертой группы следует считать преобладание мужчин – 70/30% (т.е. мужчин практически в 2,5 раза больше, чем женщин!).

Далее опишем возрастную динамику всей выборки. Пик смертности в детском возрасте приходится на интервал 0-4 года (14%), второй пик наблюдается в возрасте 30-34 года, затем общая смертность снижается, но продолжает держаться на высоком уровне. Таким образом, в возрастной группе «старше 50» оказываются более 8% от общей численности выборки.

Что касается показателей смертности для каждого пола в отдельности, стоит отметить, в женской группе наибольшее число смертей приходится на возраст 30-34 года, далее уровень смертности постепенно снижается. У мужчин ситуация иная: после 30-34 лет уровень смертности находится примерно на одном уровне до середины пятого десятилетия жизни, затем уменьшается к старости. Таким образом, в возрасте «старше пятидесяти» остаются около 4% женщин и около 15 % мужчин.

¹ Половозрастная идентификация проведена в.н.с. ИА РАН, д.и.н. М.В. Добровольской.

² Alekseeva, Bogatenkov, Lebedinskaya 2003, 16-20.

Помимо анализа всей серии, нами был произведен расчет демографических характеристик отдельно для материалов из склепов (189 индивидов) и из иных погребальных сооружений (113 индивида). Такое разделение уместно, так как первая группа представлена коллективными захоронениями, вторая – индивидуальными и парными. В первой группе мужчин в 3 раза больше, чем женщин (111 мужчин и 30 женщин или 79/21%), во второй соотношении практически равное (39 мужчин и 33 женщины или 54/46%). Динамика смертности в двух группах не одинакова.

В склепах процент смертности детей младенческого возраста (0-4 года) низок (7,8%), в отличие от группы из одиночных/парных погребений, где он составляет (22,7%). Высокая младенческая смертность – универсальная закономерность. Связывать низкую долю младенцев в склепах с высоким уровнем жизни у нас нет веских оснований. Гораздо более правдоподобным представляется объяснить это явление особенностями погребальных традиций.

Наибольшее число смертей у мужчин из склепов приходится на возраст 35-39 лет, в то время как у мужчин из индивидуальных/парных погребений хорошо выражено «возрастное плато смертности» от 40 до возраста старше 50 лет. Иными словами, большая часть мужчин из склепов умирала в молодом возрасте, а к рубежу шестого десятилетия жизни оставались около 12%, в то время как 20% мужчин из одиночных и парных погребений продолжали жить, преодолев рубеж пятидесятилетия. Средний возраст смерти мужчин в группе из склепов и из индивидуальных/парных погребений составляют 38,3 и 41 год. Эти различия не так велики и являются примером того, что усреднение величины далеко не всегда дает объективную картину о распределении признака в группе.

Большая часть смертей среди женщин в обеих группах приходится на молодой и зрелый возраст. Средний возраст смерти значительно меньше, чем у мужчин: 34,3 – у погребенных в склепах и 33,2 – у женщин из индивидуальных/парных погребений. Отметим, что в группе из склепов практически нет женщин в возрасте до 20 лет. По другим параметрам структура женской смертности в двух выборках одина. Возможно, это указывает на то, что различия в образе жизни людей захороненных в этих двух типах погребений затрагивали лишь мужскую гендерность.

В целом, демографические характеристики серии не выходят за рамки общей картины, характерной для территорий Римской империи

и римского влияния. Однако, в выборке из некрополя Фанагории наблюдается диспропорция в процентном соотношении полов в сторону значительного преобладания мужчин. Ранее М.В. Добровольской было высказано предположение о том, что некоторые склепы могут выступать местом захоронения «представителей семей (или иных группировок?), связанных с высокостатусным военным ремеслом»³. Н.В. Завойкина отмечает высокую социально-политическую активность населения Боспора, выразившуюся, в частности, появлении фиасов⁴. Следовательно, существование «особых групп» может быть отражено и в погребальной практике.

Таким образом, демографическая структура Фанагории, судя по материалам из Восточного некрополя, отличается некоторыми своеобразными чертами: высокие показатели продолжительности жизни; бытование специфических группировок (социальных?, семейных?), предположительно связанных с военным ремеслом. Для выяснения причин демографической неоднородности городского социума римского времени необходимы дополнительные биоархеологические исследования.

Литература / References

- Alekseeva, T.I., Bogatenkov, D.V., Lebedinskaya, G.V. 2003: *Vlaxhi. Antropoekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropolya Mstikhali)*. Moscow.
- Алексеева, Т.И., Богатенков, Д.В., Лебединская, Г.В. *Влахы. Антропозкологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мстихали)*. М.
- Dobrovol'skaya, M.V. 2016: Опыт изучения скелетных материалов из склепов римского времени Восточного некрополя Фанагории. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* 244. Moscow, 299-310.
- Добровольская, М.В. Опыт изучения скелетных материалов из склепов римского времени Восточного некрополя Фанагории. *КСИА* 244. М., 299-310.
- Zavoykina, N.V. 2013: *Bosporskie fiasy: mezhdru polisom i monarkhiey*. Moscow.
- Завойкина, Н.В. *Боспорские фиасы: между полисом и монархией*. М.

³ Dobrovol'skaya 2016, 303.

⁴ Zavoykina 2013.

Бронзовые наконечники стрел из античного Херсонеса. Часть I: (по материалам ГИАМЗ «Херсонес Таврический»)¹

Бронзовые наконечники стрел скифского типа являются одной из многочисленных категорий археологических находок, встреченных при раскопках ряда античных городов Северного Причерноморья VI – IV вв. до н.э.² Однако информации о таких находках в античном Херсонесе крайне мало³. В этой связи публикация наконечников стрел, хранящихся в фондах ГИАМЗ «Херсонес Таврический»⁴, может вызывать несомненный интерес.

В данной работе приводится краткое описание немногочисленных, но весьма выразительных бронзовых наконечников стрел, происходящих из беспаспортного собрания К.К. Косцюшко-Валюжинича и Д.О. Шпака, а также из раскопок в Херсонесе О.И. Домбровского и Ю.П. Калашника⁵.

Коллекции К.К. Косцюшко-Валюжинича (инв. № 2714/35272; рис. 1, 1, 5, 7) и Д.О. Шпака (инв. № 4452/1-3; планшет ХСV; рис. 1, 3-4, 6) включают в себя по три наконечника стрел.

О собрании Д.О. Шпака известны некоторые интересные подробности. Впервые материалы Д.О. Шпака были систематизированы Т.Ф. Гелахом, который часть предметов нашел на отдельные планшеты. В докладе, прочитанном исследователем в 1927 г. на второй конференции археологов в Севастополе, отмечается, что материалы Д.О. Шпака, поступившие в музей, в значительной своей части неизвестного происхождения. Кроме того один из участников конференции

¹ Светлой памяти моего херсонесского учителя Олега Яковлевича Савели посвящается.

² Blavatskiy 1954, 79; Peters 1984, 267, Табл. LXXX,6-9, 16-17, 33-39; Chernenko 1986, 500; Nazarov 2006, 208, 492, рис. 220; Vinogradov, Goroncharovskiy 2008, 47, рис. 17, 48, рис. 18,1-8; Sokolova 2016, 154-159.

³ Proizvodstvo 1893, 39 (и другие годы); Stoyanov 2004, 14.

⁴ Я выражаю искреннюю благодарность за помощь в работе сотрудникам фондов и архива Херсонесского музея: Л.Н. Головченко, Т.В. Дебела, Г.И. Жестковой, Т.И. Костромичевой, Е.М. Кочетковой, Н.В. Красовской, С.Н. Сухиной, А.В. Шевченко, о которых у меня сохранились самые теплые воспоминания.

⁵ Кроме того, автором подготовлена к публикации более многочисленная коллекция бронзовых наконечников стрел различной сохранности (116 экз.), составленная в 1967 г. О.Я. Савелей из случайных сборов на территории античного Херсонеса.

«С.И. Забнин опознал среди предметов стрелку с Кавказа, подаренную им Д.О. Шпаку»⁶.

Таким образом, поскольку все наконечники стрел беспаспортные, то можно предложить их общее описание.

1) Двухлопастный наконечник (рис. 1, 1) с ромбической формой головки и сравнительно длинной выделенной втулкой. Вдоль всей длины наконечника с обеих его сторон проходит продольная грань, которая придает бойку в поперечном сечении ромбовидную форму. Под основанием головки в верхней части втулки расположен косо отходящий прямой шип. Длина наконечника — 43,5 мм, ширина головки — 11,5 мм, ширина втулки — 7,5 мм. По классификации А.И. Мелюковой подобные наконечники могут относиться к типу I,1,2 первой хронологической группы, датируемой С.В. Полиным VII – первой четвертью VI вв. до н.э.⁷ Однотипный близкий по форме и размерам наконечник без шипа найден в погребении кургана 41 могильника Клады (рис. 1, 2)⁸ первой половины VII в. до н.э.⁹

2) Два двухлопастных наконечника (рис. 1, 3-4) с ромбической формой головки и выделенной втулкой. Оба наконечника в средней части втулки имеют шип (один обломан). Длина наконечников – 40 и 29 мм, ширина головок – 10,5 и 8 мм, ширина втулок – 7,0 и 6,5 мм. По А.И. Мелюковой – это типы I,1,3 первой хронологической группы. Близкие аналогии по размерам и пропорциям не определены. Качественное отличие этих наконечников от выше описанного – отсутствие продольной грани на головке и ромбического в поперечном сечении бойка.

3) Два двухлопастных наконечника (рис. 1, 5-6) с округлой (листовидной) формой головки и выделенной втулкой. У одного из наконечников массивный загнутый вниз шип расположен в нижней части втулки, а у другого — прямой шип косо отходит от середины втулки. Длина наконечников — 45,5 и 40,4 мм, ширина головок — 12,5 и 10,5 мм, ширина втулок – 7,0 и 7,5 мм. По А.И. Мелюковой – это типы I, 2, 2б и I, 3, 2 первой хронологической группы¹⁰. Близкие аналогии по раз-

⁶ Vtoraya konferentsiya 1927, 44.

⁷ Melyukova 1964, 28, рис. 1; Polin 1987, 31.

⁸ Всего в фондах Государственного Эрмитажа хранятся 13 бронзовых наконечников стрел из могильника Клады (кол. № 2744/1 – 6 экз.; 2744/2 – 5 экз.; 2744/3 – 2 экз.). Автор выражает искреннюю благодарность А.Д. Резепкину и Л.К. Галаниной за возможность обработать наконечники стрел из этого памятника.

⁹ Mir kochevnikov 2013, 35, кат. 90.

¹⁰ Melyukova 1964, 28, рис. 1.

мерам и пропорциям найдены в перемешанных слоях Березани (фонды ГЭ, шифр Бер 63-236; Бер 77-8) вместе с архаическим материалом¹¹.

4) Трехлопастный (рис. 1, 7) с вытянутой головкой треугольной формы и выделенной втулкой. Края лопастей срезаны под острым углом к выделенной втулке, образуя жальца. С трех сторон головки на лопастях расположен косой рельефный валик – метка мастера-литейщика¹². Длина наконечника — 47 мм, ширина головки – 8,5 мм, ширина втулки – 5,4 мм. По А.И. Мелюковой – тип П,4,8 четвертой хронологической группы середины IV – первой половины III в. до н.э.¹³ Однотипный близкий по размерам, но без знаков-меток, наконечник (рис. 1, 8) найден в погребении 1 кургана 6 у с. Зеленый Яр IV-III вв. до н.э.¹⁴

Характеризуя в целом данные материалы, можно отметить, что три двухлопастных наконечника с ромбической головкой (рис. 1, 1, 3-4) по своему типу характерны для памятников Евразии раннескифского времени. Наконечники стрел таких памятников датируются М.Н. Дараган VII – началом VI вв. до н.э.¹⁵ Подобные наконечники значительно старше по времени даже самого раннего греческого керамического импорта бесспорно середины VI в. до н.э., найденного в Херсонесе¹⁶ и поэтому вряд ли связаны с этим греческим полисом.

Два двулопастных наконечника с округлыми головками (рис. 1, 5-6) по наблюдению С.В. Полина в основном бытовали не позднее первой половины VI в. до н.э.¹⁷ Лишь в единичных случаях по данным А.Ю. Алексеева такой тип наконечников встречается и позднее¹⁸.

Возможная принадлежность всех рассмотренных двухлопастных наконечников (кроме некой «стрелки с Кавказа») предполагаемому кизил-кобинскому (таврскому) поселению догреческого периода, возможно существовавшему на месте античного Херсонеса, на данных материалах не может быть доказана в силу беспаспортности материала.

Наконец трехлопастный наконечник третьей группы (рис. 1, 7) по своей датировке синхронен раннеэллинистическим слоям Херсонеса.

¹¹ Выражаю искреннюю благодарность хранителю ГЭ С.Л. Соловьеву за возможность использовать неопубликованные материалы и ценные консультации.

¹² Alekseev 2003, 274.

¹³ Melyukova 1964, 17, 28, рис. 1.

¹⁴ Yakovenko 1970, 122; Yakovenko, Chernenko, Korpusova 1970, 176, рис. 26, 4.1.

¹⁵ Daragan 2015, с. 141-163.

¹⁶ Vdovichenko 2008, 67, 69, 74.

¹⁷ Polin 1987, 31.

¹⁸ Alekseev 2003, 169.

Подводя итоги, можно отметить, что столь яркие и интересные материалы обеих рассматриваемых коллекций, оказавшиеся без привязки к конкретному памятнику или добытые по выражению И.Н. Бороздина «счастливыми»¹⁹, не могут являться надежным археологическим источником.

Из собственно археологических раскопок в Херсонесе автору известны (по данным на 1989 г.) лишь два бронзовых наконечника стрел.

1) Трехлопастный наконечник (рис. 1, 9) с треугольной формой головки. Лопасты подрезаны под тупым углом к выделенной втулке. Длина наконечника – 24,3 мм, ширина головки – 7,3 мм, ширина втулки – 4,2 мм. Наконечник найден в 1979 г. Ю.П. Калашником у северного нефа «Базилики 1932 г.» в наскальном слое римского времени, в котором встречены также более ранние материалы конца IV в. до н.э.²⁰ Однотипный близкий по длине, но с более широкой головкой и втулкой наконечник (рис. 1, 10) найден в погребении А171 некрополя Нимфея конца VI в. до н.э.²¹

2) Трехлопастной наконечник (рис. 1, 11) с треугольной формой головки. Лопасты срезаны под острым углом к выделенной втулке, образуя жальца. Продольные края лопастей имеют легкую вогнутость внутрь головки, что придает наконечнику изящную стройность (вид елочки). Длина наконечника до основания лопастей – 25,3 мм, длина лопастей-жалец – 25,8 мм, ширина головки – 7,5 мм, ширина втулки – 4,0 мм.

Данный наконечник (кол. № 86/37001) найден в 1978 г. О.И. Дombровским на участке Античного театра в засыпи скальной выемки глубиной 25-35 см. По наблюдению В.А. Сидоренко выемка была перекрыта прослойкой мергеля толщиной 6-10 см, выше которой залегал культурный слой (прирезка, слой XII) с материалом последней четверти V – IV вв. до н.э.²² Вероятно, датировка этого наконечника может относиться ко времени не позднее последней четверти – конца V в. до н.э. Однотипный близкий по размерам наконечник (рис. 1, 12) найден в погребении 1 кургана 17 скифского могильника Ак-Таш конца V в. до н.э.²³

Можно констатировать, что найденные в различных комплексах и слоях Херсонеса бронзовые наконечники стрел с одной стороны срав-

¹⁹ Vtoraya konferentsiya 1927, 44-45.

²⁰ Kalashnik 1979, 10, 46, рис. 26, п/о 86. Выражаю искреннюю благодарность хранителю ГЭ Ю.П. Калашнику за помощь в моей работе и ценные консультации.

²¹ Grach 1999, 73-74, 247, табл. 94, 5.

²² Dombrovskiy 1978a, л. 23; Dombrovskiy 1978б, л. 2-10; Sidorenko 1978, л. 22-23.

²³ Bessonova, Bunyatyan, Gavrilyuk 1988, 157, рис. 13,5.

нительно оригинальны, а с другой – однотипные с ними наконечники найдены как в античных городах, так и в скифских памятниках Северного Причерноморья. Кроме того, все рассмотренные немногочисленные коллекции бронзовых наконечников стрел Херсонесского музея являются важным источником изучения истории античного Херсонеса.

Литература / References

- Alekseev, A.Yu. 2003: *Khronografiya Evropeyskoy Skifii*. Sankt-Peterburg.
Алексеев, А.Ю. *Хронография Европейской Скифии*. СПб.
- Bessonova, S.S., Bunyatyan, E.P., Gavrilyuk, N.A. 1988: *Aktashskiy mogil'nik skifskogo vremeni v Vostochnom Krymu*. Kiev.
Бессонова, С.С., Бунятян, Е.П., Гаврилюк, Н.А. *Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму*. Киев.
- Blavatskiy, V.D. 1954: *Ocherki voennogo dela v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya*. Moskow.
Блаватский, В.Д. *Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья*. М.
- Vinogradov, Yu.A., Goroncharovskiy V.A. 2008: *Voennaya istoriya i voennoe delo Bospora Kimmeriyского: (VI v. do n.e. — seredina III v. n.e.)*. Sankt-Peterburg.
Виноградов, Ю.А., Горончаровский В.А. *Военная история и военное дело Боспора Киммерийского: (VI в. до н.э. — середина III в. н.э.)*. СПб.
- Vdovichenko, I.I. 2008: *Antichnye raspisnye vazy v Severnom Prichernomor'e*. Simferopol'.
Вдовиченко, И.И. *Античные расписные вазы в Северном Причерноморье*. Симферополь.
- Vtoraya konferentsiya, 1927: *Vtoraya konferentsiya arkheologov SSSR v Khersonese 10-13 sentyabrya 1927 goda*. Sevastopol'.
Вторая конференция, *Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10-13 сентября 1927 года*. Севастополь.
- Grach, N.L. 1999: *Nekropol' Nимфея*. Sankt-Peterburg.
Грач, Н.Л. *Некрополь Нимфея*. СПб.
- Daragan, M.N. 2015: *Nakonechniki strel predskifskogo i ranneskifskogo vremeni: Tekhnologiya izgotovleniya, metrologiya i markirovka*. In.: *Arkheologiya bez granits: Kollektzii, problemy, issledovaniya, gipotezy*. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha LXXVII). Sankt-Peterburg, 127-170.

- Дараган, М.Н. Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: Технология изготовления, метрология и маркировка. В сб.: *Археология без границ: Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы.* (Труды ГЭ LXXVII). СПб., 127-170.
- Dombrovskiy, O.I. 1978a: Otchet o raskopkakh na uchastke Antichnogo teatra 1978 g. *Nauchnyy arkhiv GIAMZ «Khersones Tavricheskii».* Sevastopol'. D. 2182.
- Домбровский, О.И. Отчет о раскопках на участке Античного театра 1978 г. *Научный архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический».* Севастополь. Д. 2182.
- Dombrovskiy, O.I. 1978b: Polevye opisi nakhodok na uchastke Antichnogo teatra 1978 g. *Nauchnyy arkhiv GIAMZ «Khersones Tavricheskii».* Sevastopol'. D. 2184/1.
- Домбровский, О.И. Полевые описи находок на участке Античного театра 1978 г. *Научный архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический».* Севастополь. Д. 2184/1.
- Kalashnik, Yu.P. 1979: Otchet o raskopkakh v Khersonese na Severnom beregu v 1979 godu. *Nauchnyy arkhiv GIAMZ «Khersones Tavricheskii».* Sevastopol'. D. 2169.
- Калашник, Ю.П. Отчет о раскопках в Херсонесе на Северном берегу в 1979 году. *Научный архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический».* Севастополь. Д. 2169.
- Melyukova, A.I. 1964: *Vooruzhenie skifov.* (SAI; Выр. D1-4). Moscow.
- Мелюкова, А.И. *Вооружение скифов.* (САИ; Вып. Д1-4). М.
- Mir kochevnikov, 2013: *Mir kochevnikov. Iz arkhologicheskikh kollektсий Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki.* Sankt-Peterburg.
- Мир кочевников. Из археологических коллекций Государственного Эрмитажа. Каталог выставки.* СПб.
- Nazarov, V.V. 2006: Oruzhie. In.: *Drevneyshiy temenos Ol'vii Pontiyskoy.* (Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii; Suppl. 2). Simferopol', 208-210.
- Назаров, В.В. Оружие. В сб.: *Древнейший теменос Ольвии Понтийской.* (Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии; Suppl. 2). Симферополь, 208-210.
- Proizvodstvo, 1893: *Proizvodstvo arkheologicheskikh raskopok v Khersonese. Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1890 god.* Sankt-Peterburg.
- Производство археологических раскопок в Херсонесе. *Отчет Императорской археологической комиссии за 1890 год.* СПб.

- Peters, B.G. 1984: Voennoe delo. In.: *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya*. Moscow, 189-197.
- Петерс, Б.Г. Военное дело. В сб.: *Античные государства Северного Причерноморья*. М., 189-197.
- Polin, S.V. 1987: *Khronologiya rann'oskifs'kikh pam'yatok*. *Arkheologiya* 59, 17-36.
- Полін, С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток. *Археологія* 59, 17-36.
- Sidorenko, V.A 1978: Polevoy dnevnik raskopok na uchastke Antichnogo teatra 1978 g. *Nauchnyy arkhiv GIAMZ «Khersones Tavricheskiy»*. Sevastopol'. D. 2184/2.
- Сидоренко, В.А. Полевой дневник раскопок на участке Античного театра 1978 г. *Научный архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический»*. Севастополь. Д. 2184/2.
- Sokolova, O.Yu. 2016: Kolleksiya oruzhiya iz raskopok Nimfeya v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha. *Tavricheskie studii* 10, 154-159.
- Соколова, О.Ю. Коллекция оружия из раскопок Нимфея в собрании Государственного Эрмитажа. *Таврические студии* 10, 154-159.
- Stoyanov, R.V. 2004: *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo V-I v. do n.e.* Avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. Sankt-Peterburg.
- Стоянов, Р.В. *Некрополь Херсонеса Таврического V-I в. до н.э.* Автореф. дис. ...канд. ист. наук. СПб.
- Chernenko, E.V. 1986: Vooruzhenie. In.: *Arkheologiya Ukrainsoy SSR*. Kiev, 2, 498-504.
- Черненко, Е.В. Вооружение. В сб.: *Археология Украинской ССР*. Киев, 2, 498-504.
- Yakovenko, E.V. 1970: Ryadovye skifskie pogrebeniya v kurganakh Vostochnogo Kryma. V sb.: *Drevnosti Vostochnogo Kryma*. Kiev, 113-135.
- Яковенко, Э.В. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма. В сб.: *Древности Восточного Крыма*. Киев, 113-135.
- Yakovenko, E.V., Chernenko, E.V., Korpusova, V.N. 1970: Opisanie skifskikh pogrebeniy v kurganakh Vostochnogo Kryma. In.: *Drevnosti Vostochnogo Kryma*. Kiev, 136-179.
- Яковенко, Э.В., Черненко, Е.В., Корпусова, В.Н. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма. В сб.: *Древности Восточного Крыма*. Киев, 136-179.

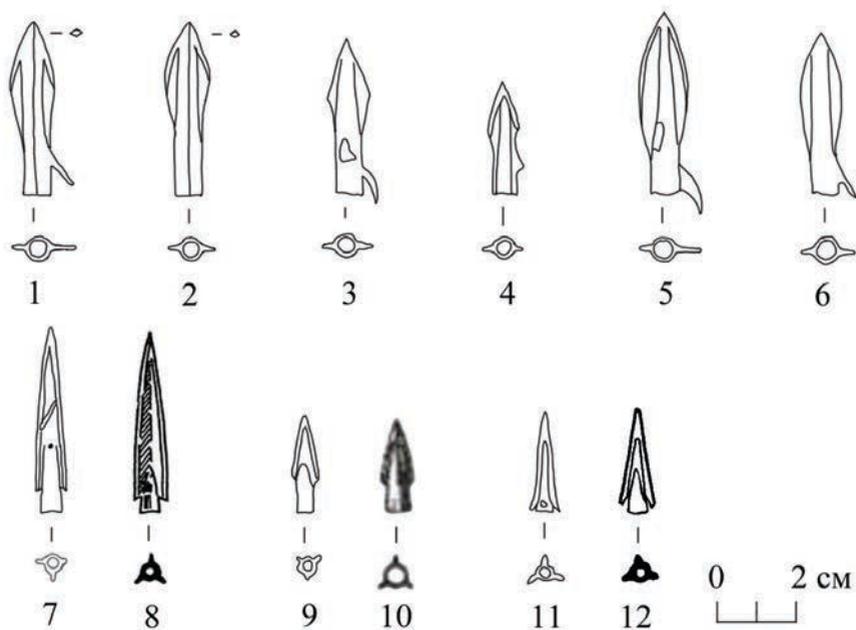

Рис. 1. Бронзовые наконечники стрел из фондов Херсонесского музея и их аналогии.

1, 5, 7 – коллекция К.К. Косцюшко-Валюжинича; 3-4, 6 – коллекция Д.О. Шпака; 9 – Херсонес слой у «Базилики 1932 г.»; 11 – Херсонес выемка в скале у Античного театра.

Аналогии: 2 - погребение кургана 41 могильника Клады. Раскопки А.Д. Резепкина; 8 - погребение 1 кургана 6 у с. Зеленый Яр (по: Яковенко, Черненко, Корпусова 1970); 10 - Нимфей погребение А171 (по: Грач 1999); 12 - могильник Ак-Таш погребение 1 кургана 17 (по: Яковенко, Черненко, Корпусова 1970).

Памятник афинским тираноубийцам Гармодию и Аристогитону, как символ восстановления полисной справедливости

Справедливость, как полисная добродетель наиболее отчетливо проявляется в крайностях, характерных для жизни эллинских полисов в античный период. Многие античные полисы пережили в указанную эпоху правление тиранов. Для полиса, как общины равноправных граждан, это было временем испытания на «прочность» в смысле нарушения тиранами добродетели - социальной справедливости. Реакцией на тиранию стал феномен тираноборчества - радикального восстановления социального равенства, социальной справедливости.

Следует отметить, что слово «тиран» получило негативное смысловое содержание (в значении своевольного деспота, презирающего социальную справедливость), после побед в Греко-персидских войнах (490 - 449 гг. до н.э.) и связанного с ними роста чувства эллинского самосознания. Аристотель (384 - 322 гг. до н.э.) в «Политике», рассуждая о сущности царской власти, говорит о тонкой грани, которая отделяет ее от единовластия (тирании): «В наше время царская власть в собственном смысле более не возникает, а если и возникает, то скорее единовластие и тирания. Царская власть с одной стороны, обуславливается добровольным признанием ее, с другой - представляет собой верховную инстанцию по важнейшим делам. А теперь много равных, и никто из них не выдается настолько, чтобы соответствовать величию и достоинству такой власти. Поэтому люди добровольно такой власти не выносят; если же кому-нибудь удастся захватить власть путем обмана или насилия, то это уже считается тиранией»¹. Таким образом, согласно Аристотелю, греческий полис IV в. до н.э. представлял общину равных граждан, осуществляющих самоуправление, которые не нуждаются в такой форме принуждения, как тирания.

В связи с этим интересно проследить, как было переосмыслено убийство одного из Писистратидов Гиппарха в 513 г. до н.э. Гармодием и Аристогитоном. Памятник Гармодию и Аристогитону был воздвигнут через несколько лет после этого события, эта скульптурная компо-

¹ Aristot. *Polit.*, V, VIII, 22.

зиция считалась одними из первых памятником-статуей, поставленной от имени государства, об этом пишет Плиний Старший в «Естественной истории»: «Не знаю, не тираноубийцам ли Гармодию и Аристокитону самым первым афиняне поставили статуи от имени государства. Это произошло в том же году, в котором и из Рима были изгнаны цари»². Однако морально-нравственным символом борьбы с тиранией (за восстановление общественной справедливости) этот памятник стал не сразу.

Аристотель в «Политике» говорит, что причиной покушения на тиранов была личная месть: «Покушение на Писистратидов было произведено вследствие того, что они оскорбили сестру Гармодия и этим раздражили его: он мстил за сестру, а Аристокитон - за Гармодия»³.

Эти прозаические причины и обстоятельства, побудившие Гармодия и Аристокитона к тираноубийству, были скоро забыты и пересмыслены. Фукидид (около 460 - 400 гг. до н.э.), живший на два поколения позже изгнания Писистратидов, считает необходимым заметить: «Так, большинство афинян, например, считают, что Гармодий и Аристокитон убили Гиппарха (который был тираном), и не знают, что правил Гиппий, так как был старшим из сыновей Писистрата, Гиппарх же и Фассал были его братьями»⁴. Гармодий был убит на месте стражей Гиппия, Аристокитон - казнен после пыток⁵.

Фукидид в книге VI «Истории» приводит подробности указанной выше личной драмы, а в конце подводит итог: «Таков был заговор Гармодия и Аристокитона, поводом для которого было оскорбленное чувство любовника. Причиной же последовавшего затем безрассудного дерзкого деяния был внезапный страх, овладевший ими обоими. С того времени власть тиранов стала для афинян более тяжелой...»⁶.

В указанном смысле интересна эпиграмма, приписываемая Симониду Кеосскому (ок. 557 - 467 гг. до н.э.) «На смерть Гиппарха»:

День, в который Гиппарх убит Аристокитоном
И Гармодием, был светлым поистине днем⁷.

В комедии Аристофана (ок. 446 - 385 гг. до н.э.) «Лисистрата» (впервые поставлена в 423 г. до н.э.), предводитель хора стариков, предосте-

² Plin., *NH*, XXXIV, IX, 17.

³ Aristot. *Polit.*, V, VII, 9.

⁴ Thuc., I, 20.

⁵ Thuc., VI, 57.

⁶ Thuc., VI, 59.

⁷ Fr. 131B.

регая против «тирании» женщин, вскользь упоминает памятник этим тираноборцам, уже как морально-нравственный символ:

Это женщины готовят тиранию нам опять!
Но тиранов над собою не стерплю, остерегусь
И носить свой меч я стану, мирта веткою обвив.
Возле Аристокитона, до зубов вооружен,
Я тогда поставлен буду, и случиться может так,
Что старухе выбью зубы, этому врагу богов!⁸

Даже философы-киники, отрицавшие все общественные институты, не остались в стороне от прославления тех, кто даровал свободу от тирании. У Диогена Лаэртского Диоген Синопский (414 - 323 гг. до н.э.) отвечает неизвестному тирану: «Тиран спросил его, какая медь годится для статуй. Диоген сказал: «Та, из которой отлиты Гармодий и Аристокитон»⁹.

Можно сделать предположение, что памятник - скульптурная композиция тираноубийц Гармодий и Аристокитон, окончательно стал символом борьбы с тиранией, после отражения персидского нашествия, когда эллинское самосознание испытало мощный подъем. Упомянутая нами выше, первая статуя тираноборцев Гармодия и Аристокитона была увезена персидским царем Ксерксом, взявшим и разорившим Афины в 480 г. до н.э. Памятник был воссоздан в 477/476 г. до н.э. скульпторами Критием и Несиотом. О том, как выглядели тираноубийцы, в это время уже не помнили, известно было, что Аристокитон был старше и носил по тогдашней моде бороду, более молодой Гармодий - изображен безбородым¹⁰. Портретное сходство теперь не было важно, так как скульптурная композиция Гармодия и Аристокитона стала символом борьбы за гражданскую свободу, против тирании Гиппия и Ксеркса, из которой афиняне вышли победителями. Интересно замечание В.В. Хайда в работе «Олимпийские победные памятники и греческое атлетическое искусство» о том, что статуи тираноубийц представляют собой изваяния типичных атлетов¹¹.

По словам Арриана (ок. 95 – ок. 175 гг. н.э.), первоначальную статую нашел Александр Македонский в Сузах - одной из столиц Ахеме-

⁸ Aristoph. *Lysistr.*, 51, 52.

⁹ Diog. Laert., VI, 61.

¹⁰ Khafner 1984, 65 - 66.

¹¹ Hyde 1921, 176.

нидской империи¹². Далее, Арриан пишет, что статуи, увезенные из Эллады Ксерксом, в том числе и афинских тираноубийц Гармония и Аристогитона, были возвращены на родину позднее, во время воцарения Александра в Вавилоне¹³. Это был широкий жест примирения со стороны царя в сторону свободолюбивых афинян. Даже провозгласивший себя богом македонский царь, хотя бы делал вид, что уважает их стремление к свободе, символом которой была скульптурная композиция тираноубийц.

Восприятие памятника афинских тираноубийц Гармония и Аристогитона в период античности в контексте полисного понимания «справедливости» менялось. Тираноубийство, совершенное Гармонием и Аристогитоном из личных побуждений было переосмыслено как проявление высокой гражданственности. Это окончательно произошло после отражения персидского нашествия, когда эллинское самосознание испытало мощный подъем. Идеалы тираноборчества в дальнейшем можно отметить в произведениях античных авторов и политических документах. Мы находим примеры этого, в том числе, и в источниках об истории Херсонеса. Идеал свободы заложен в клятве граждан Херсонеса. Подвиг Гикии, несомненно, навеян этими идеями, в том числе и их материальным воплощением - памятниками.

Литература / References

- Khafner, G. 1984: *Vydayushchiesya portrety antichnosti. 337 portretov v slove i obraze*. Moscow.
Хафнер, Г. *Выдающиеся портреты античности. 337 портретов в слове и образе*. М.
- Hyde, W.W. 1921: *Olympic victor monuments and Greek athletic art*. Washington.

¹² Arr., III, 16, 6.

¹³ Arr., III, 16, 7.

О проблеме реконструкции административно-территориального деления ольвийского полиса в античную эпоху

Благодаря исследованиям 1970-90-х гг. и нового тысячелетия отечественная археологическая наука достигла успехов в исследовании городов и сельских территорий античных государств Северного Причерноморья, в том числе и Ольвии¹. Разработаны периодизация развития сельской округи Ольвийского полиса, разносторонняя характеристика её жизнедеятельности на основных исторических этапах². Впервые в историографии предложена полная археологическая карта хоры в территориальных границах Ольвийского полиса³. На основе единого методического подхода освещены процесс развития типов поселений, их структура, домостроительство и архитектура, хозяйственная деятельность, материальная и духовная культура, этносоциальный состав населения, выделены основные этапы формирования и развития ольвийской сельской округи⁴. В 1980-90-х гг. изучались и некрополи хоры. Их исследования предоставили информацию о погребальном обряде сельских жителей, дополнили представление о духовной и материальной культуре, этническом и социальном составе населения Нижнего Побужья VI–III вв. до н.э.⁵

На нынешнем этапе исследований, в первую очередь, приобретают актуальность вопросы, связанные с демографией, социальным составом населения, возможными вариантами административно-территориального деления гражданского общества по традиционно-античному образцу (филы, фратрии, демы(?))⁶. Решение этой проблемы осложняется почти полным отсутствием эпитафических документов и нарративных источников.

Относительно дальнейшего социально-демографического исследования Ольвийского полиса отметим, что из-за отсутствия источников

¹ Kryzhickij, Rusjaeva, Krapivina, Lejpunskaja, Skrzhinskaja, Anohin 1999.

² Kryzhickij, Bujskih, Burakov, Otreshko 1989.

³ Kryzhickij, Bujskih, Otreshko 1990.

⁴ Kryzhickij, Bujskih, Burakov, Otreshko 1989; Bujskih 2009, 225-247.

⁵ Snitko 2015.

⁶ Snitko 2013, 3-14.

на первый план выходят материалы исторической топографии, дающие отдельные свидетельства, которые могут решить ряд вопросов в сфере этой проблемы. Прежде всего, глядя на археологическую карту Нижнего Побужья – исторически сложившуюся территорию Ольвийской хоры во все времена её существования, несложно проследить концентрацию поселений, хуторов и усадеб по побережьям Березанского, Днепровско-Бугского и Бугского лиманов в отдельных микрорегионах с самого начала процесса колонизации. С архаического и раннеклассического времени выделяются районы с разной плотностью размещения населённых пунктов, основными хозяйственными направлениями и специализацией.⁷ Выделяются микрорегионы: Ягорлыцкий, Березанско-Черноморский, Аджигольский, Днепровский, Чертоватский и Козырский (Волошко-Козырский). Кроме того, определена экономическая направленность отдельных микрорегионов. Так, Ягорлыцкий район – промышленно-ремесленный, Березанский – земледельческо-скотоводческий, Аджигольский – скотоводческий, Волошко-Козырский – земледельческий. Это, в свою очередь, свидетельствует о разумном, рациональном территориально-экономическом районировании земельных владений полиса в соответствии с наличными природными ресурсами.⁸ В классическо-эллинистический период к указанным районам с плотной концентрацией населения добавляются новые – на правом берегу Бугского лимана: Старая Богдановка – Радсад, урочище Дидова Хата (Малая Корениха – Дидова Хата – Большая Корениха – Варваровка); на левобережье: Николаевский полуостров, Галициновка – Лиманы – Лупарево, Скелька – Александровка. Образуются крупные агломерации: разнотипные поселения, хутора, отдельные усадьбы, пастушьи и рыбацьи селения и стоянки.⁹ Своеобразными центрами микрорегионов становятся крупные базовые поселения с единым для жителей некрополем¹⁰. Не исключено, что появление крупных территориальных агломераций связано не только с духовной близостью жителей, объединением их по основному направлению хозяйственной деятельности, но и со специально регламентированной полисом административно-территориальной, общественно-социальной организацией по примеру известных афинских демов.¹¹ В пользу

⁷ Bujskih 2009, 228.

⁸ Otreshko 1979, 151-158; Bujskih 2009, 228, 234; Kryzhickij, Bujskih, Burakov, Otreshko 1989, 89, 94; Snytko 2011, 465 – 466.

⁹ Ruban 1985, 39; Kryzhickij, Bujskih, Burakov, Otreshko 1989, 102 – 103.

¹⁰ Snitko 2015.

¹¹ Koshelenko 1983, 10; Andreev 1983, 261 – 265.

этого, свидетельствует и тот факт, что развитие ольвийской полисной структуры и демократии, как политической системы происходило по классическому афинскому образцу¹², что, возможно, предполагало «копирование» ольвиополитами определённых афинских государственно-административных институтов.

Литература / References

- Andreev, V.N. 1983: Agrarnye otnoshenija v Attike v V–IV vv. do n.е. In: *Antichnaja Grecija. Problemy razvitija polisa* 1. Moskow, 247 – 326.
Андреев, В.Н. Аграрные отношения в Аттике в V–IV вв. до н.э. В кн.: *Античная Греция. Проблемы развития полиса* 1. Москва, 247 – 326.
- Bujskih, S.B. 2009: Hora kolonial'nogo polisa v Nizhnem Pobuzh'e: ot arhaiki k jellinizmu. In: *Starozhitnosti stepovogo Prichornomor'ja i Krimu* 15, 225 – 247.
Буйских, С.Б. Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму. В сб.: *Старожитности степового Причерноморья и Криму* 15, 225 – 247.
- Koshelenko, G.A. 1983: Drevnegrecheskij polis. In: *Antichnaja Grecija. Problemy razvitija polisa* 1. Moskow, 9 – 36.
Кошеленко, Г.А. 1983: Древнегреческий полис. В кн.: *Античная Греция. Проблемы развития полиса* 1. Москва, 9 – 36.
- Kryzhickij, S.D., Bujskih, S.B., Burakov, A.V., Otreshko, V.M. 1989: *Sel'skaja okruga Ol'vii*. Kiev.
Крыжицкий, С.Д., Буйских, С.Б., Бураков, А.В., Отрешко, В.М. *Сельская округа Ольвии*. Киев.
- Kryzhickij, S.D., Bujskih, S.B., Otreshko, V.M. 1990: *Antichnye poselenija Nizhnego Pobuzh'ja (arheologicheskaja karta)*. Kiev.
Крыжицкий, С.Д., Буйских, С.Б., Отрешко, В.М. *Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта)*. Киев.
- Otreshko, V.M. 1979: K probleme jekonomicheskogo rajonirovanija Nizhnego Pobuzh'ja v arhaicheskuju jepohu. In: *Problemy grecheskoj kolonizacii Severnogo i Vostochnogo Prichernomor'ja*. Tbilisi, 151 – 158.
Отрешко, В.М. К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху. В сб.: *Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья*. Тбилиси, 151 – 158.

¹² Rusjaeva 2001, 14.

- Ruban, V.V. 1985: Problemy istoricheskogo razvitija ol'vijskoj hory v IV – III vv. do n.je. In: *Vestnik Drevnej Istorii* 1, 26 – 46.
Рубан, В.В. Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV – III вв. до н.э. *ВДИ* 1, 26 – 46.
- Rusjaeva, A.S. 2001: Ol'vija – najviznachnisha pam'jatka klasichnoï demokratiï i kul'turi u Prichornomor'ï. In: *Ol'vija ta antichnij svit*. Kiïv, 14 – 15.
Русяева, А.С. Ольвия – найвизначніша пам'ятка класичної демократії і культури у Причорномор'ї. В сб.: *Ольвия та античний світ*. Київ, 14 – 15.
- Snitko, I.O. 2013: Pro social'no-demografichnij ta administrativno-teritorial'nij podil Ol'vijs'kogo polisa. *Arheologija* 2, 3 – 14.
Снитко, І.О. Про соціально-демографічний та адміністративно-територіальний поділ Ольвійського поліса. *Археологія* 2, 3 – 14.
- Snitko, I.O. 2015: *Davn'ogrec'ki nekropoli hori Ol'vii VI – III st. do n.e.* Kiïv.
Снитко, І.О. *Давньогрецькі некрополі хори Ольвії VI – III ст. до н.е.* Київ.
- Snytko, I.A. 2011: Problemy rekolonizacii hory Ol'vii rubezha V – IV vv. do n.je. In: *Bosporskij Fenomen. Naselenie, jazyki, kontakty*. Sankt-Peterburg, 464 – 471.
Снытко, И.А. Проблемы реколонизации хоры Ольвии рубежа V – IV вв. до н.э. В сб.: *Боспорский Феномен. Население, языки, контакты*. СПб., 464 – 471.

Коллекция бронзовых изделий из раскопок Нимфея в собрании Государственного Эрмитажа

В коллекции изделий из бронзы, найденных при раскопках боспорского города Нимфея и хранящихся в Государственном Эрмитаже, можно выделить несколько групп предметов – предметы вооружения, украшения и предметы туалета, детали конской сбруи, посуда, предметы хозяйственного назначения и инструменты, *varia*¹.

Одной из наиболее многочисленных категорий находок являются наконечники стрел (342 экз.). Они найдены как на городище, так и в погребениях, от 1 до 40 экземпляров в наборе. По форме насада наконечники стрел относятся к втульчатым, а по форме поперечного сечения головки выделяются три группы: двухлопастные, трехлопастные и трехгранные. Самые ранние находки датируются 2 половиной VII – второй – третьей четвертями VI в. до н.э. Основной массив наконечников стрел датируется 2 половиной VI–IV вв. до н.э. Отметим также их находки в захоронениях I–II вв. н.э. катакомбного некрополя Нимфея.

В коллекции также представлены образцы защитного вооружения, к которым относятся – шлем халкидского типа, детали панцирей и кнемида, происходящие из богатых погребений с варварскими чертами погребального обряда, датируемых в пределах V в. до н.э.

Следующая по численности группа изделий (470 экз.) – украшения и предметы туалета. Среди колец и перстней (115 экз.) можно выделить несколько типов. Самые простые – колечки из круглой в сечении проволоки, в том числе со смыкающимися, но не спаянными концами (25 экз.), которые были распространены с IV в. до н.э. по II в. н.э. Их вариантом являются проволочные кольца в полтора – два оборота, заканчивающиеся стилизованными змеиными головками (8 экз.). Отметим 7 колец с несомкнутыми концами, изготовленных из уплощенной проволоки, и 6 перстней с широкой плоской шинкой, расширяющейся к плоскому щитку. Самая многочисленная группа – перстни с овальным плоским щитком (54 экз.), среди которых особо выделяются изделия с резными изображениями (12 экз.), датируемые V–II вв. до н.э., часть которых могла быть изготовлена в местной мастерской.

¹ В это количество не входят находки монет

Отдельную группу составляют перстни с геммами, вырезанными на сердолике (9 экз.), агате (1 экз.) или стекле (1 экз.), а также два перстня с круглым профилированным щитком и гладкими стеклянными вставками и два перстня с утраченными вставками, которые датируются I–II вв. н.э.

Фибулы (89 экз.) представлены разными типами, среди которых преобладают лучковые подвязные. К сожалению, сохранность большинства изделий такова, что бывает трудно определить, к какому типу они относятся. Особо следует выделить шарнирные фибулы–броши: со щитком в виде птицы, в виде всадника на коне и круглая фибула–брошь, украшенная рельефным ободком зеленой эмали и конусовидным выступом. Подобные фибулы относят к изделиям западных провинций Римской империи и датируют, в основном, II в. н.э.

Браслеты (66 экз.) найдены, в основном, при раскопках некрополя. Можно выделить два основных вида – с сомкнутыми и несомкнутыми концами. С сомкнутыми и перевитыми концами найдено 15 браслетов. Браслеты с несомкнутыми концами представлены несколькими вариантами: заканчивающиеся львиными головками (6 экз.); с орнаментированными концами, в том числе с изображением змеиных головок (3 экз.); с неорнаментированными концами (10 экз.); с шариками (1 экз.) или утолщением на концах (9 экз.); с заходящими один за другой не скрепленными концами (6 экз.); многовитковые (2 экз.). Сохранность еще 14 экземпляров не позволяет определить их тип. В целом, находки браслетов охватывают период с конца VI–V вв. до н.э. по II–III вв. н.э.

Поясные пряжки по форме подразделяются на несколько типов: самые простые – в виде кольца или овала с подвижным язычком (21 экз.); круглые пряжки с вытянутым прямоугольным щитком (6 экз.); пряжки овальной формы с прямоугольным щитком, отделенным от кольца перемычкой (9 экз.); квадратные пряжки (1 экз.); с фигурными щитками (5 экз.) и фрагменты пластинок от разных пряжек. Найдены они, преимущественно, в погребениях первых веков н.э. Особо следует отметить небольшую пряжку с крючком и изображением Афродиты Пандемос, сидящей на козле, которая датируется II–III вв. н.э.

Серьги и височные подвески немногочисленны (27 экз.). Среди них преобладают спиралевидные подвески с пирамидками на концах (9 экз.). В городах Боспора подобные украшения активно применялись с середины V и до середины IV в. до н.э. Следует отметить, что эти изделия могли изготавливаться и в местных мастерских, о чем свидетельствует литейная форма, найденная в Нимфее. А простые

проволочные кольцевидные серьги с несомкнутыми концами (14 экз.) и подобные серьги с петелькой и крючком на концах (4 экз.) найдены, преимущественно, в погребениях I–III вв. н.э.

Подвески разных форм (13 экз.), а также 62 бронзовые бусины и пронизки найдены, в основном, в погребениях. Бронзовые колокольчики (15 экз.) предназначались, вероятно, для отпугивания злых духов.

В группе зеркал (14 экз.) выделяются два основных типа: 1. зеркала с ручками, которые по характеру её крепления делятся на 3 группы: – зеркала со стержнем для насадки ручки; – с приклепанной ручкой; – с ручкой-петелькой, и 2. дисковидные зеркала (без ручек).

Два зеркала со стержнем для насадки ручки относятся к типу «рельефных» аттических зеркал и датируются V в. до н.э. Во 2 группе выделяются 2 вида зеркал – с плоским диском и диск с бортиком. Четыре зеркала первого вида имеют слегка выгнутые диски, у 2 экземпляров – вдоль края идет точечный орнамент. Они датируются 2 пол. V в. до н.э. – началом IV вв. до н.э.

Ко второму виду относится зеркало с бортиком, найденное в святилище Деметры и которое можно датировать 2 пол. V – началом IV вв. до н.э. В литературе подобные зеркала получили название «ольвийские» или «скифские».

К 3 группе зеркал I типа относятся 3 миниатюрных зеркала с ручкой-петелькой, аналогии которым известны в Поволжье, на Кубани, в Крыму, на Украине и вплоть до Румынии. Они получили распространение в Северном Причерноморье в I–III вв. н.э. Появление их связано с притоком в этот регион сарматов.

Простые дисковидные зеркала без ручек представлены в нимфейской коллекции 2 изделиями. Одно из них было найдено в здании 2 пол. V – начала IV вв. до н.э. святилища Деметры, второе – в погребении, датируемом II–III вв. н.э. Подобные зеркала встречаются в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья в материалах из раскопок памятников IV–III вв. до н.э. А на территории распространения сарматской культуры они появляются в конце III в. до н.э. и получают наибольшее развитие в I в. до н.э. – I в. н.э. Фрагменты еще 2 зеркал с плоским диском и гладким краем, сохранность которых затрудняет отнесение их к какому-либо определенному типу, происходят из раскопок некрополя Нимфея и датируются временем с III в. до н.э. по II в. н.э.

Туалетные коробочки – пиксиды – являлись предметами роскоши и встречались в богатых женских погребениях. В Нимфее крышка пиксиды была найдена в разрушенном каменном склепе, содержащем

материал от III в. до н.э. по I в. н.э., а второй фрагмент – в катакомбе К-4, датирующейся I–II вв. до н.э. Отметим также находки миниатюрных ложечек (7 экз.), две из которых происходят из погребений I–II вв., остальные – из раскопок на городище.

Бронзовые накладки для шкатулок или ларцов с прямоугольными гнездами для замка, сквозными отверстиями и миниатюрными гвоздиками для крепления, а также детали замков найдены в пяти погребениях, датируемых I–III вв. н.э.

О том, что жители города соблюдали греческие спортивные традиции свидетельствуют фрагменты 3 бронзовых стригилей из погребений, датируемых V в. до н.э. и первой половиной I в. н.э.

Бронзовые детали конской сбруи представлены ворворками (8 экз.), псалиями (17 экз.), налобниками (7 экз.), пуговицами (30 экз.), стремчовидными подвесками (12 экз.), фигурными пуговицами в виде птичек (4 экз.), кольцами (2 экз.), уздечными фигурными бляшками (15 экз.), нащечниками (2 экз.), в основном, из захоронений с варварскими чертами погребального обряда, датирующимися V в. до н.э.

Следующая группа изделий – посуда – включает 25 целых сосудов и фрагментов. Самые многочисленные из них – киафы, ручки которых украшены птичьими головками, и фрагменты ручек от них (8 экз.), а также 2 ойнохои, фрагменты 2 гидрий, 2 ситечка и ручка от третьего, фрагменты 2 чашечек, крышка сосуда, подставка в виде львиной лапы и 5 ручек от разнообразных сосудов, фрагмент терки. Часть их была найдена в захоронениях с варварскими чертами погребального обряда, датируемых V в. до н.э., часть – в святилище Деметры, в слоях V–IV вв. до н.э., и на городище. Следует отметить, что ряд изделий был изготовлен в мастерских Этрурии и Южной Италии.

В группе предметов хозяйственного назначения преобладают гвозди (104 экз.), которые представлены тремя основными размерами: большие, длиной от 8 до 11 см (12 экз.), средние, от 4 до 7 см (26 экз.), и маленькие, длиной от 0,7 до 3 см (66 экз.). Большие гвозди использовались для строительных работ, а маленькие – для отделочных и обивки изделий. Все они изготовлены способомковки.

Среди орудий труда можно выделить предметы, связанные с женскими и мужскими занятиями. К женским относятся предметы, связанные с ткачеством и шитьем. В нимфейской коллекции это швейные иглы (27 экз.), которые встречаются в слоях городища и в погребениях на протяжении всего периода существования города.

К мужским орудиям труда относятся шилья (5 экз.), а также разнообразные стержни (49 экз.), круглые и четырехгранные в сечении, с заостренными, уплощенными или утолщенными концами, которые могли использоваться в качестве различных инструментов. Два стержня с заостренным одним концом и расплюснутым противоположным служили в качестве стилосов.

Следует отметить также находки рыболовных крючков (7 экз.) и инструмента для плетения сетей в слоях, датирующихся IV в. до н. э. – II в. н.э. Небольшой молоточек, найденный в святилище Деметры в слое V в. до н.э., мог применяться в ювелирном деле.

Уникальными находками являются также: подставка в виде канделябра, украшенная фигуркой атлета, которая была создана в мастерских Великой Греции и датируется серединой V в. до н.э.; головка Изиды, служившая, возможно, украшением ларца; обломок мужской обнаженной фигурки, с плотно поставленными ногами; фигурка козла с тщательно проработанными деталями.

Остальные изделия из бронзы из-за их фрагментарности, сильных повреждений и коррозии пока не отождествлены.

Состав находок, среди которых выделяются изделия местного производства, и наличие шлаков позволяют говорить о существовании в Нимфее собственного производства изделий из цветных металлов.

Таким образом, нимфейская коллекция бронзовых изделий представлена разнообразными группами предметов, отражающими разные стороны жизни горожан. Они дают нам представление о торговых контактах города с греческими центрами и варварским окружением, об уровне развития местного ремесленного производства, в частности, ювелирного искусства.

Могут ли нумизматические данные повлиять на решение вопроса о времени основания Херсонеса Таврического?

После того, как была признана окончательно устаревшей продержавшаяся несколько десятилетий датировка основания Херсонеса 422–421 гг. до н.э. (наиболее настойчиво ее защищал А.И. Тюменев), относительное единство мнений по данному вопросу уступило место большим разногласиям. В историографии проблемы начали фигурировать такие варианты, как вторая половина VI в. до н.э. (Ю.Г. Виноградов, М.И. Золотарев, автор этих строк, В.М. Зубарь в своих последних работах), вторая или третья четверть V в. до н.э. (Р.В. Стоянов, С.Р. Тохтасьев); но наиболее радикальную позицию заняла А.В. Буйских, которая в своей фундаментальной монографии о Херсонесе Таврическом¹ утверждает, будто бы этот центр как полис возник лишь в IV в. до н.э., а до того можно говорить максимум о некоем «предхерсонесском поселении» неясного статуса (причем, считает исследовательница, явно еще не-полисного).

В связи с этим тезисом самим по себе есть немало вопросов. Если статус раннего Херсонеса — не полис, то каким же был этот статус? Кома на хоре другого полиса? В данном случае подобную гипотезу можно заведомо исключить. А никакого третьего статуса в эллинском полисном мире рассматриваемого времени не могло быть. Вопреки распространенному мнению (являющемуся лишь историографическим мифом) политического статуса «эмпорий» не существовало; эмпорий — не статус, а функция².

Но в рамках кратких тезисов мы вынуждены остановиться лишь на одном аспекте вопроса. Все, кто настаивает на достаточно поздней дате появления полиса Херсонеса, в качестве одного из ключевых аргументов постоянно приводят следующий: херсонесская монетная чеканка начинается только в IV в. до н.э., а, следовательно, до того Херсонес полисом быть не мог, поскольку наличие собственной чеканки — один из ключевых признаков полисного статуса, и, соответственно, отсутствие таковой может служить доказательством отсутствия одного статуса.

¹Buyskikh 2008.

²Подробнее мы это разобрали в: Surikov 2009, 185–201.

Вновь и вновь встаем против данного положения, являющегося, по нашему глубокому убеждению, совершенно превратным. Его в свое время (более 20 лет назад) обозначил Ю.А. Виноградов применительно к городам Боспора³, указав наличие монеты в качестве одного из трех главных критериев, с помощью которых поселение должно определяться как полис или не-полис. Почему-то его тезис нашел широкую поддержку, хотя, подчеркнем, ровно никакой исторической основы он не имеет.

Т.е., оговорим сразу, он имеет определенную силу для позитивных суждений (если такой-то центр чеканит, то он представляет собой полис). Но вот резонов для негативных суждений по аналогичной модели (если такой-то центр не чеканит, то он не является полисом) нет ровно никаких. Сказанное означает, что наличие чеканки является достаточным, но не необходимым признаком полиса.

Применительно конкретно к Херсонесу Таврическому следует иметь в виду, что он относился к колониям «мегарского куста»: Херсонес — субколония Мегар (через Гераклею Понтийскую). И поэтому особенно актуальным является то соображение, что почти во всех полисах этого «куста» чеканка начиналась необычайно поздно.

Если начать с самих Мегар, то и они ведь начали выпуск собственной монеты только в IV в. до н.э. Что же, значит, и Мегары до того не являлись полисом? Но это просто смехотворно. Всем прекрасно известно, что уже в эпоху архаики, в VII–VI вв. до н.э. Мегары были не просто полноценным полисом, но даже одним из наиболее передовых полисов Балканской Греции.

Начало чеканки Византием (весьма позднее по хронологическим меркам) недавно разбиралось в специальной статье⁴; Гераклея, непосредственная метрополия Херсонеса, начала выпускать собственную монету лишь в конце V в. до н.э. В свете всех вышеприведенных примеров бессмысленно рассуждать о чеканке как обязательном признаке полиса, а больший смысл имело бы задуматься о том, каковы же были причины столь нестандартной ситуации с «мегарским кустом».

Эту загадку пока еще никто не разгадал, и мы, конечно же, тоже не можем претендовать на это; разве что имеет смысл высказать некоторые предварительные соображения. Дело, думается нам, в ситуации, которая сложилась в Мегарах в VI в. до н.э. Они оказались как бы в окружении самых ранних центров монетного дела в Балканской Греции

³ Vinogradov 1993, 79-95.

⁴ Russell 2012, 133–138.

(Эгина, Афины, Коринф⁵). Так нельзя ли предположить, что они изначально заняли, так сказать, оппозиционное положение к этому новшеству, а заодно и своим колониям передали ту же традицию?

Как бы то ни было, приходится констатировать: нумизматические данные и, в особенности, отсутствие таковых (имеем в виду отсутствие ранних херсонесских монет) — всё это не может быть весомым аргументом в пользу отсутствия полисного статуса у Херсонеса, как минимум, в V в. до н.э. Автор этих строк уж не раз говорил это А.В. Буйских, но мы, как говорится, не сошлись во мнениях.

Мы, со своей стороны, абсолютно убеждены в том, что на момент освоения кратчайшего пути через Понт Евксинский (от мыса Карамбис к мысу Крию Метопон — «Бараний лоб», что, на наш взгляд, идеально соответствует Ласпи) полис Херсонес уже существовал и, более того, именно ради него был создан вышеупомянутый кратчайший путь (для плаваний на Боспор был более удобен путь второй по краткости: Фемискира — Синдика).

Литература / References

- Buyskikh, A.V 2008: *Prostranstvennoe razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnyuyu epokhu*. Simferopol.
- Буйских, А.В. *Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху*. Симферополь.
- Vinogradov, Yu.A. 1993: К проблеме полисов в районе Восточного Киммерийского. *Antichnyj mir i arheologija* 9, 79–95.
- Виноградов, Ю.А. К проблеме полисов в районе Восточного Киммерийского. *Античный мир и археология* 9, 79–95.
- Surikov, I.E. 2009: «Khersones iznachal'nyj» ili «predkhersonesskoe poselenie»? *Studia historica* 9, 185–201.
- Суриков, И.Е. «Херсонес изначальный» или «предхерсонесское поселение»? *Studia historica* 9, 185–201.
- Kroll, J.H., Waggoner, N.M. 1984: Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina. *American Journal of Archaeology* 88, 3, 325–340.
- Russell, T. 2012: 'The Land of Inachus': Byzantium's Early Coinage and Two Bosphorus Toponyms. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 180, 133–138.

⁵ О ранней чеканке этих центров см.: Kroll, Waggoner, 1984, 325–340.

Раннеэллинистические ювелирные изделия в погребениях кочевников Южного Приуралья

Группа из трех курганов Тунгуш расположена в 17 км на ВСВ от г. Аксай в Западном Казахстане: в одном из курганов — длинном, в 2002 г. были обнаружены золотые предметы, хранящиеся в настоящее время в Западно-Казахстанском областном историко-краеведческом музее в Уральске. Ни в архиве Института археологии им. А.Х. Маргулана в Алматы, ни в архиве Западно-Казахстанского Центра истории и археологии в Уральске мне не удалось найти отчета о раскопках. Согласно любезному сообщению А. Бисембаева, в длинном кургане была раскопана большая «камерная могила» с ограбленным погребением.

Среди находок — наконечник ожерелья в форме «сердечка» с филигранным декором (рис. 1, 1-2)¹. На лицевой поверхности по краю пластина обведена напаянной крученой проволокой. На конце наконечника проволокой образованы два завитка округлой формы и один (между ними) — овальной. Подобные же завитки украшают основание пластины. Из них «вырастает» образованная напаянной крученой проволокой семилепестковая пальметта. Слева от основания пальметты продолжается орнамент в виде «бегущей волны» из завитков. На оборотной стороне изначально находилось по две узких петли с заходящими друг за друга раскованными концами из гладкой полоски прямоугольного сечения.

Подобные наконечники украшали ожерелья, состоящие из тесьмы, образованной несколькими цепочками и имеющие так называемые копьевидные подвески или подвески в форме буковых орешков, и получили название атташей в форме сердечка (*Herzattaschen*)². Они появились, как предполагал М. Пфроммер, не позднее второй четверти III в. до н.э., исходя, прежде всего, из находки ожерелья с одним таким сохранившимся наконечником³ в погребении в Кумах в Южной Италии⁴. Форма и декор наконечника из Кум близки оформлению наконеч-

¹ Инв. № 8671/15. Вес общий 2,25 г. Проба 750. Tasmagambetov 2003, 214 (илл. слева внизу); Samashev et al. 2007, 52 (илл. слева внизу); Kat. Bochum 2013, 763, Nr. 502.

² Pfrommer 1990, 255–258, Abb. 43.

³ Pfrommer 1990, 255, Abb. 43, g; Guzzo 1993, 201, no. B1 (SL 614), 203, no. A4 (SL 612).

⁴ Pfrommer 1990, 221, FK 24; 255.

ника ожерелья из Тунгуша. Однако подобные наконечники ожерелий происходят и из хорошо датированных комплексов (середины – второй половины IV в. до н.э. в Малой Азии (Галикарнас: Мавзолей⁵, погребение «карийской принцессы» – в составе ожерелья с подвесками в виде буковых орешков⁶, Иасос⁷) и Греции (Михалице⁸)). На основе аналогий, происходящих преимущественно из Малой Азии и Южной Италии, находка из кургана Тунгуш может быть датирована в широких рамках середины IV – начала III в. до н.э.

Не менее интересна прямоугольная бляха с вогнутыми сторонами и декором из филиграни и зерни. В центре пластины – четырехлепестковая розетка. К оборотной стороне пластины припаяны параллельно короткой стороне две петли овальной формы из полоски прямоугольного сечения (рис. 1, б–7)⁹. Ближайшей параллелью по форме пластины, конструкции ее крепления и размерам является налобное украшение с богатым филигранным декором с эмалью и с надписью, найденное *in situ* на лобовой кости черепа погребенной в кургане Синеморец в Болгарии, и датированное второй половиной III в. до н.э.¹⁰ Изображения подобных пластин на ритонах в форме женских голов из клада в Панагюриште¹¹ и на серьгах с подвесками в форме женских головок из Криспиано в Южной Италии¹² позволяет предполагать возникновение этого типа украшений еще в IV в. до н.э. Безусловно, судя по очень скромному декору с использованием расплюснутых шариков зерни, бляха из Тунгуша может датироваться скорее III в. до н.э. Учитывая, что этот элемент получил распространение на украшениях, выполненных в пост-ахеменидской традиции из погребений III в. до н.э. в Бердянке и Прохоровке в Южном Приуралье¹³ нельзя исключать изготовление бляхи из Тунгуша, например, в греко-бактрийской мастерской.

Таким образом, украшения из кургана Тунгуш являются на сегодняшний день самыми ранними из эллинистических ювелирных изделий, найденными в погребениях кочевников Азиатской Сарматии и са-

⁵ Bungaard Rasmussen 1998, 67, 70, No. 29, fig. 8, 2; Jepsen 2000, 125, No. 18; 134, fig. 18.

⁶ Özet 1994, 94, No. 6b, fig. 14; Özgen, Öztürk 1996, 58, fig. 131; Meriçboyu 2001, 121 (fig. 3).

⁷ Levi 1964, 207, fig. 13, Tav. I, 3.

⁸ Αρχαιολογικόν δελτίον 17, 1961–1962, 190–191, pl. 222, 3.

⁹ Инв. № 8671/10. Вес обшей 6,0 г. Проба 900. Tasmagambetov 2003, 216 (илл. внизу); Samashev et al. 2007, 58; Kat. Bochum 2013, 763, Nr. 501.

¹⁰ Agre 2009, 21–26; Manov 2009, 27–30; Cat. Moscow 2013, 286–287, № 108.

¹¹ Venedikov 1961, 13, рис. 19–21; Kitov 2006, 77–81; Cat. Paris 2015, 228–229, nos. 190–191.

¹² Cat. Milan 1984, 133–134, 160–162, no. 73a–b.

¹³ См. Treister 2013, 189.

мыми восточными находками подобных украшений вообще в пределах степей Евразии.

Литература / References

- Agre, D. 2009: Hellenistic Gold Plate with inscription from a Tumular Grave near Sinemorets, Tsarevo Region. *Archaeologia Bulgarica* XIII.2, 21–26.
- Bungaard Rasmussen, B. 1998: Gold Ornaments from the Mausoleum at Halikarnassos. In: D. Williams (ed.), *The Art of the Greek Goldsmith*. London, 66–72.
- Cat. Milan 1984: E.H. de Juliis (ed.), *Gli ori di Taranto in età ellenistica*. Milan.
- Cat. Moscow 2013: D.V. Zhuravlev, K.B. Firsov (eds.), *Frakiyskoe zoloto iz Bolgarii. Ozhivshie legendy*. Moscow.
- Кат. Москва 2013: Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов (ред.), Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды. М.
- Cat. Paris 2015: J.-L. Martinez (ed.), *Léropée des rois thraces – Des guerres médiques aux invasions celtes, 479–278 av. J.-C.* Paris.
- Guzzo, P.G. 1993: *Oreficerie dalla Magna Grecia. Ornamenti in oro e argento dall'Italia Meridionale tra l'VIII ed il I secolo*. Tarent.
- Jeppesen, K. 2000: The Quadrangle. The Foundations of the Mausoleion and its Sepulchral Compartments. *The Mausoleion at Halikarnassos. Reports of the Danish Archaeological Expedition to Bodrum 4; Jutland Archaeological Society Publications XV: 4*. Aarhus.
- Kat. Bochum 2013: T. Stöllner, Z. Samašev (Hrsg.), *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museum Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013*. Bochum.
- Kitov, G. 2006: *Panagyuskoto sykrovishte*. Varna.
- Китов, Г. *Панагюрското съкровиште*. Варна.
- Levi, D. 1964: Le oreficerie di Iasos. *Bollettino d'arte* 49, 199–217.
- Manov, M. 2009: Hellenistic Inscription on a Gold Appliqué from Sinemorets. *Archaeologia Bulgarica* XIII.2, 27–30.
- Marazov, I. 1978: *Ritonite v drevna Trakiya*. Sofia.
- Маразов, И. *Ритоните в древна Тракия*. София.
- Meriçboyu, Y.A. 2001: *Antikçağ' de Anadolu takilari*. Istanbul.
- Özet, M.Y. 1994: The Tomb of a Noble Woman from the Hekatomid Period/ In: J. Isager (ed.), *Hekatomid Caria and the Ionian Renaissance. Acts of the Intern. Symposium at the Dept. of Greek and Roman Studies*,

- Odense University, 28.–29. Nov. 1991, (*Halicarnassian Studies* 1). Odense, 88–96.
- Özgen, I., Öztürk, J. 1996: *Heritage Recovered. The Lydian Treasure*. Istanbul.
- Pfrommer, M. 1990: *Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks. Istanbuler Forschungen*, 37. Tübingen.
- Samashev, Z., Dzhumabekova, G., Bazarbaeva, G., Ongar, A. 2007: *Drevnee zoloto Kazakhstana*. Almaty.
- Самашев, З., Джумабекова, Г., Базарбаева, Г., Онгар, А. *Древнее золото Казахстана*. Алматы.
- Tasmagambetov, I. 2003: *The Centaurs of the Great Steppe. The Art Culture of Ancient Nomads*. Almaty.
- Treister, M. 2013: Achämenidischer Schmuck und Gewandschmuck aus Edelmetallen im südlichen Uralvorland. Erzeugnisse des achämenidischen Kreises und lokale Nachahmungen. Werke der post-achämenidischen Tradition. In: M. Treister, L. Yablonsky (Hrsg.), *Einflüsse der achämenidischen Kultur im südlichen Uralvorland* (5.–3. Jh. v. Chr.). Bd. 1. Wien, 158–191.
- Venedikov, I. 1961: *Panagyursko zlatno sykrovishche*. Sofia.
- Венедиков, И. *Панагюрската златно съкровиште*. София.

Рис. 1. Золотые украшения из кургана Тунгуш. Уральск, Западно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей. 1–2 – инв. № 8671/15; 3 – инв. № 8671/16; 4–5 – инв. № 8671/18; 6–7 – инв. № 8671/10; 8 – инв. № 8671/14; 9–11 – инв. № 8671/17. Фотографии 1, 3–6, 8 (М. Трейстер, 2, 7, 9–11 – М. Шихт).

Бусы-подвески из находок в колхских и греческих могильниках V–IV вв. до н. э. в Пичвнари

В докладе пойдет речь о нескольких экземплярах полихромных и монохромных бусин-подвесок из стекла и полудрагоценных камней – янтаря и сердолика. Кроме того, будут рассмотрены недекорированные бусы-подвески из золота и серебра.

В большинстве случаев полихромные бусы орнаментированы линиями и «глазками», причем последних больше. Монохромные бусы имеют аналогичную форму – они биконические, рельефные и округлые. Все зафиксированные на территории Грузии экземпляры полихромных и монохромных бус – импортного производства. На сегодняшний день в Грузии не обнаружены остатки стеклоделательных мастерских Классического периода.

Параллели как сердоликовым, так и янтарным бусам обнаруживаются главным образом в материалах, открытых раскопками могильников Раннего железного века. Следует отметить обнаруженные исследователи доказательства добычи сырья для производства бус из полудрагоценных камней – сердолика и других пород – и на территории Колхиды. Такие находки в Грузии происходят из могильников, относящихся к Эпохе раннего железа. Не исключено, что они были местного производства. На этот факт указывает находка заготовок для изделий из янтаря и сердолика в Мухурче. Однако янтарь в виде необработанного сырья, вероятнее всего, импортировали.

Аналогии украшениям из золота и серебра, обнаруженным в колхских и греческих могильниках V–IV вв. до н. э. в Пичвнари, обнаруживаются среди местных золотых изделий, характеризующихся общими чертами художественного стиля и техники. Примечательно, что большая их часть – местного происхождения.

Pendant-beads Found at Colchian and Greek Cemeteries from the Fifth and Fourth Centuries BC in Pichvnari

This paper addresses few samples of polychrome and monochrome glass, as well as those made of semiprecious stones, amber and cornelian. There also is an account of plain gold and silver pendant-beads.

In majority of cases, polychrome beads are decorated with lines and eyes. The latter are more abundant. Monochrome beads are of the same shapes: biconical, embossed and rounded. All the cases of polychrome and monochrome beads recorded in Georgia had been once imported to its territory. So far no glass workshop of the Classical Period have been found in Georgia.

Parallels to both carnelian and amber beads occur mostly among the materials, which have been brought to light at cemeteries from the Early Iron Age. It should be mentioned that scholars corroborate the fact of extraction of semiprecious beads of carnelian and other stones in Colchis. Similar objects have been discovered in Georgia at the cemeteries dated to the Early Iron Age. As regards to their place of manufacture, it may well be so, that they are of local origin. In support of that fact comes forward the discovery of amber and cornelian semi-finished products in Mukhurcha. Though, amber, as raw material, most likely, had been imported.

Adornments of gold and silver found at Colchian and Greek cemeteries from the fifth and fourth centuries BC in Pichvnari, find their analogues among local gold objects, which are characterized as having common artistically-stylistic and technical features. Admittedly, the most part of them are of local origin.

Fig. 1. Beads from Pichvnari cemeteries
Рис. 1. Бусы из могильников Пичвнари

Херсонес Таврический во второй четверти III в. до н.э.

Начнем с преамбулы, касающейся предыдущего периода. После победы демократов в гражданском противостоянии, отраженном в херсонесской Присяге¹, город вступает в период своего наивысшего благополучия и процветания. Прекращение гражданских распри знаменовалось для Херсонеса расцветом во всех областях: в экономике, градостроительстве, культуре. Остановлюсь на главных итогах этого этапа. Херсонес по площади достигает почти максимальной величины, за счет застройки западной части мыса между современными Песочной и Карантинной бухтами. Площадь города выросла втрое². Территория Херсонесского государства простирается в эти времена от Балаклавской бухты по побережью, возможно, без перерыва почти до Перекопа.

Очевидно, на первую четверть III в. до н.э. приходится пик экономического процветания Херсонесского государства, его политической стабильности и безопасности. На это указывает динамика выпуска клейменных амфор в это время – абсолютный пик³; массовый выпуск полновесной серебряной монеты в двух весовых системах (по два номинала в каждой)⁴ и другие данные.

Признаки неблагополучия вокруг Херсонеса наблюдаются уже в начале 70-х гг. III в. до н.э., например, они проявлялись в массовых надчеканках полновесных серебряных и медных монет⁵. Природа надчеканок не всегда понятна, но чаще всего их появление связано с различными экспериментами над курсом монет, что отражало экономическое неблагополучие.

Можно предполагать, что первый грозный набег кочевых варваров приходится на время около рубежа первых двух четвертей III в. до н.э. Можно предполагать, что именно с этими событиями связаны клады из серебряных и медных монет на Гераклейском полуострове и в Северо-Западном Крыму⁶, резкое снижение выпуска клейменных ам-

¹ IOSPE I², 401.

² Antonova 1990, 17.

³ Kats 1995, 108,109.

⁴ Turovskiy 1997, 45.

⁵ Turovskiy 1997, 47.

⁶ Turovskiy 1997, 46.

фор⁷, прекращение существования ряда неукрепленных усадеб на хоре, например, усадеб у Евпаторийского маяка. В.И. Кац, по данным клейм из этих усадеб, датирует время прекращения их существования около 275 г. до н.э.⁸ Гибель неукрепленных усадеб у озера Панское датируется, по-видимому, тем же временем⁹.

Можно полагать, что варварское нашествие произвело на херсонеситов очень мрачное впечатление и весьма негативно повлияло на экономику полиса. Херсонес, судя по всему, в этих условиях предпринимал усилия по стабилизации положения и упрочению безопасности. Этому есть прямые археологические и нумизматические подтверждения. Что касается данных археологии, на это указывает, прежде всего, создание цитадели в юго-восточной части херсонесской крепости, при строительстве которой были использованы надгробные стелы городского некрополя и, вероятно, рустованные блоки близлежащих к городу сельских усадеб (факт разборки башен этих усадеб во 2-й четверти III столетия установлен археологически на ряде усадеб)¹⁰.

Еще один путь обеспечить в данном случае экономическую безопасность Херсонеса с начала второй четверти и по 60-е гг. III в. до н.э. дает нумизматика. Возобновляется чеканка медной монеты во второй четверти III в. до н.э. Сопоставление имен магистратов, контролирующих чеканку серебряной и медной монеты показывает, что это были разные люди, по крайней мере, в подавляющем большинстве случаев. Таким образом, сходство портрета богини Девы на серебре с именами Минестрат, Евридам и Гимн и медных монет с именами Ксенокл и Хорей, скорее всего, однозначно указывает на то, что монеты выпускались синхронно, может быть, и штемпеля монет изготавливали одни и те же люди (рис. 1). В своё время В.А. Анохин высказывал подобное предположение, объединив эти серебряные и медные монеты в одну серию¹¹. Еще один момент: старший номинал меди гораздо легче меди IV в. до н.э. (часто в два раза).

Поскольку никаких письменных свидетельств о процессах в монетном деле не имеется, то придется опираться только на данные, которые предоставляют сами монеты. Исходя из данных нумизматики, можно заключить, что полновесное серебро первой четверти III в. до

⁷ Kats 1995, 109.

⁸ Kats 1994, 42; Kolesnikov 1984, 85.

⁹ Hannestad, Stolba, Scegllov 2002.

¹⁰ Zolotarev, Turovskiy 1990; Turovskiy 1994, 18.

¹¹ Anokhin 1977, 28.

н.э. изымается из обращения, в обмен власти, по-видимому, давали новые серебряные монеты прежних типов: Геракл – Дева на троне (старший номинал); Геракл – бодающий бык (младший номинал), но их вес был уменьшен в два раза. По-видимому, эта редукция вызвала у граждан крайне негативную реакцию. На это указывает, то обстоятельство, что спустя три года эти монеты были также изъяты из обращения при магистрате Минестрате, который выпустил новую серию серебра, которая была не менее четверти века самым авторитетным средством платежа и сбережения (рис. 2).

Всем попыткам стабилизировать ситуацию вокруг Херсонеса положил конец новый сокрушительный удар по территории Херсонесского государства, который нанесли варвары в 60-е гг. III в. до н.э. Ужасающую картину разгрома херсонесской хоры показывают археологические раскопки. Среди сгоревших усадеб на берегу современного озера Панское обнаружены останки их обитателей, не успевших покинуть свои жилища¹². Могила погибшего воина этого времени обнаружена на Южно-Донузлавском городище¹³. Однако, судя по раскопкам других памятников хоры, истребление населения хоры не имело массового характера: кто-то успел укрыться за стенами городов (Херсонеса, Керкинитиды и Калос Лимена), кто-то был уведен в рабство¹⁴. Следы запустения и разрушения прослеживаются и на других памятниках Северо-Западного Крыма¹⁵. На усадьбах Гераклеийского полуострова население успело вовремя их покинуть и даже эвакуировать имущество¹⁶. С чем никак нельзя согласиться, так это с тем, что вскоре после разгрома хоры варварами в 270-260-е гг. до н.э., началось перераспределение земель и этот процесс был отражен в документе о продаже земельных участков (IOSPE, I², 403)¹⁷. Совершенно не логичное заключение, о чем я уже говорил¹⁸. Решительное несогласие с предложенной датировкой памятника очень аргументировано высказал В.П. Яйленко¹⁹.

На самом деле, неужели в условиях смертельной угрозы для самого полиса самое время продавать земельные участки. Мало того, что

¹² Shcheglov 1976, 136-137.

¹³ Dashevskaya 1964, 151.

¹⁴ Kutaysov, Uzhentsev 1994, 55.

¹⁵ Kutaysov 2003, 75-76.

¹⁶ Zolotarev, Turovskiy, 1990, 78-79.

¹⁷ Solomonik.Nikolaenko 1990, 93; Vinogradov, Shcheglov 1990, 263.

¹⁸ Turovskiy 1992, 37-42.

¹⁹ Yaylenko 2001, 182-185.

это мероприятие, затрагивающее интересы большого числа граждан, требовало больших усилий и затрат, совершенно непонятно для чего это было столь необходимо. Другое дело через 25-30 лет, когда сменилось поколение граждан. В годы лихолетья, связанные с ожесточенной борьбой против варваров, кто-то мог погибнуть, некоторые роды могли прерваться естественным путем. А около конца третьей четверти III в. до н.э., когда ситуация вокруг Херсонеса стабилизировалась и появилась возможность восстановить поселения хоры на Гераклевском полуострове и в Северо-Западном Крыму, очевидно, и настало время для создания нового земельного кадастра, отражающего реалии во вновь сложившихся условиях.

Литература / References

- Anokhin, V.A. 1977: *Monetnoe delo Khersonesa (IV v.do n.e. – XII v.n.e.)*. Kiev.
Анохин, В.А. *Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.)*. Киев.
- Antonova, I.A. 1990: Rost territorii Khersonesa (po dannym izucheniya oboronitel'nykh sten). In: *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. Sverdlovsk, 8-25.
Антонова, И.А. Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен). В сб.: *Античная древность и средние века*. Свердловск, 8-25.
- Vinogradov, Yu.G. Shcheglov, A.N. 1990: Obrazovanie territorial'nogo Khersonesskogo gosudarstva. In: *Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura*. Moscow.
Виноградов, Ю.Г., Щеглов, А.Н. Образование территориального Херсонесского государства. В сб.: *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М.
- Dashevskaya, O.D. 1964: Raskopki Yuzhno-Donuzlavskogo gorodishcha v 1961-1962 gg. In: *Kratkie soobshcheniya Odesskogo gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeya*. Odessa, 151.
Дашевская, О.Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961-1962 гг. В сб.: *Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея*. Одесса, 151.
- Hannestad, L., Stolba, V.F., Sceglov, A.N. (eds.) 2002: *Panskoye I. The Monumental Building U6*. Vol. 1. Aarhus.
- Kats, V.I. 1994: *Keramicheskie kleyma Khersonesa Tavricheskogo (catalog-*

- opredilitel*). Saratov.
- Кац, В.И. *Керамические клейма Херсонеса Таврического (каталог-определитель)*. Саратов.
- Kats, V.I. 1995: *Dinamika proizvodstva amfornoy tary v ellinisticheskom Khersonese*. In: *Antichnye polisy i mestnoe naseleniye Prichernomorya*. Sevastopol, 107-110.
- Кац, В.И. Динамика производства амфорной тары в эллинистическом Херсонесе. В сб.: *Античные полисы и местное население Причерноморья*. Севастополь, 107-110.
- Kolesnikov, A.B. 1984: *Antichnye sel'skie usad'by u Evpatoriyskogo mayaka*. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. 4, 76-86.
- Колесников, А.Б. Античные сельские усадьбы у Евпаторийского маяка. *Вестник Московского университета* 4, 76-86.
- Kutaisov, V.A. 2003: *Kerkinitida i Khersones v IV-II vv. do n.e.* *Vestnik drevney istorii* 2, 60-90.
- Кутайсов, В.А. Керкинитида и Херсонес в IV-II вв. до н.э. ВДИ 2, 60-90.
- Kutaisov, V.A., Uzhentsev V.B. 1994: *Vostochnye vorota Kalos Limena*. In: *North-West Crimea in Ancient Time*. Kiev, 44-71.
- Кутайсов, В.А., Уженцев, В.Б. Восточные ворота Калос Лимена. В сб.: *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. Киев, 44-71.
- Shcheglov, A.N. 1976: *Polis i Chora*. Simferopol.
- Щеглов, А.Н. *Полис и хора*. Симферополь.
- Solomonik, E.I., Nikolaenko, G.M. 1990: *O zemel'nykh uchastkakh Khersonesa v nachale III v. do n.e. (k IOSPE,I2,403)*. *Vestnik drevney istorii* 2, 79-99.
- Соломоник, Э.И., Николаенко, Г.М. О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н.э. (к IOSPE,I2,403). ВДИ 2, 79-99.
- Turovskiy, E.Ya. 1994: *Khronologiya sel'skikh usadeb Khersonesa na Gerakleyskom poluostrove v IV-II vv. do n.e.* Avtoreferat kand. diss. Sankt-Peterburg.
- Туровский, Е.Я. *Хронология сельских усадеб Херсонеса на Гераклеиском полуострове в IV-II вв. до н.э.* Автореферат канд. дисс. СПб.
- Turovskiy, E.Ya. 1997: *Monety nezavisimogo Khersonesa*. Simferopol.
- Туровский, Е.Я. *Монеты независимого Херсонеса*. Симферополь.
- Zolotarev, M.I., Turovskiy, E.Ya. 1990: *K istorii antichnykh sel'skikh usadeb Khersonesa na Gerakleyskom poluostrove*. In: *Ancient Black Sea Coast. Proceedings of the I International Conference Memory P.O.*

Karyskovskiy. Odessa, 71-78.

Золотарев, М.И., Туровский, Е.Я. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклеяском полуострове. В сб.: *Древнее Причерноморье. Материалы I международных чтений памяти П.О. Карышковского*. Одесса, 71-78.

Yaylenko, V.P. 2001: Nekotorye voprosy interpretacii khersonesskoy prisyagi i pochetnoy nadpisi Agasikla. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 10. Moscow; Magnitogorsk, 175-187.

Яйленко, В.П. Некоторые вопросы интерпретации херсонесской присяги и почетной надписи Агасикла. В сб.: *Проблемы истории, филологии, культуры* 10. Москва; Магнитогорск, 175-187.

Рис.1. а,б - серебро; в,г - медь

Рис.2. Последовательная цепочка магистратов 2-й четверти III в. до н.э.

Круглая постройка эллинистического времени из раскопок усадьбы 320 на Гераклеяском полуострове (предварительная публикация)¹

Постройки округлой в плане формы на ближней хоре Херсонеса, их датировка и назначение неизменно вызывают дискуссию среди исследователей. Как правило, большинство таких сооружений относят к позднеантичному времени. Вместе с тем, очевидно, что массив «круглых построек» Гераклеяского полуострова распадается на несколько групп различных по происхождению, хронологии и конструктивным особенностям сооружений. Доля эллинистических памятников среди них невелика. В связи с чем вызывает интерес обнаружение нового объекта, относящегося именно к этому периоду.

Древний земельный участок 320 расположен в южной части Гераклеяского полуострова, на южном склоне Верхне-Юхариной балки. Усадьба находится в северо-восточном районе участка, на наделе 2, возле продольной дороги L. Границы наделов визуальнo не читаются ввиду активного сельскохозяйственного освоения территории в новейшее время и прокладывания грунтовой дороги. В монографии Г.М. Николаенко объект отнесен к соседнему участку 321², однако детальное изучение аэрофотоснимков показало, что его необходимо связать с участком 320. Впервые комплекс зафиксирован сотрудниками Севастопольского Музея Краеведения в 1927 г., описан Е.В. Веймарном³, состоит на государственном учете.

В апреле-мае 2017 г. экспедиция музея-заповедника «Херсонес Таврический» под руководством автора доклада провела первые раскопки на данном памятнике. Раскопом площадью 100 м² открыт юго-восточный фасад северной башни усадьбы (рис. 1, 1), в 1,5 м от северного угла которой была обнаружена дугообразная в плане стена, уходящая в борт раскопа. После прирезки дополнительного квадрата был выявлен весь контур округлой в плане постройки.

¹ Работа подготовлена при поддержке проекта РФФИ № 17-01-18016-е «Организация экспедиции по детализации пространственной структуры ближней хоры Херсонеса Таврического».

² Nikolayenko 2001, 120.

³ Veymarn 1935, 21.

Внешний диаметр сооружения составляет 5,6 м, внутренний — 4,4–4,55 м. Однорядная двухслойная кладка, стоящая непосредственно на материковой скале, сохранилась на высоту до шести рядов (1,18 м). Сложена преимущественно из бутового и слабообработанного камня: известняковых околотых, местами отесанных блоков размерами, как правило, не более 35x35x30 см. Связующий раствор — желтая глина. Постройка вписана в окружающий рельеф: с юга и юго-востока однослойная кладка примыкает непосредственно к материковой скале. С севера и северо-запада с внешней стороны постройки исследована нивелировочная насыпь мощностью до 0,8 м. Слой состоит из плотно утрамбованной забутовки на коричневой глине: материал единичен, представлен мелкими фрагментами стенок амфор и фрагментом крышки кухонной кастрюли.

Помещение имело полуподвальный характер и было заглублено от поверхности скалы у башни и от уровня забутовки к западу от строения на глубину до 0,8 м. Роль пола, очевидно, выполняла скальная поверхность, на которой фиксируется слабый, по большей части плохо уловимый «натоптыш».

Прослежена стратиграфия помещения (рис. 1, 2). Под дерном (слой 1) находится мощный каменный завал (слой 2). Далее расположен мощный горизонт суглинка, в котором выделяются три слоя.

Слой 3. Светло-желтый суглинок мощностью 55–80 см. Перекрывает постройку и частично заполняет ее до уровня верхних двух рядов кладки. Среди датирующего материала отметим фрагменты рельефных чаш производства Книда, ионийских центров, Ким (мастерская Кирбея). В нижней части слоя встречено синопское клеймо с именем астинома *Nestiaios Artemidōrou*, 30-е гг. IV в. до н. э.⁴ Херсонесские клейма с именем астиномов *Aischinēs* (рубеж IV и III вв. до н. э.)⁵ и фабрикантское *Πα(...)*. Здесь же зафиксированы свинцовые «тессеры» типа «букраний – голова Гермеса в петасе вправо»⁶ и «букраний-дельфин вправо»⁷.

Нижележащие слои 4 (7) и 5 (8) выделяются визуально, граница между слоями нечеткая. Оба слоя содержат находки, относящиеся к хронологическому диапазону от конца IV до рубежа III–II вв. до н. э.

Слой 4 (серый суглинок) содержал херсонесские клейма с именем магистрата *Sōtadas* последней четверти IV в. до н. э.⁸ и фабрикантское

⁴ Kats 2007, 435.

⁵ Kats 2007, 326, 442.

⁶ Turovskiy 2013, tabl. 35, 11–12.

⁷ Turovskiy 2013, tabl. 35, 6.

⁸ Kats 2007, 326, 442.

Па(...), фрагменты столовой амфоры с росписью в стиле «West Slope».

Материал Слоя 5 представлен дихалком типа «грифон влево – коленопреклонная Дева вправо» с надчеканкой «дельфин», насыщен чернолаковой керамикой. Из открытых сосудов нужно отметить одну-ручную чашу (рис. 2, 4), солонку (рис. 2, 3), миску с отогнутым краем и крупными штампованными пальметтами на дне (рис. 2, 3, 6). Последние находят аналогии среди форм начала II в. до н. э.⁹

В нижней части заполнения, непосредственно над скальным полом, обнаружена фрагментированная тарелка с загнутым валикообразным бортиком (рис. 2, 1). Лак красно-коричневый, неровный с металлическим блеском. Тарелки с близкой профилировкой бортика появляются в первой четверти II в. до н. э.¹⁰ и бытуют до конца столетия; данная находка является одной из позднейшей в комплексе. Показательно, что фрагмент этой же тарелки обнаружен в верхнем пласте слоя.

Среди закрытых форм выделяется аттический лагинос (рис. 2, 8), декорированный орнаментацией «West Slope» (гирлянда: процарапанная линия с листовидными подвесками), который по морфологическим признакам должен быть датирован серединой III в. до н. э.¹¹ Из нижней части заполнения постройки происходит также аттический канфар эллинистической серии со сферическим туловом на рельефной ножке (рис. 2, 7). Орнаментация в стиле «West Slope»: плющевая гирлянда с процарапанным побегом и нанесенными жидкой глиной листьями.

Обработка материалов из комплекса продолжается, но представляется, что засыпь помещения относится ко времени не ранее начала II в. до н. э., вероятно к первой четверти столетия. Очевидно, к этому времени необходимость в помещении отпала и оно было заполнено двумя порциями грунта (слои 4 и 5); по всей видимости, одновременно с возведением пирамидального пояса северной башни усадьбы.

Литература / References

- Rotroff, S. 1997: Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. *The Athenian Agora XXIX*. Part 1, 2. Princeton, New Jersey.
- Kats, V.I. 2007: *Grecheskie keramicheskie kleyma epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya)*. Bosporskie issledovaniya XVIII.

⁹ Rotroff 1997, №924–925.

¹⁰ Rotroff 1997, № 671, 673.

¹¹ *Rb rb f* 1997, 353, № 1146.

Simferopol'; Kerch'.

Кац В.И. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)*. Боспорские исследования XVIII. Симферополь; Керчь.

Nikolayenko, G.M. 2001: *Khora Khersonesa Tavricheskogo*. Sevastopol.

Николаенко, Г.М. *Хора Херсонеса Таврического*. Севастополь.

Turovskiy, E.Ya., Gorbatov, V.M. 2013: *Monety antichnogo i srednevekovogo Khersonesa. Katalog-opredelitel*. Simferopol.

Туровский, Е.Я., Горбатов, В.М. *Монеты античного и средневекового Херсонеса. Каталог-определитель*. Симферополь.

Veymarn, V.E. 1935: *Opisaniye k albomu-kartoteke chertezhey ostatkov antichnykh sooruzheniy na Gerakleyskon poluoostrove. Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika Khersones Tavricheskiy*. № 1404/1.

Веймарн, В.Е. *Описание к альбому-картотеке чертежей остатков античных сооружений на Гераклеиском полуострове. НА ГМЗХТ 1404/1*.

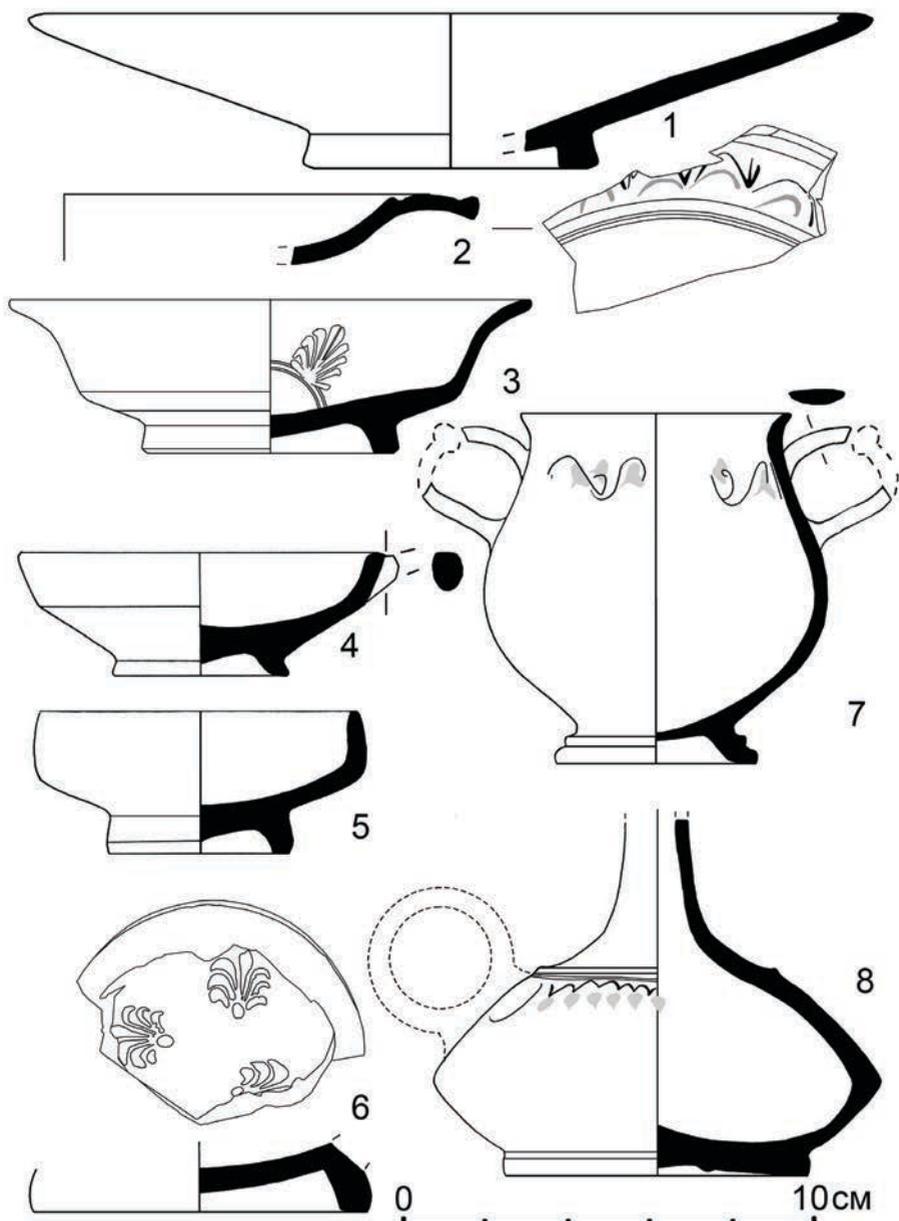

Рис. 2. Чернотаковая керамика из засыпи круглого помещения усадьбы участка 320.

Северо-восточный район Херсонеса в позднеантичный период

Раскопки Херсонеса продолжаются уже 190 лет. Накоплен громадный археологический материал, который требует осмысления. В последние десятилетия внимание исследователей обратилось к его позднеантичному этапу истории, тем более, что в мировой науке (начиная с работ А.Х.М. Джонса и П. Брауна) возобладала тенденция выделять этот период как особый. Характер материальной культуры, особенности духовной культуры, внешние условия не только в Херсонесе, но и во всем Восточно-Средиземноморском регионе, позволяют говорить о культурной целостности с середины/второй половины IV до второй половины/конца VI в., в рамках которых мы и будем рассматривать позднеантичный период истории Херсонеса на примере его Северо-восточного района.

Традиция делит херсонесское городище на ряд районов. В Северо-восточном районе открыты памятники, начиная с эпохи классики и до прекращения постоянной городской жизни в XIII в. Здесь были проведены первые археологические раскопки военным чиновником К. Крузе в 1827 г., графом А.С. Уваровым в 1853 г. («Уваровская» базилика), с осени 1876 г. начались работы ООИДа (городские кварталы и культовые памятники). Отсюда начинал свою раскопчную деятельность К.К. Косцюшко-Валюжинич, которого сменил Р.Х. Лепер. В советское и постсоветское время доисследования Уваровской базилики провел О.И. Домбровский, раскопки городских кварталов – экспедиции И.А. Антоновой, С.Г. Рыжова и М.И. Золотарева. Исследования продолжают (район базилики «Крузе» и XCVII квартал).

Территориально этот район (рис. 1А) ограничен остатками оборонительных стен и башен (с юга – башни XXII, XXIII, XXIII1, куртины 26, 27; с востока – куртины 28, 29 и 30 на крайнем северо-востоке и башня XXIV), с севера – обрывистым берегом. Большая часть территории района до сих пор скрыта под мощным слоем земли, на месте квартала ІВ расположилась насыпь батареи «Канэ».

Нумерация жилых кварталов (средневековой эпохи) начинается также здесь. С северо-западной стороны т.н. Главной улицы это последовательно, считая от площади Восточной базилики (античного

Теменоса), кварталы IB, I, II, III, VI (первый ряд), затем IB, IV, V (второй ряд у берега моря); с юго-восточной стороны – С, ХСVII, ХСIV, ХСI, LXXXVII, LXXXV (первый ряд), СI, ХСVIII, ХСV, ХСII, LXXXIX, LXXXVI (второй ряд), затем ХСVI, ХСIII, ХС, LXXXVII (третий ряд), наконец, СII, ХСIX (участок базилики «Крузе»). Кварталы VII, LXXXIII, LXXXIV скорее нужно отнести к центральному району.

На северо-востоке были открыты храмовые комплексы Уваровской (№ 23), Восточной (№ 36), «Крузе» (№ 7) базилик, «подземный храм» (№ 25); другие культовые сооружения (34, 24, А, 6, 8, 37). Всего исследована малая часть района – жилые кварталы IB, I, II, III, VI, С, ХСVII и те участки, где были построены эти три крупнейшие базилики.

Изучению подверглось несколько категорий археологических памятников. Это заполнение колодцев и цистерн: «Херсонес спрятался вглубь цистерн, колодцев...» (К.Э. Гриневич); – около пяти десятков. Рыбозасолочные цистерны позволяют говорить о развитии этого вида производства. Цистерны содержат переотложенный материал, который был сброшен в резервуары при перестройках городской территории. Хронология амфор и краснолаковой керамики может указывать на время этих работ. Три цистерны одного из таких комплексов были открыты в восточном углу I квартала (раскопки М.И. Золотарева). Пол одной из них был выложен плинфой с клеймами первой половины V в. В III кв. была цистерна и хранилище соленой рыбы в пифосах. Две цистерны (на участке базилики «Крузе») засыпаны при строительстве храма в середине V в. (рис. 1B, 3, 4). В это же или близкое время перестали использоваться и водосборные цистерны (кв. II, раскопки С.Г. Рыжова; во дворе и в пом. 8 кв. ХСVII – рис. 1B, 1, 2) и колодцы.

Эти процессы отражены также в материалах слоев засыпи жилых помещений (4 слой пом. III, кв. С (засыпь ямы), раскопки 1990 г.; 5 слой пом. 10, кв. ХСVII – рис. 1B, 4; и др.).

На территории района функционировали два винодельческих комплекса – в III (засыпан – в середине-конце V или в самом начале VI вв.) и в ХСVII кварталах (в пом. 4, 5, 9, 10, 15; засыпан в конце первой – начале второй четверти V века), а также печи для обжига керамики – у оборонительной стены (береговой обрыв) (раскопки И.А. Антоновой 1967 г.); в III квартале (раскопки М.И. Золотарева 1983 г.; на продольной улице у базилики «Крузе» (раскопки 2015 г.) (рис. 1B, 6).

Культовые памятники. Так называемый «Подземный храм» в III квартале мог быть митреумом или подземной частью христианского храма (А.Н. Щеглов). Исследования последнего десятилетия (судя по

материалам из под полов храма и насыпей цистерн) не оставляют сомнения, что базилика «Крузе» была построена в середине VI в. при Юстиниане I. Возведение Восточной и Уваровской базилики нужно отнести к концу VI – началу VII вв.

Таким образом, можно заключить, что в течение второй половины V – первой половины VI вв. при сохранении градостроительной сети (А.В. Буйских) начинается кардинальная перестройка жилых кварталов. Засыпаются колодцы и большая часть цистерн. Функционируют производственные комплексы: две винодельни и печи для обжига керамики (возможно амфор и херсонесской сигилляты). Начинается возведение новых христианских культовых построек (базилика «Крузе»). Существование культа Митры, деятельность иудейской общины с синагогой на северном берегу отражает сложную этноконфессиональную обстановку в городе. Эта кардинальная перестройка завершается в начале VII в., что знаменует собой наступление собственно раннесредневековой эпохи.

Развитый керамический комплекс (строительная керамика; амфорная тара; столовая – простая, краснолаковая, кухонная гончарная и лепная керамика, светильники), стекло, бижутерия свидетельствуют о континуитете материальной культуры IV – конца VI/начала VII вв., а амфоры и краснолаковая керамика (рис. 2) о тесных связях Херсонеса с Понтийским и Восточно-Средиземноморским миром.

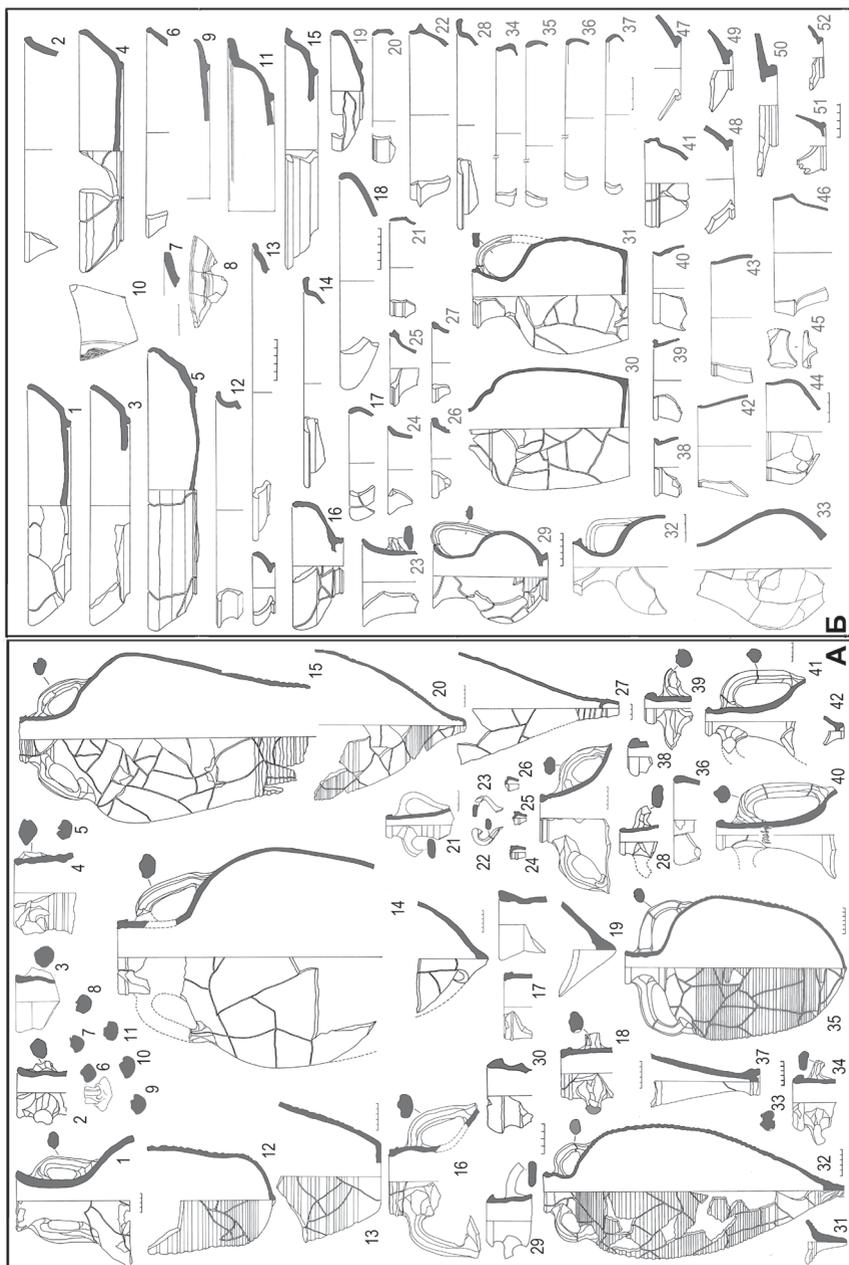

Рис. 2. Новые находки амфор и краснолаковой керамики из Северо-восточного района Херсонеса. А – амфоры из колодца в пом. 4, Б – краснолаковая керамика из цистерны в центре двора.

Новые данные о керамическом производстве Херсонеса Таврического в эллинистическую эпоху

В 2014-2015 гг. экспедиция музея-заповедника «Херсонес Таврический»¹ проводила исследования в зоне строительства «Севастопольского президентского кадетского училища»². Территория, на которой велись изыскания, находится в северо-восточной части Гераклейского полуострова и занимает весь западный мыс Стрелецкой бухты, в древности являвшийся частью блока № 82 земельных наделов сельскохозяйственной округой Херсонеса Таврического³.

В 2014 г. в ходе предварительных разведок было выявлено, что инфраструктура надела (размежевка, остатки усадеб), отмечавшаяся исследователями, к настоящему времени не сохранилась. Вероятнее всего, она была уничтожена в процессе функционирования воинской части, располагавшейся здесь во второй половине XX в. Тем не менее, в обресе берега в южной части мыса были замечены обнажения культурного слоя и значительное скопление керамики, в связи с чем на данном участке были проведены археологические работы (рис. 1).

Обнаруженный памятник оказался сильно поврежден в ходе строительных работ, которые велись на данной территории на протяжении более чем 100 лет. Архитектурные остатки наземных сооружений были представлены фрагментами построек новейшего времени – обрывками трех стен и фундаментом печи. Они, вероятно, относились к складам нефтепродуктов, существовавшим здесь в конце XIX – начале XX вв. Строительные остатки более раннего времени, по всей видимости, были разрушены или разобраны при их сооружении. Слой, относящийся ко времени бытования этих построек, отмечался по всей территории раскопа и был насыщен бытовым мусором и обломками строительной керамики XIX–XX вв.

Архитектурные остатки эллинистического времени представлены тремя вырубленными в скале конструкциями и тремя ямами, на наш

¹ Автор доклада благодарит С.Г. Демьянчука за возможность опубликовать результаты исследования.

² Demyanchuk 2015; Nikolaenko 2001, 132-141.

³ Nikolaenko 2001, 132-141.

взгляд, производственного характера. Особый интерес представляла конструкция №2 — подпрямоугольной формы, разделенная стенкой из бутового камня на 2 отсека — в нижней части которой были обнаружены два слоя глины: чистой и с примесью отощителей.

Несмотря на фрагментированность и плохую сохранность, особенности планировки открытого комплекса свидетельствуют о его связи с керамическим производством. Известно, что зачастую на территории мастерской помимо собственно печи располагались различные вспомогательные конструкции: цистерны или колодцы для воды, ямы разнообразной формы для замеса глины или для просушки сосудов. Так, «бассейны» для глины, аналогичные конструкции №2, были открыты при раскопках мастерских в юго-восточном районе Херсонеса⁴.

Слой из заполнения конструкций и ям и слой, лежавший на материке, были насыщены керамическим материалом. Количественно абсолютно преобладали фрагменты строительной, тарной и столовой керамики IV-III вв. до н.э. херсонесского производства, причем нужно отметить множество фрагментов со следами производственного брака.

Уточнить датировку комплекса позволяют данные керамической эпиграфики⁵. Всего было найдено более 30 обломков амфорных ручек с клеймами. Практически все они, за единственным исключением, херсонесские (причем неоднократно встречались экземпляры с именем одного и того же магистрата) и укладываются в рамки последнего десятилетия IV – первой трети III вв. до н.э.⁶ Единственное родосское клеймо относится к более позднему времени – 245-235 гг. до н.э.⁷

Часть находок из раскопок комплекса непосредственно связана с керамическим производством. Это разнообразные приспособления и инструменты гончара – лоцило⁸, штамп с изображением пальметты⁹ и подставка под амфору¹⁰; конструктивные детали печи – фрагменты обмазки свода и пода и сырцовых кирпичей, а также сильно фрагментированные керамические трубы (их могли использовать как воздуховоды и/или ребра свода печи¹¹).

⁴ Koscyushko-Valyuzhinich 1902, 17-26; Koscyushko-Valyuzhinich 1907, Табл. V.

⁵ Автор выражает благодарность за определение клейм Е.Я. Туровскому и М.И. Тюрину.

⁶ Kats 2007, 44, 326; Кас 1994, 78-79.

⁷ Kats 2007, 422.

⁸ Keramicheskoe proizvodstvo 1966, 12, 18, 20, Табл. 27, 7-9.

⁹ Опубликовано: Ushakova 2015; ср.: Anderson-Stojanović 1992, 11., Pl. 3, 150; Camp 2007, 642-644, Fig. 18; Davidson 1952, 330-331, Pl. 135, 2851.

¹⁰ Keramicheskoe proizvodstvo 1966, 15-16, Табл. 27, 3, 4.

¹¹ Billot, Billot, Kassab Tezgör 2009, 110-114, Fig. 4-11; Coja, Dupont 1979, 37-38, Pl. 10, 13.

Хотя остатков самой обжигательной печи в ходе раскопок обнаружено не было, найденные архитектурные остатки (в частности, конструкция №2, которая явно использовалась в качестве глиносажадающего бассейна) и сопутствующий археологический материал (конструктивные детали печи, разнообразные приспособления и инструменты гончара, а также большое количество керамического брака) указывают на то, что открытый комплекс, скорее всего, является частью гончарной мастерской, функционировавшей в конце IV – первой трети III вв. до н.э.

Литература / References

- Anderson-Stojanovič, V.R. 1992: *Stobi: Results of the Joint American Yugoslav Archaeological Investigations, 1970–1981*. Princeton.
- Billot, M.-F., Billot, J.-F., Kassab Tezgör, D. 2009: Les fours: leur structure et le mode de construction. In: Les fouilles et le materiel de l'atelier amforique de Demirci pres de Sinope. *Varia Anatolica* XX. Institut Français d'études Anatoliennes, 135–212.
- Camp, J. 2007: Excavations in the Athenian Agora: 2002-2007. *Hesperia* 76 (4). Princeton, 627–663.
- Coja, M., Dupont, P. 1979: Ateliers céramiques. *Histria* V. București; Paris
- Davidson, G.R. 1952: The Minor Objects. *Corinth* XII. Princeton; New Jersey.
- Demyanchuk, S.G. 2015: Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii objekta arheologicheskogo nasledija «Blok zemel'nyh nadelov №82 antichnoj khory Khersonesa Tavricheskogo» na uchastke stroitel'stva Sevastopol'skogo prezidentskogo kadetskogo uchilishcha v g. Sevastopole po ul. Parkovaya, 1 v 2014 g. *Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika Khersones Tavricheskiy*. №. 4493.
- Демьянчук, С.Г. Отчет об археологических разведках на территории блока земельных наделов №82 хоры Херсонеса Таврического на участке строительства Севастопольского президентского кадетского училища в г. Севастополе в 2014 г. *НА ГМЗХТ*. №. 4493.
- Kats, V.I. 1994: *Keramicheskie kleyma Khersonesa Tavricheskogo: Katalog opredelitel'*. Saratov.
- Кац, В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического: Каталог определитель. Саратов.
- Kats, V.I. 2007: *Grecheskie keramicheskie kleyma epokhi klassiki i ellinizma*

- (*opyt kompleksnogo izucheniya*). Bosporskie issledovaniya XVIII. Simferopol'; Kerch'.
- Кац В.И. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)*. Боспорские исследования XVIII. Симферополь; Керчь.
- Keramicheskoe proizvodstvo i antichnye keramicheskie stroitel'nye materialy*. (SAI. Вып. G1-20). Moscow.
- Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. (САИ. Вып. Г1-20). М.
- Koscyushko-Valyuzhinich, K.K. 1902: Raskopki v Khersonese Tavricheskom v 1900 g. *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii* 2, 1–39. St.Petersburg.
- Косцюшко-Валюжинич, К.К. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1900 г. *ИАК* 2, 1-39. СПб.
- Koscyushko-Valyuzhinich, K.K. 1907: Otchet o raskopkakh v Khersonese Tavricheskom v 1905 g. *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii* 25, 67–171.
- Косцюшко-Валюжинич, К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. *ИАК* 25, 67–171.
- Nikolaenko, G.M. 2001: *Khora Khersonesa Tavricheskogo. Zemel'nyy kadastr IV–III vv. do n.e.* Р. II. Sevastopol'.
- Николаенко, Г.М. *Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н.э.* Ч. II. Севастополь.
- Ushakova, K.S. 2015: Novaya nakhodka keramicheskogo shtampa iz raskopok na khore Khersonesa Tavricheskogo. In: *Novye materialy i metody arheologicheskogo issledovaniya: Materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii molodyh uchenykh*. Moscow, 106–108.
- Ушакова, К.С. Новая находка керамического штампа из раскопок на хоре Херсонеса Таврического. В сб.: *Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы III Международной научной конференции молодых ученых*. М., 106–108.

Рис. 1. Производственный комплекс. План (М. 1: 20).

О характере клеймения керамики

Со времени первых публикаций керамических клейм исследователей интересовал вопрос «кто фигурирует на клеймах?». Для клейм Синопы это было ясно из самих надписей: одно имя — это имя астинома, а второе — гончара, которого часто называют «фабрикантом». В Херсонесе гончары реже встречаются на клеймах, где маркировали свою продукцию только астиномными клеймами. Гончары в Херсонесе изредка имели свои, дополнительные клейма, которые содержали имя или монограмму. В легенде гераклейских клейм, как правило, присутствует два имени, одно из которых иногда предварено предлогом ἐλί. Предположение, что имя, предваренное предлогом ἐλί без названия должности, является магистратом, наблюдавшим за выпуском амфор и черепиц, высказал Б.Н. Граков¹. В то же время, он писал и о другой возможности: быть может мы имеем здесь дело с городским эпонимом Гераклеи? Вывод, что чиновники в энглифических клеймах контролировали керамическое производство, был сделан по аналогии с керамическими клеймами Синопы и Херсонеса. В этих двух демократических полисах действительно астиномы (реже агораномы) фигурируют в качестве магистратов, которым приписывают функции контроля над керамическим производством.

Так кто же были эти люди, предваряемые предлогом ἐλί? Ответ очевиден: эпонимами. Никакого контроля государства над керамическим производством в Гераклее не было. В некоторых штампах наблюдаются следы уничтожения имени эпонима. Очевидно, что гончар пользовался штампом на следующий год, после того как сменился эпоним, и он затер имя прошлогоднего эпонима, пока не изготовил новый штамп. По этой же причине гераклейский гончар Бакхий (рис. 1) штемпелевал черепицу на Боспоре клеймом, где фигурирует уже не действовавший гераклейский эпоним Дионисий (рис. 2)². Схожим образом поступил и Скиф, клеймивший на Боспоре черепицу штампом (рис. 3), которым ранее он клеймил амфоры в Гераклее (рис. 4).

Фискальная роль государства выражалась в том, что товар в амфорах, продаваемый на рынке, должен был маркироваться по хронологическому принципу. Очевидно, что товар с не уплаченным налогом, не

¹ Grakov 1957, 9.

² Fedoseev 2011.

мог появиться на рынке. Возможно, что клейма наносились на партию товара для учета. В Синопе и Херсонесе роль эпонима отводилась астиномам. Возможно они и следили за сбором налогов с продавцов. В Гераклее и на Боспоре, это были чиновники царского двора. Но как это происходило? Астином не мог разъезжать по мастерским, расположенным за городскими стенами. Скорее всего, он ожидал партию сосудов уже с разлитым вином в порту (не зря же он нес звание *астинома* — именно *городского* служащего), проверял наличие клейма на партии товара и осуществлял свои фискальные функции. Фискальный контроль со стороны полисов над торговлей в Синопе и Гераклее усилился после 364 г. до н.э. С этого момента клеймение в этих центрах становится нормой.

Согласно демократическому устройству, магистраты занимали должности один год. Но в хронологической колонке число имен превышает количество отведенных им лет. Это заставило исследователей радикально подойти к решению проблемы: исполнение магистратских обязанностей осуществлялось не одним человеком, а коллегией³. Эта гипотеза опровергается наличием в клеймах предлога ἐπί, который предполагает лишь одно имя в год. Коллегия магистратов обозначалась термином *duoviri* (если магистратов было два) или ἀγορανομῶντων⁴.

Изначально, с 368 года до н.э.⁵, синопские клейма копируют гераклеийские по формуле ΕΠΙ ΕΠΟΝΙΜΙ | ΓΟΝΧΑΡ (магистраты Диониисий и Эндем). Есть даже случай клеймения на горле английским клеймом. Затем появляется название магистратуры в форме ΑΣΤΥ. Вначале название магистратуры втиснуто между именами (как в клейме Аполлодора и Архептолема, рис. 5), затем оно перекечевывает в конец легенды, и, наконец, занимает место между именами. В последующий период эпонимный предлог практически полностью вытесняется названием магистратуры и лишь однажды, в конце III века до н.э., случается рецидив, эпонимный предлог вновь заменяет название магистратуры: 'Επί Δελφίνιου | τοῦ Καλλίου. | Στεφανο (рис. 6). Очевидно, что астиномная магистратура заменяет эпонимного магистрата. Характерно, что при уничтожении астиномной магистратуры, синопские амфоры начинают клеймиться штампами с датой, что еще раз свидетельствует о хронологическом характере астиномии.

Но, в каждом правиле есть исключения: дважды на синопских клеймах присутствует в качестве эпонима имя эсимнетного магистрата

³ Kats 2007, 240; Polin 2014, 320.

⁴ Fedoseev 2016, 14.

⁵ Fedoseev 2015, 360.

та: Гeфeстия и Никия. О том, что эсимнетия — это чрезвычайная магистратура, свидетельствует лишь два случая присутствия эсимнетов в клеймах Синопы. Введение этой магистратуры не изменило полисное устройство Синопы, ведь астиномное клеймение керамики продолжалось, и прерыва в производстве амфор и черепицы не было.

Если имя с предлогом ἐπί это эпоним, то кто фигурирует под вторым именем? Высказано мнение, что это владельцы глинищ, владельцы виноградников, купцы, доставляющие товар, шкиперы, капитаны коммерческих судов и т.д. На самом деле, ответ на этот вопрос несут сами клейма: на синопских клеймах распространено название керамевс (гончар), но отмечено и название эргастериарх. Сомневаться в том, что на гераклейских оттисках второе имя — это гончар (не купец, шкипер или владелец глинища) не приходится. Существует гераклейское клеймо с именем Ἀρχέστратο(ς), рядом с которым — оттиск щитка перстня с изображением амфоры (sic!) и тем же именем Ἀρχέστратο(ς) (рис. 7-8). Явно, что гончар, изготовитель амфор, хотел еще раз продемонстрировать свою марку и поместил оттиск своего перстня.

Что же везли в амфорах? В большинстве своем речь должна идти о вине. А как маркировать ту или иную партию вина? Этикеток тогда не было. Печати, закупоривавшие амфоры, мы не находим в таком количестве как сами амфоры. Остается клеймение. Партия вина предназначалась для одного сорта вина и ее маркировало имя гончара в сочетании с эмблемами. Чтобы отличить от прошлогодней партии ставились имена эпонимов. Купцы заказывали у гончаров партии амфор под конкретную закупку вина. Для распознавания марки вина (его происхождения) служила форма амфоры.

Для Херсонеса, где в клеймах не было имен гончаров, видимо не было необходимости в разграничении сортности. Известно, что большая часть виноградников находилось в одном месте — на Гераклейском полуострове. Возможно, товарное херсонесское вино не разделялось на сорта и воспринималось под одной маркой — «херсонесское». Клейма ΑΘΑΝΑΙΟΥ ΤΑΥΡΙΚΟΝ и ΑΘΑΝΑΙΟΥ ΕΙΣ ΕΜΠΟΡΙΟΝ свидетельствуют, что эти амфоры предназначались для другого сорта вина: «Из эмпория» и «Таврическое». Для Фасоса, где в клейме фигурирует также одно имя, для разграничения партий, скорее всего, служила эмблема. На Фасосе мастерские разбросаны по всему острову и вино, по всей видимости, различалось по вкусу.

Конечно, покупатель, например, на далеком Боспоре не знал, кто был эпонимом в Гераклее, Синопе или на Фасосе в тот или иной год, но

отличить купленную в прошлом году амфору с клеймом прошлогоднего эпонима он мог. Конечно, можно было заменить вино в одной амфоре, но торговля партиями полностью исключала такие махинации. Так как торговля велась партиями, то допускался неполный оттиск клейма, смазанный, нечитаемый, или даже сосуд совсем без клейма. Отсюда абсолютно не имеет смысла вычислять коэффициент клеймения сосудов. То есть вычислять конечно можно, но это не постоянная величина, в каждом случае она будет разной.

Клеймение важно было не только при экспорте продукта, но и для внутреннего рынка. Именно поэтому большая часть херсонесских клейм была найдена при раскопках самого Херсонеса. Но все же именно экспорт вина заставлял продавцов заказывать большую партию клейменной продукции и продавать ее на различных торговых площадках античного мира. Мы зачастую регистрируем партии клейменных амфор, но вместе с тем, фиксируем и одни и те же клейма в самых различных уголках античного мира.

Литература / References

- Grakov, B.N. 1957: Gerakleyskie kleyma Korpusa Keramicheskikh Kleym Severnogo Prichernomor'ya. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae (IOSPE) III*.
Граков, Б.Н. Гераклеийские клейма Корпуса Керамических Клейм Северного Причерноморья. *IOSPE III*.
- Kats, V.I. 2007: Grecheskie keramicheskie kleyma ehpokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya). *Bosporskie issledovaniya XVIII. Simferopol'-Kerch'*.
Кац, В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). *Боспорские исследования XVIII. Симферополь-Керчь*.
- Polin, S.V. 2014: *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyj mogil'nik V-IV vv. do n.e. na Khersonshchine*. Kiev.
Полин, С.В. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V-IV вв. до н.э. на Херсонщине*. Киев.
- Fedoseev, N.F. 2011: Proizvodstvo kleymenoy cherepicy v antichnom mire i na Bospore Kimmerijskom. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 4 (34), 277-308.
Федосеев, Н.Ф. Производство клейменной черепицы в античном мире и на Боспоре Киммерийском. *Проблемы истории, филологии, культуры* 4 (34), 277-308.

Fedoseev, N.F. 2015: O khronologii sinopskikh keramicheskikh kleym. *Antichnyj mir i arkhologiya* 17, 352-364.

Федосеев, Н.Ф. О хронологии синопских керамических клейм. *Античный мир и археология* 17, 352-364.

Fedoseev, N.F. 2016: *Keramicheskie kleyma. Gerakleya Pontijskaya. Kerch*.

Федосеев, Н.Ф. *Керамические клейма. Гераклея Понтийская. Керчь.*

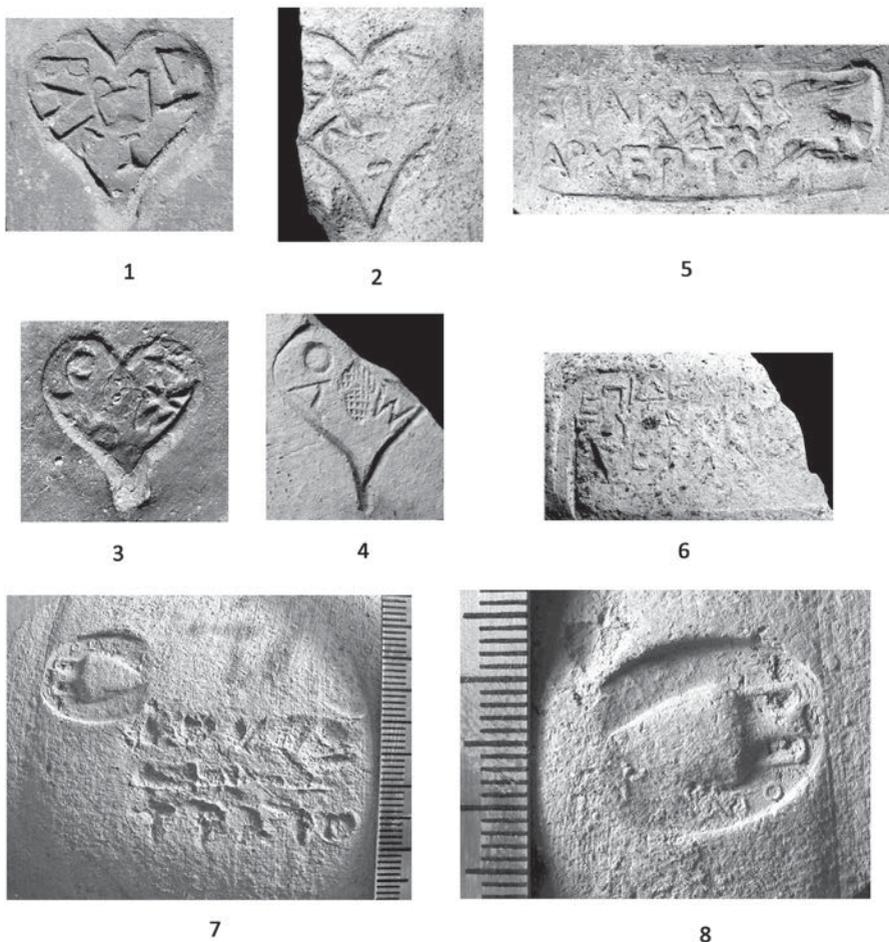

Рис. 1. Клеймо Βακχία на боспорской черепице. 2. Клеймо Βακχία на гераклейской амфоре. 3. Клеймо Σκιφα на боспорской черепице. 4. Клеймо Σκιφα на гераклейской амфоре. 5. Синопское клеймо Απολλοδώρα и Αρχεπτολέμα с названием магистратуры в форме ΑΣΤΥ между именами. 6. Синопское клеймо Δελφινία, сына Καλλία, где название магистратов заменено предлогом ἐπί. 7. Гераклейское клеймо Αρχεστράτα. 8. Оттиск кольца гончара Αρχεστράτα.

Chian Amphorae from Pichvnari Cemeteries

The paper offers a typological and chronological classification of Chian amphorae on the basis of the material brought to light in south-western Georgia. As the oldest specimens were regarded the fragments of the amphorae discovered at Batumistsikhe, dated according to the clay structure, manufacturing technique, decoration and parallels, to the late seventh or early sixth century BC.

Up to the 80 specimens of Chian amphorae have been discovered in Pichvnari Greek cemetery from the fifth and fourth centuries BC, Colchian cemetery from the fourth century BC, and the settlement site linked with them. Later varieties of amphorae with swollen neck occur in the burials from the second quarter of fifth century BC. The burials from the third and fourth quarters of the fifth century BC contained only amphorae with straight neck. The amphora, discovered in the Greek necropolis, in the context of the second quarter of the fifth century BC (platform of the burial 190), is especially noteworthy, for it can be a transitional shape between amphorae with swollen and those with straight necks.

The largest quantity of Chian amphorae has been found in the burials from the second half of the fifth century BC. They vary in shape and volume; three groups have been singled out. In the fourth century BC, the Chian import into the eastern Black Sea area declined. 10 amphorae from this period haven been found at Pichvnari. Different varieties occur according to the foot and body configuration.

Хиосские амфоры из могильников Пичвнари

В работе дается типологическо-хронологическая классификация хиосских амфор на основе материалов, обнаруженных в юго-западной Грузии. Самыми старыми образцами считаются фрагменты амфор, найденные на Батумисцихе (батумской крепости), которые по структуре глины, по технологии изготовления, росписи и по параллельным материалам датируются концом VII – началом VI в. до н. э.

В Пичвнари, в греческом (V–IV вв. до н.э.) и колхском (IV в. до н.э.) могильниках и на связанном с ними поселении, обнаружено 80 хиосских амфор. Поздние варианты пухлогорлых амфор встречаются в погребениях второй четверти V в. до н. э., а в погребениях третьей-четвертой четвертей этого столетия встречаются только прямогорлые амфоры. Особенно надо отметить амфору, обнаруженную на греческом могильнике, в контексте второй четверти V в. до н. э. (площадка погребения 190), которую можно считать переходной формой между пухлогорлыми и прямогорлыми амфорами.

В самом большом количестве хиосские амфоры выявлены в погребениях второй половины V в. до н. э. Среди этих сосудов, различающихся по объему и форме, выделены три группы. В IV в. до н. э. хиосский импорт в Восточное Причерноморье сокращается. В Пичвнари найдено всего 10 амфор этого периода. По конфигурации дна и тулова выделены разные их варианты.

Украшения в догуннском полихромном стиле из предгорного Крыма

В могильниках предгорного Крыма найдена серия предметов, изготовленных в едином стиле. Они серебряные, лицевая сторона обтянута серебряной позолоченной фольгой с рельефным штампованным орнаментом. В напаянные гнезда вставлены крупные сердолики или, реже, стекла.

В этом стиле сделаны, как минимум, одна пара серег из могильника Совхоз 10, браслет, три пары серег и прямоугольное украшение из Чернореченского могильника, близкое чернореченскому украшению из могильника Суворово, три пары серег и лунница из могильника Опушки, четыре пары серег и три браслета из могильника Дружное, три серьги из могильника Нейзац.

Особая реплика стиля представлена тремя парами и одним обломком наконечников ремней из могильника Нейзац. Основное отличие нейзацких наконечников заключается в том, что вместо сердоликовых или стеклянных вставок, они украшены крупными рельефными овалами, выдавленными на серебряной пластине. Кроме того, они не были покрыты фольгой, поверхность тонкой серебряной пластины орнаментировалась непосредственно¹.

По общепринятому, с небольшими оговорками, мнению, вещи в догуннском полихромном стиле изготавливались, главным образом, во второй половине III, но также и в IV в. н.э. Их производство прекратилось до вторжения гуннов в Европу.

Важное значение для датировки вещей в догуннском полихромном стиле имеют находки 2016 г. из склепа №133 в могильнике Опушки. В склепе найдены шесть лежавших «столбиком» серебряных римских императорских монет. В том числе Юлии Домны (выпуск ок. 211-217 гг.), Гордиана III (выпуски 240 г. – 2 экз. и 242-244 гг. – 1 экз.), Филиппа I Араба (недатированный выпуск 244-247 гг.), Траяна Деция (249-251 гг.)². На высоте 0,9 м от пола погребальной камеры обнаружено погребение ребенка с двумя серьгами в обсуждаемом стиле. Вероятно, захоронение

¹ Храпунов 2008, 66-67.

² Монеты определил Н.И. Храпунов.

совершили в обрушившемся своде склепа. Ясно, что это — одна из самых ранних находок вещей в догуннском полихромном стиле. Причем комплекс твердо датируется серединой III в. н.э.

Ареал находок вещей в догуннском полихромном стиле весьма обширен. Это, помимо предгорного Крыма, территория Боспорского царства (с особой концентрацией в Пантикапее), Северный Кавказ, Нижнее Подонье, Северо-Западное Причерноморье. Единичные вещи обнаружены за пределами обозначенных территорий³.

Производство вещей в обсуждаемом стиле было налажено в одном или в нескольких античных городах. На это указывают значительное количество находок из Пантикапея, где украшенные сердоликами вещи входили в состав погребального инвентаря царских гробниц; бронзовая матрица для изготовления наконечников ремней из Херсонеса; подвески в виде виноградных гроздей, которыми была украшена пара серег из могильника Опушки; стеклянные вставки.

Важно ареальное различие в ассортименте изделий. В предгорном Крыму, если не считать особого типа наконечников ремней из могильника Нейзац, найдены только украшения и ни одной детали амуниции, конской сбруи или оружия, на всех других территориях — только детали амуниции, конской сбруи, навершия мечей и ни одного украшения. Такое распределение находок указывает, по-видимому, на разные источники их поступления.

Исходя из географических соображений, источниками поступления вещей в догуннском полихромном стиле в предгорный Крым можно с равной степенью вероятности признать Боспор и Херсонес. На Херсонес прямо указывает упоминавшаяся уже матрица⁴ и ее сравнение с наконечниками ремней из могильника Нейзац, которые не имеют аналогий ни в одном другом памятнике. Все три пары нейзацких наконечников отличаются друг от друга и ни одна из них не была сделана с помощью херсонесской матрицы. Тем не менее, сходство херсонесской и нейзацких находок очевидно (рис. 1). Поэтому можно с высокой степенью вероятности предполагать, что наконечники ремней из могильника Нейзац изготовили в Херсонесе. Серьги и немногочисленные иные украшения, как уже говорилось, не имеют аналогий за пределами предгорного Крыма. О месте их производства остается только догадываться.

³ Yatsenko, Malashev 2000.

⁴ Malashev 2000, 227.

Литература / References

- Khrapunov I. N. 2008. Nakonechniki remnei iz mogil'nika Neizats [Strap-ends from the cemetery of Neizats]. In: A. I. Aibabin (ed.), Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. XIV. Simferopol, 61-79.
Храпунов, И. Н. Наконечники ремней из могильника Нейзац. МАИЭТ XIV. Айбабин А. И. (ред.). Симферополь, 61-79.
- Malashev V. Yu. 2000. Periodizatsiya remennyh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [The Periodization of Belt-Sets of the Late Sarmation Period]. In: Yu. K. Guguev (ed.), Sarmaty i ih sosedi na Donu [The Sarmatians and their Neighbours on the Don]. Rostov-on-Don, 194-232.
Малашев, В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени. Сарматы и их соседи на Дону. Гугуев Ю. К. (ред.). Ростов-на-Дону, 194-232.
- Yatsenko S. A., Malashev V. Yu. 2000. O polichromnom stile pozdnerimskogo vremeni naterritorii Sarmatii [On the Polychrome Style in the Later Roman Period in Sarmatia]. Stratum plus 4, 226-250.
Яценко, С. А., Малашев, В. Ю. О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии. Stratum plus 4, 226-250.

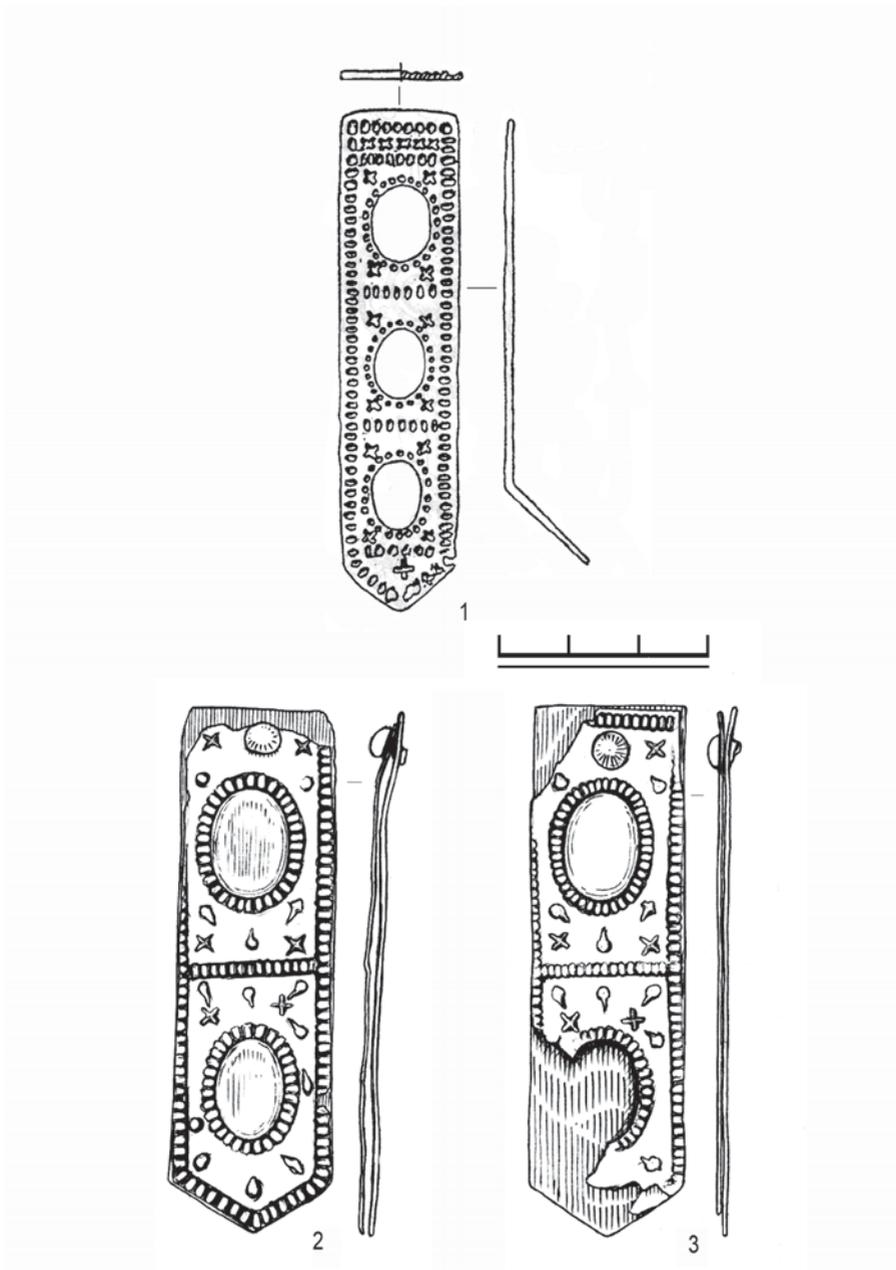

Рис. 1. 1 – матрица из Херсонеса (по В. Ю. Малашеву); 2- наконечники ремней из могильника Нейзац.

Античные иллюзии путешественников по Крыму конца XVIII — начала XIX вв.¹

«Мы стоим по колено в древностях, обломав ноги о поучительные мраморы, которые многие годы, вплоть до нашего прибытия, беседовали лишь с жабами и ящерицами. Никогда я не был настолько очарован путешествием, как сейчас. Может ли Греция быть интересней тех стран, где сохранились основы ее первых колоний, в которых мы роемся?» — писал из Керчи знаменитый британец Э.-Д. Кларк в 1800 г. Это было время, когда образованная публика Западной Европы и России только открывала для себя крымскую античность. Не будет большим преувеличением сказать, что важнейшую роль на первом этапе изучения крымских древностей сыграли путешественники, которые, помимо всего прочего, сделали античной истории и памятникам Херсонеса и Боспора прекрасную рекламу. В первые десятилетия после присоединения Крыма к России здесь побывало несколько десятков иностранцев, сочинения которых были впоследствии опубликованы, и почти каждый из них что-то говорил об античности. Их очень разные труды рисуют не всегда похожие образы прошлого, в которых, тем не менее, можно уловить общие черты.

О древностях Северного Причерноморья тогда было мало что известно. Например, не знали, где находятся многие упомянутые классическими авторами города и поселения, включая Херсонес, а знаменитые истории об Ифигении и Митридате Евпаторе зачастую узнавали из барочных опер и трагедий. Еще не были открыты методы исторической лингвистики, антропологии и археологии. Именно поэтому первый этап изучения прошлого Крыма был полон фантазий и иллюзий. Но именно они показательны для понимания того контекста, в котором начиналось исследование местных древностей, а также типичных для эпохи познавательных приемов и практик.

Помимо общего интереса к античной цивилизации, постепенно пробудившегося в Западной Европе в конце XVIII в., внимание к древностям Крыма привлекла идеология Екатерины II, также апеллировавшая

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Крымские древности в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в.: историко-археологическое исследование» № 15-01-00104.

к греко-римскому наследию. В итоге средневековые памятники полуострова надолго остались в тени античных, а классическое наследие видели там, где его на самом деле не было. Например, Э.-Д. Кларк, обнаружил сходство между каменным мостом на дороге близ Старого Крыма и кладкой стен античной Кротоны в южной Италии, а Р. Хебер счел, что если крыши крымских мечетей отличаются от кровель жилых построек, то наилучший способ объяснить эту разницу – обратиться к Аристофану.

В понимании деятелей эпохи Просвещения древние народы не исчезли бесследно, но лишь сменили названия, иногда смешавшись друг с другом, а потому этнографические представления напоминали, скорее, генеалогические древа знатных семейств. Таким образом, задача состояла в том, чтобы найти современные соответствия древним этнонимам. Понятно, что эллинов воспринимали как предков средневековых крымских греков, не осознавая, что этноним за два тысячелетия превратился в обозначение православной конфессии, а потому строителей Успенского монастыря близ Бахчисарая считали потомками строителей Херсонеса. Задумав написать историю казаков, Р. Хебер начал ее с истории древнейших кочевников Причерноморья, киммерийцев и скифов, а М. Гатри, узнав, что город Чуфут-Кале населяют караимы, обычно одевавшиеся в черное, не придумал ничего лучшего, как сопоставить их с меланхленами Геродота. Сложнее дело обстояло со скифами, образ которых можно было толковать по собственному усмотрению. Потому М. Гатри считал их потомками крымских татар, русские же, по его мнению, унаследовали многие обычаи и традиции греков-гипербореев. Э.-Д. Кларк же понимал скифов как воплощение всего негативного, а потому назвал «новыми скифами» русских, в которых страшно разочаровался.

Подобным образом подходили к исторической географии. Так, Херсонес искали по всему Крыму, от Каффы (Феодосии) до Гёзлёва (Евпатории). Сходство названий городов представлялось определяющим критерием. Потому весьма популярным стало умозаключение Ш. Пейссоннеля, связавшего Мангуп с Табаной Птолемея, раз уж у подножия его находилась балка Табана-Дере. С точки зрения же П. Палласа и Э. Хендерсона, Страбон Палакий — это нынешняя Балаклава. Богатый простор для размышлений такого рода дал город Старый Крым, название которого связывали с античным Кареоном, Киммериком или Кремнами (Ш. Пейссоннель, П. Паллас, Л. Сегюр), несмотря на то, что эти города должны были находиться на морском берегу. М. Гатри пошел еще дальше, связав название Старого Крыма не только с киммерийцами, но также с кимврами и галлами, которые тем самым оказались разными именами одного народа.

Иногда путешественники увлекались поисками несуществующих памятников. Так, Ж. Ромм пытался найти место для «Ахиллова острова» близ устья Салгира, а Р. Лайалл, Р. Хебер и П. Паллас передавали керченские легенды о гробнице Митридата Евпатора в Золотом кургане или о кресле прославленного царя на горе над городом. Ж. Ромм, увлеченный поисками следов всемирных потопов, обнаружил в Крыму новые доказательства их реальности — во-первых, остатки каменных колец на горных вершинах, которые некогда служили причальными креплениями, а во-вторых, окаменелые раковины в крымских скалах. Правда, крымскотатарское предание о расширении Боспорского пролива по указанию Александра Македонского, в результате чего Крымский полуостров поднялся над морской гладью, он счел маловероятным.

Античность давала возможность обратиться к проблемам современности. Так, М. Гатри использовал прошлое для оправдания российской экспансии на юг, а Э.-Д. Кларк, наоборот, упрекал Россию в намеренном разрушении эллинских памятников и потому призывал «цивилизованные страны» изгнать ее из Крыма. Аргументом шотландца М. Гатри была торговля, процветавшая при эллинах и генуэзцах и пришедшая в упадок при татарах и османах. Представитель извечного соперника Британии — француз Ж. Рёйи сформулировал программу превращения Крыма в торговый узел, который мог бы связать Францию и ее заморские колонии с внутренними губерниями России. Свои взгляды он аргументировал, в частности, опытом античных времен.

Наконец, античные мотивы возникали в представлениях о Крыме как рае земном, весьма распространенных в ту эпоху. Не случайно Байдарскую долину сравнивали то с долиной Темпейской (Ж. Ромм, Л. Сегюр), то с Аркадией (М. Гатри, Дж. Александер). Но представления о рае были немислимы без чувственных удовольствий, символом которых парадоксальным образом стала давшая обет безбрачия жрица Артемиды. Екатерина II, желая подшутить над любвеобильным Ш. де Линем, подарила ему имение в местности с красноречивым названием Партенит «в угоду склонности [его] ... к Ифигениям». Здесь пылкий бельгиец предавался романтическим мечтаниям, в которых мысли о библейском Эдеме смешивались со сказками из «Тысячи и одной ночи», а перед глазами его вставали Овидий и Митридат.

Путешественники нанесли Крым на географические и ментальные карты, рассказав его историю иногда образным, иногда простым, но всегда доходчивым и увлекательным языком, и определив местоположения многих древних памятников. К. Габлиц отыскал Херсонес, его

друг П. Паллас и Дж. Александер опубликовали изображения античных надписей и мраморных деталей, Э.-Д. Кларк и Ж. Рёйи вывезли из Крыма коллекции монет и других вещей. Когда в 1827 г. начались раскопки Херсонеса и скифского Неаполя, их описали Дж. Уэбстер и Дж. Александер. Так наследие античности стало частью образа Крыма в общественном сознании.

Астиномы Херсонеса: амфорное клеймение и полисные прерогативы¹

Магистратура астиномов известна в Херсонесе, в отличие от других полисов, только по амфорным клеймам. Отсутствие упоминаний о ней в лапидарной эпиграфике сильно затрудняет анализ ее деятельности. По всему античному миру астиномы являлись государственными чиновниками, деятельность которых в основном касалась экономической сферы жизни полиса. Их функции подробно изложены в целом ряде работ², однако, в Херсонесе с уверенностью можно говорить лишь об их участии в контроле над керамическим производством, что находит подтверждение в отсутствии лапидарных памятников государственного характера, в которых фигурировали бы астиномы; а также в наличии в Херсонесе близкой по функциям коллегии агораномов. Последние упоминаются как в лапидарной эпиграфике, так и в легендах на амфорных клеймах. По всей видимости, эти две коллегии по всему греческому миру были тесно связаны. Обе они являлись одними из самых низших магистратур, были близки по функциям и, по всей видимости, могли замещать друг друга.

Интересно в этой связи обратиться к нарративной традиции. Основные сведения нам сообщают Платон и Аристотель³. Естественно, эти данные касаются Афин, и не будем забывать, что это не типичный пример греческого полиса, а скорее наоборот — уникальный. Поэтому, наши аналогии в известной степени гипотетичны.

У античных авторов эти две коллегии (в Афинах обе магистратуры — коллегии, притом весьма крупные, численностью до 10 человек) стоят в одном ряду. Описывая функции агораномов, авторы тут же переходят к астиномам, что дает основания полагать о сильном совпадении их места в чиновничьей иерархии и сходстве функций. Вместе с тем, каждый раз подчеркивается, что именно находится в ведении тех или иных чиновников. А один раз Платон даже их противопоставляет, говоря о том, что ремесленников в городе контролируют астиномы, а

¹ Работа подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-10128 «Греческие амфоры VI-II вв. до н.э. из собраний музеев Крыма».

² См., напр.: Borisova 1955; Mikhlin 1979; Pavlichenko 1990.

³ Plato. *Leg.* 763 ed, 845e, 848e; Arist. *Pol.* 1312b. 17, 1321b; *Ath. Pol.* VI.5.2.

на хоре — агораномы⁴. На наш взгляд это очень интересный момент, ибо он показывает, что нюанс в понимании должностей все-таки был. Вероятно и этимология слова «астином» связана, прежде всего, с тем, что чиновники выполняли функции, относящиеся к городской жизни, первоначально, вероятно, не связанные с торговлей, ибо для этого существовали чиновники на торговой площади — агоре (агораномы). А вот ремесло напрямую связано с городом. Может быть, исходя из этого предположения, не слишком смело прозвучит гипотеза о том, что амфорное клеймение было связано со стандартами качества производимой продукции? Своего рода «*made in*».

Период существования коллегии соотносится со временем клеймения. Сейчас ведутся споры о дате начала и особенно окончания херсонесского клеймения⁵. Мы будем ориентироваться на хронологию, разработанную В.И. Кацем и, следовательно, коллегия астиномов в Херсонесе существовала где-то с 325 до конца 180-х гг. до н.э., возможно с некоторыми перерывами⁶. Хотя последнее соображение кажется нам маловероятным. Дело в том, что при характеристике херсонесской магистратуры астиномов стандартно используют аналогию с коллегией в Афинах. При этом считается, что как и в Афинах, магистрат избирался на год, без повторного переизбрания⁷.

Собственно, именно на этом постулате строится вся хронологическая схема херсонесского клеймения. Хотелось бы высказать некоторые сомнения по этому поводу. Херсонес, как и всякий демократический полис, использовал принцип коллегиальности, и в этой связи магистратура астиномов должна была бы состоять как минимум из двух чиновников. Один из них мог являться эпонимом, как первый архонт или стратег. На эту мысль наводит как минимум два соображения: первое: достаточно обширное гончарное производство Херсонеса, что заставляет сомневаться, мог ли один чиновник справиться с таким объемом работ; второе: принцип коллегиальности, который был присущ демократическим полисам, каковым являлся Херсонес. Интересные аналогии возникают при сравнении астиномов с агораномами в Ольвии и Истрии. Есть некоторые основания полагать, что в этих полисах первоначально действовал только один магистрат, а во II в. до н.э. возникла

⁴ Plato. *Leg.* 848e.

⁵ С литературой: Kats 2007, 310-317.

⁶ См., напр.: Stolba 2003, 165-166.

⁷ См., напр.: Borisova 1955, 143; Turovskiy 2015, 342.

коллегия из трех человек⁸. Мы ни в коем случае не собираемся вносить какие-либо поправки в существующие хронологические схемы клеймения, но обозначенные нами (высказывавшиеся и ранее в литературе) соображения порождают массу вопросов, не имеющих пока ответов. Но, как нам кажется, нет сомнений в том, что в Херсонесе действовала коллегия астиномов, состоящая минимум из двух (а скорее трех) человек, которые вполне могли переизбираться на несколько сроков⁹.

Амфорное клеймение, помимо всего прочего, может отражать и изменения в политической ситуации не только в полисе, но и в регионе в целом. Первая четверть III в. до н.э. являлась, по-видимому, неким периодом политической нестабильности, на всем Гераклеяском полуострове фиксируются кризисные явления¹⁰. Примерно в это время функции херсонесских астиномов переходят на короткое время в руки агораномов. Подобные случаи в практике греческих полисов существовали¹¹, в Синопе название магистратуры агораномов также встречается в легенде клейм¹². Однако через какое-то время коллегии астиномов были возвращены полномочия по надзору за керамическим производством Херсонеса.

Прекращение клеймения в первой четверти II в. до н.э. также связано с некими перипетиями в политической жизни Херсонеса. И в это же время исчезают имена магистратов из легенд херсонесских монет¹³. Что, конечно же, отражает, прежде всего, государственный характер деятельности херсонесских магистратов.

В целом, более тщательное изучение деятельности коллегии астиномов в Херсонесе может привести к новым перспективам в изучении политической, а также экономической истории полиса.

Литература / References

Borisova, V.V. 1955: K voprosu ob astinomakh Khersonesa. *Vestnik drevney istorii* 2, 143-148.

Борисова, В.В. К вопросу об астиномах Херсонеса. *ВДИ* 2, 143-148.

⁸ Ivantchik 2012, 121.

⁹ За примерами далеко ходить не нужно, в соседней Ольвии даже должность первого архонта могла замещаться несколько раз.

¹⁰ См. об этом подробнее: Кас 2007, 317-322.

¹¹ Афинский декрет 320–319 гг. до н.э. (SIG³ № 313) содержит данные о передаче ряда обязанностей от астиномов агораномам.

¹² Подробнее об этом см.: Fedoseev 2008, 57-70.

¹³ Turovskiy 2015, 350.

- Ivantchik, A. 2012: Agoranomes dans les cites du Pont nord et occidental. *Agoranomes et édiles Institutions des marches antiques*. Bordeaux, 121-130.
- Kats, V.I. 2007: Grecheskie keramicheskie kleyma epohi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya). *Bosporskie issledovaniya XVIII*. Simferopol'; Kerch'.
- Кац, В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). *Боспорские исследования XVIII*. Симферополь; Керчь.
- Mikhlin, B.Yu. 1979: K izucheniyu khersonesskikh keramicheskikh kleym. *Vestnik drevney istorii* 2, 139-159.
- Михлин, Б.Ю. К изучению херсонесских керамических клейм. *ВДИ* 2, 139-159.
- Pavlichenko, N.A. 1990: Kollegiya astinomov v ellinisticheskom polise. *Antichnyj mir i arkheologiya* 8. Saratov, 52-62.
- Павличенко, Н.А. Коллегия астиномов в эллинистическом полисе. *Античный мир и археология* 8. Саратов, 52-62.
- Stolba, V.F. 2003: Hellenistic Chersonesos: Towards Establishing a Local Chronology. *Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400-100 B.C.* Aarhus, 153-177.
- Turovskiy, E.Ya. 2015: Lichnye imena na khersonesskikh monetakh i keramicheskikh kleymakh: opyt sravneniya. *Antichnyj mir i arkheologiya* XVII. Saratov, 342-351.
- Туровский, Е.Я. Личные имена на херсонесских монетах и керамических клеймах: опыт сравнения. *Античный мир и археология* XVII. Саратов, 342-351.
- Fedoseev, N.F. 2008: Agoranomy Sinopy. FILIAS CARIN. *Melanges a la memoire de Niculae Conovici*. Calarasi, 57-70.
- Федосеев, Н.Ф. Агораномы Синопы. FILIAS CARIN. *Melanges a la memoire de Niculae Conovici*. Calarasi, 57-70.

Позднеантичные стеклянные блюда с росписью из Северного Причерноморья

В Северном Причерноморье найдено значительное количество античных стеклянных сосудов, имеющих аналогии среди находок не только в регионе, но и в других уголках античного мира и на его периферии. Тем не менее, встречаются изделия редкие и малоизвестные. Среди них можно выделить небольшую группу находок — стеклянные блюда или «патеры» с росписью на внутренней стороне дна. Всего их известно пять. Хранятся они в музеях России и Украины.

Одно блюдо, от которого сохранилась нижняя часть – фрагменты стенок из тонкого прозрачного стекла с зеленым оттенком и утолщенное дно на высоком кольцевом поддоне (d дна – 17 см), хранится в фондах Центрального музея Тавриды (г. Симферополь). На внутреннюю часть дна сосуда был нанесен шлифованный орнамент: пальмовая ветвь по центру и расположенные по обе стороны от нее шесть небольших кружков (рис. 1, 1). Орнамент был полностью заполнен белой краской, которая сохранилась плохо. Где найден сосуд и при каких обстоятельствах он попал в музей — неизвестно, поскольку старые инвентарные книги были уничтожены в 1941-1944 гг., а в новых, ведущихся с 1954 г., содержатся не полные записи о предвоенных поступлениях.

В Северном Причерноморье в позднеримское время известны чаши и блюда, украшенные шлифованным орнаментом. Десятки их найдены на Боспоре, в Ольвии и Херсонесе. Они отличаются разнообразием изображаемых сюжетов. Орнамент на такие сосуды наносился при т.н. «холодной» обработке и зачастую представлял собой чередующиеся фризы с перекрещивающимися линиями и геометрическими фигурами: ромбами и кружками. Реже на стенках изображались растения, животные, сцены охоты и мифологические сюжеты, христианская символика. Выделяется незначительная группа больших открытых сосудов – блюд на высоком кольцевом поддоне, у которых орнамент нанесен на внутреннюю часть дна. К этой группе относится и рассматриваемый сосуд из Центрального музея Тавриды.

Еще одно интересующее нас фрагментированное блюдо хранится в Одесском археологическом музее НАН Украины. На внутренней стороне широкого дна имеется стилизованное изображение птицы (по

предположению Н.П. Сорокиной — павлина) и двух кружков по обе стороны от ее фигуры (рис. 1, 2). Н.П. Сорокина датировала сосуд IV-V вв. н.э. и связывала данный сюжет с раннехристианской символикой¹. Стилистически близкое изображение известно на блюде из Государственного Эрмитажа. Этот сосуд поступил в музей в 1913 г. и сохранился полностью. По внешней стороне стенок блюда нанесен шлифованный орнамент — остроконечные зигзагообразные линии, а на внутренней стороне дна изображена птица (по мнению Н.З. Куниной это может быть аист) в окружении трех небольших кружков (рис. 1, 3)². Цвет росписи не ясен. Н.З. Кунина не исключает связи изображения с раннехристианской символикой и датирует блюдо IV в. н.э., относя его к продукции египетских или сирийских стеклоделательных мастерских.

Одной из редких находок среди стеклянных изделий позднеантичного Боспора, по определению И.П. Засецкой, является блюдо из собрания С.Т. Строганова, найденное в склепе 1820/6, открытом в 1857 г. на горе Митридат близ Татарской слободы, и хранящееся в Государственном Эрмитаже³. Как и у вышеупомянутого сосуда, по внешней стороне стенок блюда нанесены шлифованные остроконечные зигзагообразные линии, но рисунок на внутренней стороне дна другой — два креста, пересекающихся в одной точке. Сверху на изображение была нанесена плохо сохранившаяся белая краска. Концы креста заканчиваются небольшими овальными фигурами (рис. 1, 5). Исследователи предполагают египетское или сирийское его производство и датируют V в. н.э.⁴

В 2004 г. во время раскопок грунтовых склепов на северном склоне горы Митридат в склепе №5 «Системы 2004 г.» было найдено фрагментированное блюдо на высоком кольцевом поддоне с округлыми стенками и толстым полым валиком по краю венчика⁵. На внутренней поверхности дна имеется выполненное шлифовкой изображение, представляющее, по мнению Е.А. Зинько, стилизованное изображение бабочки (рис. 1, 4).

Ближние по форме и размерам блюда IV-V вв. были также найдены в других погребальных комплексах пантикапейского некрополя⁶. Однако они не имеют ни каких-либо сюжетных изображений, ни орнамента вообще.

Большие блюда и чаши из стекла, часто называемые «патерми», были распространены в позднеантичное время в западной и восточной частях

¹ Sorokina 1978, 274, рис. 3, 15.

² Kunina 1997, 339, кат. 431.

³ Zasetzkaya 2008, 37.

⁴ Zasetzkaya 2008, 111; Kunina 1997, 339, кат. 432.

⁵ Zin'ko 2012, 421, рис. 11.

⁶ Lysenko, Yurochkin 2004, 125, рис. 7, 1, 21, 1, 25, 1.

Римской империи. Чаще всего они имели полусферическую форму тулова, округлое (форма 116 по К. Айсингс) или плоское дно на высоком кольцевом поддоне (форма 118 по К. Айсингс). Время их бытования приходится на IV – начало V вв. н.э.⁷ Часто они украшались шлифованными изображениями — геометрическими фигурами, растениями, животными, сценами повседневной жизни, мифологическими сюжетами и, позднее, христианской символикой. Подобные сосуды известны в Британии⁸, на Рейне и Юге Франции⁹, в Подунавье¹⁰, на территории Швейцарии¹¹, Италии¹², Малой Азии¹³. Стеклянная чаша полусферической формы с изображением фигуры танцующего молодого Диониса, музыкального инструмента и змеи, выползающей из шкатулки, найдена на территории современной Курской области России и датируется IV-V вв. н.э.¹⁴ В Крыму находки сосудов, украшенных сюжетными мотивами, редки. Можно упомянуть обломок чаши из засыпи одной из цистерн в Херсонесе. На дне сосуда имеется изображение животного, возможно — собаки¹⁵.

По поводу того, откуда и как стеклянные блюда с росписью попадали в Северное Причерноморье, можно делать лишь предположения. Долгое время считалось, что большая часть стеклянной посуды, украшенной шлифованным орнаментом, производилась в позднеримскую эпоху в кельнских мастерских на Рейне¹⁶. Позднее эта точка зрения изменилась, поскольку во второй половине XX века резко возросло количество находок подобных сосудов во многих уголках Римской империи и за ее пределами. Они различались и техникой нанесения орнамента, и стилистикой изображений. Д. Харден одним из первых высказал мнение о существовании других центров, производивших орнаментированные сосуды¹⁷. Можно предположить, что посуда, в частности рассматриваемые блюда, изготавливались в одной мастерской, а изображения наносились в другом месте. Особенно это касается примитивных изображений и простого орнамента, не требовавших хорошей подготовки ремесленника.

⁷ Isings 1957, 143-148.

⁸ Allen 1997, 51, fig. 39, 1, 2.

⁹ Foy 1995, pl. 3; Foy 1998, 248, fig. 207, 403, 404.

¹⁰ Ružić 1994, t. XLIII, 14.

¹¹ Martin 1995, fig. 2, 1.

¹² Miraglia 1994, fig. 150; Sternini 1995, fig. 2.

¹³ Baume 1971, taf. 42, 4.

¹⁴ Kropotkin 1970, 29, рис. 73, 7.

¹⁵ Belyaev 1966, 233-234.

¹⁶ Fremersdorf 1959, 20-21.

¹⁷ Harden 1960, 48.

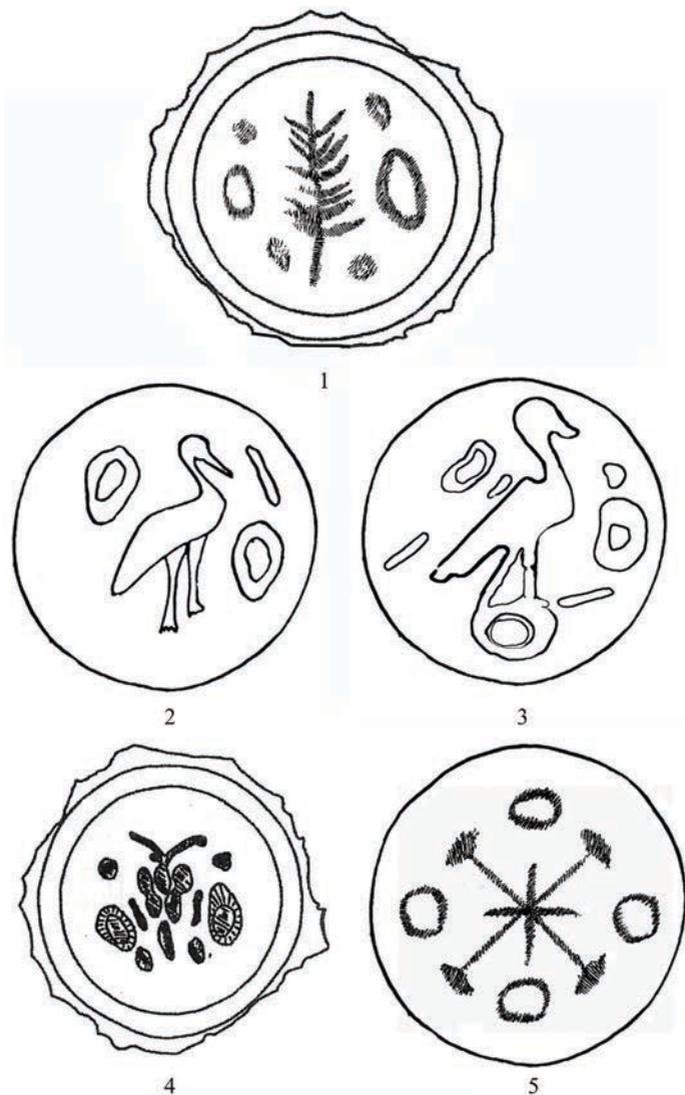

Рис. 1. Изображения на стеклянных сосудах.
 1 – место находки неизвестно (фонды Центрального музея Тавриды);
 2 – Пантикапей (фонды Одесского археологического музея);
 3 – Пантикапей (фонды Государственного Эрмитажа);
 4 – Пантикапей (фонды Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника);

Polychrome Glassware of the Classical Period from South-Western Georgia

From the 60s of the last century newly formed N. Berdzenishvili Batumi Scientific Research Institute of the Georgian Academy of Sciences together with a joint Georgian-British Pichvnari Expedition (from 1998 on) began successive and projected archaeological studies, as a result of which there has been gathered a very interesting and exciting collection of glass vessels. The collection is rather valuable from scientific point of view. Great part of the revealed vessels is found in exactly dated complexes. The existed materials allows one to study the development of glass vessels manufacturing and exporting, stage by stage, by quarters of a century. Chronological and typological classification of the vessels based on exact and specified criteria will certainly help one to develop a new approach in dating glass vessels kept and preserved at different collections all over the world.

Considering our research aspects and specifications, there have been discussed issues of glass vessel history, manufacturing sites, workshops, and technologies (the so called core-forming, pressing, bottling, cutting, glancing, melifering, thousand colouring, fee winding, etc.).

Glass vessels found in the Black Sea littoral of South-Western Georgia is studied chronologically. It should be noted that the oldest samples of glass vessels are found on the researched area in Georgia dated back to the Late Archaic and Classical Periods. Among the oldest glass vessels, special attention should be paid to the finds in Tsikhisdziri graves and dated back to the late sixth and the first quarter of the fifth centuries BC. There have been found three aryballoi and one amphoriskos. A coloured glass amphoriskos of the same period was found in Pichvnari Colchian grave during 2008 excavations.

The next chronological group is formed by coloured glass vessels dated back to the second quarter of the fifth century BC and found only in fifth-century-BC Pichvnari Greek cemetery. Perfume vessels, or the so-called "kohl-tubes" of polychromic glass attract our special interest in the group. There has been found one well preserved and one fragmented glass vessels in Pichvnari Greek cemetery. They are considered to be manufactured through steel axe bottling in North-Western Persia. Similar vessels are found in rich graves of Vani, and also in Enageti village in Tsintsikaro region; some vessels of later period (fourth and third centuries BC) also occurred in Takhtidziri village, Kareli region.

Among core-formed vessels of that period there are mostly aryballoi, amphoriskoi, oinochoes, and alabastra.

Glass vessels became popular among the Greeks in Pichvnari in the mid-fifth century BC. There were one aryballos, several oinochoes, and several amphoriskoi and alabastra.

The finds of coloured glass vessels dated back to the late fifth century BC are quite often. According to the Pichvnari materials it could be stated that import of aryballoi ceased and amount of oinochoes significantly reduced in that period. Although some amphoriskoi are found, the leading part is taken by alabastra. There is one coloured glass alabastra dated back to the fourth century BC and another one of the early Hellenistic period.

All known forms and types of coloured glass vessels (aryballos, amphoriskos, oinochoe, and alabastron) are found in cemeteries of South-Western Georgia. Import of aryballoi lasted to the mid-fifth century BC. Oinochoes and amphoriskoi are rarely recorded in the layers from the second half of the fifth century BC. Alabastra have been found as late as the fourth century BC layers and in the graves from the Early Hellenic period.

The form and decoration of vessels gradually changed. Early samples of coloured glass vessels are characterized of sharp, partly coloured, flute body, sometimes with yellow spot on the neck. According to the studied materials, the bodies of alabastra were covered with decorations from the second half of fifth century BC on. Exceptions are found among white alabastra made in old traditions.

Some changes occurred in certain details and shapes, e. g. red decorations appeared on white amphoriskoi, oinochoes, and alabastra. An alabastron covered with yellow horizontal strips within blue and yellow zigzags was found in Pichvnari.

Major part of coloured glass vessels was imported from the Eastern Mediterranean. One can see items from Rhodes as well as from the Continent, and, further, from the north-western Persia (the so-called "kohl-tubes"). Their early samples are found in western Georgia (Pichvnari, Vani), and the finds from the Classical and Hellenic periods occurred in Eastern Georgia. Persian kohl-tubes are considered to be brought in Pichvnari from Eastern Georgia. Spreading of other coloured glass vessels is associated with Hellenic world.

We believe that the finds under analysis show existence of active colonization process of Athens to the region. It seems that the oldest samples are dated back to the late Archaic period. Their number is significantly enlarged during the Classical period. Import of coloured glass vessels reduced during the late Classical and especially Hellenistic periods. This phenomenon was

caused by historic changes in the metropolis, particularly the Peloponnesian War, which destroyed the Delos Naval Union, police system crisis, etc.

Moreover, recent finds prove the fact of spreading of perfume glass vessels over wider areas of life including athletic competitions. It is no doubt that sport competitions as well as other Hellenic festivals were held in Pichvnari, like in the metropolis. Finally, coloured glass vessels also took significant role among grave goods.

Полихромное стекло Классического периода из юго-западной Грузии

С 60-х гг. прошлого столетия основанный незадолго до того Батумский научно-исследовательский институт им. Н. Бердзенишвили Грузинской академии наук и британо-грузинская Пичвнарская экспедиция (с 1998 г.) проводят регулярные охранные археологические изыскания, одним из результатов которых стало обнаружение очень интересной коллекции стеклянных изделий. С научной точки зрения эта коллекция представляет несомненную ценность. Значительная часть сосудов найдена в точно датированных комплексах. Собранные материалы дают возможность поэтапного изучения производства и экспорта стеклянных сосудов по четвертьвековым периодам. Хронологическая и типологическая классификация сосудов, основанная на четко определенных критериях, несомненно, поможет выработать новые подходы к датировке стеклянных сосудов, собранных в разных коллекциях по всему миру.

Касательно аспектов и характеристик нашего исследования, оно направлено на изучение истории стеклянных сосудов, мест их производства, мастерских и технологий (так называемые техники «сердечника», «выдавливания», «bottling», шлифования, полировки, «миллефиори», «thousand colouring», навивания и т. п.).

Найденные на черноморском побережье юго-западной Грузии стеклянные сосуды были исследованы в хронологическом отношении. Следует отметить, что древнейшие экземпляры стеклянных сосудов в исследуемом регионе датируются Позднеархаическим и Классическим временем. Среди наиболее ранних стеклянных сосудов особое внимание следует уделить находкам из погребений в Цихисдзири, датирующимся концом VI – первой четвертью V вв. до н. э. Здесь обнаружены три арибалла и один амфориск. Относящийся к тому же времени амфориск из цветного стекла найден в колхской могиле в Пичвнари во время раскопок 2008 г.

Следующую хронологическую группу образуют сосуды из цветного стекла, датирующиеся второй четвертью V в. до н. э., которые найдены исключительно в греческом некрополе Пичвнари V в. до н. э. В этой группе наше внимание привлекли парфюмерные сосуды из полихромного стекла – так называемые «флаконы для краски для век». Среди этих находок – один хорошо сохранившийся и один фрагментированный

стеклянный сосуд из греческого некрополя Пичвнари. Считается, что их изготавливали в технике «погружения в массу стального стержня» в северо-западной Персии. Подобные сосуды обнаружены в богатых могилах в Вани, в селе Энагети в районе Цинцаро, а еще несколько сосудов более позднего времени (IV–III вв. до н. э.) – в селении Тахтидзири в районе Карели.

Среди находок этого времени, выполненных в технике «сердечника», – главным образом, арибаллы, амфориски, ойнохой и алабастры.

Стеклянные сосуды стали более распространены среди греков Пичвнари в середине V в. до н. э. Здесь найден один арибалл, несколько ойнохой, немногочисленные амфориски и алабастры.

Довольно часто встречаются сосуды из цветного стекла, датирующиеся концом V в. до н. э. Материалы из Пичвнари свидетельствуют о прекращении импорта арибаллов и значительном сокращении импорта ойнохой в это время. Обнаружено несколько амфорисков, но большего всего было алабастров. Найден алабастр из цветного стекла, датирующийся IV в. до н. э., и другой – начала Эллинистического периода.

Все известные формы и типы сосудов из цветного стекла (арибалл, амфориск, ойнохой и алабастр) найдены на некрополях юго-западной Грузии. Арибаллы продолжали импортировать до середины V в. до н. э. Ойнохой и амфориски зафиксированы, пусть изредка, в слоях второй половины V в. до н. э. Алабастры находят также в слоях IV в. до н. э. и могилах начала Эллинистического периода.

Форма сосудов и способы украшения меняется со временем. Для ранних сосудов из цветного стекла характерно тулово в виде фужера, с резкими очертаниями контуров, частично окрашенное, иногда с желтым пятном на горле. Согласно исследованным материалам, тулово алабастров стали покрывать декором со второй половины V в. до н. э. К исключениям относится часть алабастров белого цвета, сделанных в прежних традициях.

Несколько изменились отдельные детали и формы, например, на белых амфорисках, ойнохоях и алабастрах появился красный декор. В Пичвнари обнаружен алабастр, украшенный желтыми горизонтальными лентами внутри синих и желтых зигзагов.

Большая часть сосудов из цветного стекла привезена из Восточного Средиземноморья. Есть находки из Родоса и с Континента, а также из северо-западной Персии (так называемые «флаконы для краски для век»). Их ранние экземпляры найдены в Западной Грузии (Пичвнари, Вани), а находки Классического и Эллинистического периода – в вос-

точной Грузии. Считается, что в Пичвнари персидские «флаконы для краски для век» попадали из восточной Грузии. Распространение других сосудов из цветного стекла связано с миром эллинов.

Мы полагаем, что все эти находки свидетельствуют об активных процессах колонизации данного региона Афинами. Кажется, древнейшие экземпляры относятся к концу Архаического периода. Их количество существенно возрастает в Классический период. Импорт сосудов из цветного стекла значительно сокращается в конце Классического периода и особенно – в период Эллинизма. Этот феномен связан с произошедшими в метрополии историческими переменами, и в частности Пелопонесской войной, уничтожившей Делосский морской союз, кризисом полицейской системы и другими факторами.

Помимо этого, недавние находки подтвердили, что парфюмерные сосуды из стекла использовались в разнообразных жизненных сферах, в том числе в спортивных состязаниях. Несомненно, в Пичвнари, как и в метрополии, проводили спортивные соревнования, а также иные эллинистические праздники. Наконец, сосуды из цветного стекла занимают существенное место среди погребального инвентаря.

Рис. 1. 1. Ойнохоя из цветного стекла; 2–3. Амфориски из цветного стекла;
 4. Арибалл из цветного стекла; 5–8. Алабастры из цветного стекла
 Fig. 1. 1. Colored glass Oinochoe; 2-3. Colored glass Amphoriskoi
 4. Colored glass Arybalos; 5-8. Colored glass Alabastron.

Фрагменты фигурного сосуда в виде сатира (к вопросу о связях Херсонеса с Египтом в эпоху эллинизма)

При раскопках в 1981 г. терракотовой мастерской в северном районе Херсонеса были найдены пять глиняных фрагментов с остатками на поверхности красочного слоя, выполненного красной и черной краской. Все пять состыковались и составили один фрагмент размером 7х6,5 см (рис. 1, 1).

Фрагмент выполнен из светлой коричневатой, хорошо отмученной глины с массой блесков в ее составе, середина черепка темная. Края фрагмента вертикальные, с заостренным верхом, орнаментированным косыми насечками. С трех сторон фрагмента обломы, имеются утраты по вертикальному краю. Лицевая сторона отформована, детали подчеркнуты стекой, обратная сторона небрежно заглажена. На поверхности фрагмента частично сохранился красный («оранжевый») лак с матовым отливом, по которому местами уцелела красная краска, а также точки, выполненные черной краской.

В процессе работы над каталогом херсонесских терракот этот живописный фрагмент сразу привлек внимание, но определение его было неясным, пока в руки не попала работа Б.В. Фармаковского, посвященная редкой находке, сделанной в Керчи в 1901 г., где были найдены четыре фрагмента, принадлежавшие одному фигурному сосуду, выполненному в форме статуэтки сатира, держащего в руках мех, наполненный вином. Один из керченских фрагментов¹ оказался аналогией херсонесской находке, сделанной при раскопках терракотовой мастерской в северном районе. Керченский фрагмент был определен исследователем как часть ручки сосуда, искусно представленная мастером как часть одежды сатира, которая в виде шкуры, раздуваемой ветром, наброшена на его плечи². Таким образом, оба фрагмента (керченский и херсонесский) определились как принадлежавшие фигурным сосудам в виде сатиров и являлись частями ручки, выполненной в виде шкуры, составлявшей их одежду (рис. 1, 2, 3). Как выглядел в целом сосуд в виде статуэтки сатира известно по находящемуся в Каирском музее экземпляру, приведенному в работе Б.В. Фармаковского³ (рис. 1, 4).

Аналогичная каирской статуэтке терракота сатира с винным мехом хранится в Британском музее (Лондон). В ГМИИ им. Пушкина (Москва)

¹F armaк k у 1912, табл. I, 4.

²F armaк k у 1912, 153.

³F armaк k у 1912, табл. I, 7; табл. II, 2.

имеется терракотовая «замечательная головка сатира» происходящая из раскопок Фанагории⁴. Судя по приведенным аналогиям фанагорийская находка принадлежит еще одному фигурному сосуду в виде сатира⁵.

Фигурные сосуды в виде персонажей круга Диониса (силены, сатиры) были «распространенными образами александрийского искусства»⁶.

Из-за малых размеров херсонесского фрагмента трудно с уверенностью сказать, был ли сосуд, которому принадлежал фрагмент, привозным или был изготовлен в привозной форме (а скорее всего, в нескольких формах). Чаще всего фигурные сосуды этого типа служили для хранения благовоний и в этом качестве они могли входить в состав погребального инвентаря⁷.

Возможно херсонесский сосуд, которому принадлежал фрагмент, предназначался как раз для этой цели и этим можно объяснить небрежность в исполнении оборотной стороны ручки.

Фрагмент фигурного сосуда с остатками росписи был обнаружен при раскопках терракотовой мастерской в северном районе среди материалов эллинистической эпохи — преимущественно III-II вв. до н.э.

Выше было отмечено замечание Б.В. Фармаковского о популярности фигурных сосудов, изображавших сатиров и силенов, в искусстве Александрии. Известно, что в эпоху эллинизма северопричерноморские греческие колонии имели торговые связи с Египтом, особенно оживленными они были с Александрией⁸. В городах Северного Причерноморья уже во II в. до н.э. появляются первые почитатели культов наиболее популярных египетских божеств Сераписа и Исиды⁹. Не остался в стороне и Херсонес. На этом фоне найденный в 1981 г. фрагмент фигурного сосуда в виде статуэтки сатира является еще одним подтверждением связей Херсонеса с Египтом в эллинистическую эпоху.

Литература / References

Farmakovskiy, B.V. 1912: Oblomki statuetki satira iz Kerchi. In: *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey XXX*, 151-166. Odessa.

⁴ П'ина, Финогенова 2011.

⁵ Благодаря научного сотрудника Античного отдела музея-заповедника «Херсонес Таврический» Ушакову К.С. обратившую мое внимание на находки из Британском музея и ГМИИ им. Пушкина.

⁶ Farmakovskiy 1912, 163.

⁷ Maksimova 1916, 4.

⁸ Kobylina 1978, 111.

⁹ Ryzhov 1993, 212.

Фармаковский, Б.В. Обломки статуэтки сатира из Керчи. В сб.: ЗООИД XXX, 151-166. Одесса.

П'ina, T.A., Finogenova, S.I. 2011: Terrakoty iz Fanagorii. In: *Shedevry antichnogo iskusstva. Iz sobraniya GМII im. A.S. Pushkina. K 100-letiyu Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina.* Moscow. http://www.antic-art.ru/data/bospor/147_fanagoria_terrakota/index.php

Ильина, Т.А., Финогенова, С.И. Терракоты из Фанагории. В сб.: *Шедевры античного искусства. Из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. К 100-летию Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.* М. http://www.antic-art.ru/data/bospor/147_fanagoria_terrakota/index.php

Kobylyna, M.M. 1978: *Izobrazheniya vostochnykh bozhestv v Severnom Prichernomor'e v pervye vv. n.e.* Moscow.

Кобылина, М.М. *Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые вв. н.э.* М.

Maksimova, M.M. 1916: *Antichnye figurnye vazy.* Moscow.

Максимова, М.М. *Античные фигурные вазы.* М.

Ryzhov, S.G. 1993: Bronzovaya statuetka Isidy iz Khersonesa. In: *Rossiyskaya arkheologiya* 3, 206-213.

Рыжов С.Г. Бронзовая статуэтка Исиды из Херсонеса. *Российская археология* 3, 206-213.

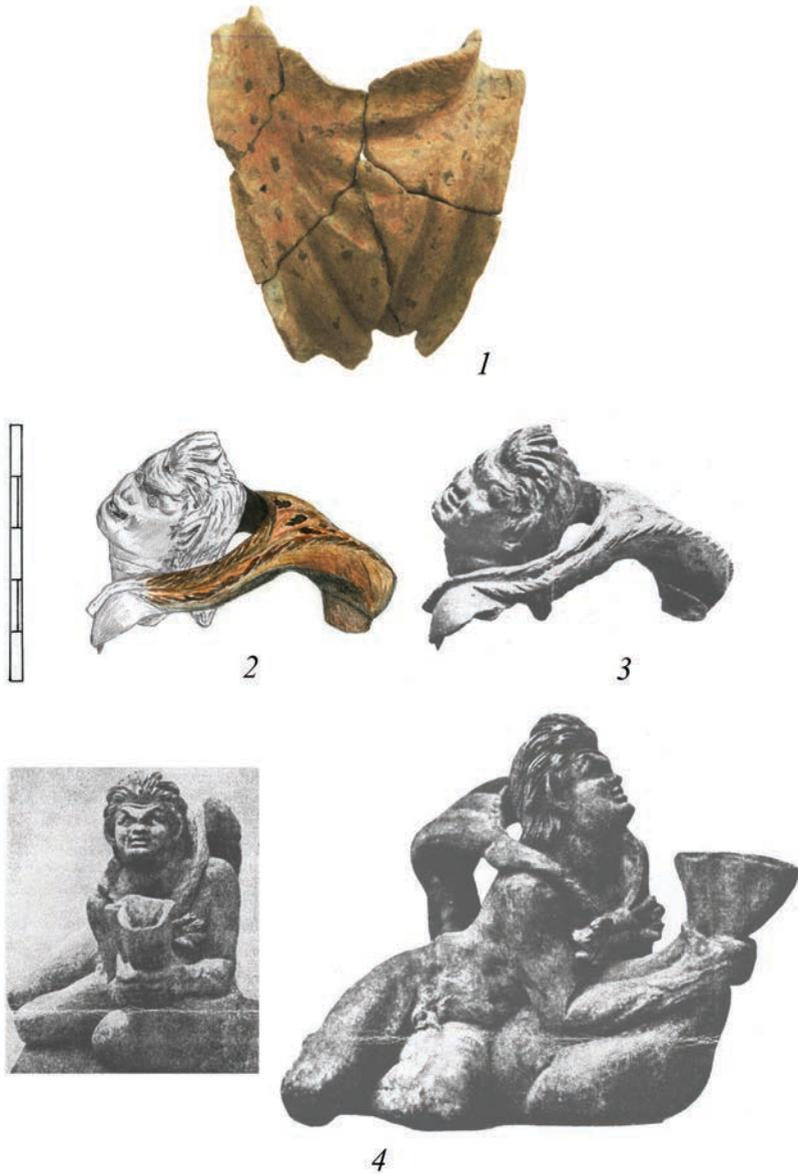

Рис. 1. Фигурные сосуды в виде сатира.

- 1 – Фрагмент терракоты из северного района Херсонеса (колл. 37036);
 2 – графическая реконструкция сосуда из Херсонеса (рисунок Я. Григонис);
 3 – фрагмент фигурного сосуда из Керчи; 4 – сосуд в виде статуэтки сатира из
 Каирского музея (фас и профиль).

Список сокращений

АДСВ	Античная древность и средние века. Свердловск.
ВДИ	Вестник древней истории. Москва.
ВКИКМЗ	Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник.
ГАИМК культуры.	Государственная академия истории материальной культуры.
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации.
ГИАМЗ ХТ	Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь.
ГИМ	осударственный исторический музей
ГМИИ	Государственный музей истории искусств им. А.С. Пушкина.
ДД	Донские древности. Азов.
ИИМК АН СССР	Институт истории материальной культуры Академии наук СССР.
ИРАИК	Известия Русского Института в Константинополе
КСИА	Краткие сообщения Института археологии. Москва.
ЛИФЛИ	Ленинградский институт философии, литературы и истории
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР.
НА РО ИИМК РАН	Научный архив рукописный отдел ИИМК РАН.
ОГПУ	Особое государственное политическое управление.
ОР ГМИИ	Отдел рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.
РАИМК	Российская академия истории материальной культуры.
РАМ	Региональный археологический музей. Пловдив.
РАНИОН	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
САИ	Свод археологических источников. М.
СПбФ АРАН	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук.
ACSS	Ancient Civilizations from Scythia to Siberia.
САН	Cambridge Ancient History. Cambridge
CIL	Corpus inscriptionum Latinarum. Berolini
CIRB	Corpus inscriptionum Regni Bosporani. Корпус боспорских надписей. М., 1965.
IG	Inscriptiones Graecae. Vol. I–XII. Berolini, 1913–1940

- IGUR Inscriptioes Graecae urbis Romae / Ed. L. Moretti. Roma, 1968–1973
- IOSPE Inscriptioes antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae / Ed. B. Latyshev. Petropoli, 1885–1916
- LGPN IV Fraser, P. M., Matthews, E. A Lexicon of Greek Personal Names IV. Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea. Oxford, 2005.
- LIMC Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich und Berlin.
- LSJ Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford.
- SEG Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden.
- OGIS Dittenberger, W. Orientis Graeci inscriptiones selectae. Vol. I–II. Lipsiae, 1903–1905.

Научное издание

**Античные Реликвии Херсонеса:
Открытия, Находки, Теории**

Материалы международной научной конференции,
Севастополь, 10-12 октября 2017 года

Корректор Ушакова К.С.

Подписано в печать 29.09.2017 г.
Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 20,5. Тираж 200 экз. Заказ 191
Отпечатано: ИП Бровко А.А. 296505, г. Саки, ул. Тимирязева, 30